СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

РЕЦЕНЗИИ

ХРОНИКА

СТАТЬИ

ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ В СИБИРИ В 1905 ГОДУ

(К тридцатипятилетию революции 1905 года)

А. Мильштейн

В статье «Против бойкота» В. И. Ленин обращает внимание на необходимость тщательного и всестороннего изучения нашей революции, распространения в массах знакомства с ее формами борьбы, формами организации и пр. [1].

Из эпохи первой русской революции более всего изучены этапы 1905 г. в пределах бывшей Центральной России, но массовое движение на окраинах еще требует своего изучения.

Массовое революционное движение в Сибири в 1905 г. отличалось от движения на других окраинах царской России рядом особенностей. Из них основные: а) «Сибирь бралась за оружие, когда Юг и латыши были «побеждены» [2]; б) движение проходило на огромной территории, редко населенной, со слабой пролетарской прослойкой; в) Сибирь была страной колонизации и крестьянской, но без помещичьего землевладения; русско-японская война поставила эту страну в центр международных событий; г) Сибирь была страной каторги и политической ссылки; через ссылку прошли вожди мирового пролетариата В. И. Ленин и И. В. Сталин; д) русско-японская война и политическая ссылка имели огромное значение в революционизировании края; е) в событиях, о которых будет речь ниже, решающую роль играл железнодорожный пролетариат; ж) особенностью революции в Сибири был тесный контакт рабочего движения с движением среди солдатских масс.

Революция 1905 г. застала в Сибири достаточно крепкую, хорошо сколоченную социал-демократическую организацию, в большинстве своем староискровского направления. Это в особенности относится к Красноярскому, Читинскому и Харбинскому комитетам.

В то время в Сибири работали крупнейшие профессионалы-большевики. в томской организации — С. М. Киров, в Омске — Куйбышев, в Красноярске — Урицкий, в Чите — Ярославский, Бабушкин, Курнатовский, Костюшко-Валюжанич и другие.

ДЕКАБРЬСКОЕ ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ В КРАСНОЯРСКЕ

Задолго до декабрьских событий происходила организация вооруженных сил революционного движения в Красноярске. В самых ранних прокламациях Красноярского комитета РСДРП ставится лозунг всеобщей стачки [3].

---

[1] Ленин. Соч. Т. XII, стр. 34.

[2] И. Сталин «Текущий момент и объединительный съезд рабочей партии». 1906 г. Цитирую по книге Л. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», стр. 94, 1938.

[3] Такова прокламация «В России революция». Архив революции и внешней политики, дело д. н. № 5768.

Между июлем — августом по всей Сибири прокатилась волна стачечного движения, о чем сообщает довольно подробно отчет Красноярского комитета РСДРП [1].

Усиленно ведется пропаганда среди солдат 2-го железнодорожного батальона, прибывшего в Красноярск из местечка Барановичи, Минской губернии.

Пропаганда социал-демократических взглядов среди солдат приводила к братанию железнодорожных рабочих с солдатами, к установлению между ними тесных взаимоотношений. Солдаты через комитет РСДРП предавали гласности безобразия, творимые начальством батальона. Об этих безобразиях рассказывало письмо солдат, опубликованное комитетом в сентябре 1905 г. и заканчивавшееся словами: «И мы с нетерпением ждем того часа, в который по знаку революционных партий нам придется или умереть или свергнуть это ненавистное иго и отмстить. Долой самодержавие! Нижние чины 2-го железнодорожного батальона. Красноярск, сентябрь 1905 года» [2].

Письмо, распространенное среди солдат, произвело большое впечатление и сыграло значительную роль в распропагандировании гарнизона Красноярска.

10 и 11 октября [3] Красноярский комитет получил сведения через работников железнодорожного телеграфа о начавшейся в России всеобщей стачке. Была получена телеграмма от Всероссийского стачечного комитета с призывом присоединиться ко всеобщей забастовке. В тот же день Красноярский комитет РСДРП на своем заседании принял решение организовать политическую стачку солидарности.

Выполняя решение комитета, 13 октября забастовали рабочие железнодорожных мастерских, депо и военного склада. Вскоре на сторону рабочих встал 2-й железнодорожный батальон, о котором мы говорили выше.

Всеобщая стачка в городе продолжалась десять дней, с 13 по 23 октября, и охватила все группы рабочих, от авангарда — рабочих железнодорожных мастерских и депо — вплоть до рабочих отдельных мелких предприятий и служащих.

Через день после объявления забастовки, 14 октября, на станции Красноярск в железнодорожных мастерских социал-демократический комитет созвал митинг, на котором было решено закрыть все учебные заведения и приостановить занятия в правительственных учреждениях.

Забастовка носила характер политический и втягивала самые разнообразные слои в политическую борьбу.

Сообщение о манифесте 17 октября было получено лишь 21 октября, но Красноярский комитет РСДРП узнал о манифесте еще 18 октября, и вечером того же дня на митинге в народном собрании была дана классовая оценка этого акта правительства. Комитет РСДРП призывал рабочих не доверять манифесту и готовиться к вооруженной борьбе. В своей борьбе против самодержавия Красноярский комитет РСДРП опирался на железнодорожников, рабочих главных мастерских и депо, на солдат 2-го железнодорожного батальона, служащих почтово-телеграфного ведомства, рабочих типографий и на все трудовое население города.

17 и 18 октября рабочие железнодорожного депо явочным порядком ввели 8-часовой рабочий день и избрали постоянно работающую

---

[1] Архив революции и внешней политики. Отдел печати, д. № 23898. Отчет о деятельности Красноярского комитета РСДРП за август 1905 года.

[2] Архив Музея революции. Листовки 1035/240, л. 7. Также и фонд листовок библиотеки Института Ленина.

[3] Все даты в статье по старому стилю.

«Выборную комиссию от рабочих» для урегулирования заработной платы и проведения ряда мер, улучшающих положение рабочих[1].

21 октября в сборнопаровозном цеху железнодорожных мастерских состоялся митинг, на котором была сформирована дружина из рабочих-добровольцев в количестве 400 человек.

В тот же день, 21 октября, в Народном доме был созван митинг для всех граждан. Митинг открылся речью представителя комитета М. С. Урицкого[2], разобравшего истинную сущность манифеста. Он предупредил собравшихся, что черносотенцы всюду готовят насилия над мирным населением, и призывал к решительному отпору этим попыткам. Черносотенная банда действительно произвела нападение на мирных граждан: было убито и ранено свыше 40 человек[3].

При рассмотрении истории социал-демократических организаций в Сибири бросается в глаза одно положение: среди социал-демократических комитетов на местах и в организационном центре Сибири — «Сибирском союзе» — победа была за староискровским, ленинским направлением. Это в особенности относится к красноярской организации РСДРП. Ее состав был в основном большевистским. Железнодорожники составляли ее опору[4]. Октябрьская всеобщая стачка продолжалась в Красноярске до 23 октября. В первые дни ноября начались массовые выступления работников почтово-телеграфных контор. 5 ноября служащие почтово-телеграфных контор решили присоединиться к Всероссийскому почтово-телеграфному союзу, о чем и было сообщено телеграммой в центр. 15 ноября почтово-телеграфные служащие примкнули ко всеобщей почтово-телеграфной забастовке и отстранили от должности начальника конторы и его помощников.

Забастовка почтово-телеграфных служащих развертывалась стремительно. 17 ноября к забастовке примкнули служащие по перевозке почты по железным дорогам, и с этого времени вплоть до 30 декабря ни один почтовый вагон не мог быть отправлен из Красноярска.

Из секретно изданного «Обзора» мы узнаем, что «за время забастовки чиновники очень часто собирались на митинги, издавали особые бюллетени, организовали из своей среды вооруженную боевую дружину, призывали на суд оставшихся верными своему долгу чиновников и объявили их состоящими под бойкотом»[5].

Комитет РСДРП разослал по телеграфу сообщение о стачке во все почтовые учреждения Енисейской губернии. Почтово-телеграфная стачка, ощутительно ударившая по правительственным учреждениям, закончилась 28 ноября.

В телеграмме генерал-лейтенанта Сухотина военному министру генералу Редигеру 29 декабря 1905 г. мы находим следующее признание: «К сказанному добавлю, что в течение двух недель ж.-д. телеграф, находившийся в руках стачечников, принимавший эти депеши, на самом

---

[1] М. Ветошкин считает, что названная «Выборная комиссия от рабочих» была начальной формой возникшего позднее совета рабочих депутатов. См. Ветошкин М. «Сибирские большевики в период первой русской революции», стр. 201. 1939 (в дальнейшем в ссылках — «Сибирские большевики»).

[2] М. С. Урицкий (1873—1918) пробыл в Красноярске сентябрь и октябрь 1905 г., принимая деятельное участие в красноярских событиях.

[3] «Обзор революционного движения в округе иркутской судебной палаты за 1897—1907 гг.», стр. 20. Издание секретное. 1908 (в дальнейшем — «Обзор»).

[4] См. по этому поводу обстоятельные данные в книге «Сибирские большевики», стр. 128—134. Кстати, необходимо указать, что М. Ветошкин на основании свежего, малоизвестного материала и архивных данных показывает в ней предательскую политику главаря сибирских меньшевиков Гутовского (стр. 96—104).

[5] «Обзор», стр. 22.

деле не доставлял их по назначению; когда обратился к способу посылки с нарочным, их стали перехватывать и отбирать почту» [1].

Октябрьские и ноябрьские дни были лишь прелюдией к более решительным действиям трудящихся. Революционная борьба масс продолжала развиваться с огромной силой. Митинги и забастовки стали обычным явлением. Революция вплотную подошла к вооруженному восстанию.

В ходе революционных боев зарождались и органы активной обороны и нападения — боевые дружины из рабочих.

Как отмечено было выше, зародышем Красноярского совета рабочих депутатов была «Выборная комиссия от рабочих», возникшая во время октябрьско-ноябрьских стачек в железнодорожных мастерских, 17 и 18 октября 1905 года.

В первых числах декабря в городе происходили митинги, посвященные предстоящим выборам в городскую думу. Кампания была использована комитетом РСДРП для широкого развертывания революционной агитации и пропаганды. На митингах 1 и 4 декабря была принята резолюция социал-демократической организации. Текст ее был следующий: «Принимая во внимание, что городская дума избирается лишь небольшой кучкой наиболее зажиточных горожан, мы заявляем, что такие думы не имеют никакого права выступать где бы то ни было от имени народа, и они не имеют права налагать на народ какие-либо сборы». Затем излагался взгляд на гласных, избранных ранее; заканчивалась резолюция следующим заявлением: «Принимая во внимание тесную связь между всем государством и организацией самоуправления, мы полагаем, что истинное городское самоуправление, избранное на основе всеобщего, равного и прямого голосования с тайной подачей голосов, осуществимо лишь при условии полного низвержения самодержавного строя путем всенародного вооруженного восстания» [2].

Та же мысль, что лишь всенародное вооруженное восстание, низвергающее царизм, может привести к созданию народных органов власти, проводится и в речи выступавшего на митинге представителя социал-демократической организации, подчеркнувшего, что «социал-демократия должна указывать, что для того, чтобы обеспечить и укрепить свои завоевания, народ должен... усиленно вооружаться. Не должно быть армии и народа, вся армия должна быть народом, весь народ должен быть армией для защиты своей свободы. Поэтому социал-демократия, защищая экономические интересы рабочего класса и городской бедноты в городском самоуправлении, в то же время будет стараться, чтобы оно действовало, как временное правительство города, имеющее целью распространить и закрепить результаты восстания» [3].

Кампания по выборам не заслоняет перед большевиками Красноярска основной задачи — организовать революционное восстание. Непосредственным толчком к организации совета явился многолюдный митинг 6 декабря в сборном цехе в честь единения солдат и рабочих, прошедший с исключительным подъемом.

В либеральной газете того времени «Голос Сибири» сообщается о митинге так: «В это время сообщили, что идут солдаты. Публика очистила места для них. Несколько человек рабочих с двумя знаменами социал-демократии пошли встречать солдат. Публика нетерпеливо ждала. Вот раздалось «ура». Показались в воротах первые ряды солдат, блеснули на электрическом свете штыки. Впереди колыхались три крас-

---

[1] Телеграмма генерал-лейтенанта Сухотина от 29 декабря 1905 года. Сборник документов «Карательные экспедиции в Сибири в 1905—1906 гг.», стр. 81.

[2] Текст резолюции приведен по данным секретного «Обзора», стр. 23.

[3] «Красноярский рабочий» № 3 за 1905 год

ных знамени, в середине солдатское с надписью «Свобода, равенство и братство», рядом с ними офицер. Солдаты шли и шли, штыки колыхались, публика восторженно махала шапками, неслось громкое многотысячное «ура»[1].

На этом митинге, как и на предыдущих, уточнялись выработанные ранее солдатские требования, которые были направлены коменданту. Между 6 и 10 декабря 1905 г. и было положено основание объединенного совета депутатов от солдат и рабочих, в состав которого вошли представители от солдатского комитета и от «Выборной комиссии от рабочих»[2].

При этом самостоятельно существовал «Совет рабочих депутатов», как переименовали «Выборную комиссию». «Совет рабочих депутатов» разрешал преимущественно вопросы, связанные с работой на производстве; совет солдатских депутатов был занят проведением в жизнь многочисленных требований солдат 2-го железнодорожного батальона, а также наблюдением за внутренним распорядком в воинских частях. Так в Красноярске стал существовать орган революционной власти — объединенный совет рабочих и солдатских депутатов.

Попытка меньшевиков свести задачи образовавшегося совета лишь к защите выборов в новую городскую думу, которая, по их представлениям, была бы «свободна от классовой односторонности», встретила дружный и решительный отпор со стороны большевиков. Совет стал органом, организующим революционное движение.

С первого дня организации объединенного совета Красноярский комитет выдвинул лозунг вооружения рабочих и распространения восстания на другие пункты железной дороги. Уже на первом заседании объединенного совета представители комитета социал-демократии предложили захватить арсенал. Такое предложение было вполне понятно в обстановке общего революционного подъема, но оно встретило сопротивление прапорщика Кузьмина, который стоял во главе 2-го железнодорожного батальона и солдатского комитета. И осуществление этого предложения пришлось отложить.

Необходимо отметить, что рабочие вооружались сами, захватным путем. Из секретно изданного «Обзора» мы узнаем, что рабочие захватили небольшой склад оружия на станции Енисей, затем по инициативе местного комитета РСДРП были предприняты энергичные поиски оружия по окрестным станциям. Результаты этих мероприятий были ничтожны, и только впоследствии совет по прямому предложению комитета принял энергичные меры для вооружения рабочих. А между тем обстановка требовала решительных и быстрых действий.

7, 8 и 9 декабря произошли события, которые сделали совет популярным среди всех слоев населения, события, в результате которых в городе при существовании органов старой власти образовалась «Республика», как называли Красноярский совет органы самодержавия. Дело в том, что 7 декабря совет рабочих и солдатских депутатов захватил губернскую типографию и отпечатал объявление от имени совета рабочих и солдатских депутатов на громадных листах цветной бумаги.

Можно представить себе впечатление, которое произвело на население легально изданное за полной подписью объявление о существовании объединенного совета рабочих и солдатских депутатов и о переизбрании думы.

8 декабря началась забастовка 2-го железнодорожного батальона, вызванная неудовлетворением требований, выставленных солдатами. Солдаты приняли следующие решения: батальон признает над собой только власть комитета рот во главе с прапорщиком Кузьминым; все

[1] Газета «Голос Сибири» № 9 за 1905 г.; см. также «Обзор», стр. 23.
[2] См. «Сибирские большевики», стр. 202.

работы и службы, не относящиеся к пользе нижних чинов, прекратить; от офицеров денщиков отобрать; не выезжать из пределов города.

В официальной телеграмме военному министру эти события освещаются следующим образом: «В Красноярске дело осложнилось тем, что две роты второго железнодорожного батальона, оставленные там на случай забастовок, в полном составе свергли свое начальство, избрав начальником прапорщика запаса Кузьмина, перешли на сторону революционеров, железнодорожных служащих; совместно с городскими революционерами захватили губернскую типографию, обезоружили жандармов и полицию, арестовали коменданта станции, вступили в управление городом и несмотря на отданное приказание две недели тому назад — уезжать в Россию — отказались до тех пор, пока они не проведут в городе выборы в думу по самоновейшей революционной системе» [1].

С этого времени 2-й железнодорожный батальон принимает самое активное участие в политических событиях, происходящих в городе, укрепляя тем самым позиции объединенного совета рабочих и солдатских депутатов.

В своем воззвании солдаты заявляли: «Мы, солдаты железнодорожного батальона и других частей, примкнули к народу, чтобы возможно скорее составилось Учредительное собрание. В случае же нападения на народ мы решили защищать его своими штыками». Это заявление солдат не оставляло никакого сомнения в том, что они решили идти рука об руку с восставшими рабочими.

Серьезную роль в поднятии авторитета совета сыграла демонстрация, организованная 9 декабря, вслед за объявлением забастовки солдат 2-го железнодорожного батальона.

В этот день от имени объединенного совета рабочих и солдатских депутатов было расклеено объявление: «В 11 часов дня назначается демонстрация войск с народом для протеста против современных городских дум, смертных казней и военных положений» [2]. Дальше в объявлении намечалось время и место сбора демонстрантов.

Демонстрация 9 декабря охватила все трудовое население города: в ней участвовало, по самым скромным подсчетам «Обзора», 10 тыс. человек, а по подсчету «Красноярского рабочего» [3], органа социал-демократии и объединенного совета, — до 15 тыс. человек. В демонстрации принимали участие солдаты 2-го железнодорожного батальона, рабочая дружина, 3-й запасный Сибирский батальон — это были вооруженные силы революции. Затем шли со своими знаменами учащиеся и различные группы трудящихся.

В прокламации местного комитета РСДРП, выпущенной по случаю демонстрации, было сказано следующее: «Товарищи и граждане! Сегодня должен быть великий день для вас. День, который долго не изгладится из вашей памяти. Сегодня вы впервые увидите единение граждан рабочих и войск под красным знаменем революции. Вы впервые увидите серые солдатские шинели, ружья не против себя, не против давно всеми ожидаемой свободы, а за ваши стремления, за ваши требования» [4].

---

[1] Телеграмма командующего войсками Сибирского военного округа военному министру. Сборник документов «Карательные экспедиции в Сибири в 1905—1906 гг.», стр. 81.

[2] «Обзор», стр. 25.

[3] Газета «Красноярский рабочий» — первый в Сибири легальный социал-демократический печатный орган объединенного совета солдатских и рабочих депутатов. Первый номер этой газеты вышел на другой день после демонстрации, 10 декабря, как свидетельство силы рабочего класса. Газета просуществовала 2 недели, выпущено было 5 номеров тиражом до 6 тыс. экземпляров. Последний номер вышел 24 декабря 1905 года.

[4] Фонд листовок библиотеки Института Ленина. Листовка Красноярского комитета РСДРП.

После демонстрации на площади был устроен парад вооруженных сил, а затем демонстранты направились к гауптвахте и освободили всех арестованных солдат, препроводив их в казармы 2-го железнодорожного батальона, где они должны были содержаться «до народного суда над ними».

Демонстрация показала растерянность старой власти, паралич государственного аппарата. Власть частично перешла в руки объединенного совета рабочих и солдатских депутатов. В состав совета входило 120 человек, из них 80 — от рабочих, 40 — от солдат. Ведущая роль принадлежала большевикам. Солдаты и железнодорожные рабочие, не вошедшие официально в организацию, также работали под руководством большевиков, проводя в жизнь большевистские лозунги. Председателем совета короткое время был Урицкий, после его отъезда — Мельников[1]. Совет выделил ряд секций и комиссий, в частности комиссии по наблюдению за движением воинских поездов, для сношения с солдатами и др. Кроме того совет осуществлял и судебные функции, упразднив царский суд[2].

В № 2 «Красноярского рабочего» была напечатана статья, посвященная вопросу организации отделов совета. «План организации, — читаем мы там, — был принят следующий: 1) каждая из комиссий, ведая своими делами, дает отчет всему совету; 2) председатели комиссий входят между собою в соглашение по всем важным вопросам и представляют из себя бюро совета; 3) каждая комиссия ведет протоколы своих заседаний; 4) бюро имеет право назначать собрания совета»[3].

В № 1 своего печатного органа совет объявлял себя хозяином города, на видном месте было помещено заявление объединенного совета о свободе слова, собраний, печати, свободе предвыборной агитации во всенародную думу:

«1. Ввиду того, что объединенный совет депутатов от солдат и рабочих объявил полную свободу печати, ни одна власть не имеет права требовать на просмотр никаких печатных произведений. Управляющим и заведующим типографиями запрещается обращаться к властям за разрешением о печатании. О каждой малейшей попытке власти помешать свободе печати, свободе расклеивания объявлений и т. п. просим всех граждан сообщать в объединенный совет депутатов солдат и рабочих.

2. Со времени объявления настоящего постановления при совете депутатов от солдат и рабочих организуется комиссия для подготовки выборов, для разделения города на участки, для определения количества жителей, имеющих избирательные права и т. п.

3. Для предвыборной агитации перед городскими выборами и для собраний всякого рода мы объявляем открытыми: Общественное собрание во всякое время, сборно-паровозный цех с 1½ часа дня, а по праздникам — с утра, Народный дом и Железнодорожное собрание во время, свободное от репетиций.

4. Для усиления движения объединенный совет депутатов от солдат и рабочих поручает выбранной комиссии от рабочих и служащих железной дороги установить контроль над движением. Все начальствующие лица должны по первому требованию давать отчеты о своих действиях представителям комиссии».

Это был прямой захват власти. Попытки губернатора выпустить воззвание, направленное против совета, не увенчались успехом, так как

---

[1] А. А. Мельников (родился в 1880 г.), кличка — «Гомер», был председателем совета рабочих депутатов. При подавлении вооруженного восстания рабочих железнодорожных мастерских был арестован, но из красноярской тюрьмы бежал. В 1906—1907 гг. работал в социал-демократической организации Самары.

[2] См. Мельников «Воспоминания». Сборник «1905 год в Сибири», стр. 77.

[3] «Красноярский рабочий» № 2 от 13 декабря. Хроника.

типографии не желали печатать воззвание губернатора без санкции совета.

Красноярский совет просуществовал около 75 дней. Началом его деятельности надо считать 17—18 октября, когда на митингах была избрана «Выборная комиссия от рабочих», а конец этой деятельности— наступление контрреволюции в самом конце декабря 1905 года[1].

Уже тогда, в 1905 г., ярко выявилась одна из существенных черт советской формы как органа революционной власти: смена старых властей и учреждений и замена их новыми органами власти и учреждениями, опирающимися на волю подавляющего большинства населения.

Не все в действиях совета было безупречно, многое свидетельствовало о недостаточной зрелости движения. Но кто же будет обвинять в этом красноярских революционеров, вступивших в бой с органами самодержавия? Ленин указывал: «Не теория какая-нибудь, не призывы чьи бы то ни было, не тактика, кем-либо придуманная, не партийная доктрина, а сила вещей привела эти беспартийные, массовые органы к необходимости восстания и сделала их органами восстания»[2].

Совет взял на себя охрану города, и даже буржуазные газеты того времени должны были признать наличие образцового порядка в городе во время существования «Красноярской республики». Вся охрана города была поручена народной охране, полиция была обезоружена. Беря на себя охрану города, совет допустил кардинальную ошибку, оставив старый аппарат полиции в неприкосновенности, вместо того чтобы, воспользовавшись растерянностью губернских властей, разбить этот аппарат и выдвинуть вместо него революционные органы, созданные самим народом[3].

Совет брал на себя охрану города для предупреждения грабежей и насилий, защиты свободы собраний, но розыск воров и расследование уголовных преступлений возлагались попрежнему на полицию. В официальном объявлении по этому поводу совет сообщает: «Ввиду того, что полиция ссылается на ее обезоруживание и отказывается от всякого содействия при обращении к ней, мы оповещаем граждан г. Красноярска, что у полиции оружие есть, и что взята только часть оружия на нужды охраны при совете рабочих депутатов. Объединенный совет берет на себя охрану города для предупреждения грабежей и насилий и защиту свободы собраний, но розыск воров и расследование уже совершившихся краж возлагается попрежнему на полицию и судебных следователей».

Серьезное внимание уделялось советом кампании по переизбранию городской думы. Все вышедшие номера «Красноярского рабочего» пестрят статьями и заметками, посвященными переизбранию думы. В № 2 (от 13 декабря) помещена статья «По поводу выборов в городскую думу»; в № 3 объявлялось, что социал-демократия будет стремиться к тому, чтобы городское самоуправление действовало как временное правительство города, имеющее право распространить и укрепить результаты восстания.

Объединенный совет выпустил ряд воззваний по поводу выборов. Так, 11 декабря была издана декларация о выборах в городскую думу в ответ на воззвание сословного совещания, созванного губернатором. Различные буржуазные группировки, создавшие свои партии и союзы в Сибири в революционные дни 1905 г.: областники, кадеты, купеческие

---

[1] Автор предисловия к публикации документов о «Карательных экспедициях в Сибири в 1905—1906 гг.» (стр. 11) почему-то считает временем создания совета начало декабря. Это неправильно, так как создание «Временной комиссии» 17 октября было началом организации совета.

[2] Ленин. Соч. Т. X, стр. 15.

[3] М. Ветошкин правильно указывает на эту ошибку красноярских революционеров. См. «Сибирские большевики», стр. 203.

союзы, — выступили против выборов в городскую думу на основах, выдвинутых объединенным советом.» В. И. Ленин в статье «Уроки революции» по этому поводу говорит: «Когда революция дошла до решительной борьбы с царем, до декабрьского восстания 1905 года, либералы все целиком подло изменили свободе народа, отшатнулись от борьбы» [1].

Деятельность по переизбранию городской думы дала свой результат: почти все организации трудящихся изъявили согласие участвовать в выборах в думу на основах, выдвинутых советом.

Обстановка была весьма серьезна, сведения, получаемые с запада — из Томска, — были неблагоприятны: в Томске в это время высоко поднимала голову реакция.

Более благоприятные сведения шли с востока — из Иркутска и в особенности из Читы,— где рабочие энергично подготовляли захват власти. В этих условиях совет должен был ставить своей основной задачей вооружение всего народа с целью захвата власти.

Эту задачу совет и красноярская организация РСДРП ставили перед собой. Но, как правильно указывает автор монографии о сибирских большевиках, ошибкой красноярцев было то, что разногласия, обнаружившиеся в совете по вопросу о вооружении рабочих, не выносились на широкое обсуждение солдатских и рабочих масс [2]. Красноярский комитет предпринял ряд мер по вооружению рабочих несмотря на резкое противодействие Кузьмина [3].

Оружие было получено захватным путем со станции Енисей; кое-какое оружие получили при разоружении полиции. Но его все-таки было мало, и не были использованы все возможности его получения. Недостаток оружия обнаружился сразу же, когда контрреволюция стала в конце декабря 1905 г. наступать на Красноярск.

Для подавления революционного движения в Красноярске и разгрома «Республики» были выделены два полка: Омский и Красноярский. Омский полк был высажен на станции Енисей и ночью, при лютом морозе, через реку по льду прошел в город. С этого момента начинается полная волнующего драматизма борьба рабочих в союзе с оставшимися верными революции солдатами 2-го железнодорожного батальона, под руководством небольшой горстки революционеров, с вооруженным до зубов царским войском в количестве 10 тыс. человек.

28 декабря город был объявлен на военном положении. Генерал-лейтенант Сухотин доложил военному министру: «Только что получил из Красноярска депешу вице-губернатора, что он получил мои указания, объявил на военном положении и что 28 декабря прибыли пять эшелонов красноярцев с ген. Лефстремом, который приступил к подавлению мятежа, окружив мастерские, в коих собрались железнодорожный батальон и вооруженные рабочие» [4].

Несколько ранее, еще до прибытия Лефстрема и назначения осо-

---

[1] Ленин. Соч. Т. XIV, стр. 373.

[2] См. «Сибирские большевики», стр. 204.

[3] Кузьмин—человек без твердых политических убеждений и взглядов, метавшийся между эсеровскими взглядами и толстовским анархизмом; он был поставлен волной солдатского восстания во главе совета солдатских депутатов. Опираясь на свою популярность среди солдат, он мешал социал-демократическому комитету проводить в совете линию по вооружению трудящихся. Дальнейшая судьба его была такова: после подавления красноярского восстания он эмигрировал заграницу, вернулся в 1912 г. в Россию, был судим в Красноярске и осужден на 4 года каторжных работ; после февральской революции 1917 г. был помощником главнокомандующего войсками Петроградского округа; в 1919 г. был арестован в Омске колчаковским правительством и умер в начале 1920 года.

[4] Телеграмма командующего войсками Сибирского военного округа генерал-лейтенанта Сухотина военному министру от 29 декабря 1905 года. Сборник документов «Карательные экспедиции в Сибири в 1905—1906 гг.», стр. 82.

бого генерал-губернатора Редько, правительственные власти заняли почту и типографию, которая с первых дней декабря была в распоряжении комитета РСДРП.

Рабочие и присоединившиеся к ним солдаты решили укрепить железнодорожные мастерские, засесть в них и сопротивляться до конца. Сюда стали свозить оружие, продовольствие, паровозы наполнялись водой, строились укрепления, баррикады. В мастерских засело около 800 повстанцев: солдаты 2-го железнодорожного батальона, рабочие и актив социал-демократической организации. Среди повстанцев были 22 женщины, добровольно оставшиеся для ухода за ранеными и для связи с городом.

Оружия у осажденных было явно недостаточно: 374 винтовки, 16 револьверов, 10 шашек. Запас патронов был крайне мал: около 30 патронов на винтовку.

Осада началась в 6 часов вечера 28 декабря 1905 г. и закончилась лишь 3 января 1906 года. Военный отряд в составе трех батальонов Красноярского полка с четырьмя пулеметами, учебной команды 10-го Омского полка и двух сотен казаков окружил мастерские, имея задание взять приступом мастерские, в которых засели защитники «Красноярской республики».

Политическое руководство восстанием осуществляли Красноярский комитет РСДРП и объединенный совет рабочих и солдатских депутатов. Среди осажденных находился член Красноярского комитета партии и председатель объединенного совета А. А. Мельников. Роль военного руководителя была возложена на прапорщика Кузьмина. Таким образом, как правильно отмечает М. Ветошкин, объединенный совет выполнял функцию военного штаба обороны [1].

Положение осажденных было тяжелое. Стояли морозы, топлива было недостаточно; здание мастерских не отапливалось, собравшиеся были одеты «не по сезону». Провизию получали из разных источников: доставляли из города, бригады поездов перебрасывали продукты через забор, мимо которого проходили поезда. Последний источник доставки продуктов на второй день осады был ликвидирован, так как осаждавшие поставили охрану.

Затем командование прервало телефонную связь с городом и варварски отрезало источник воды.

Осажденных решили взять измором. Этот этап осады — с 28 декабря 1905 г. по 1 января 1906 г. — в либеральных буржуазных газетах назывался «мирным», бескровным.

Красноярский комитет РСДРП за своей подписью направил харбинской организации по магистрали следующее обращение: «Записка особой важности. Товарищи солдаты и матросы! В Красноярске рабочие и солдаты жел. дор. батальона осаждены в мастерских, их хотят взять измором за то, что они перешли на сторону народа, защищали его права и свободу. Рабочие отрезаны от всего мира, они не могут работать, движение воинских поездов должно остановиться по вине начальства. Вы лишены будете возможности ехать дальше, так будет до тех пор, пока рабочие не будут освобождены, пока общими силами не освободим их, только рабочие помогут вам вернуться на родину. Солдаты и матросы! Выручайте своих товарищей красноярских солдат и рабочих!

Дек. 1905 г. Красноярский комитет военной и рабочей партии социал-демократов. Харбинская с.-д. рабочая группа» [2].

---

[1] См. «Сибирские большевики», стр. 205.

[2] Архив революции и внешней политики. 92, п. 5, 14126. См. также документ № 23. Сборник «Карательные экспедиции в Сибири в 1905—1906 гг.», стр. 78.

А между тем контрреволюция продолжала охватывать железным кольцом мастерские. Шел четвертый день осады. Сведения, поступавшие из центра и из других городов Сибири, указывали на широкое наступление реакции. «Мирный» этап осады окончился. Взять измором мастерские не удалось, и войскам был отдан приказ приступить к их обстрелу.

Два дня шел упорный бой, и только тогда, когда были исчерпаны все возможности дальнейшей обороны, когда бесцельность дальнейшего сопротивления стала очевидна, осажденные рабочие и солдаты решили сдаться. 3 января 1906 г. все находившиеся в цеху сдались и были арестованы.

Официальная реляция сообщала: «Красноярские мятежники солдаты и рабочие после незначительной перестрелки сдались и арестованы, причем наш отряд понес потери: убито 2 казака и 1 солдат, ранено 6 казаков и 2 солдата» [1].

Всего было арестовано и препровождено в тюрьму 491 человек, из них 236 штатских и 183 нижних чина. Кроме того были задержаны при попытке выйти из цеха 24 солдата и 48 штатских.

Из членов Красноярского комитета были арестованы А. Рогов, К. Кузнецов, А. А. Мельников и Воронцов. Им вместе со многими другими удалось бежать из тюрьмы до суда [2]. Военный суд над повстанцами происходил через год, когда повсюду отмечался спад революционного движения, в январе 1907 года. 9 солдат были приговорены к каторжным работам на срок от 4 до 8 лет. Большинство пошло в арестантские роты и дисциплинарный батальон, гражданские лица в большинстве были приговорены к заключению в исправительном доме на разные сроки и к тюремному заключению на срок от 3 месяцев до 1½ лет [3].

Так закончилась героическая страница борьбы красноярцев с наступающей реакцией. Красноярск не пришлось брать приступом, как писал об этом Витте царю: город сдался, уступая силе вооруженного до зубов врага. Но красноярцы не были подавлены. Революционные дни укрепили социал-демократическую партийную организацию несмотря на многочисленные аресты ее членов.

Секретно изданный жандармами «Обзор революционного движения в крае» должен был отметить, что «местная социал-демократическая организация за время мятежнических дней в городе окрепла», «настолько окрепла, что несмотря на аресты, произведенные в январе 1906 г., и на то, что 15 марта было вновь заключено под стражу пять видных членов партии и взята хорошо оборудованная типография, издательская и тайная деятельность с.-д. продолжалась» [4].

Областной съезд сибирских организаций РСДРП, который состоялся в Красноярске в конце мая — начале июня 1906 г., констатировал резкое увеличение количества организаций, их численности, числа типографских станков, находившихся в распоряжении этих организаций. За время с 1903 по 1907 г. общее число организаций возросло с 5 до

Харбинская организация этого времени была большевистской и наиболее активной на магистрали. Во время декабрьских вооруженных восстаний в Красноярске и Чите харбинская организация развернула большую революционную работу среди возвращавшихся с фронта солдат. См. интересный материал о деятельности харбинцев в книге «Сибирские большевики», стр. 215—222.

[1] Архив революции и внешней, политики, дело д. п. № 1555, т. 9-й.

[2] См. «Сибирские большевики», стр. 206.

[3] Архив революции и внешней политики, дело д. п. 4 делопроизводство, № 1350, ч. 75-я. «О беспорядках и демонстрациях по Заб. обл. 1905 г.». См. также сборник «1905 год в Сибири».

[4] «Обзор», стр. 39.

34, а общее число членов организаций — с 2—3 сотен до 3½ тыс. человек; число типографских станков доходило до полутора десятка [1].

Тогда же красноярская организация РСДРП издала устав своей организации в количестве 10 тыс. экземпляров [2].

Таким образом, красноярские большевики после разгрома железнодорожных мастерских лишь временно отступили, без паники и суетливости, под натиском превосходящих сил врага, сумев сохранить основные кадры для нового наступления на врага

ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ В ЧИТЕ

Небольшой город, торговый центр Забайкалья, Чита стала играть значительную роль в революционном движении во время русско-японской войны. Город был непосредственным тылом, через него проходили войска; в нем сосредоточены были и тыловые учреждения, хотя в меньшей степени нежели в Иркутске.

Кроме того здесь имелось значительное количество (4 тыс.) рабочих, сконцентрированных в железнодорожных мастерских. Влияние РСДРП (большевиков) среди них было решающим, ведущим. Читинская социал-демократическая организация была наиболее выдержанной и пролетарской по своему составу. С первых дней революции 1905 г. организация вела большую работу среди рабочих, трудящихся города и среди эшелонов войск, проходивших в ту и другую сторону.

«Истекший 1905 год,— сообщает в департамент полиции ротмистр Балабанов,— ознаменовался в Забайкальской области рядом волнений и забастовок, которые явились в большинстве случаев отражением таковых же волнений и забастовок Европейской России, причем передовым пунктом как по времени возникновения, так и по интенсивности движения явился для Забайкалья город Чита» [3].

Читинская социал-демократическая организация с самого начала взяла правильную линию на вооружение пролетарских кадров. «Читинский комитет,— как указывает член комитета этого периода М. Ветошкин,— в 1905 г. развил огромную организационную и пропагандистскую работу, которая позволила ему в ноябре—декабре стать во главе восстания читинского пролетариата и осуществить частичный захват власти» [4]. К моменту всероссийской стачки на железной дороге Чита занимала выдающееся место в революционном движении края, была «центром всех мятежных организаций Забайкалья» [5]. В сентябре по инициативе комитета РСДРП был созван «съезд организованных рабочих Забайкальской железной дороги». На съезде участвовало 18 делегатов, представлявших 507 организованных рабочих. В порядке дня съезда стоял ряд актуальнейших вопросов движения: об отношении к Государственной думе, о всеобщей стачке, о тактике по отношению к Всероссийскому железнодорожному союзу и др.

Съезд решительно примкнул к тактике активного бойкота Государственной думы, отвергнув методы «нелегальных выборов», предлагаемые меньшевистской «Искрой». Съезд также указал на необходимость организации всеобщей единовременной стачки и наметил конкретные требования.

Съезд признал необходимым приступить к созданию профессионального союза рабочих Забайкальской железной дороги впротивовес буржу-

---

[1] См. «Сибирский союз РСДРП. К 30-летию большевистских организаций Сибири». Доклад Н. Баранского, стр. 18. См. также «Сибирские большевики», стр. 104—105.

[2] Архив Музея революции. 1076/2.

[3] Архив революции и внешней политики, дело д. п. 18007 и 51. 1905.

[4] «Сибирские большевики», стр. 120.

[5] Из приказа генерала Ренненкампфа № 8 от 26 мая 1906 года. Сборник документов «Карательные экспедиции в Сибири в 1905—1906 гг.», стр. 384.

азным союзам железнодорожных служащих и инженеров. Наконец съезд выработал устав профсоюза рабочих мастерских и депо Забайкальской железной дороги.

Вся работа съезда прошла под руководством большевистской партийной организации. Она оказала большое влияние на революционное движение Забайкалья; к моменту октябрьской стачки профессиональный союз был уже крепкой организацией, направлявшей движение по правильному руслу [1]. К концу октября в Чите события принимают размеры, «угрожающие спокойствию всего края», как докладывала напуганная администрация в своих телеграммах в центр [2]. В особом сообщении в центр заявлялось, что «тотчас по обнародовании высочайшего манифеста от 17 октября с. г. в Забайкальской области начала усиливаться невероятно быстро противоправительственная агитация» [3].

Так называемые противоправительственные выступления принимали самые разнообразные формы. Например во время представления пьесы М. Горького «На дне» «присутствующие рабочие произвели демонстрацию с пением рабочей «марсельезы», и спектакль превратился в бурный митинг».

И это не только в Чите, но и в целом ряде городов Забайкалья. В Верхнеудинске благодаря слабому развитию промышленности было небольшое количество рабочих, но и здесь происходили в октябрьские дни противоправительственные демонстрации. «Обзор» пестрит сообщениями о многочисленных митингах в Чите, Верхнеудинске, Нерчинске.

В октябрьские дни на генерала Плеве распоряжением главнокомандующего была возложена охрана Забайкальской железной дороги от станции Манчжурия до Иркутска. Плеве должен был как можно скорее продвинуться с войсками 13-го корпуса и идущим вслед за ним 9-м армейским корпусом в Читу и Иркутск.

В самой Чите находились 2-й Читинский резервный батальон, 6-й Восточносибирский запасный батальон, местная конвойная команда и конная сотня. В конце октября гарнизон Читы был усилен 4-м Забайкальским пехотным батальоном. Гарнизон Читы состоял не менее чем из 5 тыс. человек [4]. После издания манифеста 17 октября революционное движение шло по восходящей линии. Военные власти под влиянием ошеломляющих сообщений из России и массовых выступлений рабочих совершенно растерялись. К тому же положение Читы было особое: там была непосредственная граница фронта, масса солдат и казаков возвращались домой через Читу. Правительство распространяло с провокационной целью через своих агентов всякие небылицы о задержке отправки войск по домам из-за железнодорожной забастовки.

В особом приказе по армии от 5 ноября генерал Линевич прямо указывает, что «задержка в увольнении запасных нижних чинов произошла по причине беспорядков и забастовок служащих на линиях железных дорог, в особенности на Забайкальской и на Сибирской железной дороге» [5]. На эту ложь явно провокационного характера Читинский комитет ответил специальным обращением, в котором указывал истинную подоплеку приказа Линевича [6].

---

[1] См. сборник «Карательные экспедиции в Сибири в 1905—1906 гг.». Предисловие, стр. 6.

[2] Архив революции и внешней политики, дело д. п. 4, № 1350, ч. 75-я. «О беспорядках и демонстрациях по Забайкальской области». 1905.

[3] Архив революции и внешней политики, дело д. п. 7, № 8.

[4] См. «Сибирские большевики», стр. 188.

[5] Сборник документов «Карательные экспедиции в Сибири в 1905—1906 гг.», стр. 77.

[6] Архив революции и внешней политики. Отдел печати 11675.

Пропаганда в войсках занимала большое место в деятельности комитета РСДРП. Для этой работы был командирован в Манчжурию один из членов комитета [1]. Проходившие на фронт солдатские эшелоны снабжались прокламациями, разоблачавшими грабительский характер войны. На массовых митингах в октябре—ноябре, организованных социал-демократическим комитетом, присутствовало большинство читинского гарнизона. На этих митингах обсуждались требования солдат, вопросы о войне, об Учредительном собрании, о вооруженном восстании и т. д.

На митинге 16 ноября, созванном Читинским комитетом РСДРП, были вынесены решения об организации союза военнослужащих. Резолюция митинга была опубликована в «Забайкальском рабочем». В ней было сказано: «Мы, солдаты, собравшиеся на собрании в мастерских 16 ноября 1905 г., заявляем, что будем бороться вместе с рабочими под знаменем РСДРП против самодержавного правительства и добиваться созыва Учредительного собрания... В настоящий же момент мы требуем немедленного освобождения всех запасных от военной службы и отсылки их на родину» [2].

Пропаганда социал-демократического комитета охватила не только солдат и казаков, но и офицерство. 25 ноября в Чите образовался «Союз военнослужащих» [3]. В уставе военного союза, принятом большинством читинского гарнизона, целью союза ставилось: «Объединить всех солдат и казаков как на почве требований улучшения материального положения и правового их положения, так и на почве общенародных их требований».

Военный союз выдвинул следующие требования: сокращение срока службы всех родов оружия до 2 лет и для медицинских фельдшеров— до 3 лет; общая продолжительность службы — не выше 10 лет; увеличение жалования всем воинским чинам; выборность низшего начальствующего состава; устранение офицеров, замеченных в грубости к подчиненным; прекращение использования солдат в качестве денщиков; отказ от полицейской службы; отказ от участия в расстрелах приговоренных судом к смертной казни и в подавлении демонстраций; отмена названия «нижний чин»; вежливое обращение с солдатами и т. д.

Наряду с этим союз выдвинул ряд общенародных требований: полная амнистия для политических арестованных, отмена смертной казни, гарантия неприкосновенности личности и жилища, свобода совести, слова, печати и т. д., отмена военно-полевых судов, введение всеобщего обязательного обучения и др.

Средствами для осуществления указанных требований союз намечал мирную забастовку солдат и казаков и вооруженное восстание [4].

---

[1] См. «Сибирские большевики», стр. 186.

[2] Архив революции и внешней политики. Отдел печати. «Забайкальский рабочий», орган Читинского комитета РСДРП, № 1 от 7 декабря 1905 года. Газета издавалась Читинским комитетом РСДРП с 7 декабря 1905 г. по 22 марта 1906 года. Всего вышло 8 номеров. Газета сыграла исключительно большую роль в сплочении сил вокруг большевистской организации. Через газету шло распространение революционной пропаганды в войсках. Газета продержалась вплоть до конца марта 1906 г., продолжая выходить даже во время злейшего террора Ренненкампфа. Руководил в это время газетой Н. Н. Баранский («Николай Большой»).

[3] См. сборник документов «Карательные экспедиции в Сибири в 1905—1906 гг.», стр. 406.

[4] Устав военного союза полностью напечатан в приложении к сборнику «Революционное движение 1905 г. на Д. Востоке», стр. 227. Владивосток. 1925. М. Ветошкин («Сибирские большевики», стр. 189) считает «Союз военнослужащих» организацией не революционной, а чуть ли не созданной с провокационными целями. Это явно неубедительно. Автор исходит из того, что организатор «Союза» поручик Дмитриевский на суде заявил о своем желании через «Союз» оторвать солдат от большевиков. Это характеризует Дмитриевского, но не организацию. Здесь произошло то же, что и в Красноярске. Кузьмин далеко не отражал настроений и взглядов солдат, во главе организации которых он стоял. Читинский «Союз военнослужащих» был под фактическим руководством совета солдатских и казачьих депутатов. См. по этому поводу сборник «Карательные экспедиции в Сибири в 1905—1906 гг.». Отд. 32-й, стр. 10. См. также сборник «Революционное движение 1905 г. на Д. Востоке», статью О к у н ц о в а «Чи-

С этого времени Читинская организация РСДРП пользовалась исключительным влиянием среди военных читинского гарнизона. Весь ноябрь и начало декабря прошли под знаком наибольшей активности «Союза военнослужащих». 24 ноября в Чите состоялась вооруженная демонстрация революционно настроенных солдат и казаков, которые прошли по улицам города с красными флагами и пением революционных песен.

Накануне этой демонстрации командование решило распустить запасных, при этом указывалось, что попасть домой они не смогут из-за «захвата» дороги социалистами. Для разоблачения этой лжи союз с.-д. в армии опубликовал следующее обращение: «Гнусное низвергнутое полицейское правительство оторвало нас от наших жизненных потребностей... Большая часть из нас оторвана от земли самых плодородных губерний; если мы не будем к февралю дома, то мы, несколько сот тысяч, обратимся в разбойников и нищих, и миллионы жен и детей умрут от голода... Мы своей кровью и народными деньгами защищали чужую дорогу и чужую собственность... наши честные товарищи, забастовщики железной дороги, обещают нам по 15 поездов в сутки для перевозки нас. Вероятно, генералы задерживают нас для того, чтобы самим получить больше денег за счет наших животов, набив себе карманы».

Заканчивалось обращение так: «Нашему терпению скоро приходит конец... Довольно! За пролитую кровь наших несчастных товарищей, за слезы наших жен и невинных детей мы отмстим самым страшным образом» [1].

В документации и в мемуарной литературе трудно установить точную дату возникновения Читинского совета рабочих, солдатских и казачьих депутатов, но несомненно, что эта дата падает на время между 20 и 25 ноября 1905 года.

В ноябре существовал объединенный совет, существовали и стачечные комитеты, которые вели линию на полный захват власти. Совет солдатских, рабочих и казачьих депутатов свою деятельность проводил под руководством Читинского комитета большевиков.

С 15 ноября началась всеобщая почтово-телеграфная забастовка, имевшая своей задачей передать почту области «самому народу». В донесении начальник забайкальского почтово-телеграфного округа сообщает: «17 ноября забастовали чины перевозки почт, остановилось движение почтовых вагонов, разобщили телеграфные провода на контрольном столбе у вокзала Чита-город, сделали некоторые повреждения батареи в конторе и проводов на линии, а железнодорожный телеграф прекратил прием от меня и доставление мне телеграмм» [2].

Были сделаны попытки сорвать стачку путем замены забастовавших саперами. Но саперы отказались стать штрейкбрехерами. Из среды гражданского населения никто не брался за работу в учреждениях, объявленных под бойкотом.

Ввиду полного бездействия власти городская дума постановила передать почту совету. Генерал Холщевников нашел выход в том, что передал указанные учреждения не совету, а городской думе.

В донесении министру внутренних дел генерал Холщевников мотивирует свое решение так: «Для местной администрации является полная невозможность восстановления почтово-телеграфного ведомства, потому что почтово-телеграфные чиновники, несмотря на все принятые меры

тинский офицерский союз в 1905—1906 гг.». Автор подтверждает связь союза «с большевиками из Читинского комитета РСДРП — Костюшко и другими» (стр. 41).

[1] Архив революции и внешней политики. Отдел печати газеты «Забайкальский рабочий» № 1 за 1905 г.; см. также сборник «Революционное движение 1905 г. на Д. Востоке». Приложение, стр. 219.

[2] Дело Главного управления почт и телеграфов № 192 за 1905 г. «О союзе почтовых чиновников по Забайкальскому округу».

увещания обратиться к занятиям, категорически заявили, что они служить правительству не желают до полного удовлетворения политических и экономических требований, предъявленных их союзом, что освободительное движение приняло в Забайкалье настолько широкие размеры, что захватило все классы населения, не исключая и военного, что численность гарнизона недостаточна для ограждения почтово-телеграфной конторы в случае насильственного захвата ее... Отрицательный ответ на требование думы мог бы послужить сигналом для начала кровавой анархии, так как социал-демократическая партия в числе 4 тысяч вооруженных винтовками людей предложила услуги насильственно взять не только контору, но и все правительственные учреждения»[1].

В первых числах декабря большевистская организация отправила со станции Манчжурия по всей линии железной дороги обращение о захвате всей власти на железной дороге. Читинский социал-демократический комитет активно боролся за осуществление этого лозунга.

Общее собрание служащих и рабочих Забайкальской железной дороги 5 декабря высказалось за захват власти на Забайкальской железной дороге. Но это решение наткнулось на противодействие центрального комитета железнодорожников, находившегося в Иркутске и проводившего соглашательскую, половинчатую политику.

ЦК союза железнодорожников считал, что его роль должна сводиться лишь к «содействию администрации», контролю и наблюдению за перевозками. Впротивовес этой позиции ЦК читинцы взяли боевой курс на захват власти на железной дороге.

Борьба между иркутским ЦК союза железнодорожников и смешанным комитетом читинцев, руководимым организацией РСДРП, нашла свое отражение на съезде делегатов от служащих и рабочих Забайкальской железной дороги, происходившем в Чите 11 декабря 1905 года[2].

Хозяевами города в Чите были стачечный комитет и объединенный совет. Все крупнейшие станции Забайкальской железной дороги жили общей революционной жизнью с Читой, получая от Читинского комитета РСДРП директивы. Революционные очаги находились на станциях Оловянная, Борзя, Манчжурия, Верхнеудинск, Мысовая. На станции Манчжурия власть объединенного смешанного комитета была настолько сильна, что начальником депо был выборный рабочий-машинист Федор Мухин[3].

Авторитет и руководящая роль Читинского комитета РСДРП дали ему возможность в первые дни декабря ввести восьмичасовой рабочий день, объявить борьбу за освобождение арестованного члена организации Кривоносенко и заключенных в акатуевской каторжной тюрьме матросов, осужденных за восстание на броненосце «Потемкин» и транспорте «Прут» в 1905 году[4].

Полковник Кременецкий сообщал командиру корпуса жандармов: «Из наиболее выдающихся событий в последнее время необходимо отметить: революционный захват 8-часового рабочего дня рабочими мастерских и депо 22 ноября; демонстрация солдат и казаков 23 ноября при отъезде запасных нижних чинов, причем произносились речи о солидарности солдат и всего народа в борьбе с правительством; 24 ноября демон-

---

[1] Дело Главного управления почт и телеграфов № 192 за 1905 г. «О союзе почтово-телеграфных служащих по Забайкальскому округу».

[2] См. публикацию документов по этому вопросу: В. Максаков «Железнодорожники Сибири в революционном движении 1905 г.» «История пролетариата» № 6 за 1931 год.

[3] Ф. Н. Мухин — большевик, трагически погибший во время колчаковщины в марте 1919 года.

[4] На станции Оловянная власть была также в руках стачечного комитета. При помощи стачечного комитета были освобождены и отправлены на родину революционные матросы с «Прута». Ген. Ренненкампф вынужден был в приказе отметить, что основными причинами всей «смуты» он считает «прочность организации РСДРП». Сб. документов «Карательные экспедиции в Сибири», стр. 384.

страция рабочих и солдат с требованием освобождения политического арестанта Кривоносенко, ранившего при разбрасывании прокламаций в апреле сего года городового, а также освобождения двух солдат — писарей, осужденных за оскорбление офицера в дисциплинарные роты, и матросов с транспорта «Прут», находящихся в акатуевской тюрьме» [1].

Обстоятельства освобождения арестованных матросов из акатуевской центральной политической тюрьмы таковы: на митинге 15 декабря 1905 г. было постановлено освободить акатуевцев; делегация, возглавляемая В. К. Курнатовским, виднейшим большевиком читинской организации, добилась освобождения матросов из акатуевской тюрьмы 20 декабря 1905 года [2].

Стачечный комитет станции Оловянная принял энергичное участие в освобождении и отправке на родину арестованных матросов.

Под непосредственным влиянием Читинского комитета произошло восстание солдат, охранявших Александровский централ.

Но главная, основная задача Читинского комитета РСДРП заключалась в вооружении рабочих. Как было указано выше, рабочие еще в дни октябрьской стачки захватили оружие с казенных складов и организовали боевую рабочую дружину [3]. 5 декабря вооруженные рабочие проникли в склад оружия в помещении железнодорожного батальона, где при молчаливом согласии солдат захватили до 800 винтовок. В начале января на станции Чита-вокзал по инициативе комитета РСДРП было захвачено огромное количество винтовок. В секретно изданном «Обзоре» указывается на похищение громадного количества солдатских винтовок, револьверов, патронов и пироксилиновых шашек [4].

Таким образом, боевые дружины были хорошо вооружены. Они имели несколько десятков тысяч боевых винтовок, более миллиона трехлинейных патронов, револьверы и патроны к ним и несколько сот пудов взрывчатых веществ.

В годовщину 9 января Читинский комитет организовал внушительную демонстрацию своих вооруженных сил. Боевые дружины, имея во главе каждого десятка начальника, прошли по улицам города с флагами и пением революционных песен [5].

Виднейшую роль в организации боевых рабочих дружин, их обучении и руководстве вооруженным восстанием играл в это время член читинской организации большевик Костюшко-Валюжанич Антон Антонович, известный революционер-подпольщик, впоследствии казненный Ренненкампфом [6].

---

[1] Архив революции и внешней политики, дело д. п. 7, д. № 8.

[2] Сборник «Карательные экспедиции в Сибири в 1905—1906 гг.». Приказ генерала Ренненкампфа, стр. 321—322. Акатуевская тюрьма (Акатуй) в 626 км. от Читы — центральная политическая тюрьма. Освобождено было 16 человек. Список освобожденных и сведения о дальнейшей судьбе некоторых из них даны в сборнике «Революционное движение 1905 г. на Дальнем Востоке», стр. 245.

[3] См. по этому поводу «Сибирские большевики», стр. 187.

[4] «Обзор», стр. 138; см. также «Сибирские большевики», стр. 190: «Захвачено 13 вагонов винтовок, прибывших для сдачи в читинский артиллерийский склад». Ген. Ренненкампф сообщает, что читинцы «в своих руках имели более 30 тыс. винтовок, 500 тыс. патронов к ним, до 300 пудов пироксилина и других взрывчатых веществ». Сборник документов «Карательные экспедиции в Сибири в 1905—1906 гг.», стр. 384. Вооружение рабочих происходило на большинстве станций, охваченных влиянием читинской организации РСДРП: в Верхнеудинске, на станции Борзя, в особенности рабочих депо станций Оловянная, Мысовая, Хилок и др. См. сборник документов «Карательные экспедиции в Сибири в 1905—1906 гг.», стр. 70.

[5] Внушительная демонстрация 9 января 1906 г. была проведена также и в Верхнеудинске, где участвовало несколько тысяч человек, на станциях Зима, Слюдянка, Манчжурия и др. См. сборник «Карательные экспедиции в Сибири в 1905—1906 гг.», стр. 411; см. также «1905 год в Бурят-Монголии», стр. 34.

[6] Костюшко-Валюжанич — сын подполковника, получил воспитание в военном училище, стал офицером, но вскоре вышел в запас и поступил в Сельскохозяйственный институт, а после увольнения оттуда — в Горное училище. В 1901 г. за участие в уличной демонстрации в Екатеринославе был арестован и сослан на

В бурные октябрьские дни Костюшко стал душой вооруженного восстания. Как опытный боевик, имеющий к тому же специальное военное образование, он возглавлял боевую дружину железнодорожных рабочих. Кроме того он руководил пропагандой среди войск гарнизона.

Таким образом, за короткий отрезок времени всеобщей октябрьской стачки и вооруженного восстания рабочий класс Читы под руководством большевистской организации создал боевую дружину, захватил почту и телеграф, фактически стал хозяином на железной дороге, объединил свои силы и вооружил их, активно выступал в защиту красноярцев, освободил матросов из акатуевки, объединил солдат и казаков читинского гарнизона, создав совет рабочих, солдатских и казацких депутатов, проводивший всю свою работу под руководством большевистской организации.

Под руководством социал-демократической организации (большевиков) создалась и действовала также и другая военная организация — «Союз военнослужащих», или «Военно-офицерский союз».

Таково было положение в Чите в конце 1905 г., к моменту наступления реакции.

НАСТУПЛЕНИЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ. КАРАТЕЛЬНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ РЕННЕНКАМПФА И МЕЛЛЕР-ЗАКОМЕЛЬСКОГО

Известие об аресте Московского и Петербургского советов рабочих депутатов, кровавое подавление декабрьского восстания в Москве окрылили и местные власти.

Мобилизация контрреволюционных сил в Сибири началась в первой половине декабря 1905 года.

13 декабря Николай II отправил шифрованную телеграмму главнокомандующему генералу Линевичу, в которой предлагалось «возложить на Ренненкампфа восстановление среди всех служащих на Забайкальской и Сибирской железных дорогах полного с их стороны подчинения требованиям законных властей»[1]. Ренненкампфу предлагалось провести все это с «беспощадной строгостью», «всяческими мерами».

23 декабря Иркутск был объявлен на положении чрезвычайной охраны, а в ночь на 1 января произошел разгром иркутской организации РСДРП: арестовано было до 300 членов иркутской организации, собравшихся на товарищескую встречу нового года.

24 декабря состоялось назначение Ренненкампфа и несколько позднее — назначение генерала Меллер-Закомельского для подавления восстания в Сибири. Одновременно с этим вся магистраль Сибирской железной дороги была объявлена на военном положении.

28 декабря началась осада красноярских железнодорожных мастерских и произошел варварский расстрел небольшой группы рабочих и солдат, восставших против самодержавия.

Западная Сибирь — Томск, Новониколаевск — не представляла к этому времени угрозы правительству: революционное движение здесь шло на убыль.

Оставалась революционная Чита, окружение которой с запада и во-

---

5 лет в Якутскую область. Здесь 24-летний революционер получил свое боевое крещение, когда вместе с В. К. Курнатовским участвовал в вооруженном протесте якутских ссыльных, известном всей России под именем «Романовки». Вожаками «романовцев» были Костюшко и Курнатовский. За участие в протесте он был приговорен в июле 1904 г. к 12 годам каторжных работ и отправлен в иркутскую тюрьму. Из тюрьмы ему удалось установить связь с иркутской социал-демократической организацией, и при ее помощи он бежал. Пробравшись в Читу, он вошел в состав читинской организации РСДРП.

[1] Сборник документов «Карательные экспедиции в Сибири в 1905—1906 гг.». Телеграмма Николая II главнокомандующему генералу Линевичу, стр. 96.

стока началось одновременно с поражением вооруженного восстания в Красноярске и подавлением движения в Иркутске.

В Москве был сформирован и двинут по Самаро-Златоустовской и Сибирской железным дорогам карательный отряд генерала Меллер-Закомельского. Он выехал из Москвы на восток 1 января 1906 года. В его отряде было 200 человек, а на станции Иннокентьевская к нему присоединили отряд подъесаула Алексеева в 300 человек Верхнеудинского полка.

Ренненкампф выехал из Харбина на запад 9 января с двумя поездами: в первом была рота пехоты, чины железнодорожного батальона и телеграфа, запасы материалов для восстановления железнодорожного пути и телеграфа на случай их порчи; во втором поезде — 3 роты пехоты, 2 горных орудия, 4 пулемета.

С востока на запад двинуты были эшелоны 17, 18, 19 и 20-го Восточносибирских полков.

Как во вражескую страну направлялись два генерала в пределы Забайкалья. Каждый из них готовился брать Читу приступом, так как им было «достоверно» известно, что Забайкалье «отложилось от России», что «Даурская республика»[1] готовит сопротивление, что «бунтовщики провозгласили новое правительство во главе с ген. Холщевниковым», что Чита имеет армию не менее 10 тыс. вооруженных людей и т. д.

Обстановка для революционеров была крайне неблагоприятна. Читинская администрация получала сведения об успешной борьбе с восстанием в центре, соглашательская профсоюзная верхушка в управлении Забайкальской дороги отступала перед натиском реакционной части управления и не пыталась помочь читинцам.

В вакханалии, сопровождавшей подавление революционного движения в Сибири, особенно выделяются истерические требования графа Витте, посылавшего телеграмму за телеграммой генералам в Сибирь, донесение за донесением царю с требованием крови мятежников.

«Витте после московских событий, — сообщает Николай своей матери, — резко изменился: теперь он хочет всех вешать и расстреливать. Я никогда не видел такого хамелеона, или человека, меняющего свои убеждения, как он»[2].

Витте шлет командующему войсками Сибирского военного округа генералу Сухомлинову телеграмму, в которой слезно умоляет «во что бы то ни стало водворить порядок на сибирской дороге и уничтожить революцию в сибирских центрах»[3].

К Чите боялись подступить, о читинских рабочих и восставших солдатах, как и о красноярцах, гремела слава на всю Россию. Эта боязнь революционной Читы получила яркое отражение в дневнике одного из карателей, поручика Евецкого, из отряда генерала Меллера-Закомельского: «Так вот она, Чита — глава сибирской революции. Что-то в ней теперь происходит? Но наружный вид не давал ответа: издали город был совершенно спокоен, даже маневренные паровозы на Чите-военной и у депо шмыгали взад и вперед, занимаясь, повидимому, обыкновенным делом». «Мысли в голове спутаны. Стоишь как перед завесой, сдастся или придется атаковать? Как велика у них решимость сопротивляться? И тревожно и любопытно»[4].

---

[1] В донесениях местной жандармерии в департамент полиции восстание в Чите фигурирует часто под названием «Даурская республика».

[2] Сборник «Карательные экспедиции в Сибири в 1905—1906 гг.». Письмо Николая II к М. Ф. Романовой, стр. 105. Витте постоянно жалуется царю на «мягкость» карателей (см. там же, стр. 228). Целый ряд документов по этому поводу опубликован в вышеуказанном сборнике.

[3] «Карательные экспедиции в Сибири в 1905—1906 гг.», стр. 79.

[4] Там же, стр. 173.

По пути на Читу с запада и востока творили свое кровавое дело каратели. На каждой станции происходили вопиющие насилия и злодейские убийства совершенно непричастных к революционному движению людей. Хватали направо и налево, расстреливая, отправляя на каторгу сотни людей, а семьи их высылались из края. Особенным зверством отличалась расправа Меллер-Закомельского с рабочими депо станции Иланская 12 января 1906 года. Там 400 рабочих организовали мирную демонстрацию. Они шли с красными флагами. Их окружил отряд Меллера, загнал в депо и открыл ружейную стрельбу. В результате остались живыми лишь 60 человек. Каратель Евецкий с поразительным цинизмом заносит в дневник об этой бойне: «Некоторые пытались спасаться через окна, ловить их было некогда и их, как бегущих, подстреливали»[1].

Расстрел безоружных рабочих получил отражение в делах Государственной думы. Члены Государственной думы официально запросили военного министра о действиях Закомельского на станции Иланская[2].

Но никакие «запросы» не останавливали карателей. На станции Мысовая 13 января в числе расстрелянных без всякого суда оказался рабочий-революционер Бабушкин, направлявшийся с пятью товарищами в Иркутск для восстановления организации[3].

23 января отряд Закомельского подошел к ближайшему разъезду Читы.

В докладе царю Закомельский сообщает: «Не доезжая трех верст, я приказал отряду высадиться, построиться в боевой порядок, поставить орудия на позицию, а подъесаула Алексеева с его отрядом послал осмотреть мастерские, в которых, по слухам, революционеры заперлись и собирались оказать вооруженное сопротивление. Оказалось, что читинцы сложили бывшее у них оружие и боевые припасы: около 30 тыс. винтовок, ручные гранаты, динамит, пироксилин, патроны»[4].

В это же время с востока к Чите подошел Ренненкампф. 7 января он издал приказ № 1, в котором по телеграфу объявлялось для сведения всех, что он будет карать смертной казнью «за бунт против верховной власти».

Первые его расправы произошли на станции Манчжурия, где в числе арестованных оказался видный партийный работник Попов, казненный по приговору полевого суда 16 января на станции Борзя[5]. Но несмотря на наступление реакции Чита продолжала жить революционной жизнью. 3 января открылся съезд профсоюза рабочих мастерских и депо Забайкальской железной дороги. Съезд прошел под большевистским влиянием. В резолюции об отношении к РСДРП съезд 23 голосами против 3 признал, что «при политических выступлениях он будет итти под знаменем РСДРП, как единственной выразительницы интересов рабочего класса».

---

[1] См. дневник карателя. Сборник «Карательные экспедиции в Сибири в 1905—1906 гг.», стр. 147—185.

[2] Там же, стр. 142, 157.

[3] Иван Васильевич Бабушкин (1873—1906)—«крупный партийный работник, гордость партии, товарищ, всю свою жизнь беззаветно отдавший рабочему делу» (Ленин. Соч. Т. XIV, стр. 396). Попав в Иркутск в конце 1905 года, он вступил в местный комитет РСДРП и вел энергичную работу по подготовке к вооруженному восстанию. Вскоре его командировали в Читу, где требовались силы, здесь он энергично работал с Костюшко. Во время транспортировки оружия в Иркутск Бабушкин был захвачен карательной экспедицией Ренненкампфа и «пал жертвой зверской расправы царского опричника» (Ленин, там же, стр. 397).

[4] Архив революции и внешней политики, дело д. п. Особый отдел 4 делопроизводство, № 2355, т. 10-й. Об агитации среди железнодорожных служащих и о железнодорожной забастовке в 1905 г., л. 24.

[5] См. публикацию «Документы карательной экспедиции в Сибири в 1905—1906 гг.», стр. 22, 217, документы 218, 251, 178, 255. Статья в № 6 газеты «Забайкальский рабочий» — «Так умирают борцы за рабочее дело».

В тот день, когда генерал Ренненкампф издал свой первый приказ о смертной казни для крамольников, читинцы захватили 3 вагона оружия [1].

Продолжал выходить боевой орган Читинского комитета РСДРП «Забайкальский рабочий». Пятый номер этой газеты вышел как раз в момент, когда Закомельский приближался к Чите с запада, а Ренненкампф — с востока.

Рабочие готовились к приезду карательных экспедиций. Читинский комитет, по первоначальному плану, решил не сдаваться без боя. Центром, откуда предполагалось оказать сопротивление карательным экспедициям, решено было избрать железнодорожные мастерские. Предполагалось вызвать солдат из Нерчинска и Сретенска и встретить Ренненкампфа около дальнего читинского вокзала. Начальником боевой дружины был выделен Костюшко-Валюжанич (Григорович).

В железнодорожных мастерских стали блиндировать окна, стены. Окрестность вокруг мастерских пытались минировать. В мастерские завезли оружие, заготовили провиант, организовали санитарный отряд, руководство которым взял на себя железнодорожный фельдшер Коренин. Кроме того Читинский комитет организовал две боевые группы для взрыва железнодорожного полотна, чтобы воспрепятствовать подъезду Ренненкампфа и Закомельского. Но подготовка к этому серьезному акту была несколько примитивна: были приготовлены 3 бомбы с пироксилином, шнур на 100 саженей. На месте обнаружилось, что с помощью шнура пироксилин взорвать не удастся. Тогда решили забросать поезд ручными гранатами, но и тут обнаружилась плохая подготовка: не было установлено время прихода поезда Ренненкампфа [2].

Совет рабочих, солдатских и казацких депутатов также готовился к борьбе с генералами. В самом штабе революции, в Читинском комитете, был принят следующий план обороны: 1. Сконцентрировать в Чите и других мастерских Забайкалья революционных солдат и казаков. 2. Разоружить войсковые части, стоящие за поддержку царского самодержавия. 3. Вооружить читинские мастерские, превратив их в крепость, а окрестности минировать. 4. Взорвать хинганский мост. 5. Взорвать поезда Меллер-Закомельского и Ренненкампфа. 6. Вести партизанскую войну [3].

Мы видим, что план у читинцев был неплохой. Но «революционная Чита была застигнута нападением карателей врасплох. Она не успела собраться с силами» [4]. В самый последний момент комитет вынес решение отказаться от защиты мастерских, так как было слишком очевидно неравенство сил.

Известным ударом по революционной подготовке обороны от наступающей со всех сторон контрреволюции были аресты, произведенные 21 января среди солдат 3-го резервного железнодорожного батальона, а также среди военнослужащих читинского гарнизона.

---

[1] «Обзор», стр. 128. О многочисленных актах захвата рабочими оружия сообщал генерал Холщевников: 5 декабря 1905 г., 4 января 1906 г. (см. сборник «Карательные экспедиции в Сибири в 1905—1906 гг.», стр. 63. Примечание 2-е). О захвате оружия сообщал шифрованной телеграммой Николаю II генерал Линевич (там же, стр. 208). Руководили этой важнейшей работой читинской социал-демократической организации И. В. Бабушкин и Костюшко-Валюжанич.

[2] См. «Сибирские большевики», стр. 195. Интересно отметить: попытку взорвать поезд Меллер-Закомельского готовила омская организация РСДРП. Тов. Ширямов вспоминает, что при получении известия о движении поезда Закомельского под насыпь около моста через Иртыш вблизи станции Омск был заложен фугас, наполненный сильным взрывчатым составом. Но взрыв не удался (см. сборник «1905 год в Сибири». Воспоминание тов. Ширямова, стр. 173). См. также сборник «Карательные экспедиции в Сибири в 1905—1906 гг.», стр. 28. Примечание 1-е.

[3] Сборник «Революционное движение 1905 г. на Дальнем Востоке». Статья В. Чаплинского, стр. 66. Владивосток. См. также предисловие к сборнику «Карательные экспедиции в Сибири в 1905—1906 гг.», стр. 27.

[4] См. «Сибирские большевики», стр. 196.

На 12 часов дня 22 января Ренненкампф назначил окружение и бомбардировку Читы. Ночью же 22 января в железнодорожных мастерских собралось около 200 дружинников вместо предполагавшихся первоначально 2 тысяч человек. В это время на разъезде 58 под Читой стояли части Меллер-Закомельского, готовые бомбардировать Читу. Генерал Ренненкампф находился в 6 верстах от Читы. Одновременно к Чите двигались на помощь карателям 17, 18, 19 и 20-й Восточносибирские стрелковые полки[1].

При таких условиях принять сражение было явным абсурдом, и Читинский комитет принял решение уйти в подполье, готовиться к новым грядущим боям. Это решение комитета изложил перед собравшимися дружинниками Костюшко-Валюжанич. При этом было предложено сберечь людские кадры и не сдавать оружие, а зарыть в близлежащих к мастерским дворах.

Ранним утром 22 января 1906 г. в город вступили первые эшелоны войск Ренненкампфа. Они оцепили железнодорожные мастерские, боясь войти внутрь.

В городе начался террор. Ренненкампф составил огромнейшие проскрипционные списки. На основании жандармских указаний сотни людей арестовывались, изгонялись со службы, выселялись из пределов города. Начался разгром дороги и революционных организаций: в течение лишь одной недели было арестовано более 400 человек, расстреляно и повешено много сотен людей. 22 января железнодорожные мастерские были заняты 1-й ротой 17-го Восточносибирского стрелкового полка. «Сдача» Читы без боя разочаровала генералов.

В особенности жаждал крови Меллер-Закомельский. В докладе по своему ведомству он «скорбит» о следующем: «Весьма жаль, что Ренненкампф и Сычевский (назначенный губернатором Забайкальской области) вступили в Чите в продолжительные переговоры с революционерами... Читу надо было разгромить, и если бы мастерские взлетели на воздух и был бы от того убыток казне, ничтожный, сравнительно с громадными убытками, причиненными ранее революционерами, зато впечатление было бы огромное и революция надолго бы стихла». И дальше он горько сетует на то, что здесь произошло «бескровное подавление бунта»[2].

Витте полностью поддержал требования Закомельского о кровопускании. Он докладывал царю: «Ваше императорское величество! Генерал Меллер-Закомельский доносит, что Чита сдалась без боя. Но неужели все это дело тем и кончится? Позволяю себе всеподданнейше доложить, по моему мнению, необходимо немедленно судить военным судом всех виновных и, прежде всего, губернатора, ген. Холщевникова»[3].

Один из первых смертных приговоров Ренненкампф вынес славному революционеру — боевому руководителю читинской организации Костюшко-Валюжаничу. Он был арестован отрядом Ренненкампфа еще 12 января вместе с другими партийными работниками и содержался до военного суда в вагоне смертников при поезде генерала. 28 февраля полевой суд приговорил Костюшко-Валюжанича, помощника начальника станции Чита Цупсмана, железнодорожных рабочих Кочаева, Кривоносенко, Столярова, И. Вайнштейна, ревизора дороги П. Кларка, его сына Б. Кларка и Кузнецова к смертной казни. Лишь П. Кларку и Б. Кларку, Кривоносенко и Кузнецову заменили смертную казнь каторгой на разные сроки. Все остальные были расстреляны у вокзала на глазах многочисленной толпы.

---

[1] См. «Сибирские большевики», стр. 194.

[2] Архив революции и внешней политики, дело д. п. Особый отдел 4 № 2555, т. 9-й. «Об агитации среди железнодорожных служащих и о железнодорожной забастовке в 1905 г.», л. 292.

[3] Сборник «Карательные экспедиции в Сибири в 1905—1906 гг.». Из письма графа Витте Николаю II от 23 января 1906 г., стр. 134.

В лице Костюшко Ренненкампф вырвал из рядов революционеров крупнейшего деятеля революции, злейшего врага самодержавия. Личность Костюшко-Валюжанича осталась для карателей невыясненной, хотя, как видно из обвинительного акта, палачи догадывались, что в их руки попал крупный деятель революционного движения. В обвинительном акте читаем: «Слесарь и чертежник И. Н. Григорович (он же Василий Карпович) был организатором и главным деятелем в боевой дружине, формируемой с явно революционной целью. Был видным деятелем во всех железнодорожных забастовках и во всем революционном движении. Ораторствовал на митингах о передаче почты и телеграфа в ведение не группы людей, а всего народа, пропагандировал о ниспровержении существующего государственного строя, убеждая всех вооружаться для достижения этого»[1]. Он был расстрелян 2 марта 1906 г. 29 лет от роду.

Вскоре читинская организация потеряла еще одного крупного революционера. В начале марта 1906 г. был захвачен Меллер-Закомельским В. К. Курнатовский с большой группой товарищей. Он был соратником Ленина и Сталина, образованнейшим марксистом, крепким и последовательным сторонником ленинской «Искры»[2]. В пору своей юности (Курнатовский родился в 1868 г.) за принадлежность к Народной воле он получил трехлетнюю ссылку. Эмигрировав, в 1893 г. вступил в плехановскую группу «Освобождение труда». Направленный для революционной работы в Россию, он в 1896 г. был вновь арестован и сослан в далекую Сибирь — в село Шушенское, Минусинского уезда. Здесь В. К. Курнатовский познакомился с В. И. Лениным[3]. С этого времени и до конца своей жизни он оставался стойким большевиком-ленинцем. В числе 17 социал-демократов он подписал ленинский «протест русских с.-д.», направленный против «кредо» Прокоповича и Кусковой.

Летом 1900 г., по освобождении из ссылки, В. К. Курнатовский переехал для революционной деятельности в Тифлис, где установил крепкую связь с товарищем Сталиным и стал его ближайшим другом и соратником[4]. Арестованный в марте 1901 г., он просидел два года в знаменитом Метехском замке и вновь был сослан в Сибирь, в Якутскую область (1903 г.). Здесь он был одним из инициаторов и активных участников протеста и вооруженного сопротивления политических ссыльных — протеста, известного в истории под именем «Романовки». Несколько десятков политических ссыльных (54 человека) в течение двух недель геройски сражалось с вооруженной жандармерией. После разгрома Курнатовский вместе с другими «романовцами» был приговорен к 12 годам каторжных работ. Но недолго пробыл на каторге В. Курнатовский. Через 7 месяцев он бежал и прибыл в Читу в разгар революционных событий осенью 1905 г., сразу заняв руководящее место в тамошней партийной организации. Он редактирует газету «Забайкальский рабочий», выполняет весьма ответственное партийное задание — освобождение из акатуйской каторжной тюрьмы осужденных на бессрочную каторгу матросов, участников восстания на военном корабле «Прут».

В читинской организации Курнатовский работает совместно с Бабушкиным. Когда Бабушкин был расстрелян и в Иркутске жандармерии удалось разгромить социал-демократическую организацию, В. Курнатовский подготавливал отступление для товарищей. Он не сумел бежать и был

---

[1] Сборник «Карательные экспедиции в Сибири в 1905—1906 гг.». Обвинительный акт по делу Григоровича и др., стр. 308—309.

[2] См. Л. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», стр. 17. Примечание.

[3] Ленин находился в ссылке в селе Шушенском, Минусинского уезда, с 20 мая 1897 г. по 11 февраля 1900 года.

[4] См. Л. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», стр. 17. Примечание.

захвачен царскими палачами. Две недели он находился в вагоне смертников Меллер-Закомельского, несколько раз над ним устраивали для «острастки» процедуру казни, а затем предали военно-полевому суду, приговорившему Курнатовского первоначально к смертной казни, а затем «помиловали», заменив смертную казнь бессрочной каторгой. При помощи товарищей он бежал из тюремной больницы в Нерчинске и после целого ряда мытарств осенью 1911 г. прибыл в Париж, где и умер 19 сентября 1912 года.

План обороны Читы не удалось осуществить не потому, что организация РСДРП была слаба, а ввиду стечения целого ряда обстоятельств, из которых решающим были: арест 3-й роты 3-го резервного железнодорожного батальона 21 января, чрезвычайно ослабивший организацию: арестованные солдаты были опорой социал-демократов в местном гарнизоне; отход от революционного движения военного командования, ранее принимавшего участие в работе военного союза; разгром восстания в Москве и Красноярске, а также усиление местной реакции в связи с приближением карательных экспедиций; неуверенность в эффективности активной обороны, вследствие чего в мастерские на призыв РСДРП явилось всего 200 человек вместо предполагавшихся 2 тысяч.

Оба генерала установили зверский террор, карательные отряды получили директивы «подавлять всякие мятежи без малейшего снисхождения с физическим истреблением всех мятежников» [1].

Палаческое дело совершалось и на периферии. Например в глухом Бийском уезде карательный отряд арестовал 120 крестьян. Из них около 100 человек отправили в барнаульскую тюрьму, 11 засадили в волостную тюрьму [2].

В первую очередь террор обрушился на железнодорожников. Предлагалось увольнять с дороги всех, кто был в составе комитетов, бюро, всех выборных делегатов, всех, на кого указывал жандармский агент. Их выбрасывали не только с работы, но вместе с семьями — из квартир.

Самодержавие мстило железнодорожникам всеми доступными ему способами.

Когда министерство путей сообщения запросило о высочайшей награде для служащих дорог, особо отличившихся в выполнении воинских перевозок в войну 1904—1905 гг., Николай II ответил, что забастовочное движение в значительной степени умалило заслугу железнодорожников по осуществлению перевозок и поэтому министерству путей сообщения разрешалось возбудить ходатайство в ограниченном размере и лишь в отношении лиц, не затронутых революционным движением. Это означало, что награды удостаивались только штрейкбрехеры.

Тысячи людей, высланных из Сибири и из Забайкалья, многие сотни арестованных и казненных, полный произвол со стороны усмирителей — такова была картина «усмирения».

Но «успокоение», о котором так помпезно доносили царю Ренненкампф и Закомельский, не наступало. Губернатор Читы Сычевский сообщает телеграфно 20 августа 1906 г. министру внутренних дел о том, что революционное движение не затихло, а, наоборот, усилилось. Он «принял меры, ездил в мастерские, объявил рабочим, что при дальнейших беспорядках будет беспощадно расстреливать. Учредил конные патрули в Чите ночью. Увеличил штат городовых на 20 человек» [3].

---

[1] Архив революции и внешней политики, дело д. п. 4 делопроизводство, № 2558, т. 8-й «Об агитации среди железнодорожных служащих и о железнодорожной забастовке в 1905 г.», л. 247.

[2] «Сибирские вопросы» от 3 апреля 1908 года. «Письмо из Бийска» и «Сибирские отголоски» № 23 за 1906 г.— «Расправа в Томске».

[3] Архив революции и внешней политики, дело д. п. 4 делопроизводство, № 1350, ч. 75-я. «О беспорядках и демонстрациях по Забайкальской области», л. 17.

Уже тогда, когда движение в Чите, казалось, было подавлено, Меллер-Закомельский сообщает в Иркутск начальнику Забайкальской железной дороги: «Еду обратно. Особенно неблагонадежно депо Верхнеудинск, Хилок и Чита. Желательно поголовное увольнение рабочих и телеграфистов на этих пунктах»[1].

И в Чите и в других городах Сибири успокоение не наступило, а началась новая работа по консолидации сил для нового пролетарского решительного боя. Читинские пролетарии твердо верили в предстоящие бои. Весьма характерна статья в «Забайкальском рабочем» в дни самой мрачной реакции. Статья заканчивается следующими словами: «Горе побежденным! — воскликнем мы, когда победоносное восстание сметет все остатки царизма, и тогда народный суд сумеет найти всех залитых кровью побежденного на время народа»[2].

Эти слова были пророческими. Через 12 лет, в 1917 г., палачи предстали перед народом, и народ воздал им по заслугам.

Революционное движение в Сибири достигало высокой ступени развития. Гегемоном этого движения был пролетариат, причем ведущим отрядом были железнодорожники. Революционное движение в Сибири от общей политической стачки перешло к вооруженному восстанию на всей магистрали, при этом в Красноярске, Иркутске, Чите вооруженное восстание привело к организации советов рабочих, солдатских и казацких депутатов. Наступление контрреволюции и зверский террор не уничтожили революционного движения. Большевики сумели отступить в порядке, сохранили кадры, стали собираться с силами для нового штурма самодержавия.

Под руководством партии Ленина — Сталина трудящиеся Сибири одержали решительную победу над самодержавием в феврале 1917 г., под знаменем Ленина — Сталина рабочий класс и крестьянство Сибири свергли иго капитализма и разгромили контрреволюцию и интервенцию в годы гражданской войны.

---

[1] Сборник «Карательные экспедиции в Сибири в 1905—1906 гг.», стр. 134.

[2] Там же, стр. 207; «Забайкальский рабочий» № 6 от 12 февраля 1906 года.

ИЗ ПОСЛЕОКТЯБРЬСКОЙ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Ю. Оснос

I

29 октября (11 ноября) 1917 г. народный комиссар по просвещению обратился от имени только что образовавшегося советского правительства к гражданам страны с воззванием «О народном просвещении».

В воззвании говорилось о широчайших перспективах, открывшихся перед трудящимися в области развития просвещения и культуры, о намерении рабоче-крестьянского правительства немедленно начать борьбу против вековой тьмы и невежества, оставшихся в наследство от царизма. Советское правительство призывало народ придти ему на помощь в осуществлении этих задач.

В этом же воззвании советская власть приветствовала интеллигенцию и звала ее приняться за великую работу, о которой десятилетиями мечтали ее лучшие представители: «Мы верим, что дружные усилия трудового народа и честной просвещенной интеллигенции выведут страну из мучительного кризиса через законченное народовластие к царству социализма и братства народов» [1].

Но значительные отряды интеллигенции встретили Великую Октябрьскую социалистическую революцию враждебно. Наиболее квалифицированная и влиятельная часть интеллигенции, крепко связанная идейно и экономически с буржуазно-помещичьим строем, открыто перешла в лагерь контрреволюции и приняла участие в борьбе против народной власти.

«Корысть, грязная, злобная, бешеная корысть денежного мешка, запуганность и холопство его прихлебателей — вот настоящая социальная основа современного воя интеллигентиков от «Речи» до «Новой жизни» [2],— писал Ленин.

Со страниц газет и журналов представители этой части интеллигенции обливали советское правительство грязью и предрекали ему скорую гибель. Собрания инженеров, художников, писателей принимали резолюции о непризнании власти советов. Петроградские артисты послали делегацию в «Комитет спасения родины и революции», предлагая свою помощь в борьбе с большевиками [3]. Служители «чистого» искусства высказались в своеобразной форме за интервенцию со стороны империалистических государств. На собрании «Союза деятелей искусств» в Петрограде в декабре 1917 г. обсуждалось предложение о том, «чтобы просить иностранные державы взять под свою защиту российские памятники искусства» [4].

---

[1] Сборник декретов и постановлений рабоче-крестьянского правительства по народному образованию. Вып. 1, стр. 156—159. В дальнейшем сокращенно «Сб. д. и п.».
[2] Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 156.
[3] «Театр и искусство» № 44—46 за 1917 год.
[4] Журнал «Аполлон» № 6—7 за 1917 год, стр. 83.

Чаяния этой части интеллигенции в ту пору кратко и образно выразила декадентская поэтесса З. Гиппиус: «И скоро в старый хлев ты будешь загнан палкой, народ, не уважающий святынь».

Только немногие представители интеллигенции сумели с первых же дней понять великий смысл происшедшей революции и пойти рука об руку с рабочим классом. Среди этих людей были такие замечательные представители культуры, как Тимирязев, Вахтангов, Брюсов, Блок и др.

Контрреволюционные верхи старой интеллигенции повели за собой на борьбу с советской властью и более многочисленные, хотя и менее квалифицированные, слои интеллигенции, используя для этого их многолетние традиции службы буржуазно-помещичьему строю.

Только «третья часть старой интеллигенции, главным образом рядовая ее часть, имевшая еще меньше квалификации, чем предыдущая часть, присоединилась к народу и пошла за советской властью»[1]. Но и эта часть, прежде чем бесповоротно перейти на сторону народа, прошла в первые дни и недели революции через полосу колебаний, саботажа и стачек против советской власти.

Руководившие стачками кадеты, эсеры и меньшевики рассчитывали с помощью забастовок интеллигенции парализовать действия советской власти. По их планам, советское правительство должно было оказаться как бы замкнутым в пустоте. Буквально об этом писала меньшевистская газета «Новая жизнь»: «Ведь кроме солдат и пушек у большевиков нет пока ничего. Без государственного механизма, без аппарата власти вся деятельность нового правительства похожа на машину без приводных ремней: вертеться — вертится, но работы не производит»[2].

Чрезвычайно важная роль отводилась контрреволюцией в этой борьбе учительству — самому крупному, самому влиятельному, самому нужному советской власти отряду старой интеллигенции.

В течение долгих лет самодержавия вся система просвещения была приспособлена к тому, чтобы воспитывать подрастающее поколение в духе преданности буржуазно-помещичьему обществу. Естественно, что господствующие классы тщательно заботились о соответствующем подборе учителей, предназначавшихся для проведения этой политики в жизнь. Всеми мерами — от нищенской заработной платы до специально выработанной системы подготовки — царизм содействовал ограниченности культурного и политического кругозора учителей. Идеалом педагога являлся для самодержавия «человек в футляре» Беликов или мракобес Передонов (из «Мелкого беса» Сологуба).

В массе своей «работники просвещения, учительский персонал были воспитаны в духе буржуазных предрассудков и привычек, в духе враждебном пролетариату, они были совершенно не связаны с ним»[3].

Все же между отдельными группами учительства были существенные различия. Деревенский учитель представлял собой фигуру, значительно более демократическую чем учитель городской. Близость к крестьянству и полуголодное существование порождали у сельских учителей оппозиционные настроения к царизму. Но отсутствие связи с пролетариатом и низкий политический уровень привели к тому, что на первых порах многие из них оказались под влиянием буржуазных и мелкобуржуазных партий.

Значительные кадры сельского учительства после февральской революции 1917 г. входили в эсеровскую и меньшевистскую партии.

---

[1] И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 608. 11-е изд.
[2] «Новая жизнь» от 17 ноября 1917 года.
[3] Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 452.

Учителя городских школ и классических гимназий, проходившие при поступлении на работу более строгий фильтр чем сельские, учителя и кроме того сравнительно более обеспеченные, шли за господствующими классами. Процент членов мелкобуржуазных партий, не говоря уже о партии пролетарской, большевистской, среди городского учительства был очень невелик. Зато многие из них входили в партию кадетов.

Понятно, что после победы Октябрьской революции кадетско-эсеровская контрреволюция рассчитывала широко использовать политическую отсталость учительства и свое влияние на него в целях борьбы с советской властью.

В руках контрреволюции находилась крупнейшая учительская организация — Всероссийский учительский союз (ВУС), который возник в Петрограде после февральской революции и представлял собой крупнейшую разветвленную по всей стране организацию. К осени 1917 г. он объединял 346 местных учительских союзов, был организационно связан с 209 и вел, таким образом, за собой целую армию в 75 тысяч учителей. На правах отдела в ВУС входил влиятельный московский «Союз деятелей средней школы».

Во главе ВУС стояли правые эсеры. Три члена правления союза — Смирнов, Василенко, Флеров — занимали посты товарищей министра просвещения. Из числа остальных многие занимали должности начальников департаментов министерства, попечителей и инспекторов крупнейших учебных округов, членов Комитета по народному образованию.

Вожди кадетской и эсеровской партий полагали, что при помощи ВУС удастся привлечь под свои знамена колеблющиеся демократические элементы учительства и через их посредство втянуть в активную политическую борьбу с советской властью широкие массы населения.

Эсеры и кадеты рассчитывали с помощью лозунгов «внепартийности», «защиты культуры», «защиты школы от варваров-большевиков» привлечь на свою сторону стремящихся стоять «вне политики» и преданных своему делу педагогов.

К выполнению своих замыслов буржуазные партии и руководство ВУС приступили немедленно после Октябрьской революции. ВУС организовал десятки учительских митингов протеста против свержения Временного правительства и поднял бешеную кампанию лжи и клеветы против власти трудящихся.

30 октября совет ВУС поместил в правоэсеровской газете «Воля народа» воззвание, призывающее к борьбе против большевиков и Военно-революционного комитета. «Неподчинение ему и поддержка Комитета спасения — обязанность гражданина»[1],— провозгласил союз.

Петроградский учительский союз 29 октября «постановил призвать всех членов не исполнять распоряжений самозванной власти» и на следующий день на этом основании исключил из союза П. В. Дашкевич, В. Р. Менжинскую и Л. Р. Менжинскую[2].

12 ноября Московский отдел ВУС — «Союз деятелей средней школы»—на общем собрании принял резолюцию, в которой «выражает протест против демагогической авантюры большевиков» и в свою очередь призывал «не признавать созданной захватным путем большевистской власти и считать для себя обязательными лишь постановления существующих учебно-административных органов Временного правительства». Резолюция предупреждала, что в случае вмешательства советских органов в дело просвещения союз будет «бороться всеми имеющимися в его распоряжении средствами»[3].

[1] «Воля народа» от 30 октября 1917 года.
[2] «Петроградский учитель» №№ 1 и 2 за 1918 год.
[3] «Новая школа» № 1 за 1918 год, стр. 40.

20 ноября совет ВУС выпустил воззвание, в котором оповещал о своем вступлении в «Комитет спасения родины и революции» и вновь призывал к открытому неподчинению власти советов [1].

Чиновники разогнанного министерства просвещения объявили, что они продолжают «функционировать» и даже выдают аттестации.

Один за другим в Москве и Петрограде организуются учительские митинги, где ораторы из ВУС выступают с речами, полными угроз и проклятий по адресу советской власти. В самих школах все более резкие формы принимала травля учителей-большевиков. Они подвергались всяческим издевательствам, и продолжение работы для многих оказалось невозможным. Выступавшие под флагом «защиты культуры» саботажники вовлекали в свою контрреволюционную борьбу даже детей. Дети, родители которых известны были сочувствием советской власти, подвергались гонению, педагоги в классах во всеуслышание поносили их отцов и матерей [2].

С целью вызвать недовольство малообеспеченных слоев учительства «хаотическим» положением в стране сотрудники пенсионной кассы народных учителей скрылись с 10 млн. рублей учительских денег [3].

В кадетской и эсеровской печати и в журналах ВУС между тем шла бешеная агитация за усиление и расширение антисоветской борьбы учителей.

В декабрьском номере «Известий ВУС» писалось: «В исключительное время, которое переживает теперь Россия, нужны и исключительные меры: закрытие всех учебных заведений в городах — все равно из такого учения, которое идет теперь, мало проку; все освободившиеся педагогические силы распределить между фронтом — солдатами и тылом — деревней и рабочими. Летучие школы, летучие лекции... учить, учить, и к весне мы будем иметь граждан, способных логически мыслить, и большевизму будет нанесен сокрушительный удар» [4].

Дезорганизация культурной жизни страны была частью значительно более широкого плана: предполагалось создать из разбросанных по всей стране учителей целую армию агентов контрреволюции. Эта армия должна была изо дня в день подтачивать народное сознание, отравлять его контрреволюционным ядом, настойчиво добиваясь нужной буржуазии цели.

Именно эта задача поставлена и в официальном воззвании московской организации ВУС: «Мы призываем учительство, всеми способами пробуждая сознание в широких народных массах, дать истинное освещение совершающихся событий, использовав для этого родительские совещания, органы местного самоуправления, кооперативы, сельские сходы» [5]. Та же идея выдвигается во многих других документах, публикуемых вусовской прессой.

«Дело было совсем не в школе,— открыто писала «Новая школа».— Поддержка, оказанная родителями учителям, втянула их в активную по-

---

[1] «Правда» от 8 декабря (25 ноября) 1917 года.

[2] «Правда» писала по этому поводу: «Руководимые кадетами и оборонцами педагоги уже давно ведут в школах черносотенную агитацию, не стыдясь в классах детям рабочих и городской бедноты проповедывать о «большевиках» в духе худших черносотенных листков. Эти деятели интеллигентной «гуманитарной» профессии, в целях поддержки борьбы за власть буржуазии над рабочими и крестьянами, отбросили все понятия, когда-то господствовавшие среди учителей народной школы, о «служении народу» и не стесняются растлевать детские души ложью и обманом в целях классовой борьбы» («Правда» № 215 от 15 декабря 1917 года).

[3] «Сб. д. и п.», Вып. I, стр. 169—170.

[4] «Известия ВУС» № 13 за 1917 год, стр. 6—7.

[5] Там же, стр. 115.

литическую борьбу с советской властью, создавая возмущение и боевое настроение»[1].

Проведенные в ноябре и декабре митинги учителей и кампания в печати имели целью сплотить учительство в единый контрреволюционный фронт, подготовить его к выполнению предназначенной ему контрреволюцией задачи.

Уже на первых после взятия Зимнего дворца митингах и заседаниях главари ВУС подняли вопрос об объявлении антисоветской забастовки. 29 октября общее собрание петроградского учительского союза приняло резолюцию: «В случае, если бы Комитет спасения родины и революции постановил провести всеобщую забастовку, то вопрос о присоединении к ней должен быть разрешен общим собранием петроградского учительского союза»[2]. Почти на каждом из последующих учительских митингов вусовцы в той или иной форме ставили этот вопрос, примериваясь, испытывая, как на это будут реагировать учительские массы. 24 ноября ВУС со специальной целью создать штаб забастовки сколотил временный петроградский совет учительских делегатов. Находясь целиком в руках вусовских заправил, он служит связью верхов союза с низовыми учительскими организациями, создавая в то же время иллюзию «независимого» от ВУС «демократического» органа.

После того как штаб был создан, забастовка была поставлена на реальную почву. Уже 26 ноября, на второй день своего рождения, временный совет опубликовал декларацию, в которой заявил: «Условия переживаемого момента ставят все учительство в необходимость готовиться к всеобщему выступлению в форме всеобщей забастовки. Поэтому совет постановляет поручить исполнительному комитету войти в сношения по подготовке общего выступления с другими организациями Петрограда»[3]. 5 декабря временный совет образует забастовочный фонд «в размере 3½ процентов ноябрьского заработка учителей и 5% декабрьского»[4]. 6 декабря выступает с призывом к стачке большой совет ВУС, рекомендуя забастовщикам действовать в согласии с тактикой других общественных организаций, стоящих на платформе «долой народных комиссаров! Вся власть Учредительному собранию!»[5].

11 декабря началась забастовка федеративного союза городских служащих. 14 декабря «экстренное заседание» совета Петроградского учительского союза заявило, что «момент для общеучительской забастовки назрел», и призвало «товарищей учительских делегатов сделать эту забастовку общеучительским делом»[6].

15 декабря была назначена уже точная дата выступления. Временный совет принял решение объявить с понедельника 18 декабря всеобщую забастовку учащих во всех школах Петрограда. Лозунги стачки: открытие Учредительного собрания, восстановление всех гражданских «свобод», «восстановление прав всех городских и земских самоуправлений»[7]. Стачка была провозглашена во всех школах, гимназиях, училищах, курсах для взрослых, для рабочих «без всяких изъятий» и должна была продолжаться «до победы»[8]. Забастовка охватила сразу 218 учебных заведений и 2887 преподавателей[9]. Необходимо отметить два харак-

---

[1] «Новая школа» № 3 за 1918 год, стр. 162.
[2] «Петроградский учитель» № 1 за 1918 год, стр. 2.
[3] Там же, стр. 5.
[4] Там же, стр. 7.
[5] Там же, стр. 3.
[6] Там же.
[7] Там же, стр. 5.
[8] «Наш век» от 19 декабря 1917 года.
[9] «Известия ВУС» № 2 за 1918 год.

терных момента в организации стачки. Во-первых, фактическое объявление стачки состоялось после объявления ее другой организацией — союзом служащих; во-вторых, большой совет ВУС не только не объявил стачки во всероссийском масштабе, но и предпочел укрыться за спиной временного совета. В Москве стачка охватила около 4 тыс. педагогов, но началась она также после объявления ее союзом служащих.

После Петрограда и Москвы забастовка распространилась и на ряд провинциальных городов.

II

Ленин в своих статьях и выступлениях пооктябрьской эпохи неоднократно касается учительства и ставит этот вопрос чрезвычайно широко. Определяя социальную сущность учительства и его конкретное положение в обществе, Ленин связывает вопрос об учительстве с вопросом о среднем крестьянстве в целом. Учителя, указывает Ленин, нужны советской власти, «ч т о б ы о т в л е ч ь ч е р е з н и х к р е с т ь я н с т в о о т с о ю з а с б у р ж у а з и е й и п р и в л е ч ь и х к с о ю з у с п р о л е т а р и а т о м»[1]. Таким образом, в глазах Ленина позиция учительства играет существеннейшую роль в решении кардинальной проблемы взаимоотношений пролетариата с крестьянством, изоляции последнего от буржуазии и обеспечения его перехода на сторону советской власти.

Однако это не исчерпывает ленинских взглядов и политику партии в отношении учительства. Поскольку учителя составляли один из отрядов специалистов, проблема взаимоотношений с ними решалась как часть общей проблемы об интеллигенции, об использовании старой интеллигенции для социалистического строительства. Создать социалистическое общество можно было только на основе овладения культурой, наукой, техникой, которые были оставлены капитализмом. Поскольку носителями этой культуры были буржуазные специалисты-интеллигенты, они неминуемо должны были быть вовлечены в это строительство.

«У нас есть буржуазные специалисты, и больше ничего нет,— писал Ленин. — У нас нет других кирпичей, нам строить не из чего. Социализм должен победить, и мы, социалисты и коммунисты, должны на деле доказать, что мы способны построить социализм из этих кирпичей, из этого материала, построить социалистическое общество из пролетариев, которые культурой пользовались в ничтожном количестве, и из буржуазных специалистов»[2].

Исходя из этого положения, Ленин ставит перед партией и советской властью задачу — использовать, привлечь на сторону народа и перевоспитать старую интеллигенцию в целом и учительство в частности.

«Наследие капиталистической культуры, пропитанность ее недостатками у учительских масс, которая при наличии их не может быть коммунистической, однако не может мешать брать этих учителей в ряды работников просветительной политической работы, так как эти учителя обладают знаниями, без которых мы не можем добиться своей цели.

Мы должны поставить на службу коммунистического просвещения сотни тысяч нужных людей. Это задача, которая решена на фронте, в нашей Красной Армии, в которую были взяты десятки тысяч представителей старой армии. В длительном процессе, процессе перевоспитания, они слились с Красной Армией, что, в конце концов, и доказали своими победами. И в нашей культурно-просветительной работе мы должны следовать этому примеру»[3].

---

[1] Л е н и н Соч. Т. XXVII, стр. 389. Разрядка моя.— *Ю. О.*
[2] Л е н и н. Соч. Т. XXIV, стр 65.
[3] Л е н и н. Соч. Т. XXV, стр. 453.

На примере ликвидации руководимого буржуазными партиями учительского саботажа видна изумительно многообразная по формам, учитывающая конкретные условия, гибкая и одновременно глубоко принципиальная политика партии в отношении интеллигенции.

Сущность политики партии в вопросе об интеллигенции с замечательной краткостью и ясностью была сформулирована товарищем Сталиным. Советская власть, указывает товарищ Сталин, практиковала «политику разгрома активных вредителей, расслоения нейтральных и привлечения лойяльных»[1]. До сих пор мы в нашем изложении касались первой группы — кадетско-эсеровской головки ВУС — и отчасти второй, находящейся под ее влиянием массы главным образом городского учительства. Необходимо остановиться на третьей группе.

Значительная часть учительства с самых первых дней открыто перешла на сторону советской власти и была готова честно работать на ниве социалистического просвещения.

Уже в первые дни после образования Государственной комиссии по просвещению «приходила масса лиц, которые заявляли свою готовность работать рука об руку с комиссией, которые готовы отдать свои силы и свой опыт на дело поднятия культурного уровня населения. Среди них есть немало опытных, также много сельских учителей, едущих на места»[2].

13 ноября состоялось собрание находившихся в Петрограде учителей-фронтовиков. На собрании с речью о политике советской власти в области просвещения выступил А. В. Луначарский. «Граждане учителя с величайшим вниманием прослушали программу народного комиссара и наградили его горячими аплодисментами. Они тут же решили организовать прочную связь с комиссаром для общей работы»[3].

Оставленные саботажниками места в центральном аппарате просвещения заполнялись честными, близкими народу людьми. Впротивовес директорам департаментов, входившим в правление ВУС, младшие служащие министерства народного просвещения не только не присоединились к забастовке, но выразили глубокое возмущение действиями саботажников. На делегатском собрании, устроенном младшими служащими 13 ноября, единогласно при двух воздержавшихся была принята следующая резолюция: «Мы, младшие служащие, обсудив создавшееся положение, горячо приветствуем все постановления II всероссийского съезда советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и назначенное им правительство... Мы заявляем, что мы не большевики. Большинство из нас беспартийные, но мы все как один присоединяемся к программе этого правительства и поддерживаем его, ибо видим в нем раскрепощение всех трудящихся масс. Кто против этой программы, тот изменник и предатель революции»[4].

В перестраиваемом на советских началах центральном аппарате перешедшие на сторону народа представители учительства и младших служащих выдвигались на руководящие посты. «Настроение в отделах министерства замечательно бодрое. В общем «саботажники» имеют возможность убедиться, что и без их просвещенного сотрудничества работа налажена и, надо надеяться, в самом недалеком будущем пойдет по примеру хорошо действующей машины»[5].

«Первый результат бойкота,— констатировали «Известия ВЦИК»,— парализуется расколом в рядах интеллигенции. Значительная и лучшая ее часть готова заменить саботажников и служить народу»[6].

---

[1] И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 460. 10-е изд.
[2] «Известия по народному образованию» за ноябрь — декабрь 1917 г., стр. 45.
[3] «Правда» № 122 от 16 ноября 1917 года.
[4] «Известия» № 229 от 18 ноября 1917 года.
[5] «Правда» № 129 от 24 ноября 1917 года.
[6] «Известия» от 6 декабря 1917 года.

Исходя из наличия этой лучшей, не потерявшей связи с народом группы, строила партия свои конкретные расчеты привлечения учительской массы. Наличие в среде учителей этой опорной группы позволяло решительно действовать в отношении контрреволюционных верхов.

В конце ноября 1917 г. Петроградский военно-революционный комитет выпустил воззвание, в котором объявил главарей саботажа «врагами народа». «Их имена будут отныне публиковаться во всех советских изданиях, и списки врагов народа будут вывешиваться на всех публичных местах»,— гласит воззвание. ВРК объявляет бойкот саботажникам и предлагает установить над ними «бдительный и суровый надзор». Советские карательные органы арестуют виднейших главарей стачки. Затем последовало извещение Луначарского о том, что все служащие министерства народного просвещения, не явившиеся на службу 20 ноября, будут уволены и в недельный срок выселены из казенных квартир [1].

Что касается чиновников, попытавшихся воссоздать министерство, то им пригрозили трибуналом, и этого оказалось достаточным [2].

Вслед за этим СНК распустил Государственный комитет по народному образованию, созданный Временным правительством, куда входили виднейшие вожаки стачки и руководители ВУС [3]. Одновременно СНК принял, по докладу Свердлова, постановление, запрещающее советским органам какие-либо коллективные переговоры с саботажниками и допускающее их зачисление в советские учреждения лишь как отдельных лиц [4]. Эти меры, говорил Ленин, предназначены «устрашить» активных саботажников, «чтобы они боялись руку протянуть к белогвардейскому воззванию» [5]. Меры эти обезглавливали движение и уничтожали возможность организационного влияния на массы со стороны контрреволюционных главарей. Изоляции этих главарей и повышению роли широких масс учительства в делах школы служила и реформа всей школьной системы.

30 ноября НКП издал постановление о том, что решение всех жизненных вопросов школы должно осуществляться коллегиально и передается в ведение педагогических советов с участием представителей местных советов. Одновременно НКП объявил полную свободу союзов и собраний учащихся [6]. Трудно было придумать другие меры, которые бы с большей быстротой демократизировали школу и с большей действенностью выбивали у вожаков стачки почву из-под ног.

26 января 1918 г. были упразднены должности попечителей и инспекторов учебных округов, которые, как правило, занимались активными саботажниками-дворянами либо реакционными профессорами [7].

Что касается Московского учебного округа, то управление его, назначенное еще Временным правительством, было распущено.

«На этот счет у большевиков действуют энергично»,— говорил Ленин и продолжал: «Но заставить работать целый слой таким способом невозможно» [8]. Репрессивные, насильственные мероприятия в отношении контрреволюционной учительской верхушки были неизбежны и необходимы. Но для того, чтобы учительская масса последовательно переходила от помощи буржуазии к помощи пролетариата, нужна была иная, значительно более сложная политика.

---

1 «Известия по народному образованию» за ноябрь — декабрь 1917 года, стр. 42.

2 Лебедев-Полянский «Как начинал работать НКП». «Пролетарская революция» № 2 за 1926 год, стр. 57.

3 «Декреты Октябрьской революции». М. 1933.

4 См. Ленинский сборник XXI, стр. 98.

5 Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 142.

6 «Сб. д. и п.». Вып. I.

7 Там же, стр. 34.

8 Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 142—143.

Здесь важнейшую роль должен был сыграть моральный фактор, значение которого, как указывал Ленин, определялось самой спецификой интеллигенции. «Эти люди привыкли к культурной работе, они двигали ее в рамках буржуазного строя, т. е. обогащали буржуазию огромными материальными приобретениями, а для пролетариата уделяли их в ничтожных дозах,— но они двигали культуру, в этом состояла их профессия. Поскольку они видят, что рабочий класс выдвигает организованные передовые слои, которые не только ценят культуру, но и помогают проводить ее в массах, они меняют свое отношение к нам... Они будут побеждены морально, а не только политически отсечены от буржуазии»[1]. Таким образом, здесь первенствующее значение получала агитационно-воспитательная работа. Исходя из ленинских слов, среди многообразных форм привлечения учительства на одно из первых мест следует поставить всю позитивную работу советского правительства по развитию и реформе просвещения.

Советские декреты о перестройке школы, о высшем образовании, о подготовке учителей не только осуществляли конкретные задачи, отвечая потребностям пролетариата в области культуры, но и создавали в лице старой интеллигенции средства для выполнения этих задач.

Советское правительство решительно приступило к созданию свободной, истинно народной школы. Оно отделило школу от церкви и покончило с религиозным извращением школьного обучения. Оно признало равноправие национальностей и ввело принцип обучения на родном языке. Оно упразднило привилегированные учебные заведения. Было уничтожено раздельное обучение полов. Наконец, было узаконено бесплатное всеобщее обязательное образование.

Учительство видело, как наряду с политическим узаконением принципов подлинно демократической школы, благодаря советской власти начали с первых же дней Октября тысячами возникать кружки ликбеза, народные университеты, рабочие клубы, избы-читальни. Оно видело, что слова о творческой работе, открывшейся перед ним,— не только красивые обещания. В стране, где раньше открытие новой школы было событием, теперь школы стали возникать десятками и сотнями, и к концу 1918 г. число новых школ лишь в 17 губерниях РСФСР достигло 8 тысяч[2].

Наряду с этим советское правительство в ряде мероприятий проявляет свою заботу о материальном положении учительства. Учителя на деле увидели осуществление большевистских заявлений об учителе как важнейшей фигуре нового общества.

3 января 1918 г. было опубликовано постановление СНК, которое, «не предрешая вопроса о размерах жалования народным учителям за 1918 г.», ассигновывало Народному комиссариату по просвещению сумму в 12 млн. 520 тыс. рублей для выдачи единовременных пособий[3]. Начиная с марта 1918 г. учительские ставки были увеличены более чем вдвое[4].

Для того чтобы практический эффект этой меры был ясен, следует указать, что Временное правительство довело учительство до настоящего голода. «Год без жалования», «не приступаем к занятиям ввиду необходимости искать другой заработок» — такие сообщения неоднократно встречались даже в кадетских учительских журналах.

---

[1] Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 142—143.
[2] «Внешкольное образование» № 1 за 1919 год, стр. 89.
[3] «Сб. д. и п.». Вып. I, стр. 32.
[4] Там же, стр. 85.

Одновременно советское правительство наглядно демонстрировало учительству свое стремление повысить его знания, всемерно улучшить и расширить дело его подготовки. В первые же несколько месяцев своего существования оно организовало 42 учительских семинарии, 120 педагогических курсов, 4 учительских института. Структура и учебные планы педагогических учебных заведений были реформированы.

Привлекая учительство на сторону народа, советская власть одновременно решала другую кардинальную задачу своей политики — готовить кадры молодой советской рабоче-крестьянской интеллигенции, кадры нового учительства.

Все эти меры сочетались с еще одним важнейшим мероприятием. То была организация Союза учителей-интернационалистов. Насколько большое внимание уделял Ленин союзу, видно из того, что он лично выступал на I и II съездах союза.

По мысли Владимира Ильича, Союз учителей-интернационалистов должен был стать для колеблющейся массы учительства притягательным центром и одновременно переходной ступенью на пути к полному признанию советской власти. Именно поэтому было выбрано для союза не название «коммунистов» или «социалистов», а широкое и даже несколько расплывчатое понятие «интернационалистов». Усматривая смысл союза в его «переходном» характере, Ленин боролся против тех, кто, ратуя за «чистоту рядов», стремился оставить вне союза учителей, не ставших еще стопроцентными коммунистами.

«Главная задача,— говорил Ленин,— ...создать более широкий и по возможности всеобъемлющий учительский союз... привлечь самые широкие учительские массы... воспитать наиболее отсталые слои учительства, подчинить их общепролетарской политике, связать в общую организацию» [1].

Союз учителей-интернационалистов возник в начале декабря 1917 года. Первые ячейки союза, возглавлявшиеся коммунистами и объединившие учителей, сразу же перешедших на сторону революции и враждебных организованному ВУС саботажу, образовались в Петрограде, а затем в Москве.

6 декабря «Правда» поместила следующее воззвание образовавшегося союза: «Товарищи учителя, к вам обращаемся мы, учителя-интернационалисты, в эту трудную минуту, когда так тяжело наше положение в старой школе, где большинство педагогов, ставших на сторону врагов народа, проводят или готовятся провести забастовку-протест против власти народа, против власти советов, в лице их представителей, народных комиссаров, когда учителей, идущих с народом, травят и исключают из учительских союзов, к вам, оставшимся верными народу, обращаемся мы и зовем вступить во вновь образовавшийся союз учителей-интернационалистов, чтобы в единении с народом создать новую, социалистическую школу и поставить жизнь и дело учителя в условия, позволяющие ему спокойно работать на благо народа и воспитывать будущих граждан социалистической Российской республики» [2].

Общее собрание Союза учителей-интернационалистов состоялось 7 декабря 1917 г. в здании Наркомпроса [3]. Собрание постановило, чтобы члены Союза учителей-интернационалистов вышли из ВУС в связи с проводимым последним саботажем, и бюро Союза учителей-интернационалистов было поручено «обратиться в отделы Всероссийского учительского союза с предложением учителям, примыкающим

---

[1] Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 475—476.
[2] «Правда» № 207 138 от 19(6) декабря 1917 года.
[3] «Известия» № 245 от 7 декабря 1917 г.; «Правда» от 13(26) декабря.

к левым социалистическим течениям, поступать на местах аналогично решению своих петроградских товарищей»[1].

Уже на этом первом собрании с внеочередным заявлением выступила группа учителей, «отделившаяся от Всероссийского учительского союза в момент решения вопроса о забастовке», заявляя свой протест действиям ВУС и солидарность с Союзом учителей-интернационалистов[2].

В соответствии с ленинской концепцией перевоспитания старой интеллигенции метод работы Союза учителей-интернационалистов заключался в практическом вовлечении учительства в непосредственную позитивную работу советской власти в области просвещения. Именно этим путем должна была прежде всего осуществляться ленинская мысль о «моральной победе» над интеллигенцией.

«Переустройство школы на новых началах, соответствующих новому строю», было официально провозглашено основной задачей союза[3].

Союз учителей-интернационалистов установил теснейшую связь с советскими просветительными органами. Союз входил во все комиссии, созданные при Наркомпросе, занимался вопросами улучшения материального положения учителей, реформой школьного и внешкольного дела, посылал своих членов в провинцию, был представлен в Государственной комиссии по просвещению[4].

Репрессии в отношении вождей ВУС, ликвидация контрреволюционных учебных округов, создание демократической атмосферы в школе, плодотворная реформа всего дела народного образования, организация и деятельность Союза учителей-интернационалистов, широкая агитационная разъяснительная работа большевистской печати — вся эта политика, настойчиво и последовательно проводившаяся партией и советской властью, достигла своих результатов: вызвала поворот широкой учительской массы к революции, укрепила группу левого учительства, лишила реальной базы антисоветские замыслы ВУС и затеянную им стачку.

Уже в декабре 1917 г. «Правда» опубликовала ряд писем, отражающих перемену настроений среди учительства. «Я считаю, что интеллигенция ведет себя позорно»[5],— писала учительница Попова, сообщая об исключении ее вусовцами из педагогического совета. Учительница с 24-летним стажем Д. Н. Белова заявляла о своем выходе из ВУС, «ставшего на сторону врагов народа, в ряды саботажников, исключающего членов за их политические убеждения и утверждающего полицейский контроль педагогических советов над внешкольной деятельностью преподавателя»[6].

Еще более ярко, в буквальном соответствии с ленинским прогнозом, отражало сдвиг в учительстве следующее письмо, адресованное А. В. Луначарскому:

«Товарищ Луначарский! Я народный учитель церковно-приходской школы... обращаюсь к Вам с чистым сердцем и открытой душой, что я признаю вашу работу для народа «святой». Вы действительно явились раскрепостителем народной школы; все ваши декреты по народному образованию — это и есть истинные выразители воли народной школы. Тов. Луначарский, не бойтесь и далее так продолжать свою работу, как вы ее начали и продолжаете.

---

[1] «Правда» от 26 (13) декабря 1917 года.

[2] Там же.

[3] «Сборник Всероссийского союза учителей-интернационалистов» № 1, стр. 11. М. 1918.

[4] Там же, стр. 13.

[5] «Правда» от 29 (16) декабря 1917 года.

[6] Там же.

Если только нашлась кучка саботажников-учителей, которые не желают работать для народа и вместе с народом, то знайте, что много народных учителей, которые вместе с вами душой и телом.

Да здравствует свободная школа! Да здравствует народный комиссар по просвещению! Да здравствуют учителя-интернационалисты!

1917.25 декабря.

Учитель Ч е п ы х»[1].

Шаг за шагом руководимая ленинскими идеями партия отвоевывала все более широкие слои учительства у контрреволюции, пополняя ими ряды Союза учителей-интернационалистов, обрекая контрреволюционный саботаж на полный крах.

III

Как мы уже упоминали выше, главари забастовки по вполне понятным причинам предпочли проводить забастовку, укрывшись за спиной других организаций. Признаки раскола в учительской среде — непосредственный переход отдельных учительских групп на сторону революции, письма возмущения в большевистских газетах, выход многих учителей из союза — вселили главарям ВУС неуверенность. Они опасались, что стачка обнажит политическую сущность их планов в глазах учительства. Эти колебания обусловили длительную отсрочку начала забастовки и решение ВУС отойти на задний план. Среди главарей союза наблюдалось отсутствие единства в вопросе и о форме стачки. Одни считали необходимым объявить немедленную и длительную забастовку «до победы», другие допускали мысль лишь о присоединении к всероссийской стачке в случае ее объявления, третьи стояли за краткую демонстративную стачку. Мало того, самая дата забастовки была характерна для того положения, в котором находился ВУС. Стачка была объявлена в понедельник 18 декабря, а 20 декабря начинались рождественские каникулы. Следовательно, фактически стачка должна была продолжаться всего два дня, после которых занятия все равно кончались вне зависимости от желания учителей.

Первые же дни забастовки показали, что в результате политики советской власти за два месяца, истекшие со дня пролетарской революции, в учительской массе образовалась глубокая трещина.

ВУС приходилось втягивать учителей в забастовку почти насильно. «У нас требовали, а не просили примкнуть»[2],— прямо заявлял участник одного из учительских собраний. На совместном заседании союза педагогических советов, союза учащих начальных училищ и союза родительских комитетов было постановлено, «что не произошло таких внешних событий, которые могли бы побудить среднюю школу выступить»[3], но все же было решено выступить, подчиняясь дисциплине. Собрание учащих ведомства государственного призрения решило объявить забастовку «на два дня» «для того, чтобы не оставить без поддержки учащих городских школ»[4]. В Царскосельской гимназии «было созвано экстренное заседание педагогического совета. Обычное настроение — отрицательное к забастовке. Но раз посылали в организацию делегата, то постановление организации обязательно. Поэтому забастовке подчинились»[5]. Там, где не удавалось сыграть на чувствах товарищества, ВУС прибегал к угрозам. «Шло наше оплевание,— жаловался участник одного из вусовских заседаний, противник стачки,— слышались выражения: трусы, дезертиры и т. п.»[6].

[1] ЦАОР, ф. 2306, оп. 3, д. 375, лл. 25—26.
[2] ЦАОР, ф. 336, оп. 5, д. 12, л. 19.
[3] Там же, л. 20.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Там же.

В некоторых случаях вусовцы решали вопрос о вхождении в стачку даже помимо учительства. Данные петроградского Союза педагогических советов по 13 педсоветам показывают, что в 8 случаях «обсуждения не было», «заседания совета не было», или «единогласное мнение против забастовки»; еще в одном «выяснилось безусловно отрицательное отношение»[1]. Анкета, проведенная тем же союзом, показала, что на вопрос: «Отношение к забастовке родителей» — ответ был: «Всюду отношение принципиально отрицательное»[2]. 17 декабря на заседании этого союза возникли бурные прения вокруг предложения выйти из ВУС, который, по словам делегатов, «доживает последние дни». Это предложение 15 голосами против 14 было снято с повестки. Голосование по вопросу, «принимаем ли мы участие в забастовке впредь до открытия Учредительного собрания», дало 32 голоса против забастовки и 2— за. И только предложение признать «необходимой забастовку как моральную поддержку учителей, вступивших на этот путь», получило 21 голос против 17[3].

В 20-х числах декабря, в период объявления забастовки, окончательно вышли из временного петроградского совета учительских делегатов и ВУС ввиду несогласия со стачкой следующие крупнейшие учительские организации Петрограда: союз педагогических советов правительственных учебных заведений, союз педагогических советов бывшего ведомства императрицы Марии, делегатское собрание учебно-воспитательных заведений министерства государственного призрения, союз высших начальных училищ, совет союза родительских комитетов. Кроме того учителя десятков гимназий, помимо объединяющих их организаций, прислали в ВУС заявления о своем выходе из него и прекращении забастовки[4].

В этих условиях 28 декабря ВУС созвал делегатский съезд большого совета с целью подвести итоги десятидневной борьбы. Вожаки учительской контрреволюции вынуждены были признаться, что их планы потерпели неудачу. «Масса народная на стороне большевиков,— говорит один из главарей союза.— Надо искать иные методы борьбы. Забастовка нецелесообразна с точки зрения политического удара». Делегаты прямо указывают, что продолжение стачки бесполезно, так как может вызвать лишь дальнейшую потерю ВУС своих позиций. «Большой совет не является выразителем настроения учительских масс. Его директивы не отвечают жизни, могут повиснуть в воздухе». Один делегат констатирует, что ВУС руководить забастовкой уже не в состоянии. «Нет прочности союза, нет сил и средств для борьбы. Да и не пойдет на забастовку деревенский учитель»[5].

6 января общее собрание временного петроградского совета учительских делегатов объявило учительскую забастовку прекращенной и предложило 7 января (срок окончания каникул) «восстановить обычный ход школьной жизни»[6]. На этом кончилась петроградская стачка, на которую ВУС возлагал самые большие надежды.

Правда, в отдельных провинциальных городах забастовки еще продолжались. Но каждый день приносил и здесь новые победы советской политике и поражения контрреволюции: то распадается группа ВУС, подчиняясь директивам комиссара, то сдается педагогический совет, принимая в свою среду представителей совета рабочих депутатов, то целая уездная организация вступает в Союз учителей-интернационалистов.

[1] ЦАОР, ф. 336, оп. 5, д. 12, л. 20.
[2] Там же, лл. 15—16.
[3] Там же, лл. 20—22.
[4] «Бюллетень временного петроградского совета учительских делегатов» № 2 за 1918 год, стр. 11.
[5] «Народный учитель» № 2 за 1918 год, стр. 9—11.
[6] «Петроградский учитель» № 2 за 1918 год, стр. 11.

«Перед нами, в сущности, конец борьбы, поражение в борьбе именно политической, единственно существенной в настоящее время» [1],— пишет в феврале «Новая школа».

Созванный в конце месяца делегатский съезд ВУС Московской губернии принял резолюцию, характерную как по своему тону, так и по содержанию: «Съезд... не считая нравственно возможным для учительства признать новую власть правильным выражением народной воли, тем не менее признает в настоящий момент невозможным коллективное выступление учительства против этой власти в форме забастовки, так как оно явится совершенно изолированным» [2].

Давно умиравшая московская стачка кончилась вслед за роспуском союза служащих [3]. В переговоры от имени саботажников вступил союз родительских организаций. Он требовал возвращения на прежние должности уволенных за саботаж учителей, но, встретив непреклонный отказ советских органов, стачечники капитулировали [4].

Еще более характерен крах забастовки в Уфе. Здесь образованный на съезде советов ревком постановил упразднить окружное учебное управление и 20 декабря уволил попечителя. 21 декабря началась учительская забастовка протеста. Любопытный факт характеризовал сущность и судьбу движения: выяснилось, что среди учительства царило «недоумение», так как «учительство с самой весны вело борьбу с окружным управлением». Таким образом, волею ВУС учителям пришлось защищать тех самых людей, снятия которых они добивались уже около года. Все же, когда ревком предписал, чтобы 15 января все школы приступили к занятиям, лишь небольшая часть преподавателей согласилась начать работу. Тогда советские органы перебросили в город сельских учителей, а преподавание в младших классах поручили старшим ученикам [5]. 16 января все до единой школы работали. «Опешившие» забастовщики сделали попытку открыть впротивовес советским частные школы. Но и эта затея потерпела неудачу. Отряд за отрядом начал сдаваться. Разгон земства, возглавлявшего контрреволюционную борьбу, был последним ударом, нанесенным уфимской стачке политикой советских органов [6].

В Корчеве местное отделение ВУС созвало в январе 1918 г. учительский съезд, намереваясь объявить на нем забастовку. Съезд был распущен советскими органами. Стачка была сорвана благодаря тому, что «крестьяне отнеслись к этому съезду враждебно, осудили учителей за саботаж» [7]. В Дорогобуже «шла борьба между учителями начальных школ и учителями средних школ. Прогрессивная часть учительства оставила ВУС и вступила в Союз учителей-интернационалистов» [8].

В Бронницах «на одном собрании союза учителей было внесено предложение о забастовке против советской власти». Но учительство вынесло постановление «не вмешиваться в политику». В Раменском учителя попытались начать стачку, «но этому было оказано сильное сопротивление со стороны фабрично-заводского комитета» [9]. В Костроме учительский съезд принял резолюцию о поддержке Союза учителей-интернационалистов и признал позицию ВУС «вкорне неправильной и не отражающей настроение учащихся» [10].

---

[1] «Новая школа» № 3 за 1918 год, стр. 163—164.

[2] «Народный учитель» № 5—6 за 1918 год, стр. 13. Разрядка моя.—*Ю. О.*

[3] «Народный учитель» № 10, стр. 4.

[4] Там же.

[5] Сельские школы самими организаторами стачки «были изъяты из забастовки». «Народный учитель» № 7—8 за 1918 год, стр. 14.

[6] См. «Новая школа» № 5—6 за 1918 год.

[7] «Народное просвещение». Приложение к «Известиям ВЦИК» № 8 за 1918 год.

[8] Там же.

[9] Там же.

[10] «Вестник народного просвещения Союза коммун Северной области», № 4—5 за 1918 год, стр. 55.

К весне 1918 г. учительские стачки оказались ликвидированными повсеместно.

Подводя итоги движению, орган саботажников «Народный учитель» писал: «Учительская забастовка сорвалась, оказалась ничтожным средством в борьбе с большевизмом, сыгравшим только наруку большевистской демагогии, а для самих участников ее — трагическим по своим тяжелым последствиям»[1]. Это было признание полной победы ленинской политики в отношении интеллигенции.

Анализируя причины своего поражения, контрреволюция была принуждена признать, что «учительство представляет из себя один из отрядов интеллигенции. Революция сразу же размежевала разнородные отряды интеллигенции по различным враждебным между собой лагерям. Вскрылась социальная основа различных слоев учительства, оказалось, что оно не представляет собой однородной массы, одинаковых интересов и стремлений»[2].

IV

Весной 1918 г. заканчивается первый этап взаимоотношений советской власти с учительством. Завершилась крахом возглавленная контрреволюционными партиями открытая острая борьба учительского союза против пролетарской диктатуры. Крах этот находился в глубокой связи с общими революционными победами советской власти.

«Период с ноября 1917 года по февраль 1918 года Ленин назвал периодом «красногвардейской атаки на капитал»[3]. В эти месяцы советское правительство одержало решительные успехи, осуществляя свою задачу — «сломить хозяйственную мощь буржуазии... сломать буржуазный аппарат государственной власти и победоносно ликвидировать первые попытки контрреволюции свергнуть Советскую власть»[4]. Крах учительской стачки был частью этой победы, как сама стачка — частью контрреволюционной борьбы. Практически разгром Каледина и Дутова лишал на время реальной базы вусовский проект создания из армии учителей антисоветских диверсантов и агитаторов.

Вместе с тем происшедший в учительстве поворот был связан с отмеченной Лениным общей переменой в позиции всей интеллигенции.

Касаясь вопроса об учительстве на заседании ВЦИК 11 апреля 1918 г., А. В. Луначарский констатировал успешность и правильность советской политики в этой области: «Теперь пришло время, когда с полной уверенностью можно сказать, что весь передовой элемент готов с нами идти работать. От прежней подозрительности об отсутствии у нас компетенции или о варварском подходе к нашей школе не осталось и следа»[5].

С весны 1918 г. начался новый период в тактике ВУС. Если зимой можно было действовать, используя относительную слабость советской власти, то теперь кадетам и эсерам приходилось бороться против укрепившейся и одержавшей крупнейшие победы пролетарской диктатуры; если зимой ВУС опирался на более или менее широкое влияние в учительских массах, то теперь приходилось учитывать прогрессирующую утрату этого влияния. ВУС переходит к методам локальной замаскированной борьбы. «Известия ВУС» следующим образом определяют условия, создающиеся для новой тактики союза: «С тех пор как ясно определилось, что правительство советское и комиссарское в известной мере

---

[1] «Народный учитель» № 11—12 за 1918 год, стр. 4.
[2] Там же.
[3] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 210.
[4] Там же.
[5] ЦАОР, ф. 1235, оп. 19, д. 5, л. 9.

поддерживается и признается народными массами, игнорировать его нельзя»[1].

Собравшийся в марте малый совет ВУС недвусмысленно провозглашает сущность новой тактики: «Только организованными усилиями всего учительства можно отстаивать каждую позицию, каждый шаг, уступая лишь необходимости и при первой возможности возобновляя борьбу».

Стремясь провести своих агентов в советский аппарат, большой совет ВУС на пленуме 9—12 мая принимает резолюцию о «допустимости» вступления членов союза в советские просветительные органы[2]. Характерно, что в вопросе о Союзе учителей-интернационалистов ВУС в тех же целях рекомендует в противоположность своей прежней позиции «крайне осторожное отношение»[3].

Выступая под «деловой» или даже миролюбивой маской, ВУС развернул широкую вредительскую деятельность. Всеми средствами срывали его агенты принятый НКП декрет о перевыборах учителей, вопя об оскорбительности его для «достоинства» педагога и добиваясь коллективных протестов учителей и срыва перевыборов.

На страницах собственных журналов ВУС открыл дискуссию о реформе школы, стараясь скомпрометировать каждый из пунктов законопроекта. ВУС извращал и саботировал постановления НКП, касающиеся внутренней жизни школы. Формально подчиняясь декрету, педагогические советы допускали на свои заседания учащихся с ограничением тем обсуждения, «в зависимости от порядка дня». Декрет о введении совместного обучения ВУС пытался сорвать замалчиванием.

Отделам Наркомпроса вслед за изданием какого-либо декрета приходилось посылать на места 5—6 дополнительных разъяснений, чтобы оградить первый от вредительских или саботажнических истолкований. Даже способы информации — вывешивание объявлений о своих постановлениях — НКП должен был тщательно регламентировать. Особенно сильные препятствия встретило проведение декрета об отмене закона божьего, так как в борьбе против этого декрета ВУС широко использовал религиозные предрассудки населения[4].

Несмотря на самые гнусные, вредительские методы борьбы с трудящимися, которые применял ВУС, дело учительской контрреволюции становилось все безнадежней. Десятки, сотни и тысячи учителей отходили от ВУС, становились на сторону народа. На заседании Государственной комиссии по просвещению 23 мая 1918 г. представитель Союза учителей-интернационалистов указывал на полный развал ВУС. Из трех тысяч членов Московского союза деятелей средней школы в мае оставалось в рядах ВУС 900. «Союз ничего не дает учительству, и оно уходит из него»[5]. Учительство сплачивалось вокруг Союза учителей-интернационалистов. Весной 1918 г. Союз учителей-интернационалистов уже насчитывал в своих рядах 12 тысяч педагогов. Произошло объединение московской и петроградской организаций союза, союзы учителей-интернационалистов десятками возникали в провинциальных городах.

Государственная комиссия по просвещению, заслушав в заседании 23 мая информацию представителя Союза учителей-интернационалистов, доклады Н. К. Крупской, А. В. Луначарского и П. Лепешинского, приняла резолюцию, провозгласившую «сотрудничество самое тесное с Союзом учителей-интернационалистов, как основного кадра нового учитель-

---

1 «Известия ВУС» № 2 за 1918 год, стр. 2.

2 «Новая школа» № 5—6 за 1918 год, стр. 343.

3 Там же.

4 См. по этому вопросу «Вестник народного просвещения Союза коммун Северной области» № 1 за 1918 год.

5 ЦАОР, ф. 2306, оп. 3, д. 69, л. 39.

ства», отвергая «в качестве средства сближения с учителями какие бы то ни было сговоры с Всероссийским учительским союзом»[1].

2—6 июня в Москве состоялся I всероссийский съезд учителей-интернационалистов, объединивший во всероссийском масштабе перешедшее на сторону народа учительство. 5 июня на съезде выступил В. И. Ленин. В предсъездовской статье, опубликованной 1 июня в «Известиях ВЦИК», Н. К. Крупская писала: «Учительские массы не могли оставаться в стороне от жизни и увидали многое, чего не видали и не понимали раньше. Учительство стало представлять собой почву, богатую для посева на ней социалистических идей»[2].

Советская политика пробуждала к активной политической жизни все более широкие слои трудящихся. Против саботажников из ВУС выступало теперь большинство школ. Сохранились адресованные Луначарскому письма, в которых 10—12-летние школьники разоблачают контрреволюционные замыслы учителей. Это замечательные документы эпохи. Детским неуклюжим почерком пишут ребята о своей преданности советской власти, об организации ими «подпольных комитетов» для борьбы с саботажниками, мешающими реформе.

«Товарищ Луначарский! — писали школьники Ставрополя-Самарского.— Вот уже 4 месяца существует Совет Народных Комиссаров. Вышло много декретов по народному образованию, но у нас в Ставрополе-Самарском ни один декрет не проведен в жизнь. Просим выслать нам все ваши декреты за вашей подписью, и мы заставим непокорных советской власти педагогов подчиниться вашим декретам, заставим тем самым и подчиниться вашей власти»[3].

15 апреля 1918 г. Н. К. Крупская поставила на повестку дня Государственной комиссии по просвещению детское письмо, в котором ученики коммерческого училища сообщали, что ввиду протеста против исключения из педагогического совета левых учителей они бастуют и их полностью поддерживает родительский комитет[4].

Ленин говорил, что источник изумительной силы советской власти заключается в том, что, возникнув, она уже в ходе развития обеспечивает собственное укрепление, так как с каждым днем пробуждает к политической сознательности и вовлекает под свои знамена все более широкие слои трудящихся.

Хотя черносотенные учителя продолжали вредительствовать, пытались препятствовать проведению в жизнь советских декретов, хотя в некоторых уездах целые организации шли еще за ВУС, школа все более превращалась в опору советской власти. «Мы теперь уже сильнее учительского союза»,— констатировала Н. К. Крупская на I съезде учителей-интернационалистов.

Когда 8 июля собрался I всероссийский съезд учителей, на котором присутствовало около 500 делегатов, представлявших сотни учительских организаций, т. е. фактически почти все учительство страны, то на нем всеми голосами при 8 воздержавшихся была принята резолюция, знаменовавшая огромную победу учительской политики советской власти и победу идеи Союза учителей-интернационалистов.

«1) Ввиду того,— гласила резолюция,— что ВУС в лице своих руководящих органов, как это видно из оглашенных документальных данных, вошел в контрреволюционный «Комитет спасения родины и революции», 2) что он организовал преступную учительскую забастовку против народа и его детей, 3) что он поддерживал сознательный и злостный саботаж учительства с целью окончательно разрушить весь школьный аппарат, 4) что он выступает против демократического принципа вы-

---

[1] ЦАОР, ф. 2306, оп. 3, д. 69, лл. 35—36.
[2] «Известия ВЦИК» от 1 июня 1918 года.
[3] ЦАОР, ф. 2306, оп. 108, д. 14, л. 13.
[4] ЦАОР, ф. 2306, оп. 3, д. 61, л. 6.

борности учителей самим населением,— Всероссийский съезд учителей перед лицом всего учительства заявляет, что он не может иметь ничего общего с ВУС, и горячо призывает всех товарищей отшатнуться от этой организации и идти в ряды союза учителей-интернационалистов»[1].

Еще через пять месяцев — 24 декабря 1918 г.— Всероссийский учительский союз, фактически распавшийся и бессильный, был распущен постановлением ВЦИК[2].

Так кончился второй период борьбы партии и советской власти за учительство. Разгоравшаяся в стране гражданская война открыла новую эпоху в судьбах старой учительской армии.

Подводя итоги этому периоду, Ленин говорил в январе 1919 г.: «Нельзя сомневаться в том, что громадное большинство учительского персонала, который стоит близко к рабочему классу и к трудящейся части крестьянства, что оно в громадном большинстве убедилось теперь, как глубоки корни социалистической революции, как неизбежно она распространяется на весь мир, и я думаю, что теперь громадное большинство учительства несомненно искренне встанет и будет становиться на сторону власти трудящихся и эксплоатируемых, в борьбе за социалистический переворот и в борьбе с той частью учительства, которая до сих пор, оставаясь на почве старых буржуазных предрассудков и старых порядков и лицемерий, воображала, что может что-нибудь сохранить от этих порядков»[3].

---

[1] «Народное просвещение». Приложение к «Известиям ВЦИК» № 9 от 20 июля 1918 года, стр. 1.

[2] «Известия ВЦИК» от 24 декабря 1918 года.

[3] Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 474.

ГРУЗИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Г. Хачапуридзе

I

Крестьянская реформа в 1864—1871 гг., проведенная в отдельных районах Грузии, имела для крестьян тяжелые последствия.

В прокламации «Не царская реформа, а народная революция», написанной товарищем Сталиным в 1906 г. по поводу крестьянской реформы в Грузии, говорится: «Крестьяне требовали землю, исстари принадлежавшую им и орошенную их собственной кровью. Царь же отобрал у крестьян эту самую землю и передал дворянству, разрешив им выкупить лишь часть своей же земли, и то по самой дорогой цене! Таким образом, у крестьян стало еще меньше земли.

Крестьяне требовали волю, свободу от дворянских оков. Царь же чуточку только облегчив им тяжесть этих оков, накинул на них более тяжелые оковы — оковы царя-самодержца! Таким образом, крестьянам пришлось работать под двойным ярмом дворян и царя.

Крестьяне требовали отмену дворянских податей. Царь же, уменьшив только эти самые подати, навязал им более крупные — государственные налоги, вконец подорвав, таким образом, основы крестьянского хозяйства!..

А чтобы доведенное до крайности крестьянство не восстало и не разнесло трон царского правительства, царь выдумал солдатчину, у крестьян же отнял он наилучших работников, переодел их в солдатские мундиры и заставил поклясться беспощадно стрелять в крестьян и рабочих, лишь только они осмелятся заговорить о своих человеческих правах!..

Правда, крестьянство добилось у правительства маленькой личной свободы, заставив его тем самым считаться с силой народного возмущения — потому именно и празднуем мы 19 февраля, но что значит для крестьян одна только такая личная свобода без земли и без настоящей воли?..

Вот что называется у них «освобождением народа», вот как они пили кровь народа под фирмой «освобождения народа»[1].

Во второй половине XIX в., несмотря на наличие сильных феодально-крепостнических пережитков в Закавказье и Грузии, во всех областях народного хозяйства сначала медленно, а затем более быстрыми темпами начинает развиваться капитализм. Причем огромное значение имело развитие промышленного капитализма в России.

«Русский капитализм, — писал В. И. Ленин, — втягивал... Кавказ в мировое товарное обращение, нивеллировал его местные особенности — остаток старинной патриархальной замкнутости,— *создавал себе рынок* для своих фабрик. Страна, слабо заселенная в начале пореформенного периода или заселенная горцами, стоявшими в стороне

---

[1] Тбилисский филиал Института Маркса—Энгельса—Ленина, фонд 33.

от мирового хозяйства и даже в стороне от истории, превращалась в страну нефтепромышленников, торговцев вином, фабрикантов пшеницы и табаку»[1].

Крупное значение для экономического развития всего Закавказья имело устройство здесь путей сообщения. В 1857 г. было учреждено «Русское общество пароходства и торговли» и начались правильные рейсы между Одессой, Редут-Кале и Трапезундом. В 1858 г. открывается для иностранной торговли порт в Поти и по реке Риону начинают ходить пароходы. В 1860—1862 гг. Грузия связывается с Центральной Россией телеграфом. В 1857—1861 гг. была реконструирована Военно-грузинская дорога и установлено регулярное движение дилижансов по ней до Ростова на Дону. Политические и экономические соображения настоятельно выдвигали необходимость связать Закавказье с Центральной Россией железной дорогой. В 1865 г. была начата постройка Закавказской железной дороги. 9 июня 1873 г. было открыто железнодорожное сообщение между Тбилиси и Поти. В 1883 г. была окончена постройка железнодорожной линии от Самтреди до Батуми и от Тбилиси до Баку. В конце XIX в. рельсовым путем были соединены Черное и Каспийское моря и весь край — с Европейской Россией. Проведение железных дорог ускорило социальное и политическое разложение старого строя и создавало предпосылки для развития в Закавказье машинной индустрии.

Особенно быстро начал развиваться Баку, превратившийся в крупный промышленный и рабочий центр. Наряду с местными и российскими капиталами в бакинскую нефтяную промышленность были вложены весьма значительные иностранные капиталы. В конце XIX в. иностранные вложения в бакинскую нефтяную промышленность исчислялись приблизительно в 47 млн. рублей. В 1865 г. в Баку было добыто нефти 557 тыс. пудов, а в 1902 г.— 637,7 млн. пудов.

В 1860 г. англичанином Руксом был открыт первый механический завод в Тбилиси. В 1865 г. здесь начала работать первая в Грузии текстильная фабрика Мирзоева.

В 70-х годах в Грузии помимо того существовали заводы: Чатахский — чугунолитейный, Аллавердский, Шамплугский, Ахтальский — медеплавильные. В Ширакской и Эльдарской степях производилась разработка нефтеносных земель, где добывалось в год до 40 тыс. пудов нефти.

С 1879 г. исключительно быстрыми темпами росла марганцевая промышленность, центром которой стала Чиатура с ее мировым запасом марганцевой руды. К концу XIX в. марганцевой руды добывалось уже более 600 тыс. тонн. С ростом потребности железных дорог в каменном угле увеличивается его добыча в Ткибули. В 1884 г. там было добыто 84 тыс. пудов каменного угля, а в 1898 г.— 1864 тыс. пудов. В тот же период, правда, в незначительных размерах, начинается разработка Ткварчельских каменноугольных копей.

В 1883 г. в Тбилиси были открыты главные железнодорожные мастерские и депо Закавказской железной дороги, где работало до 3½ тыс. рабочих. В 1890 г. в Тбилиси начинает работать ряд новых фабрик и заводов: кожевенных, винно-коньячных, мыловаренных и др. Крупным промышленным центром Грузии становится Батуми, где в 1890 г. было более 10 крупных промышленных предприятий, связанных главным образом с вывозом через Батумский порт бакинской нефти заграницу. В 1900 г. была окончена постройка керосинопровода Баку—Батуми.

Но в общем большинство промышленных предприятий Грузии в описываемый период были мелкие и технически отсталые. Тбилиси продолжал оставаться преимущественно административным центром с много-

[1] Ленин. Соч. Т. III, стр. 464.

численным царским чиновничеством, жандармерией, войском и всякого рода торговцами. Товарищ Сталин в 1918 г. писал: «Характерной чертой Закавказья является его экономическая отсталость. Если не считать Баку, этот промышленный оазис края, движимый главным образом заграничным капиталом, то Закавказье представляет аграрную страну с более или менее развитой торговой жизнью по краям, у берегов морей и с крепкими еще остатками чисто крепостнического уклада в центре»[1].

Проведение железной дороги, возникновение промышленности, развитие в сельском хозяйстве торгово-денежных отношений вызывали рост торговых оборотов в Закавказье и Грузии. В 1872 г. оборот заграничной торговли по Закавказью исчислялся в 15 079,4 тыс. руб., а в 1893 г. он составлял уже 55 835 тыс. рублей. В Тбилиси, Батуми, Кутаиси, Поти и Сухуми было введено городовое положение 1870 г., в остальных городах и местечках городское хозяйство было оставлено в ведении местной полицейской власти.

В 1867 г. в Тбилиси было открыто отделение Российского государственного банка. В 1871 г. здесь начинают свои операции Коммерческий банк, Общество взаимного кредита и другие финансово-кредитные учреждения. В 1874 г. Коммерческий банк был открыт в Кутаиси.

Со второй половины XIX в. в Грузии наблюдается быстрый рост населения и особенно быстрый рост городов. В начале XIX в. грузин считалось около 380 тыс. человек, по переписи же 1897 г., население Грузии (без б. Артвинского округа и части Борчалинского уезда) было около 1318 тыс. человек. В Тбилиси в 1865 г. жителей было 67 770 человек, а по переписи 1897 г.,— 160 645 человек. Так же росли и другие города: Кутаиси, Батуми, Поти, Гори и др. В 1865 г. во всех городах Грузии было 120 899 человек, а в 1897 г. население их возросло до 296 372 человек.

«Рядом с процессом усиленной колонизации Кавказа,— писал В. И. Ленин, — и усиленного роста его земледельческого населения шел также (прикрываемый этим ростом) процесс отвлечения населения от земледелия к промышленности»[2].

Вместе с ростом в Грузии после крестьянской реформы промышленности и торговли становилась более многочисленной и буржуазия (и в том числе национальная, грузинская). Об этом свидетельствуют данные о росте промышленных предприятий, о повышении торговых оборотов, о расширении деятельности банков и кредитных учреждений, об увеличении числа частных домовладений в городах и развитии городского строительства.

Лучшие районы в городах, в частности в Тбилиси, застраиваются преимущественно крупной буржуазией. Весьма заметную роль в жизни страны начинают играть составившие себе крупные капиталы на казенных подрядах купцы Зубалишвили, Сараджишвили, Хоштария и др.

Одновременно с развитием промышленности в Грузии появляется и растет промышленный пролетариат. Он формировался из разорявшихся городских ремесленников, которые своими кустарными изделиями не могли конкурировать с товарами фабричной промышленности.

Если в Тбилиси в 60-х годах XIX в. ремесленников числилось 11 500 человек, то в 1885 г. число их сократилось до 6 тысяч.

Но главным резервом рабочей силы для промышленности являлась деревня. Бегство бесправного крестьянства в города в погоне за куском хлеба и в силу стремления избавиться от беспощадной эксплоатации помещиков началось еще до отмены крепостного права.

Такого беглеца-крестьянина, живущего впроголодь, очень хорошо описал известный грузинский общественный деятель Н. Николадзе

---

[1] И. Сталин «Сборник статей», стр. 18. Партиздат ЦК КП(б)Г. 1935.

[2] Ленин. Соч. Т. III, стр. 464.

в своей корреспонденции в «Колоколе» Герцена: «Муша (рабочий) в Грузии не имеет никаких прав гражданства, он даже не мещанин и не срочно-отпускной, он просто-напросто беглый. Имеретинские, гурийские, мингрельские и рачинские крестьяне, не покорившись помещичьей власти и не выдержав барского кнута, бегут в Тифлис... Отречение от семьи и родины спасает крестьянина от помещичьей власти, но зато ставит его в зависимость от буржуазии и чиновничества, в рабство куска хлеба. Работа громадного большинства состоит в таскании камней, песку и извести для строений, воды и дров для жителей, и за подобный труд редко получается два—три абаза (40—60 коп. серебром)»[1].

После ликвидации в Грузии крепостного права бегство обнищавшей крестьянской массы в города, где стали открываться фабрики и заводы, еще более усиливается. «Такие селения, как Хидистави, Амаглеба, Суреби, Чохатаури и пр., отсылают большую часть своих рабочих рук в промышленные центры Кавказа, главным образом в Батум, Поти, Новороссийск. Гурийцы составляют значительную часть промышленных рабочих по всему побережью Черного моря; много их идет на бакинские промысла, а также в Тифлис и другие города. Нужда разбросала их по всей России и загнала даже на восток Азии, где их насчитывается несколько десятков тысяч душ»[2].

Положение рабочих в Грузии было чрезвычайно тяжелым. Капиталистическая эксплоатация усугублялась политическим национально-колониальным угнетением. Рабочий день на фабрике и заводе законом не регулировался и достигал 14 часов, а вместе с обязательной сверхурочной работой — 17 часов. Рабочий превращался на фабрике, по словам Ленина, «не только в наемного, но и кабального раба». В промышленных предприятиях Грузии широко применялся женский и детский труд.

Рабочие получали нищенскую заработную плату. Охраны труда не существовало, на предприятиях царил произвол администрации. В результате, например на текстильной фабрике братьев Мирзоевых (в Тбилиси), несчастные случаи были очень часты, предохранительных мер никто не принимал. Никакой компенсации рабочим за увечья предприниматели не платили, пострадавших просто выбрасывали на улицу. Рабочих нанимали на год, деньгами им платили 20 руб. в год, кормили скудно и выдавали один раз в год одежду. Когда в 1872 г. рабочие Мирзоева заявили протест против произвольного снижения заработной платы, управляющий фабрикой цинично ответил: «Кому выгодно, пусть работает, кому же нет — пусть уходит, куда ему угодно»[3].

Жильем рабочие не были обеспечены. В Тбилиси они ютились на окраине, в Нахаловке, в тесных и скученных хибарках. В Чиатуре рабочие спали под открытым небом, а во время непогоды и зимой ночевали в копях.

Фабрично-заводская инспекция в Грузии была введена лишь в начале 1902 г., но деятельность ее была чисто формальной.

Общее количество промышленных рабочих в конце XIX в. в Грузии достигало 24 тыс. человек. О том, насколько чудовищной была эксплоатация рабочих и как усугублялась она вследствие национально-колониального гнета, свидетельствуют следующие слова ближайшего соратника Сталина, стойкого революционера-ленинца Л. Кецховели. В 1901 г. он писал: «Грузинский рабочий эксплоатируется вместе с русским и армянином, мучается, страдает, задыхается в царстве насилия со связанными руками, прикованный к бездушной машине, продукт которой целиком достается ее собственнику, а трудящемуся перепадают

[1] «Колокол» № 204 за 1865 год.

[2] В. Каландадзе и В. Мхеидзе «Очерки революционного движения в Гурии», стр. 4. СПБ. 1906.

[3] Газета «Дроэба» № 15 за 1872 год.

остатки, объедки со стола, позволяющие ему тянуть мученическую лямку. На одной стороне — трудящийся, на другой — собственник орудий производства; на одной стороне — бедность, на другой — богатство и роскошь. Первый создает богатство, а сам изнывает в бедности; второй — даром, без затраты труда, присваивает это богатство и развлекается пирами во дворцах. Стоны многочисленного народа, полуживотное существование в грязных и затхлых подвалах»[1].

II

Капитализм пробивал дорогу и в сельское хозяйство Грузии, разрушая натурально-патриархальные его формы, преобразуя мелкое крестьянское хозяйство и делая его зависимым от рынка.

Об этом свидетельствует, между прочим, тот факт, что вывоз кукурузы заграницу из одной только Западной Грузии к 1894 г. достиг 7 млн. пудов. В сельское хозяйство, хотя и медленно, начинают внедряться товарные культуры. Особенно увеличивается табаководство, центром которого становится бывший Сухумский округ. В Аджарии начинают культивировать чай, цитрусовые, бамбук и другие южнотропические растения. В Западной Грузии увеличивается производство шолка. В Карталинии получает промышленное значение плодоводство. Центром виноградарства и виноделия являлась Кахетия, где в отдельных хозяйствах оно было поставлено по западноевропейскому образцу, например в имениях бывшего Удельного ведомства, а также и у отдельных помещиков.

В грузинской деревне начинают все больше обостряться противоречия, с одной стороны, между помещиками, сосредоточившими в своих руках лучшую часть земель, и крестьянством, а с другой стороны, между основной массой крестьянства и кулачеством.

Рост богатства у небольшой группы и обездоленное, полуголодное и нищенское существование большинства — такова была типичная картина грузинской деревни.

«Загляните в какую-нибудь кахетинскую деревню, — писал корреспондент в газету «Иверия»,—(хоть даже в самый г. Телави) и понаблюдайте, какие две противоположные картины предстанут перед вами: с одной стороны вы увидите прекрасный двухэтажный дом европейской архитектуры, с другой — покосившуюся избу, которая больше похожа на курятник чем на дом. С одной стороны — вы увидите огромное богатство, иногда такое, что владелец, вследствие необразованности, не умеет пользоваться им, с другой стороны — страшную бедность и нищету! С одной стороны, вы слышите песни и хохот, с другой стороны— горе и плач»[2].

В конце XIX в. по 26 селениям Горийского уезда из всех категорий крестьян владели:

до 1 га	40,42%
» 2 »	21,37%
» 3 »	14,85%
» 5 »	11,53%
свыше 5 »	8,83%[3]

Если считать владеющих землей до 2 га бедняками, от 2 до 5 га— середняками и свыше 5 га — кулаками, то окажется:

бедняков	64,79%
середняков	26,38%
кулаков	8,83%

[1] Газета «Брдзола» № 1 за 1901 год.
[2] Газета «Иверия» № 13 за 1878 год.
[3] Журнал «Кавказское сельское хозяйство» за 1903 год, стр. 955—956.

В Западной Грузии малоземелье было еще острее. Наиболее безземельным районом была Гурия, где, по данным 80-х годов, 83% государственных крестьян и 89% крестьян-собственников фактически были или почти безземельными или имели земли не более 4 га на двор. Показателем степени расслоения крестьянства является распределение домашнего скота. Так, в Кахетии, в бывшем Телавском уезде, верхушка деревни прибрала в свои руки 44% всего скота, в то время как 54% крестьянских хозяйств вовсе не имели рабочего скота, а 14% хозяйств имели только по одной голове.

Систематически нуждаясь в деньгах, крестьяне могли занять их у ростовщиков за чрезмерные проценты. Заем приводил иногда бедняка к фактическому рабству. Бывали случаи, когда за долги умершего отца сын должен был служить батраком у деревенского богача в течение нескольких лет[1].

«Обеднению и упадку благосостояния крестьянина, — писал известный грузинский общественный деятель и литератор С. Месхи, — в настоящее время, между прочим, содействовали две экономические силы: сельская буржуазия — ростовщики и бывшие крепостники... Как бы мы решительно ни протестовали, бывший крепостник..., если сумеет отобрать у крестьянина половину урожая, отберет. Сколько бы мы ни убеждали ростовщика, он с десяти рублей взыщет с бедного крестьянина в конце года проценты в 20, 30, 40 рублей или же натурой на эту сумму»[2].

Известный грузинский писатель Э. Ниношвили в рассказе «Гогия Уишвили» ярко изобразил тип народившегося в деревне кулака в лице Давида Дроидзе. В руках последнего сила и богатство, в то время как большинство крестьян бедствует и находится на пути к вырождению. Между Давидом Дроидзе и остальными крестьянами пропасть: «Давид Дроидзе стал в своей деревне царьком».

Помещичье хозяйство в Грузии после реформы 60-х годов медленно переходило к капиталистическим методам эксплоатации, в основном оставаясь все еще крепостническим, базирующимся на докапиталистических формах эксплоатации крестьянских хозяйств. Например во всей Карталинии в конце XIX в. насчитывалось не более 4—5 имений и хозяйств, которые велись на капиталистических началах. Остальные помещики сдавали свои земли крестьянам в аренду на кабальных условиях. По данным официальной статистики, арендатор отдавал землевладельцу не менее 60% валового дохода с арендуемой земли. В некоторых же районах Грузии условия аренды были еще более тяжелыми: крестьяне в неурожайные годы должны были отдавать помещикам не только весь собранный на арендованной земле урожай, но и отдавать часть урожая с надельной земли. Правильного севооборота не существовало, в большинстве районов Грузии не придерживались даже трехполья. Техника земледелия была отсталая, удобрения не применялись. Все это вызывало резкое падение урожайности. Так, в Кутаисской губернии в 70-х годах урожай кукурузы с одного га в среднем равнялся 27—30 центнерам, а спустя 30 лет средний урожай кукурузы был всего 7—10 центнеров.

«Большая часть жителей нашего общества,— писал корреспондент в газету «Иверия» из Имеретии,— бедна. Пшеницу сеют редко. Все привыкли к кукурузе, но даже при благоприятном климате почти никто не может собрать столько урожая, чтобы хватило на год. Вино составляло единственный достаток у нашего общества, но и то последние годы сбор винограда и выход вина сильно стали уменьшаться в урожае»[3].

---

[1] Журнал «Кавказское сельское хозяйство» за 1899 год, стр. 182.
[2] Газета «Дроэба» № 12 за 1875 год.
[3] Газета «Иверия» № 207 за 1893 год.

С ростом населения и с увеличением спроса рыночная стоимость земли сильно возросла. Достаточно указать, что в Гурии, например, кцева земли (0,4 га) в конце XIX в. оценивалась в 500—800 рублей.

Наиболее выгодным для сельского хозяйства Грузии был бы переход к высокоценным сельскохозяйственным культурам (чай, цитрусовые, хлопок, табак и др.). Однако пережитки крепостничества, отсутствие средств и необходимых агрономических знаний лишали большинство крестьян возможности сделать такой переход и тем повысить доходность своих хозяйств. Тяжесть кабалы, в которой были крестьяне у помещиков и сельской буржуазии, увеличивалась поборами духовенства; последнее, помимо платы за требы, собирало с крестьян так называемые «драмовые деньги» (обычно по 2 руб. со двора). Духовенство поборы с крестьян обычно собирало натурой.

«Сплошь и рядом мне приходилось, — писал тионетский уездный начальник Леонтьев, — разбирать жалобы сторон, выяснять странные и дикие факты: священник, желая получить за венчание более установленной суммы (например в одном случае 10 руб.), начав венчание, прекращал его и, добившись у сконфуженных новобрачных и смущенной публики еще 15 рублей, кончал венчание; у крестьянки села Свимониантхеви умерли муж и ребенок; она заплатила священнику за похороны... 16 руб., 2 тунги (10 бутылок) вина, 2 баранов и 2 коды (один центнер) хлеба, т. е. около 35 руб., но священник остался недоволен и предъявил горем убитой женщине в сельский суд иск еще на 3 руб.» [1].

Считаясь «низшим» сословием, крестьяне, помимо государственных земских налогов, несли еще повинности: подводную, дорожную и т. п.

Тяжелое экономическое положение крестьян усугублялось политическим бесправием и национальным угнетением.

Таким образом, в Грузии и после крестьянской реформы под влиянием развивавшегося капитализма, усиливающегося национально-колониального гнета, эксплоатации массы крестьян помещиками и буржуазно-кулацкой верхушкой деревни, не только не были устранены противоречия, но еще более обострилась классовая борьба. К грузинской деревне вполне применима поэтому та характеристика, которую дал Ф. Энгельс русской деревне пореформенного времени. «Таким образом,— писал он,— самые условия, в которых очутился теперь русский крестьянин, толкают его к движению, которое, правда, в настоящее время лишь только возникает, но которое в силу ухудшающегося с каждым днем положения крестьянской массы, неудержимо будет идти все дальше и дальше» [2].

Во второй половине XIX в. в Грузии не прекращались массовые крестьянские выступления. Во главе движения обычно шла крестьянская беднота.

В 1876 г. началось движение в селениях Лаиси и Пахулани, Зугдидского уезда, в Мегрелии, и скоро оно охватило большую часть уезда. Для подавления восстания в Кутаиси были двинуты крупные военные силы. В деревне Лерпурцуме произошло столкновение крестьян с войсками, в результате было убито 18 крестьян и ранено 30.

В 1875—1876 гг. происходили восстания в так называемой Вольной Сванетии. Они были ответом на намерение царизма лишить сванов старинных «вольностей». Карательная экспедиция с исключительной жестокостью подавила восстание. Селение Халде, где началось восстание, было уничтожено. Руководители движения были арестованы и сосланы на разные сроки в отдаленные районы Сибири.

Война 1877—1878 гг. России с Турцией велась, как известно, одновременно на балканском и кавказском фронтах и, конечно, должна была

[1] Архивный отдел НКВД Грузинской ССР, ф. канцелярии наместника, отделение крестьянского стола № 570/529.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 253 (в сноске).

отразиться на пограничных с Турцией районах Грузии. Мобилизации в милицию, усиленная подводная повинность, прифронтовый военный режим и т. д. всей тяжестью легли на население Грузии.

В 1878 г. имело место выступление крестьян в Кахетии (бывшем Сигнахском уезде). Поводом послужило намерение властей в связи с войной произвести набор в милицию. Движение приняло массовый характер. Властям с трудом удалось подавить его.

Во время войны с Турцией 1877—1878 гг. подняли восстание крестьяне в Абхазии. Царизм жестоко отомстил абхазцам за «измену». По всей Абхазии свирепствовали карательные экспедиции. Многие деревни были превращены в развалины, уничтожались посевы, вырубались сады. Большая часть населения бежала в Турцию, оставшиеся были обречены на голодную смерть. Было издано следующее постановление:

«1. Все население возмутившихся местностей признать причастным к измене и виновным в мятеже и вследствие этого не производить особого расследования о степени причастности к мятежу каждой общины особо.

2. Во избежание возможности повторения событий 1866 и 1877 гг. виновное абхазское население сгруппировать таким образом: а) чтобы оно представляло не сплошную массу, а было разбросано между поселенцами, имеющими быть призванными на свободные земли, и б) чтобы оно было отделено от морского берега линией колонистских поселений»[1].

После окончания войны с Турцией, по Берлинскому трактату 1878 г., Россия получила на Кавказе Карс, Ардаган, Артвин и Аджарию с Батуми. Следует отметить, что аджарцы давали решительный отпор завоевательной политике царизма.

«Во всех трех войнах 1828—29 гг., 1853—55 гг. и 1877—78 гг. наши усилия овладеть Батумом, — пишет царский историк, — разбивались о могучее сопротивление не столько от турецких войск, сколько от народа, который, опираясь на свои, почти неприступные для атаки природно сильные позиции, успешно отстаивал свою территорию и вынуждал нас уходить, не достигнув цели — взятия Батума»[2].

Узнав о Берлинском трактате, закреплявшем Аджарию за Россией, десятитысячный отряд аджарцев готов был выступить на борьбу против царизма. Однако, не получив гарантий помощи со стороны европейских государств, аджарцы вынуждены были сложить оружие[3].

В Аджарии в качестве опоры для своей колонизаторской политики царизм решил использовать феодалов-беков и духовенство. Лучшие земли приморской полосы были отобраны в Удельное ведомство или розданы отдельными участками представителям русской военщины и крупной чиновничьей бюрократии. Одновременно Аджарию начинают заселять русскими колонистами.

Как и при турецком владычестве, земля в Аджарии фактически находилась в распоряжении феодалов, продолжавших держать крестьян в феодально-крепостнической зависимости.

Аджарские крестьяне влачили при царизме жалкое существование, находясь в нищете и невежестве. Поэтому когда в соседней Гурии в 1881—1882 гг. возникло массовое крестьянское движение против властей и эксплоатации дворян и сельской буржуазии, выступили и аджарские крестьяне соседнего с Гурией Кобулетского района.

Грузинская газета «Дроэба» упоминает крестьян Д. Сургуладзе, Г. Ломджария, Г. Чкония и др. как руководителей крестьянских отрядов, наводивших страх на местные власти, помещиков, духовенство

[1] Архивный отдел НКВД Грузинской ССР, ф. канцелярии наместника. 1878 г., св. № 8719, д. № 61, 68, 70

[2] Там же, д. № 10. Записка по аджарскому вопросу.

[3] Газета «Иверия» № 4 за 1879 год.

и сельскую буржуазию. Карательный отряд под начальством ген. Смекалова прошел по всей Гурии и Аджарии и с трудом подавил крестьянское движение.

В последнее десятилетие XIX столетия массовые выступления крестьян происходили в 1894 г. в Душетском уезде, в 1897 г.— в Горийском уезде, в 1899 г.— в Боржомском районе того же уезда. Но эти выступления имели еще малоорганизованный, скорее стихийный характер; «это было,— как писал Ленин о крестьянских восстаниях этого периода,— восстание темной, несознательной массы, восстание без определенных, ясных политических требований, т.-е. без требования изменить государственные порядки. Крестьянское восстание было подавлено, потому что оно было неподготовлено. Крестьянское восстание было подавлено, потому что у деревенских пролетариев не было еще союза с городскими пролетариями»[1].

III

До XIX в. грузины не составляли одной нации.

Они жили на одной территории, имели общий язык, но в политическом отношении были раздроблены на отдельные царства, княжества и феодальные владения, которые находились во враждебных отношениях и часто вели между собой братоубийственные войны.

Между отдельными районами Грузии не было общности и экономических интересов. Слабо были развиты торговля и обмен. В стране господствовало натурально-патриархальное хозяйство. Почти каждая крестьянская семья производила не только продукты питания, но и примитивную обувь, одежду, сельскохозяйственные орудия. Слабо были развиты и пути сообщения. Восточную и Западную Грузию связывали тропы, по которым с большим риском для жизни можно было пробираться пешком или верхом на лошади. Попытки отдельных выдающихся государственных деятелей объединить грузин в одно государство и организовать отпор исконным врагам грузинского народа кончались неудачей. Так, в 1795 г. с огромными полчищами на Тбилиси из Ирана напал Ага-Магомет-хан. На помощь царю Ираклию II не пришли не только многие из грузинских феодалов, но и некоторые его сыновья. Даже в минуту смертельной опасности для государства феодалам оказались чужды общенародные интересы.

С присоединением Грузии к царской России, что являлось наименьшим злом по сравнению с теми перспективами, которые ожидали страну, если бы она подпала под власть Ирана или Турции, в истории грузинского народа начинается новый период. Благодаря присоединению к России грузинский народ сохранил себя физически, и в первой половине XIX в. Грузия почти полностью была собрана и восстановлена в своих исторических границах.

После отмены крепостного права, проведения железной дороги, телеграфа в Грузии начинают быстро развиваться товарно-денежные отношения, возникает промышленность, уничтожается вековая замкнутость натурально-патриархального хозяйства. Возникает разделение труда между отдельными районами и прочно устанавливается общность экономической жизни страны. Одновременно Грузия включается в систему мировых связей, и это также дает толчок развитию местных производительных сил и новых производственных отношений.

С развитием капитализма складываются новые классы: национальный пролетариат и буржуазия. С экономическим ослаблением теряет свое прежнее значение в общественной жизни консервативное дворянство. На основе новых, капиталистических потребностей в Грузию от

[1] Ленин. Соч. Т. V, стр. 312.

русского народа и из Европы проникают новые идеи, появляются новые взгляды.

Новые социально-экономические условия вызвали в Грузии подъем национальной культуры. Особые успехи сделала художественная литература. Корифеи этого периода и родоначальники новой грузинской литературы — Илья Чавчавадзе и Акакий Церетели. Они становятся знаменосцами национально-освободительной борьбы против царизма. Видными писателями этого времени являются также В. Пшавела, А. Казбеги, Г. Церетели, Э. Ниношвили и др. Все они стояли на уровне передовых людей своего времени, выступали в роли передовых руководителей грузинской нации, духовно объединяли родную страну.

Грузия распадалась на Кахетию, Карталинию, Пшав-Хевсуретию, Мегрелию; передовые грузинские писатели горячо пропагандируют необходимость единения грузинского народа для борьбы за общность национальной культуры и для борьбы против национально-колониального гнета царизма. Все грузины, в каком бы районе они ни жили, являются, как образно выразился великий грузинский национальный поэт Акакий Церетели, «струнами одной чонгури (родины)» и если «хоть одна струна оборвется, необходима немедленная помощь».

Крупное развитие получает грузинский национальный театр, давший целое поколение драматургов и блестящих талантов и мастеров сцены, как Нато Габуния-Цагарели, М. Сапарова-Абашидзе, В. Абашидзе, Л. Месхишвили, Гуния и др.

Развивается национальная грузинская музыка, опирающаяся на музыкальный фольклор. Появляются крупнейшие мастера грузинской живописи (Г. Габашвили, Л. Мревлишвили и др.), боровшиеся за утверждение национального реалистического искусства. Особенно выделяется среди грузинских художников Л. Мревлишвили, яркий представитель демократического реализма; его революционные картины являлись протестом против национально-колониального угнетения царизма. Множатся кадры грузинских ученых: акад. И. Тархнишвили, проф. В. Петриашвили, П. Меликишвили, член-корреспондент Академии наук Д. Бакрадзе, проф. Д. Чубинишвили, проф. А. Хаханашвили, проф. А. Цагарели. В конце XIX в. начал свою выдающуюся научную деятельность ставший впоследствии академиком знаменитый востоковед, лингвист-археолог, создатель яфетической теории языка Н. Я. Марр.

Передовая грузинская общественность боролась за развитие национальной культуры, просвещения, родного языка. В 1879 г. удалось добиться утверждения устава «Общества по распространению грамотности среди грузин». С первых же шагов своей деятельности это Общество стало играть роль рассадника культуры и просвещения среди грузинского народа.

Особое внимание начинает уделяться собиранию и изучению народного фольклора. Во главе движения становятся И. Чавчавадзе и А. Церетели. Собираются во всех районах Грузии, изучаются и печатаются лучшие образцы народного творчества: песни, сказки, легенды, пословицы. Огромное значение в формировании национального сознания приобретает грузинская пресса.

Яркой демонстрацией сложившейся общности культуры грузинского народа было празднование в Тбилиси 22 октября 1896 г. 50-летия литературной и общественной деятельности Р. Эристави, оставившее у современников огромное впечатление. В Тбилиси на празднование съехались делегаты из всех районов Грузии, и юбилейное чествование Р. Эристави вылилось в подлинно национальное торжество.

«Нация,— пишет Сталин,— это исторически сложившаяся устойчивая общность языка, территории, эко-

номической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»[1].

Грузинский народ во второй половине XIX в. уже обладал всеми указанными признаками. Под влиянием сложившихся социально-экономических условий грузинский народ складывается в это время в нацию.

После отмены в Грузии крепостного права, в связи с ростом капитализма, углублением классовой диференциации и обострением классовой борьбы, происходит серьезный перелом в общественно-политической жизни страны.

Одновременно происходит укрепление установившихся еще в первой половине XIX в. связей грузинского народа с передовой культурой и общественной жизнью русского народа, прежде всего через грузинскую молодежь, которая за получением высшего образования направлялась в Москву, Петербург, Киев, Одессу, Харьков и другие культурные центры России.

Огромнейшее влияние на формирование мировоззрения грузинской молодежи имели великие русские революционные демократы: Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Герцен,— которые вели непримиримую борьбу против самодержавно-крепостнического строя. Особым авторитетом и любовью в прогрессивном грузинском обществе пользовался Чернышевский, которого Ленин называл «русским великим социалистом до-марксова периода»[2].

За молодыми грузинами, учившимися в России и усвоившими идеи русских шестидесятников, по возвращении их на родину утвердилась кличка «тергдалеули» («испивший воду из реки Терека», т. е. переступивший историческую границу Грузии).

В 1861 г. в Грузию вернулся 24-летний Илья Чавчавадзе, который до того был студентом Петербургского университета и был исключен за участие в студенческих «беспорядках».

Илья Чавчавадзе объединил вокруг себя передовую, прогрессивно настроенную молодежь и стал во главе нового общественно-литературного направления, которое впоследствии в истории общественных течений страны получило наименование «Пирвели даси» («Первая группа»).

На страницах единственного в то время грузинского журнала «Цискари» Илья Чавчавадзе выступил со страстным протестом против мертвящей действительности Грузии, против застоя и консерватизма, против идеологов консервативно-феодального дворянства, видным представителем которых являлся тогда известный грузинский поэт Григорий Орбелиани. Г. Орбелиани затеял в стихах полемику с Ильей Чавчавадзе. Это был спор консервативных «отцов» и передовых «детей».

Для распространения своих взглядов Чавчавадзе в 1863 г. основывает журнал «Сакартвелос моамбе» («Вестник Грузии»), который становится боевым органом нового общественно-литературного направления. В журнале сотрудничали лучшие тогда литературно-художественные силы Грузии. На страницах «Сакартвелос моамбе» последовательно проводились новые, просветительные идеи. В этом журнале Илья Чавчавадзе напечатал свою повесть «И этот человек?», пять первых глав «Рассказа нищего», отрывки из поэмы «Разбойник Како». Все эти произведения, помимо своей художественной ценности, были яркими обличительными документами, направленными против крепостного права. Илья Чавчавадзе был непреклонным борцом против крепостников, защитником интересов крестьянских масс.

Илья Чавчавадзе встретил решительное противодействие консервативной грузинской знати, представители которой нападали на него за то, что у молодого критика «в одной руке меч, а в другой вместо щита

[1] И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 6. 1938.
[2] Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 212.

сочинения Белинского». С особой ненавистью имя Ильи Чавчавадзе стало произноситься в феодально-консервативном лагере после того, как он на собрании дворян Тбилисской губернии выступил с пламенной речью, требуя освобождения крестьян от крепостной зависимости с наделением их землей.

Чтобы знакомить грузинское общество с передовыми идеями того времени, а также с лучшими художественными произведениями русских и западноевропейских писателей, в журнале «Сакартвелос моамбе» печатались переводы произведений Белинского, Добролюбова, Виктора Гюго и др.

В тисках суровой царской цензуры «Сакартвелос моамбе» смог просуществовать всего один год. Журнал закрылся в 1864 г., но несмотря на краткость своего существования он оставил глубокий след в общественно-литературной жизни Грузии.

Илья Чавчавадзе был бойцом и знаменосцем национально-освободительного движения в Грузии. Одновременно он являлся и великим грузинским писателем, замечательным публицистом, критиком, историком, ученым и общественным деятелем. Мечты свободолюбивого грузинского народа Илья Чавчавадзе очень хорошо выразил в следующих стихах:

«Когда ж свободы луч расплавит все оковы,
Тысячелетия томящие людей,
И горестный грузин гордиться станет снова
Грузинским именем и родиной своей».

Писатель твердо верил, что грузинский народ, освободившись от гнета царизма, найдет путь к подлинной свободе и культуре. В своих известных стихотворениях: «Песнь грузин-студентов», «Базалетское озеро», «Будет ли день»—Илья Чавчавадзе высказывает заветные мечты о свободе, пророчески предвидя «лучезарное будущее», которое будет завоевано «сыновьями из стали».

И. Чавчавадзе боролся с консервативными идеологами из грузинского дворянского лагеря, являвшимися одновременно крупными русскими чиновниками: поэтом Г. Орбелиани, историком П. Иоселиани, сенатором и публицистом Багратион-Мухранским, автором брошюры «О существе национальной индивидуальности», в которой проповедывалась великодержавная идеология о неизбежности поглощения крупными нациями мелких национальностей.

В своих политических статьях Илья Чавчавадзе был беспощаден к мракобесам и апологетам русского самодержавия: Д. Толстому, Каткову, Яновскому и др. Относясь с величайшим уважением ко всем народам Закавказья, Илья Чавчавадзе в обширной политической статье «Армянские ученые и вопиющие камни» решительно выступает на защиту самобытности и величия грузинской культуры, разоблачая армянских национал-шовинистов в их попытках исказить действительную историю Грузии, посеять рознь между братскими армянским и грузинским народами.

Илья Чавчавадзе долгое время был в центре общественной и культурной жизни Грузии. Газета «Правда» охарактеризовала Илью Чавчавадзе «как великого писателя и популярнейшего деятеля национально-освободительного движения Грузии второй половины XIX века»[1].

Другим корифеем грузинской литературы, который также стоял в центре национально-освободительного движения и много поработал над созданием новой грузинской литературы и языка, был Акакий Церетели (1840—1915 гг.). Общественные взгляды Акакия Церетели формировались под влиянием Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова. Акакий Церетели юным студентом познакомился в Петер-

[1] „Правда» от 4 ноября 1936 года.

бурге с великим сыном украинского народа — Тарасом Шевченко. «Признаюсь, я в первый раз понял с его слов,— вспоминал потом об этой встрече А. Церетели,— как надо любить родину и свой народ».

А. Церетели смело поднял знамя борьбы против старого, консервативного лагеря, враждебно относившегося ко всему новому и прогрессивному. Красною нитью во всем творчестве Акакия Церетели проходит идея национально-освободительной борьбы против царизма. Он никогда не отделял борьбу грузинского народа от революционной борьбы русских рабочих и крестьян. 1 марта 1881 г., в день убийства Александра II, Акакий Церетели пишет стихотворение «Весна», в котором под аллегорией наступающей весны приветствует грядущую революцию:

«Пришла с дыханием весны
Ко мне неведомая сила.
Сказал я: «Воплотятся сны!»
Грядущее заговорило»[1].

Акакий Церетели глубоко верил в светлое будущее грузинского народа, в то, что последний сбросит оковы рабства и станет на путь свободного творчества и расцвета. В известной поэме «Торнике Эристави» Акакий Церетели говорит:

«Наша Грузия подобна
Амирану, славные друзья!
Недруги кружатся злобно,
Словно стая воронья.
Но придет, настанет время,
Цепи разорвет народ,
Сбросит он страданья бремя,
Встретит радости приход»[2].

Впротивовес человеконенавистнической политике царизма Акакий Церетели пропагандировал дружбу и общность интересов всех народов Закавказья. Он высоко ценил и перевел на грузинский язык азербайджанского писателя Мирза Фатали Ахундова, дружил с армянскими писателями Ованесом Туманяном и Ваганом Терьяном. Обращаясь к лучшему своему другу армянскому драматургу Габриэлю Сундукянцу, Акакий Церетели говорит:

«Ты — армянин, а я — грузин,
И все же братья мы родные,
И край родной у нас один —
Кавказа выси ледяные»[3].

В 1866 г. в Грузии складывается новое общественно-литературное направление, получившее название «Меоре даси» («Вторая группа»), возглавляемое Г. Церетели, Н. Николадзе, С. Месхи, К. Лордкипанидзе, П. Умикашвили, А. Церетели и др.

Печатными органами этой группы были: газета «Дроэба» (1866—1885), журналы «Мнатоби» (1869—1872), «Кребули» (1871—1873) на грузинском языке и большая общественно-политическая и литературная газета «Обзор» (1878—1881) на русском языке.

Одним из самых видных деятелей этой группы являлся Н. Я. Николадзе (1843—1928), публицист, общественный деятель и литературный критик. Н. Я. Николадзе был близко знаком с Чернышевским и Герценом, сотрудничал в «Современнике», «Искре», в «Колоколе» и «Отечественных записках», в последних руководил отделом литера-

---

[1] Акакий Церетели «Избранное», стр. 82. М. 1940.
[2] Там же, стр. 200.
[3] Там же, стр. 153.

турной критики и напечатал статью «Луи Блан и Гамбетта», защищавшую принцип «государственного демократического социализма». Н. Я. Николадзе совместно с И. М. Мечниковым издавал журнал «Современность». Мировоззрение Николадзе формировалось под влиянием великих русских просветителей-демократов и западного утопического социализма. За участие в студенческих волнениях Н. Я. Николадзе был арестован и посажен в Петропавловскую крепость. В 1869 г. Н. Я. Николадзе приезжает в Грузию и вскоре становится одним из руководителей «Меоре даси».

С 80-х годов Н. Я. Николадзе переходит на позиции либеральной буржуазии, а впоследствии делается лидером партии грузинских национал-демократов. Группа буржуазных интеллигентов «Меоре даси» в противоположность «Пирвели даси» и ее основоположнику Илье Чавчавадзе отрицала какую-либо положительную роль грузинского дворянства. «Никто не совершает столько беззаконий и предательства в отношении своей страны, как это сословие (дворянство),— писал Г. Церетели.— Начиная с древних времен наша страна гибнет от несправедливости этого злого сословия. Трудиться оно не может, знаний и ловкости у него нет. По этой причине оно постепенно беднеет и средства уходят у него из-под рук, постепенно исчезнет и его наименование»[1].

В отличие от народников «меоре-дасисты» видели в развитии капитализма не одно только зло, а признавали за ним и прогрессивное значение. Поэтому они широко пропагандировали необходимость развития в Грузии промышленности, проведения железных дорог, улучшения путей сообщения, открытия банков, кредитных товариществ и других видов кооперации.

В 1868 г. под редакцией Г. Церетели в Тбилиси начинает выходить первая крестьянская газета — «Сасопло газети». В ней в популярной форме излагались необходимые деревне агрономические и другие практические сведения, которые должны были помочь улучшению крестьянского хозяйства.

В своих литературных органах группа «Меоре даси» знакомила прогрессивное грузинское общество с учением утопистов-социалистов Фурье, Оуэна, Сен-Симона и др.

«Меоре даси» широко пропагандировала необходимость усвоения грузинским народом передовой культуры русского и западноевропейских народов, содействовала открытию в Грузии народных школ, библиотек, читален, устройству спектаклей, культурно-просветительных учреждений.

Газета «Дроэба», по существу, была первым ежедневным периодическим изданием на грузинском языке. Редактировали ее Г. Церетели (с 1866 по 1869 г.), С. Месхи (с 1869 по 1883 г.) и И. Мачабели (с 1883 по 1885 г.), выдающиеся грузинские общественные деятели. В «Дроэба» принимали близкое участие А. Церетели, А. Казбеги, П. Умикашвили, А. Пурцеладзе, Н. Николадзе и др.

В статье, посвященной 10-летию существования «Дроэба», С. Месхи писал: «Все, что было творческим, энергичным и живым в нашем обществе, все и вся оставили след в этой газете. Она была почти единственной представительницей нашей литературы, при помощи которой можно было разговаривать с обществом; это был единственный орган, при помощи которого только и можно было сказать кому-нибудь что-либо, кто имел что сказать, кто хотел поделиться и распространить свои мысли и убеждения»[2].

В общественной жизни Грузии «Дроэба» сыграла, несомненно, очень крупную роль. Не было ни одного более или менее выдающегося

[1] «Квали» № 46 за 1897 год.
[2] Газета «Дроэба» № 27 за 1876 год.

общественно-политического явления, на которое не откликнулась бы газета. На ее страницах смело вскрывались недостатки общественной жизни, беспощадно громились крепостники, духовенство, сельская и городская буржуазия. Являясь другом и защитником подлинных интересов грузинского народа, «Дроэба» всеми доступными средствами боролась против колонизаторов и руссификаторов, отстаивая родной язык, литературу и культуру. Газета защищала братство и равенство всех народов Закавказья. «Сегодня Закавказье, — писала «Дроэба», — заселено тремя коренными, тяготеющими к просвещению народами: грузинскими племенами, армянскими, азербайджанскими... Грузинский народ и его передовые люди должны написать на своем знамени: взаимная помощь, взаимное уважение, забота о взаимных интересах, братский союз и соединенными усилиями искоренение того внутреннего зла, которое так сильно задерживает наше шествие по пути благоденствия».

Не удивительно, что царское правительство систематически преследовало «Дроэба». В газете запрещалось освещать политические события, редакции не было позволено иметь собственных корреспондентов в городах Западной Европы. Наконец, в сентябре 1885 г. «Дроэба» была окончательно закрыта администрацией.

Грузинская молодежь, обучаясь в русских университетах, естественно, втягивалась в общерусское революционное движение. Еще И. Чавчавадзе, Н. Николадзе, Г. Церетели и другие грузины-студенты принимали участие в студенческих выступлениях 1861 года.

Многие из грузин за получением высшего образования отправлялись заграницу, особенно женщины, которым, как и русским женщинам, в России был закрыт доступ в университеты. В 70-х годах в Цюрихе существовала колония молодых кавказцев, среди которых большинством были студенты-грузины.

Заграницей грузинская молодежь знакомилась с русскими революционными эмигрантами (Лавровым, Ткачевым и др.), изучала западноевропейские социалистические теории, и там же созданы были первые революционные грузинские кружки и общества. Так, в Цюрихе в 1872—1873 гг. организовалось общество под названием «Угели» («Ярмо»), которое ставило целью революционную борьбу против царизма и освобождение всех народов Закавказья от национально-колониального угнетения.

Народничество также нашло последователей среди части грузинских общественных деятелей. По социальному происхождению большинство грузинских народников были дети разорившихся дворян. Немало было среди них бывших семинаристов, народных учителей, мелких служащих. Таким образом, и в Грузии народники в большинстве также были разночинцы, здесь их называли «тетиата мотрпиале».

В 70-х годах в Тбилиси и других местах Грузии народнической интеллигенцией устраивались нелегальные собрания и были организованы нелегальные библиотеки. В последних наряду с сочинениями Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Лассаля, Прудона имелись также нелегальный «Колокол», революционные брошюры: «Сказка о четырех братьях», «Хитрая механика», «Голод в Самаре», «Сказка о копейке» и др. Некоторые из этих брошюр были изданы на грузинском языке. В с. Тквиави, Горийского уезда, для этой цели была организована примитивная нелегальная типография, собраны были даже деньги на выписку нового печатного станка из-за границы.

Оформление народнической организации в Грузии нужно относить к 1872—1873 годам. Во главе ее стояли И. Иоселиани, М. Кипиани, И. Кикодзе, А. Пурцеладзе, С. Мгалоблишвили, Ш. Давиташвили и др. Народнические кружки были в Тбилиси, Гори, Кутаиси, Телави, в Гурии, Мегрелии, Лечхуми и других местах. Грузинские народники: Джабадари, Зданевич-Маяшвили, А. Цицишвили, А. Гамкрелидзе, Н. Чико-

идзе и др. — принимали участие в русском народническом движении и были даже привлечены по процессу «50-ти» и сосланы в Сибирь. Но часть грузин-народников, настроенная националистически, была против совместной с русским народом борьбы с царизмом и требовала организации самостоятельной Закавказской федерации. С таким националистическим уклоном в народническом движении вели упорную борьбу остальные народники-грузины. Один из наиболее видных представителей народничества, Ш. Давиташвили, писал: «Грузия тесно связана с Россией. Грузинский народ не может освободиться, если не будет свергнут существующий строй в России. Поэтому, если грузинская молодежь служит революционному делу России в центре, тем самым она служит и интересам грузинского народа... Мы, местные революционеры, разделяли этот взгляд и ставили себе целью подготовить все население Кавказа, без различия национальностей, в тот момент, когда в центре России пробьет час борьбы» [1].

В Грузии не было общинного землевладения. Тем не менее грузинские народники считали необходимым культивировать земельную общину в Грузии, насаждать здесь всевозможные ассоциации, артели, создавать кооперативные крестьянские банки и т. д. Один из идеологов грузинских народников, Г. Тархан-Моурави, в своих статьях доказывал, что «хозяйственные ассоциации являются единственным средством для улучшения и укрепления положения мелких производителей». «Всякое изменение, — писал он, — всякий факт, который совершается в жизни человечества, есть результат ассоциации» [2].

Грузинские народники отрицали развитие в Грузии капитализма, не понимали роли пролетариата, считая общину лучшей формой общественного устройства.

Грузинские народники, как можно видеть из доклада судебного следователя по их делу, ставили своей целью «произвести восстание по данному везде в одно и то же время сигналу для уничтожения должностных лиц, духовенства и помещиков-дворян» [3].

Большую надежду в смысле осуществления своих революционных целей грузинские народники возлагали на ожидавшуюся тогда русско-турецкую войну, после объявления которой предполагалось поднять всеобщее восстание крестьян против царизма. Однако, как признают в своих воспоминаниях народники Ш. Давиташвили и С. Мгалоблишвили, их пропаганда встретила среди крестьян глухое равнодушие, и добиться прочных связей с крестьянскими массами народникам не удалось.

Первая народническая организация в Грузии была разгромлена царизмом в 1876 году. Большинство ее руководителей было сослано в Сибирь. После провала оставшиеся на свободе народники продолжали работу, главным образом среди учащейся молодежи и городских ремесленников. Руководящую роль в это время среди народников играли И. Иоселиани, С. Чрелашвили, М. Кипиани, А. Пурцеладзе и др. В 1882 г. в Тбилиси возник народнический кружок среди офицеров 2-го Мингрельского полка, но члены этого кружка были скоро арестованы.

В 80-х годах среди народников Грузии явственно наметились два течения: одно стояло на позиции партии «Народная воля» и защищало индивидуальный террор и необходимость политической борьбы, другое было либерально-народническим, отрицало террор и проповедывало только легальные методы работы.

Группируясь вокруг журнала «Имеди» («Надежда»), издававшегося в Тбилиси с 1881 г. под редакцией М. Гургенидзе, и газеты «Шрома»,

---

[1] Ш. Давиташвили «Народническое движение в Грузии», стр. 40. Тбилиси. 1933.

[2] Газета «Дроэба» № 44 за 1868 год.

[3] Архивный отдел Грузинской ССР, ф. № 36, д. 15. 1876.

издававшейся в Кутаиси с 1881 г. под редакцией Д. Дадиани, либеральные народники вели культуртрегерскую работу, доказывали возможность возрождения мелкого производства путем основания кооперативов и трудовых артелей. Отказываясь от революционной борьбы с царизмом, либеральные народники проповедывали примирение с ним и изыскивали пути соглашения.

В 1881 г. в обращении к царю Александру III они писали: «Будем надеяться, что император Александр облегчит положение своего народа, осушит его слезы, оправдает надежды и удовлетворит его нужды»[1]. Даже в 90-х годах эпигоны народников продолжали отрицать капиталистический характер развития Грузии и возникновение в стране пролетариата, как самого передового и революционного класса общества. Марксистам в Грузии с первых же шагов пришлось повести беспощадную борьбу против народничества.

Общественная жизнь Грузии в 70—90-х годах XIX в. отмечена волнениями учащейся молодежи, которые имели место главным образом в Тбилисской духовной семинарии. Это учебное заведение по правилам внутреннего распорядка скорее было похоже в то время на тюрьму чем на среднюю школу. В семинарии господствовали иезуитские методы воспитания, велась неустанная слежка за учащимися, широко культивировался шпионаж. В беседе с немецким писателем Э. Людвигом в 1931 г., вспоминая свое пребывание в Тбилисской семинарии, товарищ Сталин говорил:

«...Основной их метод — это слежка, шпионаж, залезание в душу, издевательство, — что может быть в этом положительного? Например, слежка в пансионате: в 9 часов звонок к чаю, уходим в столовую, а когда возвращаемся к себе в комнаты, оказывается, что уже за это время обыскали и перепотрошили все наши вещевые ящики»[2].

Помимо исключительно строгого режима, проводившегося в семинарии, там преследовалось все грузинское. Грузинский язык некоторыми преподавателями цинично назывался «собачьим языком», семинаристов исключали только за то, что у них находили книги на грузинском языке. Начальство требовало, чтобы учащиеся не смели даже думать по-грузински. Семинаристам строго запрещалось читать произведения Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева, классиков художественной литературы Л. Толстого, Тургенева, Достоевского, Салтыкова-Щедрина и др., знакомиться с научной литературой, посещать публичные лекции, библиотеки, театр. Этот ужасающий режим озлоблял семинаристов и приводил совсем не к тем результатам, какие были желательны семинарскому начальству. Несмотря на слежку в семинарии возникали нелегальные литературные, просветительные и даже революционные кружки, а начиная с 70-х годов там неоднократно имели место волнения учащихся.

Среди семинаристов в эти годы вели пропаганду отдельные народники.

С 1891 г. в Тбилисской духовной семинарии начал свою учебу и скоро развил революционную работу среди семинаристов Ладо Кецховели.

В 1893 г. в Тбилисской духовной семинарии происходит выступление семинаристов, вожаком которого стал Ладо Кецховели. 30 ноября 1893 г. в Сабуртало, на окраине Тбилиси, было устроено нелегальное собрание учащихся семинарии, на нем было принято решение объявить забастовку. Семинаристы предъявили экзарху Грузии требования: изменить в семинарии существующий полицейский режим, прекратить нацио-

---

[1] Журнал «Имеди» № 2 за 1881 год.

[2] И. Сталин «Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом», стр. 9. 1938.

нальную травлю, удалить из семинарии наиболее ненавистных надзирателей и учителей, восстановить преподавание грузинского языка и т. д.

Забастовка началась в семинарии 1 декабря и продолжалась 4 дня. Начальство приняло против бастовавших учеников суровые меры, ни одно из их требований не было удовлетворено. Семинария была закрыта на месяц, 87 учащихся были исключены из семинарии с выдачей им так называемых «волчьих билетов», лишавших их права поступать в другие учебные заведения и на государственную службу. 23 семинаристам, в том числе и Ладо Кецховели, помимо того было запрещено жить в Тбилиси.

IV

Во второй половине XIX в. среди передовой части грузинского общества начали особенно широко распространяться социалистические идеи, заимствованные из России и Западной Европы.

Во многих статьях, например в газете «Дроэба», явно чувствуется влияние утопического социализма. Эта же газета откликнулась и на образование I Интернационала, напечатав сведения о I конгрессе и содержание устава I Интернационала.

Особенно широкий отклик в передовом грузинском обществе нашла Парижская коммуна.

В газете «Дроэба», выходившей под редакцией С. Месхи, помещались статьи, освещавшие деятельность Коммуны. Мало того, «Дроэба» даже в условиях царской цензуры сумела напечатать ряд прокламаций и декреты Парижской коммуны, в частности в номере от 23 мая 1871 г. было помещено обращение женщин-коммунарок.

Известие о поражении парижских рабочих опечалило все передовые слои грузинского общества. Великий грузинский писатель Илья Чавчавадзе написал стихотворение «В день падения Коммуны», в котором выражал свое искреннее сочувствие борцам, павшим в неравной борьбе:

«...И снова лишилось свободы
Столетье, летевшее вскачь,
И вновь, угнетая народы,
Тупой торжествует палач!»

Передовые люди грузинского общества Н. Николадзе, Г. Церетели, С. Месхи и др. и после 1871 г. неоднократно возвращались к вопросу о Парижской коммуне. Попадая в Париж, грузинские передовые общественные деятели того времени считали своим священным долгом посетить те места, где рабочие дрались против буржуазии, за свое освобождение от угнетения и эксплоатации. В журнале «Кребули» за 1873 г. Н. Николадзе писал: «Я видел ту улицу, на которой в течение восьми дней шла беспощадная борьба. Каждая пядь ее орошена кровью сотен тысяч человек. Видел также несколько дворов, в которые армия загоняла парижских рабочих и расстреливала их без суда митральезами. Видел я и то место, где после поражения коммунаров выступил на балконе известный писатель Делеклюз. Он стал у знамени, сложил руки, принял в грудь шесть пуль и пал мертвый. Одним словом, я осмотрел всю улицу, на которой, ведя ожесточенную борьбу, парижане проявляли величайший героизм».

О Парижской коммуне говорится в статье «Заметки и думы путешественника» С. Месхи, который в 1873—1874 гг. был в Европе. В 1872 г., давая общую оценку Парижской коммуне, газета «Дроэба» писала: «Мы были свидетелями таких исторических событий в европейской жизни, относительно которых будут еще долго говорить и часто задумываться будущие поколения».

Теоретическое знакомство с марксизмом в Грузии началось позднее чем в России. Впервые о Марксе, как организаторе и руководителе

I Интернационала, упоминается в газете «Дроэба» в 1871 году. В том же году Мевеле (псевдоним Д. Микеладзе) перевел на грузинский язык предисловие к «К критике политической экономии» К. Маркса. Перевод предназначался для напечатания в «Дроэба», но не был пропущен цензурой. В 1882 г. Г. Манашвили ссылается на Маркса и его работу «К критике политической экономии»[1]. Знакомство с трудами К. Маркса обнаруживает и Е. Бослевели (псевдоним Е. Мгеладзе), в газете «Шрома» за 1882—1883 г. была помещена его статья «Критический обзор». В 1886 г. в № 17 журнала «Театр» был напечатан библиографический обзор в связи с выходом «Капитала» К. Маркса на русском языке. В этой статье, между прочим, говорилось: «Многие из наших молодых людей если и не читали, то по крайней мере слыхали имя знаменитого писателя, великого знатока политической экономии и выдающегося критика Карла Маркса. Экономическая наука и критика, благодаря Карлу Марксу, достигли в настоящее время такого развития, что много времени пройдет, пока появится кто-нибудь подобный ему».

В легальных и нелегальных библиотеках Тбилиси в то время можно было встретить «Капитал» К. Маркса на русском языке, а также издания группы «Освобождение труда»: «Коммунистический манифест», работу Плеханова «Социализм и политическая борьба» и др.

Таким образом, в 70 и 80-х годах прошлого столетия представители передовой грузинской интеллигенции не только теоретически были уже знакомы с марксизмом, но и в своих работах пытались опираться на авторитет Карла Маркса; появление подлинных сторонников революционного марксизма и создание марксистской организации в Грузии относятся лишь к 90-м годам.

Вследствие чудовищной капиталистической эксплоатации и национально-колониального гнета в Грузии рано начались стихийные и разрозненные выступления рабочих. Рабочие не осознали себя еще как класс и не имели своих организаций. Капиталистам, к услугам которых был военно-полицейский и судебный аппарат, легко удавалось подавлять эти разрозненные выступления рабочих. Горький опыт этих выступлений приводил передовых рабочих того времени к мысли, что необходима организованная борьба, иначе рабочие никогда не добьются успеха. Среди рабочих постепенно растет сознание общности интересов и необходимости объединения для борьбы против общего врага. Еще в 70-х годах в Тбилиси возникают рабочие кружки, члены которых занимались главным образом самообразованием. В начале 80-х годов среди рабочих и ремесленников ведет работу группа народников во главе с Г. Читадзе. Стоя на позициях народовольцев, эта группа издавала на грузинском языке и распространяла среди рабочих и ремесленников народнические листовки и брошюры. В 1884 г. среди рабочих собирались средства для устройства нелегальной типографии. В рабочих кружках народниками читалась нелегальная литература, устраивались беседы на социально-экономические темы, но народническая идеология не укрепилась среди рабочих. Она скоро была вытеснена марксизмом.

В 80-х годах у рабочих и ремесленников Тбилиси и других городов большой популярностью пользовался поэт И. Давиташвили (1850—1887). Вышедший из бедняцкой среды и не получивший почти никакого образования, И. Давиташвили в своих произведениях изображал горемычную жизнь крестьянина-бедняка и городского рабочего и звал их на борьбу против своих угнетателей. В 1887 г. по поводу смерти Давиташвили за подписью 100 тбилисских рабочих была послана в редакцию газеты «Иверия» статья, в которой рабочие выражали свою глубокую скорбь по поводу безвременной кончины поэта. Аналогичными были проявления скорби по поводу смерти Давиташвили у рабочих

[1] См. газету «Иверия» № 7—8 за 1882 год.

Телави и Гори. Исключительно яркую надгробную речь у могилы И. Давиташвили произнес рабочий-ремесленник Гоциридзе.

О том, что в это время в Грузии культурный уровень наиболее передовых и сознательных рабочих был довольно высок, свидетельствует опубликованное ныне замечательное письмо тбилисских рабочих по случаю смерти великого русского писателя-сатирика Салтыкова-Щедрина, посланное его жене. «Позвольте нам, рабочим,—писали они,—выразить Вам свою скорбь по горестной утрате Вами незабвенного и милого супруга. Смерть Михаила Евграфовича опечалила всех искренне желающих добра и счастья своей родине. В лице его Россия лишилась лучшего, справедливого и энергичного защитника правды и свободы, борца против зла, которое он своим сильным умом и словом разил в самом корне. И мы, рабочие, присоединяемся к общей скорби о великом человеке».

Дальше рабочие писали, что бессмертные рассказы Салтыкова-Щедрина будут ободрять и звать трудящихся «на борьбу против зла, угнетения и на поиски правды и света» [1].

В 1889—1892 гг. в Тбилиси издавались на грузинском языке нелегальные рабочие журналы «Муша» («Рабочий»), «Гантиади» («Рассвет») и «Синатле» («Свет»). В них описывалось тяжелое положение рабочего класса в Грузии. Несмотря на примитивную технику и сравнительно недолгое существование этих журналов они сыграли известную положительную роль в деле воспитания рабочих и распространения среди них идей единения и солидарности.

В 90-х гг. в связи с общим промышленным подъемом в России происходит окончательное «экономическое завоевание» Закавказья и Грузии. Еще более энергично, чем это было раньше, проводится политика превращения Закавказья в источник промышленного сырья и рынок сбыта для товаров русской промышленности. Суровая национально-колониальная политика царизма, развитие промышленности, рост рабочего движения подготовили почву для распространения марксизма в Закавказье.

Распространению идей марксизма в Закавказье и Грузии немало способствовали высланные сюда из Центральной России русские социал-демократы И. Коган, И. Лузин, Г. Франчески и др., а также грузинская молодежь, побывавшая заграницей или обучавшаяся в русских высших учебных заведениях. Об особой роли русских социал-демократов в деле распространения марксизма в Закавказье говорит И. В. Сталин в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом: «В революционное движение я вступил с 15-летнего возраста, когда я связался с подпольными группами русских марксистов, проживавших тогда в Закавказье. Эти группы имели на меня большое влияние и привили мне вкус к подпольной марксистской литературе» [2].

В 1893 г. в Грузии возникла первая марксистская организация — «Месаме даси». Свои взгляды эта организация пропагандировала в легальных грузинских органах: газете «Квали» и журнале «Моамбе». Но, признавая прогрессивное значение развития капитализма и ведя в этом направлении борьбу против народников, признавая классовую диференциацию общества и борьбу классов, руководители «Месаме даси», тем не менее, решительно выступали против идей гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции и диктатуры пролетариата. В национальном вопросе большинство «Месаме даси» стояло на националистической позиции признания единства интересов всех грузин в деле национального возрождения Грузии. Большинство «Месаме даси», подобно «легальным марксистам» в России, вульгаризировало и иска-

[1] «Литературное наследство» № 13—14. Т. II, стр. 221—223. М. 1934.
[2] И. Сталин «Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом», стр. 9.

жало революционный марксизм и пыталось подчинить классовую борьбу пролетариата интересам буржуазно-национального движения.

В 1895 г. в организацию «Месаме даси» вступил революционный марксист Александр Цулукидзе; в 1897 г. — профессиональный революционер, выдающийся организатор ленинско-искровского подполья, Ладо Кецховели; в 1898 г. — один из основоположников великого революционного учения — марксизма-ленинизма, — ближайший соратник Ленина, гениальный продолжатель дела Маркса—Энгельса—Ленина, — Иосиф Виссарионович Сталин.

Эта группа во главе со Сталиным представляла революционно-марксистское меньшинство «Месаме даси». Она стала ядром РСДРП ленинско-искровского направления в Закавказье и объявила непримиримую борьбу оппортунистическому большинству «Месаме даси». Революционная группа социал-демократов во главе со Сталиным постепенно расширяет свое влияние в рабочих социал-демократических кружках, осуществляет переход от пропаганды и узко кружковой работы к массовой политической агитации и к соединению социализма с рабочим движением. Сталин становится во главе руководства политической борьбой рабочего класса против царя, помещиков и капиталистов.

Таким образом, с первых же дней возникновения большевизма в России великие идеи Маркса—Энгельса—Ленина стали проникать в Закавказье и Грузию.

Между рабочими Петербурга и молодым грузинским пролетариатом установилась крепкая и нерушимая дружба.

Лучшие сыны грузинского народа: И. В. Сталин, Л. Кецховели, А. Цулукидзе и др. — сразу стали под знамя Ленина.

Во главе ленинско-искровской организации в Закавказье становится И. В. Сталин, который «проникся безграничной верой в ленинский революционный гений и пошел по пути Ленина. Он никогда не сворачивал с этого пути и после смерти Ленина смело и уверенно продолжает его дело» [1].

---

[1] «Иосиф Виссарионович Сталин». Краткая биография, стр. 8. 1939.

О СТАТЬЕ КЁППЕНА «БЕРЛИНСКИЕ ИСТОРИКИ» *

Д. Зандберг и К. Швец

I

Мы мало знаем о занятиях Маркса историей в годы его учения в Берлинском университете (1836—1841); рабочие тетради за этот период, к сожалению, не сохранились. До нас дошли только отрывочные указания в письме Маркса к отцу от 10 ноября 1837 года: Маркс подводит в нем итоги своей работы за первый учебный год в Берлине, т. е. с октября 1836 г. (в частности чтение «Истории Германии» Лудена, «Истории искусства» Винкельмана, перевод «Германии» Тацита, основательное изучение римских и средневековых источников по истории права). Общий итог берлинских лет — в предисловии к «К критике политической экономии» (1859): «Моей специальностью была юриспруденция, которую я, однако, изучал лишь как подчиненную дисциплину, наряду с философией и историей» [1]. По этим скудным данным нельзя составить себе конкретного представления о содержании тогдашних занятий Маркса историей.

С какими историками он успел ознакомиться за 1836—1841 гг. и что дало это знакомство для его развития? Известно, что, будучи студентом Берлинского университета, Маркс не слушал курсов представителей официальной исторической науки — ни Ранке, ни Раумера. Но он имел близкое отношение к левогегельянским историкам, составлявшим радикально-демократическое крыло немецкой исторической науки. Изучение работ этих историков: заклятого противника исторической школы права Эдуарда Ганса, Карла Фридриха Кёппена и, возможно, Бруно Бауэра — может несколько осветить данный вопрос.

Карл Фридрих Кёппен (1808—1863) был самым близким другом Маркса в берлинский период; впоследствии дороги их разошлись, но когда Маркс приехал в Берлин в 1861 году, единственным человеком из прежних берлинских левогегельянцев, с которым он дружески встретился, был Кёппен; они виделись два раза, и Кёппен подарил Марксу свою работу «Религия Будды и ее возникновение» — «значительный труд» [2], по словам Маркса.

Кёппен занимался преподаванием истории и был вместе с тем одним из основных сотрудников левогегельянского журнала «Hallische Jahrbücher»; в своих статьях он энергично выдвигал на первый план прогрессивные стороны гегельянства [3]. Знакомство с Марксом состоялось в 1837 г. в «докторском клубе», объединявшем левогегельянских доцентов, преподавателей и литераторов. В те годы Кёппен был уже вполне сложившимся историком, с большими знаниями, широким кругозором и самостоятельностью суждения. В 1837 г. он издал «Литературное введение к северной мифологии», завоевавшее себе вскоре почетное место наряду с исследованиями Якова Гримма и Уланда [4], в 1840 г. — книгу «Фридрих Великий и его противники» с посвящением: «Моему другу Карлу Марксу»; в 1841—1842 гг. он помещает в «Hallische Jahrbücher» три статьи о современных немецких историках. В первой из них, озаглавленной «Берлинские историки», дается главным образом критика Раумера и Ранке, вторая посвящена разбору «Истории XVIII столетия» Шлоссера, третья — «Исто-

---

* Статья Кёппена «Берлинские историки», написанная им в 1841 г., впервые появляется на русском языке. Статья эта представляет большой интерес, так как Кёппен, друг Маркса, в публикуемой статье дает весьма ценные характеристики известных немецких историков того времени. То, что некоторые идеи Кёппена, содержащиеся в этой статье, несомненно, возникли под влиянием Маркса, делает ее еще более значительной.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т XII. Ч. 1-я, стр. 5.

[2] Письмо К. Маркса к Ф. Энгельсу от 10 мая 1861 года. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIII, стр. 20.

[3] Специальной литературы о Кёппене не существует, за исключением статьи Г. Гирша «Карл Фридрих Кёппен» (которая не могла быть нами использована) в журнале «International Review for Social History», издание International Institute for Social History. Leyden, 1936, № 1.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс «Литературное наследство». Т. I, стр. 34. (Вступительная статья Ф. Меринга.) М. 1937.

рии Французской революции» Генриха Лео[1]. Об этой последней сохранился отзыв Энгельса: «В своей превосходной критике «Истории Французской революции» H. Leo К. Ф. Кёппен объясняет, как битва при Флёрю положила конец террору»[2].

Несомненно, что близкое общение с Кёппеном много давало молодому Марксу, тем более что у историка Кёппена был вкус к философии, и, таким образом, интеллектуальное общение с Марксом шло сразу по двум линиям. Кёппен был в курсе философских занятий Маркса: в предисловии к своей докторской диссертации Маркс говорит о своем намерении дать большую работу о «цикле эпикурейской, стоической и скептической философии» с должной оценкой высокого значения этого цикла для всей истории греческой философии и вообще греческой культуры (griechischer Geist), затем продолжает: «Эти системы составляют ключ к пониманию истинной истории греческой философии. Более глубокое указание на их связь с греческой жизнью можно найти в сочинении моего друга Кёппена «Фридрих Великий и его противники»[3]. Именно в этом направлении Маркс предполагал строить намеченную им большую работу о греческой философии.

Но тем не менее перевес сил в этом содружестве постепенно переходил на сторону Маркса. Об этом ярко свидетельствует письмо Кёппена к Марксу от 3 июня 1841 г. в Трир, единственное дошедшее до нас из этого периода, написанное непосредственно после отъезда Маркса из Берлина и раскрывающее содержательность их общения. В шутливой форме (а по существу очень серьезно, с глубоким восхищением огромной интеллектуальной силой молодого Маркса) Кёппен говорит об этом идейном первенстве Маркса в их дружбе: «Вместе с твоей черной личностью уехало и «острое чувство моего ничтожества»... Теперь у меня опять собственные мысли, которые я, так сказать, сам думаю — между тем как прежние все были из другого места или в другом месте, поблизости: из Шютценштрассе или на Шютценштрассе»[4]. «...Ты магазин мыслей, фабрика идей». Зная это «соотношение сил» в интеллектуальном общении Маркса и Кёппена, мы можем оценить значение статьи «Берлинские историки» как исторического источника.

Маркс уехал из Берлина в середине апреля 1841 г., а статья Кёппена печаталась в «Hallische Jahrbücher» 5—8 мая 1841 г., и Кёппен в письме сообщает Марксу о впечатлении, произведенном ею в ученых и чиновничьих кругах Берлина. Очевидно, статья была закончена еще при Марксе или же вскоре после его отъезда; во всяком случае, она подготовлялась и обдумывалась еще в бытность Маркса в Берлине. Весьма вероятно, что и самый замысел выступления против виднейших представителей официальной немецкой историографии исходил также из «Шютценштрассе» и многие основные положения, высказанные в этой статье, были почерпнуты из той же «фабрики идей». Таким образом, мы вправе считать, что статья в значительной мере отражает взгляды молодого Маркса на современную ему историографию, и предположение это подтверждается при сопоставлении статьи с позднейшими высказываниями Маркса об историках.

II

Бо́льшая часть статьи Кёппена посвящена отрицательной характеристике представителей официальной немецкой исторической науки — Раумера и Ранке. Но начинается статья с небольшого введения, в котором дана характеристика Эдуарда Ганса и поставлен общий вопрос: почему в Германии отсутствует интерес к истории? Здесь же противопоставление немецким историкам английских и французских (вместе с античными и итальянскими), хорошо знакомое нам по «Немецкой идеологии»[5]. Кёппен пишет: «Интерес к истории возникает главным образом из интересов политических и патриотических; историография начинается с отечественной истории. Об этом свидетельствуют греки и римляне, итальянцы, англичане и французы... прошлое оживает в народном сознании лишь в том случае, если в нем живо настоящее... Или, другими словами: как может история и интерес к ней развиваться без общественной жизни, если сама история — наука о жизни общества?»

Из французских историков Кёппен упоминает Тьера и Минье как авторов, очень хорошо известных даже широкой публике. И мы имеем все основания предполагать, что Маркс уже в берлинский период знал

---

[1] Статью «Берлинские историки» см. «Hallische Jahrbücher», 1841 г., стр. 421—439; статью о Шлоссере—«Deutsche Jahrbücher» № 2—6 за 1842 г.; статью о Генрихе Лео — «Deutsche Jahrbücher» № 129—133 за 1842 год. Журнал «Hallische Jahrbücher» с 1 июля 1841 г. был переименован в «Deutsche Jahrbücher».

[2] Письмо Ф. Энгельса В. Адлеру от 4 декабря 1889 года. В книге: Адлер В. «Статьи, речи и письма». Вып. 1-й, стр. 17. М. 1924

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. I, стр. 25—26.

[4] Название улицы в Берлине, на которой жил Маркс.

[5] Резкую критику буржуазной историографии на страницах «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс особенно заостряют против немецких историков, а относительно французов и англичан указывают, что, будучи, как и все тогдашние историки, идеалистами и находясь в плену политической идеологии, они «все же сделали первые попытки дать историографии материалистическую основу, впервые написав истории гражданского общества, торговли и промышленности» («Немецкая идеология». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IV, стр. 18). В письмах Маркса к Энгельсу встречаются также и чрезвычайно высокие оценки античных и итальянских историков, например Аппиана, Макиавелли.

этих историков; для обратного утверждения[1] нет оснований.

О французских историках, противополагая их немецким, много писал Эдуард Ганс, а мысли и оценки Ганса имели в 30-х годах чрезвычайно большой удельный вес в среде левых гегельянцев и вообще в радикально-демократических кругах; Ганс был «органом общественного мнения»[2], его суждения и оценки, высказанные на кафедре или в частной беседе со студентами или при каком-либо ином случае, мгновенно подхватывались как «крылатые слова» и получали самое широкое распространение. О французских историках Ганс давал статьи в гегельянском критико-библиографическом журнале «Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik», основанном по его инициативе и выходившем в первые годы своего существования под редакцией Гегеля; часть этих статей была затем перепечатана в «Vermischte Schriften» (1834). В Париже Ганс встречался в доме редактора журнала «Globe» Дюбуа и в салоне м-м Рекамье с французскими историками: Тьером, Минье, Тьерри и Гизо,— особенно близкими к редакции «Globe», с Фориэлем, которого называли «наиболее немецким» из французских исследователей, а также и с более молодыми: Токвилем, Кинэ, Ампером и другими. Об этих личных встречах с французскими историками Ганс рассказал в книге «Rückblicke auf Menschen und Zustände» (1836), и трудно себе представить, чтобы юный Маркс не читал этих статей Ганса и не заинтересовался, с его слов, французскими историками. Влияние Ганса на ход университетских занятий Маркса было вообще довольно значительным. Маркс с первого же семестра слушал его юридические лекции; что касается исторических курсов Ганса, то Маркс, вероятно, слушал последний из них — «Курс новейшей истории от времени заключения Вестфальского мира (1648)», законченный 26 марта 1838 года[3].

Переезд из Бонна в Берлин, Маркс, как видно из письма к отцу, в первый же год своих берлинских занятий наметил план большой юридической работы, а при попытке ее осуществления ощутил настоятельнейшую потребность в философском обосновании. Когда его окончательно покорила мощь гегелевской философии, то и в Гансе он увидел не только профессора-юриста, но и активного деятеля левогегельянского течения, с которым на равной ноге встречался в «докторском клубе». В области права Маркса интересовали совсем не те вопросы, которыми специально занимался Ганс, но общие взгляды Ганса на науку права и ее отношение к философии и истории, несомненно, помогли Марксу упорядочить свои занятия в университетские годы.

Ганс критически оценивал традиционную замкнутость науки права в узком кругу. В своих автобиографических набросках он писал: «Меня с самого начала моих научных занятий отталкивал тот вульгарный (gemein) круг, в котором, как казалось, замкнута была наука права. Вывести ее из этого круга или, скорее, удержать в той области, в которую ее ввел в свое время Монтескье, было и до сих пор остается целью всех моих работ. Для этого нужно точно вникнуть в философию нашего времени и прислушиваться и к не-юридическим суждениям, которые сохраняет нам история всех времен. Поэтому я занимался историей больше, чем так называемая историческая школа, и даже читал исторические курсы в здешнем университете... В своих лекциях я всегда стремился поднять сознание молодых людей на более высокую ступень и, вводя юридическую науку в великий братский круг исторических и философских дисциплин, освободить ее от сковывающих ее цепей»[4].

Тот же взгляд на науку права, как дисциплину, подчиненную истории и философии, развит более обстоятельно в статье Ганса о французском историке права Лерминье. Указав на расцвет теоретической юриспруденции в Германии, Ганс затем продолжает: «Однако расцвет этот не является вполне самостоятельным, он не свидетельствует о наличии юридического духа в собственном смысле этого слова,— наоборот, в этом отношении мы совершенно отстали. Расцвет этот коренится в успехах, достигнутых двумя старшими науками — философией и историей. Юриспруденция, как дочь, пользуется зажиточностью родительского дома, потребляет его богатства, которые ей разрешено тратить на свои нужды,— и со стороны, людям не посвященным в эти домашние отношения, кажется, что сама она богата и находится в цветущем состоянии. Без той великой революции, которую пришлось со времен Канта проделать немецкой философии, наша наука права и до сих пор блуждала бы в кругу ничтожных категорий; историческая же школа, в сущности, только заимствовала у филологии тонкий инструмент, которым она к тому же зачастую работает неумело и с педантичностью, обнаруживающей, что инструмент — заимствованный. Поэтому если французы взирают на немецкую юриспруденцию с благосклонностью и вступают с нею в живое общение, то это делает честь, главным образом, немецкой философии и филологии, и,

---

[1] Marx—Engels. Gesamtausgabe. Bd. I. Zweiter Halbband. Vorwort. S. XXVI.

[2] Неверов Я. «Эдуард Ганс». «Отечественные записки» за 1839 год. Т. IV, стр. 39—52.

[3] Об общественном значении лекций Ганса и глубоком впечатлении, которое он производил на слушателей, см. некролог Неверова, а также Гершензон М. «Жизнь В. С. Печерина», стр. 45 и сл., стр. 102 и сл. М. 1910; Некрологи Эд. Ганса см. в «Hallische Jahrbücher» № 132 за 1839 год; «Deutsche Jahrbücher» № 113 за 1840 год. См. также Gans «Allgemeine Deutsche Biographie».

[4] См. Westerbook «Eduard Gans». «Deutsche Jahrbücher» № 113. 1940.

если брать филологию в широком смысле,— немецкой исторической науке»[1].

Маркс получил хорошую филологическую подготовку еще до университета: в Германии в то время филологические методы до некоторой степени усваивались учениками еще в средней школе, а наиболее способные имели возможность приобрести даже довольно значительные навыки в этой области. Гимназический аттестат Маркса удостоверяет, что ему часто удавалось переводить и объяснять даже трудные места из классиков, «особенно такие, где трудность заключалась не столько в своеобразии языка, сколько в самом предмете и в общей связи». Лекции по филологии Маркс слушал в Бонне и в Берлине. Таким образом, методу критики источников Маркс учился из первых рук, т. е. у филологов, у которых заимствовали этот метод — в ослабленном и урезанном виде — и представители «исторической школы права» и Ранке. В дальнейшей своей жизни Маркс давал высокую оценку немецкой филологии и отдельным ее представителям; в своих отзывах о том или другом авторе он всегда отмечал филологическую выучку как большой плюс.

О Гансе Марксу не приходилось писать, но его борьбу против исторической школы права Маркс продолжил в 1842—1844 годах. Последним ярким полемическим выступлением против этой школы была его статья в «Rheinische Zeitung»—«Философский манифест исторической школы права» (1842). И несколько позднее, в 1844 г., сущность этой школы была резюмирована в классической формуле в «Введении к критике философии права Гегеля»: «Школа, узаконяющая подлость сегодняшнего дня подлостью вчерашнего, школа, объявляющая мятежным всякий крик крепостных против кнута, если только этот кнут— старый и прирожденный исторический кнут»[2].

III

В форме борьбы гегельянцев против исторической школы права в домартовской Германии протекала борьба радикально-демократических элементов против юнкерски-реакционных. Борьба эта, начавшаяся еще в 20-х годах, не ограничивалась и не могла ограничиться только узкой областью юриспруденции; она постепенно переходила и в область других гуманитарных наук, в частности исторической науки как таковой. Виднейший представитель немецкой официальной историографии в Берлине Ранке был чрезвычайно близок к исторической школе права; «философского понимания истории у него нет и следа»,— замечает Кёппен и показывает отрицательное отношение самого Гегеля к Ранке: «Когда однажды Гегелю начали говорить о Ранке, предлагая ему до некоторой степени связаться с ним, то Гегель ответил характерным для него отстраняющим жестом руки с растопыренными пятью пальцами и сказал: «Nein, mit dem Ranke ist es nichts».

Совершенно не случайно поэтому, что уже в «Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik» Ганс в конце рецензии на книгу Гизо «История английской революции» дает довольно едкую характеристику историка, которого «сверх меры ценят»: «Наши немецкие историки долгое время смотрели на французов сверху вниз со спесивым презрением, и все-таки нам немного известно немецких книг, заслуживающих, подобно рецензируемой книге, ту похвалу, что в их изложении говорит только сам предмет и его идеи, что авторы сумели совершенно растворить в предмете свои личные склонности, мнения и воззрения. Как раз то, что у нас в последнее время знаменито, ценится сверх меры и имеет вес, приобрело свою славу благодаря тому, что мы считаем величайшим недостатком для историка: благодаря напыщенной субъективности, проявляющейся в парадоксальных суждениях, односторонних гипотезах и мнениях, причем из изложения мы никогда не получаем образа самого предмета, а только образ автора, вымучивающего что-то из себя»[3]. Конечно, тут имеется в виду Ранке, хотя он и не назван. Статья Кёппена это подтверждает[4].

Значение статьи Кёппена «Берлинские историки» заключается прежде всего в блестящей характеристике эклектического мышления в науке, которую он дал в своем портрете Раумера: «С одной стороны это верно, но с другой стороны и то не менее верно; это имеет свою светлую сторону, но имеет и теневую; одни правы, но другие тоже правы; это утверждение не лишено основания, но, пожалуй, можно было бы доказать и обратное...» и т. д.

Недаром Маркс, когда ему нужно было охарактеризовать другого типичного эклектика — Прудона,— вспомнил именно статью Кёппена, говоря, что Прудон, подобно историку Раумеру, «составлен из «с одной стороны» и «с другой стороны»»[5]. Ленин развернул эту мысль в своей обобщающей характеристике «объективного ученого»: «Объективный» ученый должен старательно собирать фактики, отмечать «с одной стороны» и «с другой стороны», «переходить (подобно гетевскому Вагнеру) от книги к книге, от листа к листу», отнюдь не посягая на то, чтобы составить себе последовательные взгляды, выработать общее представление о всем процессе в его целом»[6].

---

[1] «Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik», S. 630—631. 1830, April. Перепечатано в «Vermischte Schriften».

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. I, стр. 387.

[3] Gans E. Vermischte Schriften». Bd. II, S. 61. 1834.

[4] Повторяя Ганса, Кёппен тоже показывает Ранке как автора, все время занятого самим собою. См. ниже статью Кёппена, стр. 80.

[5] К. Маркс. О Прудоне (письмо Швейцеру) (1865). (См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIII. Ч. 1-я стр. 29).

[6] Ленин. Соч. Т. IV, стр. 251. Примечание.

Благодаря характеристике Ранке статья Кёппена имела в 1841 г. немалое политическое значение для Германии, как и анонимная брошюра Энгельса 1842 г., направленная против Шеллинга. Молодой Энгельс нанес удар христианско-германскому направлению в философии в лице «обновленного» Шеллинга. Статья Кёппена — тоже довольно сильный удар Ранке со стороны шедших под знаменем гегельянства радикально-демократических элементов. В своем письме Марксу Кёппен рассказывает, как реагировал Ранке на это нападение: «Он говорил Дённигесу, как это скверно в сущности, что в королевско-прусском государстве нет правовой защиты против такой клеветы».

Собеседником Ранке был тот самый Дённигес, относительно которого Маркс писал Энгельсу в 1864 г.: «товарищ Рутенберга по университетской демагогии», один из тех участников исторического семинара Ранке в Берлинском университете, которых он «заставлял издавать отвратительные старые анналы немецких императоров».

Говоря об историческом семинаре Ранке, Маркс обрисовывает попутно и руководителя семинара. В двух строках он дает мастерскую характеристику специфических черт Ранке как историка: «Мелочной торг блестящими анекдотами и сведение всех великих событий к мелочным проделкам» («Die spielende Anekdotenkrämerei und die Rückführung aller grossen Ereignisse auf Kleinigkeiten und Lauserein» [1] — в существующем русском переводе писем Маркса содержание этой характеристики передано неточно и неполно). В конце письма характеристика резюмирована в одном образном выражении: «камердинер истории». Возможно, что и в данном случае Марксу вспомнилось то место из статьи Кёппена, где последний писал, что исторические картины и портреты Ранке «при всей тщательности их рисунка, изяществе исполнения страдают одним основным недостатком: они созданы глазом и руками придворного». Кёппен добавлял к этому: «Уже давно было сказано, что великого человека камердинер видит иначе, чем историк; придворный, дипломат — по середине между ними. К королю, к прославленному полководцу, к государственному деятелю он поставлен слишком близко, чересчур подробно знает их личные и человеческие слабости и не может понять их исторического значения объективно, по существу».

Статья Кёппена содержит богатый конкретный материал, характеризующий именно те черты Ранке-историка, которые отмечены Марксом [2]. Кёппен замечает, что в официальной немецкой историографии, как и в китайской, даже в лучшем случае, если она не содержит официальной лжи, «много точности, но не истины». Ранке, — несомненно, выдающийся историк такого типа: «Дипломатические бумаги и реляции, донесения послов, официальные акты и постановления — вот его главные, нередко единственные источники». Кёппен ставит вопрос: «Могут ли эти источники дать историку в с е?» Конечно, нет. Ограничиваться ими может лишь тот историк, который считает, что «ничто не должно совершаться снизу вверх, все должно направляться и осуществляться в совершенной тайне сверху вниз».

Совершенно на своем месте, по мнению Кёппена, Ранке тогда, когда он пишет историю папства и иезуитов. Он вносит «внешне прагматическую связность в переплетение и беспорядочное движение субъектов и случайностей». Исторический процесс, в отношении которого Ранке ставил себе задачу показать, «wie es eigentlich gewesen», превращается под его пером в «эзотерический круг учреждений, полководцев, политических максим, должностных лиц, послов, министров, кардиналов, султанов, королей и пап, которые, как по ниточке ведут всемирную историю; по своему усмотрению, в зависимости от своих страстей, убеждений и обстоятельств они вертят всемирной историей, как хотят и как могут. Все, что вне этого круга, не входит в историю... и, дочитав книгу, мы задаем себе вопрос: «А где же народы?»

Кёппен, по сути дела, обвиняет Ранке в сведении истории народов к «мелочным проделкам» правителей и дипломатов. Маркс в цитированном выше письме к Энгельсу поставил вопрос несравненно глубже чем Кёппен, говоря, что в исторических работах Ранке имеет место «сведение всех в е л и к и х с о б ы т и й [3] к мелочным проделкам». Кёппен предъявил немецким историкам в лице Ранке справедливое требование — подняться до уровня французской и английской историографии и вывести немецкую историческую науку из узкого круга господствующих и управляющих, в котором она замыкалась. Однако даже при выполнении этого требования самая существенная задача истории все еще была впереди: не только изображать историю народов, но и уметь правильно различать подлинно великие события в жизни народов, а затем и предсказывать их. Радикально-демократическая историография этой задачи разрешить не могла, у гегельянца Кёппена не было верного масштаба для различения великих событий. Масштаб этот дало только материалистическое понимание истории.

---

[1] Письмо К. Маркса Ф. Энгельсу от 7 сентября 1864 г.: M a r x — E n g e l s. Gesamtausgabe. Dritte Abteilung. Bd. III, S. 190.

[2] В частности об «Anekdotenkrämerei» см. ниже, стр. 79.

[3] Разрядка наша.— **З. и Ш.**

БЕРЛИНСКИЕ ИСТОРИКИ*

К. Ф. Кёппен

Лекции по истории, читанные в Берлинском университете, собственно говоря, никогда не делали эпохи; многочисленную аудиторию они редко собирали. При существующей экзаменационной системе и при характерных свойствах нашей бюрократии история, разумеется, никак не может соперничать с узкоспециальными и «хлебными» науками. Но даже по сравнению с философией она всегда определенным образом отходила на задний план. «Философский» период Берлин переживал два раза—при Фихте и при Гегеле (не считая более раннего, при Фридрихе Великом), теперь он надеется на третий — при Шеллинге. «Историческая» же эпоха как будто еще очень далека от нас. До сих пор лишь одному человеку удалось на короткое время возбудить в широких кругах интерес к истории, даже больше: увлечь историей почти все здешнее студенчество. И этот единственный человек был не историком, а, напротив, самым решительным противником исторической школы; это был Ганс. Как известно, его лекции по новейшей истории имели — и именно после июльской революции — неслыханный успех (это не слишком сильно сказано), притом не только у студентов, но и среди чиновников и военных всех рангов, купцов, банкиров, художников и литераторов; даже в ремесленных мастерских, среди честных тружеников, многие уже за неделю радовались, думая о том, что в среду будут слушать Ганса. Число его слушателей дошло бы до тысячи, если бы лекционный зал мог их вместить; большей частью их бывало пятьсот, шестьсот — очевидное доказательство того факта, что современность требует иного понимания и изображения истории, чем то, которое обычно дают наши историки, особенно историческая школа. И пусть теперь они повторяют то, что столько раз говорили еще в те времена, с ядом и с желчью выступая против Ганса: что легко увлечь массу слушателей ослепительным блеском поверхностного, неглубокого изложения, что Ганс всего-навсего прочитал кое-какие французские мемуары да работы Минье, Тьера и всемирную историю Беккера. Ведь мы давно знаем: у нас в Германии, постаринке, только то, что скучно и неудобоваримо, только отжившее, незначительное и мелочное получает право гордо именовать себя «ученым» и «основательным». И тем не менее характерно и памятным останется для будущего, что именно ученик философии первый в Берлинском университете попытался восстановить историю в ее правах. Но это продолжалось недолго. В последнее время Ганс, по указаниям свыше — прямым или косвенным, этого я не знаю,— уже больше не читал исторических курсов.

Откуда, однако, упомянутое отсутствие интереса к лекциям по истории? С этого вопроса начал г. фон Раумер, если не ошибаюсь, в 1829 г. свой курс всемирной истории, не без полемического намека на гегельянство, переживавшее в то время свой расцвет. Он с обычной своей манерой много распространялся на эту тему и в ту и в другую сторону, привлекал для объяснения самые разнообразные причины, и близкие и дальние, тщательно обходя при этом суть дела, которая, однако, совершенно ясна и очевидна. Ибо зачем же аргументировать, дискутировать, трещать попустому, когда требуется доказать простое положение: что бывают такие времена и обстоятельства, при которых живой интерес к истории никак не может проявиться, но историография, например христианско-назидательная, учено-антикварная, критическая, прагматическая, биографическая и официальная на китайский манер вполне может процветать. А что мы были осчастливлены именно такими временами и обстоятельствами в 1829 г. и в течение всего предшествовавшего десятилетия, что мы осчастливлены ими и теперь в большей или меньшей степени,— в этом, пожалуй, не станет сомневаться ни один разумный человек. Посему лучше бы г. фон Раумеру совсем не пускаться в пространные рассуждения, а сказать коротко и ясно: «Милостивые государи! Уже Тацит знал, почему у меня так мало слушателей и почему их не может быть много, независимо от моих личных качеств. Прочтите, для примера, начало «Историй» и вторую главу «Агриколы»!»

Скажем в коротких словах о том, что г. фон Раумер обошел молчанием.

Интерес к истории возникает главным образом из интересов политических и патриотических; историография начинается с отечественной истории. Об этом свидетельству-

* Перевод с немецкого Д. Зандберг.

ют греки и римляне, итальянцы, англичане и французы. Открыто, сообразно своей природе, без помехи интерес к истории развивается только в свободном государстве, обладающем самосознанием, следовательно, главным образом в республиках. Ибо «раньше» интересно только в той мере, в какой интересно «теперь», и прошлое оживает в народном сознании лишь в том случае, если в нем живо настоящее. Только свободному духу даны право и сила освобождать духов прошлого. Или, другими словами: как может история и интерес к ней развиваться без общественной жизни, если сама история — наука о жизни общества?

Правда, с другой стороны, можно утверждать, что как раз в борьбе с существующим строем пробуждается и обостряется понимание политической жизни и истории, как то было, например, у Ганса или (в общественных условиях более крупного масштаба) у Монтескье, с его оппозицией французскому абсолютизму XVIII века.

Но ведь известно, что у немцев мало таланта и склонности к оппозиции. К тому же оппозиция историков (по существу, менее решительная и радикальная чем оппозиция философская) проявляется зато быстрее, более бурно и тем самым на первый взгляд более опасна и для историка и для существующего строя. Философия подбирается к этому строю невидимо, как легкий эфир; она проникает во все его поры, разъедает существующее во всех направлениях и разлагает его медленно и верно; история же, напротив, нападает на существующий строй открыто и дерзко, она бьет его фактами, и поэтому ей самой приходится при известных обстоятельствах получать в ответ такие удары, что искры сыплются из глаз. «Тому, кто в истории идет за истиной по пятам и подходит к ней слишком близко, истина вполне может иной раз вышибить зубы»,—говорит сэр Вальтер Ралей [1],—а какой же ординарный профессор пойдет на то, чтобы ему вышибали зубы?

Однако говорилось уже много раз, что мы, немцы, все еще хорошие философы, но плохие историки; следовательно, лекции по истории не могут иметь в наших университетах большого значения. Что касается Берлина, то посмотрим, не лежит ли часть вины на теперешних или на прежних представителях берлинской исторической науки независимо от условий и обстоятельств, общих для всей Германии.

Первым представителем исторической науки в Берлинском университете был выбран, как известно, Иоганн фон Мюллер. Он, однако, предпочел стать министром в королевстве Вестфалии. Вместо него историографом сделался Нибур, а профессором, когда открылся университет,— Рюс (Rühs). Нибур занимался историей как филолог, знаток древностей и критик, Рюс — с точки зрения экзальтированного тевтонства; он умер одновременно с этой точкой зрения, в 1820 году. Правда, лекции он читал и по древней и по новой истории, но сам работал преимущественно по истории средневековья, древнейших германцев и в этой связи занимался также и скандинавской историей и мифологией. Поэтому, когда сочли нужным противодействовать этому направлению и вернуть историю от демагогических интересов к чисто научным, то в 1818 г. приглашен был наряду с Рюсом историк — ученый по преимуществу — Вилькен. Однако ученость Вилькена не обеспечила ему как преподавателю особого успеха, да и сам он больше отдавался библиотеке и научным работам чем лекциям. К тому же он вскоре заболел психически и в последнее время читал лекции только в исключительных случаях. Он умер в конце прошлого года [2]; мы здесь говорим только о живых, т. е. о Раумере, Ранке и Штуре.

Раумер — не только историк: он публицист и путешественник; и с этих трех точек зрения о нем уже столько говорили, что трудно сказать что-нибудь новое. Да и не требуется особой проницательности, чтобы понять его глубочайшую сущность. И какие же нападки терпел за последние десять лет историк Гогенштауфенов, столь превознесенный в свое время! Нападали со всех сторон: исторические и критические стражи Сиона, никогда, впрочем, не ценившие Раумера особенно высоко; так называемые «пруссаки», которые с 1831 г. определенно начали его подозревать; иезуиты и сторонники «Политического еженедельника»; английские тори (но лорд Рессель его хвалил) и, наконец, немецкие либералы, особенно Гейне и Берне!

Раумер, как известно,— воспитанник романтической школы, друг Зольгера, Тика, фон Гагена и братьев Шлегель. Однако он никогда не шел решительно и последовательно в этом направлении: для этого у него, вероятно, от природы было слишком мало воображения и слишком хорошо он знал толк в реальном. По окончании университета Раумер поступил на практическую государственную службу, и не сумею сказать, там ли зародились и сложились основы его общего и исторического мировоззрения; я имею в виду убеждение большинства практических, деловых людей и чиновников-администраторов, а именно, что не нужно вовсе иметь никаких убеждений. Во всяком случае, для Раумера такой взгляд все больше и больше становился догматом, и романтические аккорды мы слышим от него только при случае, если он невзначай попадает в те сферы, где мир умещается на подмостках [3]. После смерти Рюса Раумер был приглашен в Берлин; еще до того

[1] Ралей Вальтер (1552—1618) — английский путешественник и политический деятель, автор «Истории мира», написанной в годы тюремного заключения (1603—1616) при короле Иакове I.

[2] Вилькен Фридрих (1777—1840) — филолог и историк, автор работ по истории Востока и «Geschichte der Kreuzzüge», 1807—1832, 7 B-de.

[3] Раумер был известен как любитель театра и музыки; как раз в 1841 г., когда писалась статья Кёппена, он читал популярный курс в Вокальной академии.

он ушел с государственной службы и профессорствовал в Бреславле.

Ранние работы Раумера забыты, и даже наиболее значительную из них — «Лекции по древней истории» — навряд ли кто-нибудь теперь возьмет в руки. Прославился он только благодаря своим «Гогенштауфенам». Книга вышла в 1823—1825 гг., но план, подготовительные работы, часть окончательной обработки — все это приходится на более ранний период, и, таким образом, в этой книге раннее мировоззрение Раумера еще выражено самым определенным образом: симпатии к средневековью, к императору и империи, папе и церкви, к рыцарству, нищенствующим орденам, к схоластике и наивной вере. Присущая Раумеру в последующие годы нейтральность (скорее моралистическая, полу-«просветительская», чиновничья) и отсутствие убеждений — все это здесь еще скрыто, заслонено симпатиями к средневековью.

Время было исключительно благоприятное для появления такой работы; совершившееся незадолго до того насильственное подавление тевтонского направления вызывало симпатии к этой книге: все знают, какой исключительный успех она имела среди ученых и неученых. Недовольны были только историки критического направления: Шлоссер назвал книгу Раумера «романом на манер Фуке» [1], а Штенцель [2] в «Приложении» к своей «Истории императоров франконской династии» (почти столь же длинном и, если это возможно, еще более скучном чем самая книга) задался целью доказать, что Раумер в основном плохие источники предпочел хорошим. И тем не менее работа имеет по сравнению с более ранней немецкой исторической продукцией определенные достоинства, главным образом стилистические; то, что порицает в ней Шлоссер — удобочитаемость,— является, пожалуй, наибольшим ее достоинством. Ясно, что до того времени во всей нашей исторической литературе не было работы настолько свободной от педантизма, изобразительной, прекрасно изложенной в некоторых частях. «Гогенштауфены» заняли бы почетное место в истории развития нашего исторического стиля даже в том случае, если бы единственным результатом появления этой книги оказалось вытеснение нашей исторической «Мессиады», т. е. «Истории Швейцарии» Иоганна фон Мюллера, того тряпично-национального произведения, которое, как и эпическую «Мессиаду», все хвалили и никто не читал.

В последующие годы Раумер почти совершенно отошел от занятий средневековьем, от средневековых пристрастий и увлечений; он занялся новой историей и потому часто высказывался по злободневным вопросам больше в качестве публициста чем историка, например о прусском городовом положении, о гибели Польши. Исследуя архивы, он превратился чуть ли не в путешественника-профессионала. Так например с 1830 г. он успел посетить Францию один раз, Англию два раза, Италию два раза и в настоящее время опять путешествует, где,— не знаю. Как известно, результаты этих исследований отчасти появлялись разрозненно в «Historisches Taschenbuch», в письмах и документальных публикациях, а отчасти обобщены во второй большой работе Раумера — «История Европы с конца XV столетия».

Строгая историческая школа дала этой книге и связанным с нею подготовительным работам столь же невысокую оценку, как и «Гогенштауфенам». Сам автор хвалится, что в своем стремлении добыть обильную и надежную информацию он изъездил тысячи миль, кропотливо изучал и конспектировал целыми тысячами связки документов и запыленных бумаг, что «путем долгого упражнения он приобрел в этом деле мастерство и уменье с одного взгляда ориентироваться в материале, словно дирижер в положенной перед ним партитуре».

Друзья Раумера превозносят его за то, что, отыскивая среди шелухи дипломатических донесений зернышки, нужные для истории, он в несколько месяцев вспахивает необработанные бумажные пространства, над которыми другой трудился бы годы. Но враги Раумера уверяют, что, путешествуя, он не так уже много думает об архивах и рукописях, что театрам, обществу и столь часто упоминаемым «заслуживающим похвалу» обедам и ужинам он уделяет больше внимания чем истории и ее источникам. А из собственных его рассказов мы видим с полной ясностью, что враги Раумера не так уже неправы, ибо сам он на страницах своих сообщений неоднократно говорит об этой стороне дела. В Риме, например, Раумер радуется, что ему не разрешен доступ в архивы: «Ничто не могло мне быть приятнее чем этот отказ; он уводит меня от старых бумаг к живой современности, приближает желанное возвращение на родину, и кроме того денег я истрачу меньше». А из Парижа Раумер пишет: «Почему я теперь мучаюсь целый день над рукописями? Это — предопределение, не могу привести никакой другой разумной причины. Ибо то блюдо, которое я изготовлю из всех этих составных частей,— оно и мне самому не придется по вкусу, тем более другим. Кажется, со мной здесь происходит то же, что и в Риме. Слишком много корплю над рукописями, они мне надоедают, и, в конечном счете, я испытываю удовольствие, когда время и деньги подходят к концу». К тому же Раумер ни минуты не сомневается в том, что «современем, когда то или иное из собранной добычи будет напечатано, люди громко скажут: что же это? Человек брал отпуск, получал казенную субсидию — и все только для того, чтобы собрать такой малозначащий вздор? Сидел бы лучше дома, исполнял добросовестно свои обязанно-

[1] Ламотт-Фуке Фридрих-Генрих (1777—1843), немецкий писатель романтического направления, автор нескольких романов из жизни средневековья.

[2] Штенцель Густав-Адольф (1792—1854), историк, профессор Бреславльского университета. Основные труды: «Geschichte Deutschlands unter den fränkischen Kaisern», 1827; «Geschichte des preussischen Staats», 1830—1854. 5 B-de.

сти. Он, пожалуй, действительно тратил время и деньги в театрах да ресторанах, но о науке мало заботился».

По качеству изложения вторая работа Раумера значительно уступает первой. Она совершенно тускла, бесцветна и несмотря на обилие рассуждений суха и однообразна как учебник. И могло ли изложение быть иным — не бессодержательным, не скучным,— если бессодержательны и скучны те исторические и политические воззрения, которыми пронизана вся книга?

Эти воззрения Раумера или, вернее, отсутствие воззрений, беспринципность не покидает его никогда, но особенно она очевидна там, где Раумер говорит о новой или новейшей истории; она-то и сделала его удобной мишенью для всех партий. И, действительно, отсутствие убеждений — сущность его характера. Определенности, решительности, принципа нигде нет. Раумер знает, что историк должен писать sine ira et studio, он хочет быть беспристрастным и думает это осуществить следующим образом: нет в мире такого предмета, или исторического явления, или всемирноисторической личности, нет такого события, на которое он сказал бы решительно «да» или «нет». Он всегда говорит одновременно и «да» и «нет». Никто не злоупотреблял хуже Раумера тем, по существу, верным положением, что истина не в крайностях (к которому следует присовокупить и обратное положение, что в середине — не истина, а половинчатость и посредственность). Везде Раумер занимает позицию между противоположностями не для того, чтобы действительно установить между ними связь, признать противоположности и вместе с тем снять их, показать, как они объективно сами себя снимают и из них возникают новые, более совершенные образования. Он между ними посредничает как маклер, подкупает их, торгуется, предоставляет одной одно, другой другое, потом опять отнимает то, что было дано, короче: так притупляет эти противоположности и приближает их к посредственности, что они перестают быть противоположностями,— их уже нет, они существуют только как раумеровское рассуждение. Всякая противоположность для него неприемлема: все должно быть ни холодным, ни горячим, ни рыбой, ни мясом, ни черным, ни белым. Если бы Раумер создавал мир, он бы выкрасил его в серый цвет, населил одними только амфибиями и гермафродитами, чтобы никого не обидеть, быть совершенно нейтральным. Но так как всемирная история с такого рода существами дела не имеет, то по существу Раумер в исторических вопросах — величайший якобинец и левеллер, какого только можно себе представить. Он ничего не оставляет неприкосновенным, все уравнивает, все знает лучше. Известна его манера, превратившаяся в манию, распространяться о личностях, положениях, событиях, мнениях, эпохах, народах,—словом, обо всех исторических явлениях. Всегда конечный вывод и заключительный вопрос: что можно в этом деле одобрить, чего нельзя одобрить? Что сказать за, что против? С одной стороны, это верно, но с другой стороны, и то — не менее верно; это имеет свою светлую сторону, но имеет и теневую; одни правы, но другие тоже правы; это утверждение не лишено основания, но, пожалуй, можно было бы доказать и обратное... и т. д. Нет предмета настолько крупного или мелкого, древнего или нового, чтобы нельзя было его подстричь и обработать при помощи этого обоюдоострого ножа: «хотя — однако», «конечно — но все-таки», «с одной стороны, с другой стороны». И разумеется, при таком подходе должно погибнуть всякое понимание истории; скажу больше: такая терпимость хуже всякой нетерпимости. Ибо нет таких исторических фактов, явлений, личностей, которые признавались бы полностью, без оговорок; чем они крупнее, содержательнее, чем больше в них определенности и энергии, тем сильнее они урезываются, уменьшаются до половинных размеров, хотя, по существу, половинчатость эта присуща вовсе не историческим явлениям, а только г. фон Раумеру.

Что касается его политического символа веры, то и в этой области Раумер, как и в вопросах истории, избегает всякой определенности; естественно поэтому, что его считают то слишком либеральным, то слишком раболепным, то чересчур протестантом, то чересчур католиком; одни видят в нем «Аякса свободы», другие — «гибкого историка-камердинера»; короче говоря, нечего удивляться, если его меряют той же мерой, какой сам он меряет других. Правда, мы охотно верим Раумеру, когда он говорит, что «попытка, лавируя, пройти между партиями, встречает очень большие затруднения»; но если он, оправдываясь, прибавляет: «Чем острее деление на партии, тем определеннее выступает эгоизм и равнодушие к многообразию существующего»,— то мы немедленно прерываем его, поставив излюбленный им самим вопрос: а ведь, пожалуй, можно было бы утверждать и обратное? Разве эгоизм и равнодушие не присущи именно тупой беспартийности или доктринерскому juste milieu? Правда, Раумер нередко берет сильный разбег в сторону либерализма, но затем, ужаснувшись собственной отваги, он незаметным образом отползает обратно ровно на столько же шагов, на сколько он неосмотрительно продвинулся вперед. Например он восхваляет июльскую революцию, заявляя, что «Карл X — изменник, клятвопреступник, и французы совершенно правы; великий народ не должен быть для выродившейся семьи собственностью, которую можно мучить по произволу; народом нельзя управлять иезуитскими методами». Но вслед за победным кличем сразу появляется ковыляющая оговорка и при помощи нескольких «с другой стороны», словно по витой лестнице, выводит нас обратно, на ровную, надежную прусскую почву, которую мы было покинули с излишней бойкостью в первом порыве опьянения июльскими днями. Ибо, с д р у г о й с т о р о н ы, «мало радости в том, что новый король милостью народа поет вместе с ним марсельезу», с д р у г о й с т о р о н ы, «противоположность между роялистами и конституционалистами была

симптомом злой болезни», с другой стороны, «радость, что нет больше короля божьей милостью,— не что иное, как следствие одностороннего, нездорового взгляда на вещи», с другой стороны, «намерение изготовить политическое универсальное лекарство от всех болезней, применяя лишь чисто человеческие средства, т. е. меры предупреждения, контроль, законы об ответственности и т. п. безотносительно к богу и провидению, без просветления христианскими добродетелями,— все это пустые притязания и суеверие».

Поэтому если Раумер даже иной раз и дает какое-нибудь положительное утверждение и не сразу отказывается от него при помощи «с другой стороны», то мы вправе предположить, что он опустил этот отказ исключительно из экономии места и времени как нечто само собой разумеющееся, как conditio sine qua non, и что отказ этот, безусловно, налицо ввиде reservatio mentalis. Например Раумер начинает так: «Если бы мне пришлось излагать свой политический символ веры в формулах, ныне являющихся техническими, но произносимых зачастую без глубокого исследования, я бы решительно заявил: в основном я настроен либерально. Однако слово это так многозначно, что я вполне мог бы, истолковывая его по-разному, довраться до любых взглядов, до любой системы. Поэтому утверждаю, наученный историей и современностью: горячка политических безумств как результат чрезмерного и неправильно понятого свободолюбия — зло, менее продолжительное, менее губительное чем медленный яд длительного, привычного рабства, разъедающий кости, как рак. Прошло тридцать, сорок лет — Англия и Франция вышли из этой болезни более здоровыми, чем были раньше, и кто же предпочтет тиранию римских и азиатских властителей, которая длилась столетия? Отлично понимая, что во Франции еще много нездорового и достойного порицания, я все же утверждаю: Париж теперь чище, нравственнее, деятельнее, умнее, в нем больше философии и религиозности, чем во времена недостойного владычества фавориток и министров при Людовике XV. Глупо и нехорошо называть это «добрым старым временем», желать его восстановления, способствовать ему путем уничтожения всех оплотов и гарантий».

Теперь мы, конечно, ждем какого-нибудь «между тем», «напротив», «с другой стороны», но автор кончает письмо и ввиду большой спешки предоставляет опытному читателю самому прибавить ввиде постскриптума неизбежное: «А, пожалуй, можно было бы доказать и обратное?»

Однако каким же образом Раумер терпит в своем мозгу все эти противоречия и противоположности? Ведь он их не преодолевает там, где они действительно имеются, а невольно сам создает, где их нет? Какими средствами он их, в конце концов, все-таки обуздывает, чтобы они не слишком уже беспорядочно шумели и не лопнула у него голова? Ничего нет легче! Когда в этой путанице понятий автор уже совсем не может двинуться дальше и не знает, куда ему деваться, тогда он вспоминает, как это часто делают запутавшиеся люди, свою юность и учителей своей юности — он становится романтиком; с ним происходит то же, что и с физиком, исчерпавшим свои эксперименты,— он ударяется в религию, всецело отдается на волю бога и провидения и даже в политике разрешает все противоречия при помощи веры, надежды, любви, что, бесспорно, делает честь его доброму сердцу. Однако что касается суждения о современности, то здесь Раумер располагает еще и другим универсальным средством. Если он, положим, не знает, как ему справиться с политической жизнью других стран, например Англии или Франции, то все трудности и сомнения он сразу побивает заверением, что у нас все в наилучшем состоянии и мы ничуть не жаждем того, чего мучительно добивались англичане и французы. Поэтому, невзирая на все его путешествия, к Раумеру неприменимы слова, сказанные об одном из его друзей: «Сначала в Англии, потом в Испании, потом в глубоком мраке Брамы,— везде он постранствовал и порвал свой немецкий сюртук и немецкие башмаки»[1]. Наоборот, Раумер везде оставался настоящим, добрым пруссаком, который не интересуется гарантиями, конституциями и «листами бумаги». «В нашем отечестве,— утверждает он, например, возражая французам — сторонникам июльской революции,— существование и жизнь короля и народа по своей сути должно быть отнесено к сфере более высокого порядка, более священной; у нас короли и граждане (как супруги или родители и дети, братья и сестры) не требуют прав там, где царит любовь и доверие. Но если бы — чего не дай бог — наш народ взбунтовался, а один из наших королей стал тираном или хотя бы сделал реакционный поворот,— после такого грехопадения мы, изгнанные из рая, оказались бы лишенными всего, и тогда уже навряд ли хоть кто-нибудь смог бы указать, где граница повиновения или сопротивления. Сейчас мы живем в блаженном согласии и не ищем в нашем государственном праве оснований и законов для отделения короля от народа, как счастливый супруг не ищет в законодательстве способов развестись со своей женой. Но если скандал — уже совершившийся факт, тогда одно только право может спасти от голого насилия и право будет компасом, пока не раскроется опять гавань любви».

Эти симпатические успокаивающие средства (в отношении которых автор, как ни почесывает в затылке, как ни давится словами, но все же не доходит до излюбленного своего вопроса) делают, как сказано, большую честь его сердцу и патриотизму. Вообще сердиться на Раумера нельзя, потому что он весь тут, высказывается

[1] Шлегель Август-Вильгельм (1767—1845). В четверостишии, приведенном Кёппеном, под «странствованиями» подразумеваются труды Шлегеля: перевод Шекспира, Кальдерона и Сервантеса, работы по индийской литературе.

открыто и без задних мыслей. Или, может быть, верно обратное?

На кафедре Раумер всегда давал мало, и небрежность, с которой он преподносит свои лекции, едва ли не вошла в пословицу. Поэтому если он заявляет, что не очень-то приятное занятие — «вскармливать историями юных гиперборейских медведей, которые к тому же вовсе не разевают глотки с жадностью, как невинные и любознательные гуси, а безо всякой благодарности урчат на человека или критически кусают его за пальцы», то мы ответим, что ведь зато и на его «кормежке» нельзя разжиреть или тем более приобрести качества, необходимые для того, чтобы спасать Капитолий.

Со скрещенными руками и ногами, несколько откинувшись назад, Раумер говорит целый час, не изменяя интонации голоса, позы или хотя бы выражения глаз, с удручающей монотонностью и равнодушием. Единственное заметное движение — наклон головы то немножко влево, то вправо, мимическое сопровождение его «с одной стороны — с другой стороны». В остальном впечатление такое, что иногда прекращается всякий контакт между ним и слушателями; дух лектора где-то витает, но уста спокойно продолжают работать. При этом он обладает большой легкостью речи: никогда не бывает так, чтобы ему не хватало слов; но зато он и употребляет любое слово, которое навертывается на язык. Ясно, что несмотря на славу Раумера многочисленной аудитории у него не может быть — и действительно, на его лекциях редко бывает больше 30 человек.

Ранке, к которому мы теперь переходим, еще не дожил, как Раумер, до своей катастрофы. Напротив, сейчас он, пожалуй, в зените всеобщего признания и славы. Голоса, раздававшиеся вначале против него, потом постепенно замолкали, и теперь люди самых разных взглядов и направлений объединяются в похвалах Ранке. И чем только в нем не восхищаются, чего не хвалят! Основательность и документальность его исследований; осмотрительную и острую критику; тонкий такт в выборе; понимание и изложение всегда своеобразные, но все же столь соответствующие сути предмета; тщательно отшлифованный, но вместе с тем выразительный язык и стиль; искусство описания и портрета,— словом, все и вся. Долго ли продержится такое мнение, превратится ли пристрастие современников в суждение потомства или же Ранке постигнет (хотя и по несколько иным причинам) судьба Иоганна фон Мюллера,— покажет ближайшее будущее.

В годы учения Ранке хорошо знали в берлинском гимнастическом обществе[1]. Затем он был учителем гимназии во Франкфурте на Одере: в то время считалось — и в министерстве этот взгляд проводил главным образом Сюверн,— что человека, избравшего академическую карьеру, следует в первую очередь испробовать на практической школьной работе. Первая книга Ранке «История романских и германских народов с 1494—1535 гг.» вышла в 1824 году. Она-то снискала ему благоволение и издателя и министра, благодаря ей Ранке получил назначение в Берлинский университет. С тех пор он читает курсы по средневековой, новой, новейшей истории, а также и по истории Германии; после смерти Ганса лекции Ранке, безусловно, являются среди других исторических курсов наиболее посещаемыми, у него большей частью от 60 до 70 слушателей.

Известно, что как исследователь Ранке занимает совершенно своеобразную позицию. Мало сказать, что он использовал архивы, рукописные акты и документы больше чем кто бы то ни было из наших историков; он любит черпать преимущественно, даже исключительно из них. Дипломатические бумаги и реляции, донесения послов, официальные акты и постановления — вот его главные, нередко единственные источники. Только из них можно, по мнению Ранке, получить основательное и надежное знание, понять истинную, первоначальную связь событий, их основные причины. На другие, уже изданные неофициальные источники, даже на сообщения историков, которые были современниками описываемых ими событий, он почти не обращает внимания, потому ли, что все это он считает уже давно известным, или же из ученого аристократизма, охотно предоставляя другим исследователям, менее высокого ранга, разрабатывать эти источники второстепенного значения. Особенность эта больше всего заметна в первом из его основных трудов — «Государи и народы»,— составленном почти исключительно по донесениям венецианских, испанских и папских послов и государственных деятелей. Но сказанное верно также и в отношении «Истории реформации», которую Ранке почерпнул главным образом из актов рейхстагов. «Настанет время,— восклицает он в предисловии к этой работе,— когда новую историю мы будем строить уже не на сообщениях историков, хотя бы и современников описываемых ими событий (кроме известий о фактах, непосредственно ими наблюдавшихся), а тем более не станем исходить из более поздних обработок; историю мы будем воссоздавать из сообщений очевидцев и из подлинных документов, имеющих самое непосредственное отношение к описываемым событиям».

Смешно было бы не признавать этого стремления почерпнуть как можно больше материала из официальных актов и дипломатических бумаг или же пытаться отрицать значение этих источников для некоторых сфер и частей истории, но другой вопрос: всегда ли именно эти источники являются основными и решающими как некое non plus ultra? Могут ли они дать историку все? И не приводит ли использование только этих источников — с исключением других — к самому сухому, одностороннему, ограниченному прагматизму, более того — к самой настоящей нелe-

[1] Основанное Фридрихом Яном в 1811 году в Берлине гимнастическое общество, в котором молодые люди получали военную подготовку.

пице? Время, которое Ранке предвидит и пророчески приветствует, давным-давно наступило в Китае. Китайцы вот уже много столетий, как обладают историей, составленной по официальным актам и документальной до последних мелочей. Однако у нас нет оснований завидовать китайцам. А разве лучше наша собственная официальная историография? В наиболее благоприятном случае, если она не содержит официальной лжи, в ней много точности, но не истины. А нередки и такие времена, когда жизнь и развитие совершенно отходят от сфер административных и дипломатических, а все, что действительно имеет значение для истории,— только там, где нет правительства с его архивом. Предположим, чтобы взять пример поближе, кто-нибудь задумал написать историю германского народа за последние двадцать пять лет исключительно на основании актов союзного сейма и разных официальных газет и сообщений. Хороша бы вышла история! Но греки и римляне стали бы образцовыми историками, если бы они занимались архивами и документами так же основательно, как это делаем мы.

Если задаться целью охарактеризовать историографию Ранке в двух словах, то правильно название дипломатический прагматизм, понимая слово дипломатический во всех его значениях. И в исследовательской работе и в жизни Ранке так много имел дела с дипломатами, что сам превратился в совершеннейшего дипломата и на все смотрит глазами дипломата.

В нашем журнале его назвали «австрийским историком», и, на самом деле, невозможно отрицать, что его взгляды на государства, народы и их развитие — взгляды вполне австрийские: ничто не должно совершаться снизу вверх, все должно направляться и осуществляться в совершенной тайне сверху вниз. Поэтому высшие категории для Ранке, дальше которых он никогда и нигде не идет,— условия и обстоятельства (Verhältnisse) и лица, т. е. правители, государи и дипломаты, а взаимодействие этих двух категорий делает историю. Субстанциональные силы, идеальные потенции Ранке, кажется, знает только по названию; он ими пользуется как оборотами речи, украшениями; для разнообразия они иногда вкраплены в изложение и выглядят очень мило, но существенного значения не имеют. Правда, Ранке скажет иной раз: «Если не ошибаюсь, то здесь я, кажется, наблюдаю один из всеобщих законов жизни». Или: «Дух истории появился не сегодня и не вчера, он стар как мир». Или: «Главное, чем мы занимаемся всегда, как говорит Якоби, человечество, как оно есть, объяснимое или необъяснимое, жизнь индивида, поколений, народов, временами — рука божья над ними». Или: «Как чудесны пути провидения!» Или: «Никогда не надо обманывать себя относительно могущества одного человека; он бессилен против своего времени» и т. п. Но относительно этих восклицаний тоже не надо обманывать себя: в этом всеобщем законе жизни, этом духе истории, который стар как мир, этой руке божьей над нами, чудесных путях провидения и т. п. нет большого смысла; это только для заполнения пустот, это dei ex machina, гомеровские парадные божества, по существу ничего не делающие, предоставляющие героям, т. е. в данном случае дипломатам, исполнять веления судьбы. Философского понимания истории у Ранке нет и следа, и поэтому, во всяком случае, характерен следующий анекдот. Когда однажды Гегелю начали говорить о Ранке, предлагая ему до некоторой степени связаться с ним, то Гегель ответил характерным для него, отстраняющим жестом руки с растопыренными пятью пальцами и сказал: «Nein, mit dem Ranke ist es nichts».

В пределах своего круга, т. е. условий, обстоятельств и лиц, Ранке проявляет большое знание дела, а для XV и XVI столетий — поразительную ученость. Условия и обстоятельства (Verhältnisse) — многозначное, неопределенное выражение; Ранке под ним подразумевает административные и дипломатические отношения (два фактора, имеющие, несомненно, большое значение), и с ними Ранке мог бы многое сделать, если бы он вернее понимал объективное значение и суть этих факторов, особенно дипломатического. Однако у Ранке почти непроизвольно все превращается в нечто субъективное, случайное, кем-то сделанное, и, таким образом, мы получаем эзотерический круг учреждений, полководцев, политических максим, должностных лиц, послов, министров, кардиналов, султанов, королей и пап, которые как по ниточке ведут всемирную историю; по своему усмотрению, в зависимости от своих страстей, убеждений и обстоятельств они вертят всемирной историей, как хотят и как могут. Все, что вне этого круга, не входит в историю. Прочитаем, например, книгу «Государи и народы». В ней говорится о янычарах и тимариотах, финансах, интригах, тайных советниках, вице-королях, инквизиторах, дипломатах, государях и папах,— словом, о самых разнообразных светских и духовных лицах, которые могут быть допущены ко двору, говорится даже о Кортеце, и, дочитав книгу, мы задаем себе вопрос: «А где же народы?»

Поэтому Ранке отлично подходит для изображения периодов и событий, в которых, с одной стороны, народы являются больше в качестве страдающих, пассивных, экзотерических масс и где, с другой стороны, идеи всемирноисторического значения совсем не проявляются или проявляются очень мало. Так например он словно создан быть историком послереформенной курии, папства и иезуитов именно потому, что в их истории, или, вернее, в их деятельности, нет объективности, субстанциальности и необходимости, короче говоря, нет преобладания идеи, а все решается субъективным произволом, выводами рассудка, хитростью, тонким обманом и интригой. Здесь Ранке совершенно на своем месте: из индивидуальностей пап, кардиналов и непотов, из их мыслей и намерений, страстей и слабостей он кропот-

ливо, по мелочам выковыривает свою историю и вносит внешнепрагматическую связность в переплетение и беспорядочное движение субъектов и случайностей. С еще бо́льшим блеском проявляется его острый ум в исследовании «О заговоре против Венеции в 1618 году», заговоре, которому так и не пришлось вспыхнуть и тем самым совершенно для нас безразличном, заговоре, о котором раньше ничего как следует не знали, кроме факта, что произведено было несколько тайных казней. Здесь, когда критическое исследование превращается чуть ли не в полицейское и инквизиционное расследование, полностью проявляется главная сила, свойственная Ранке: он ведет следствие так свободно, хладнокровно, строго, словно сам он член Совета десяти.

Из субъективирующего, дипломатического понимания действительности сами собой вытекают приемы обработки материала и исторического построения: как Ранке вводит единичное в общую связь, как он соединяет и разделяет, его приемы развертывания и изображения.

Дипломат наряду с состоянием управления и администрации, финансов и армии изучает в первую очередь характер, наклонности, излюбленные занятия, личные страсти и слабости государя, с которым имеет дело, а также и других влиятельных лиц: генералов, министров, камергеров, фаворитов и фавориток. Исследовав все это до мельчайших подробностей, он тем самым приобретает твердую почву и может выступать, действовать, устраивать махинации. Так и Ранке. С любознательностью посланника, отправляющегося к иностранному двору, он прежде всего наводит справки о личном характере и способностях, запасе наблюдений, взглядах, характерных особенностях и странностях государя и двора, старается в них ориентироваться и тщательно все собирает в общую картину, которую можно показать. Везде в книгах Ранке мы наталкиваемся на характеристики и портреты. Он словно водит нас по картинной галерее: вот турецкие султаны до Мурада III, а вот испанские короли начиная с Карла V с их полководцами и ближайшими советниками — Гранвеллами, Альбой, Рюи Гомецом, Лермой и другими; а вот длинный ряд пап, их сыновей, креатур и кардиналов. Мы видим, как они живут, работают, держат совет, наслаждаются, управляют и интригуют; мы посвящены в самые тайные их планы, намерения и прегрешения; мы заглядываем в извилины их сердец, слышим, как судят о них придворные, что говорит свет.

Даже за острый критический ум Ранке хвалили не так громко, как за его уменье рисовать, живописать, дать портрет. Кто откажет ему в этом таланте? В этом отношении он несколько похож на Шарля Нодье[1]. Но картины его при всей тщательности их рисунка, изяществе исполнения страдают одним основным недостатком: они созданы глазом и руками придворного; отдельные штрихи, действительно, взяты большей частью из дипломатических донесений. Уж давно было сказано, что великого человека камердинер видит иначе чем историк; придворный, дипломат — посредине между ними. К королю, к прославленному полководцу и государственному деятелю он поставлен слишком близко, чересчур подробно знает их личные и человеческие слабости — и не может понять их исторического значения объективно, по существу. Так и в портретах Ранке слишком много внешнего, узко личного; они взяты, скорее, в психологическом, чем в историческом плане, отдельные черты мелко характерны, но не передают основного характера. Во всяком случае, мы не найдем в этих портретах серьезного, мощного стиля истории, что, впрочем, полностью зависит от характера самого Ранке. Он умеет рисовать только миниатюры. У него, как говорит Гейне, «премилый талант вытачивать мелкие исторические фигурки и живописно расклеивать их рядышком».

Но вот Ранке показал эти фигуры и кроме того разъяснил нам положение, круг дел и иерархию должностных лиц, весь механизм и отдельные отрасли управления, сообщил сведения об источниках естественных богатств, доходах и расходах и т. д., а также и о внешнеполитических отношениях. Теперь спрашивается: как он приводит эти факторы в движение? Как осуществляется реальная деятельность, факт, прогресс и каким образом связаны друг с другом единичные факты и события?

Стремясь к прагматизму, Ранке показывает нам в действии преимущественно субъективные, психологические и другие случайные мотивы; он оперирует, исходя из характера, взглядов и страстей описанных им индивидов. Он их так хорошо изучил, что знает совершенно точно, почему они делают то или иное, почему поступают так, а не иначе. Придворный, желая объяснить, почему вспыхнула та или другая война, всегда будет думать о причине более узкой, специальной, чем думаем мы, обыкновенные люди, и для пояснения он расскажет нам один-единственный анекдот. Так и Ранке. Уж очень он охотно начинает с анекдота, с рассказика; из них он развивает, ими связывает самые важные события. В его последней работе это проявляется несколько меньше, но первый его труд кишит анекдотами, анекдотическими черточками и остротами, и в книге «Государи и народы» каждая глава начинается, как и в первом труде Ранке, с анекдота, если это возможно. Желая, например, рассказать о начале инквизиции, Ранке говорит: «Однажды вечером кардинал Караффа пришел...» и т. д. Говоря об открытии Америки, он начинает так: «В Лиссабоне два брата-генуэзца сидели...» и т. д. Даже к описанию состояния испанских финансов он приступает следующим образом: «Рассказывают о странной беседе Карла V с крестьянином из Толедо...» и т. п. Короче говоря, везде у Ранке рассказики так и сверкают и искрятся, и кажется временами, что эта пе-

[1] Нодье Шарль (1780—1844) — литератор, писавший на самые разнообразные темы, беллетрист, публицист, поэт, филолог и историк.

страя коралловая нить анекдотов — единственная золотая нить, связывающая изложение. Поклонники Ранке называют это строгой объективностью и индивидуализированием до мельчайших подробностей. Правда, время от времени Ранке ссылается на обстоятельства и общие условия, он несогласен объяснять историю рассказиками, иногда он даже определенно протестует против мнения, что в этих анекдотах последние причины событий. Но в своем стремлении рассказывать живо и интересно он все же везде идет от них и во многих случаях невольно ими пользуется уже не только как отправными точками: они приобретают для него большее значение. Таким образом, мы лишь условно применим к Ранке слова Гегеля об историках («Логика». Т. II, стр. 230), которые «выводят большие следствия из малых причин», и об «арабесках исторического живописания, где на тонком стебле вырастает великий образ». Но всю манеру Ранке невозможно охарактеризовать лучше, более метко, чем следующими словами Гегеля, несмотря на то что в тексте они относятся к другому предмету («Феноменология», стр. 223): «Она не может пойти дальше тонких замечаний, отношения заинтересованности, радушного движения навстречу понятию. Но тонкие замечания — не знание необходимости, заинтересованность не идет дальше интереса, интерес же только мнение разума, а радушие, с которым индивидуальное заигрывает с каким-нибудь понятием и к нему приближается,— детская приветливость; она становится глупо-ребяческой, если хочет иметь значение в себе или если ей придается такое значение».

Взглядам и складу мышления Ранке полностью соответствуют его язык и стиль, мелочный, короткий, самодовольно подпрыгивающий и приплясывающий стиль, всегда занятый сам собою, заигрывающий во все стороны с риторическим кокетством, — стиль, совершенно лишенный осанки и достоинства истории. Непостижимо, как могла «Молодая Германия» хвалить этот стиль, даже сравнивать его со стилем Гете. Собственно говоря, это даже и не стиль, а нечто насквозь преднамеренное, аффектированное, искусственно выделанное,— короче говоря, манера. И здесь раскрывается глубочайшая сущность Ранке. Le style c'est l'homme.

Теперь посмотрим, как обстоит дело с его пресловутой объективностью, строго предметным способом выражения. Правда, Ранке хочет писать объективно и всегда выражаться адэкватно предмету, он хочет этого безусловно, во что бы то ни стало. Хотение это проявляется в каждой фразе, строке, слове, так и выглядывает из них то робко, то самодовольно; поэтому мы и видим только нарочитость и жеманство автора. Он любит — мы это знаем — сделать так, чтобы предмет говорил, так сказать, сам; автор, как птицелов, искусственно подражает голосам соответствующих лиц и событий, но при этом он каждую минуту дружески нам подмигивает, чтобы мы не поддавались обману: ведь это он сам, Ранке, разыгрывает перед нами все эти прекрасные вещи. Поэтому, переносит ли он читателя в Неаполь или в Сербию, присутствуем ли мы с ним вместе на заседаниях конклава или германских рейхстагов, показывает ли он Карла V или Савонаролу,— всегда Ранке с улыбкой напоминает, чтобы мы не забывались: ведь вся эта игра теней на стене происходит только в его кабинете. И при свете всех пущенных им фейерверков, всех зажженных цветных фонарей мы видим только собственный портрет Ранке на транспаранте, а все его анекдоты, изречения и характерные штрихи, из коих он словно из разноцветных раковинок и камушков составляет свою мозаику, образуют, в конечном счете, искусно переплетенный вензель его собственного имени, не больше. Поэтому нельзя даже сказать, что исторические эпохи отражаются в уме автора; вернее, он сам отражается в духе времен, смотрится в каждую эпоху, как в зеркало.

В первом труде Ранке эта мозаичность стиля доведена до крайней неестественности; чуть ли не каждое слово, каждое определение является цитатой, оно должно быть подлинным, оно взято из источника. Таким образом, картина дробится, получается мельканье, блеск и звон, от которого голова кругом идет, и мы, читая предложение, уже забыли, что в предыдущем. Расположение слов так же изысканно, как и выбор их; конструкции, предложения, периоды старательно вывихнуты и переплетаются друг с другом. Внешнее подражание некоему образцу здесь, очевидно, тоже сыграло свою роль, и не знаю, кому Ранке больше подражает: Саллюстию, Тациту или, скорее, Иоганну фон Мюллеру. Возьмем для примера следующее предложение: «Они (Альфонс Неаполитанский и другие итальянские князья, его современники) считали жестокость и сладострастие за вещи дозволенные; всегда появляться в блеске, на охоте с ястребами и соколами, которые на бархате и золоте возносили их гербы ввысь, дома в великолепных комнатах, окруженные учеными, музыкантами и всякого рода художниками, перед народом с властной осанкой, осыпанные драгоценными камнями, обладать искусством речи и остроумием, сильным войском, предвидеть и предотвращать опасность, это им казалось достойным хвалы и желанным». В таком стиле написана вся книга.

В позднейших трудах Ранке эта неестественная подражательность и жеманство несколько отступают на второй план, но все еще остается значительная доля манерности. Большей частью совершенно короткие предложения, быстро бегущие друг за другом; многие из них, долженствующие быть выразительными, имеют странности: в патетических местах часто употреблены причудливо-смешные выражения, кроме того обилие реминисценций, излияний, восклицаний и постоянное выдвигание своего «я», особенно там, где Ранке намеревается высказать какую-нибудь мысль. Так например ежеминутно мы слышим излюбленное автором: «Если не ошибаюсь», или: «Мне ка-

жется весьма примечательным», или: «В таком человеке мне это все-таки нравится», или: «Как странно встречаются противоположности!», или: «И насколько же все вышло совсем иначе, чем ожидали!», или: «Как жаль, что именно так все сложилось!» Можно ли представить себе более наивное жеманство, чем в том месте предисловия к «Истории реформации», где Ранке говорит: «Как всякий человек естественным образом стремится сделать в своей жизни что-нибудь полезное, так и я давно уже задался мыслью посвятить свои силы и труд предмету, имеющему столь важное значение».

На кафедре Ранке верен себе и своей манере: он дает мимическое и пластическое изображение своего стиля. Будь у него побольше внешних данных и вообще больше силы и мускулов, он сумел бы на кафедре, как и в книгах, давать риторические эффекты. В общем, особенно в начале лекции, он говорит очень тихим, еле слышным голосом, несколько нараспев; внезапно он возвышает голос в тех местах, где содержание становится интересным, когда есть возможность рассказать что-нибудь похожее на анекдот; слова выталкиваются и обрываются — коротко, быстро, пока, наконец, не перейдут при приближении главного удара, т. е. соли анекдота, в таинственный, почти торжественный шопот. При этом у Ранке в высшей степени живые движения и мимика, он перегибается то вперед, то назад, то в одну, то в другую сторону; возвышая голос, он одновременно выпрямляет весь корпус, иногда судорожно приподнимает его и, наконец, снова опускается в привычное положение одновременно с возвращением голоса к привычному тону.

Я уже отметил, что в настоящее время как преподаватель Ранке из всех здешних историков пользуется наибольшим успехом. Кроме того особенной его заслугой в этой области является основание исторического семинара, в котором читаются и истолковываются источники, преимущественно средневековые историки. Как известно, участниками этого семинара изданы под руководством Ранке «Анналы германской империи при императорах саксонской династии».

Остается еще сказать о Ранке-публицисте, издателе «Historisch-politische Zeitschrift». В первом томе книги «Государи и народы» Ранке замечает: «Мы находим правильным, что рекомендуют человека, умеющего со свойственной ему тихой, спокойной манерой устраивать разные прекрасные дела». Мы, со своей стороны, находим, что замечание это весьма применимо к самому Ранке. Во времена июльской революции он считался именно таким человеком, и его рекомендовали за спокойную, тихую манеру; главным образом, он был фаворитом Ансильона[1]. Наконец, нашлась возможность его использовать, и сам он был в достаточной мере дипломатом, чтобы допустить такое использование. Так случилось, что в 1832 г. Ранке начал издавать названный журнал, скончавшийся, впрочем, уже в следующем году, причем, насколько мне известно, Ранке до сей поры еще продолжает получать соответствующие фонды.

Когда я вспоминаю 1832 год и Ранке с его, по удачному выражению того времени, полуофициальным журналом, то невольно мне вспоминается «Кот в сапогах» Тика и роль укротителя в этой пьесе. Бедный укротитель! Партер шипит, свистит, барабанит так, что испуганные актеры убегают за кулисы, а в это время его, укротителя, несмотря на все его сопротивление директор театра чуть ли не силком выпихивает на сцену: он должен принять на себя бурю негодования, возможно, и побои, а затем умиротворить публику одурманивающей военной музыкой. Так же и Ранке поручено было, позвякивая историческими бубенцами, способствовать умиротворению наивных немцев, начавших было немножко волноваться после июльской революции, способствовать, по крайней мере, до тех пор, пока не сочтут нужным применить более серьезные меры, что и произошло вскоре в знаменитых постановлениях союзного сейма того же года. Сообразно со своей ролью и «спокойной, тихой манерой» Ранке вначале выступает тихо, совсем тихо, едва ступая на цыпочки, не так, как в частной жизни,— на каблук. Во вступительной статье он уверяет, что ничего не хочет, кроме одного: рассматривать действительность такой, какая она есть. «Повсюду,— говорит он,— политические теории господствуют. Мероприятия, учреждения уже теперь рассматриваются не с точки зрения внутренних условий их существования; считают, что достаточно применять к ним масштаб теории. Средневековая схоластика подчиняла своим отвлеченным определениям интеллектуальный мир; новая схоластика стремится устроить реальный мир в соответствии со своими школьными доктринами. А непосредственный результат такого положения вещей,— говорит Ранке,— следующий: мы теперь уже мало слышим о том, что люди во все времена называли «политикой», «суждением». Ранке, правда, намерен не бороться с теориями, а предоставить им те же права, что и всякому другому историческому явлению; не намерен он также искать в области теории нечто среднее, ибо середина эта опять-таки может быть только теорией, догмой, школьной доктриной. Он намерен лишь защищать от нападений теории право того, что существует само по себе, живет по своему собственному принципу. От доктрины, таким образом, возможен возврат к требованиям самого предмета, от воображаемых потребностей — к реально существующему.

Что Ранке понимал под теориями, доктринами и воображаемыми потребностями и чего он вообще хотел,— все это в дальнейшем его изложении постепенно выступает все более определенно и неприкрыто. Везде полемика против Франции и французских идей, резкие выпады и форменные проповеди против июльской революции, как например в статье «Франция и Германия»; более того, даже открытые нападки на конституцион-

[1] Ансильон Иоганн-Петер (1767—1837) — прусский министр иностранных дел в начале 30-х годов.

ное движение в малых германских государствах. Например в специальной статье «О последних новшествах в королевстве Саксонии» он сетует на «злосчастные движения», «плачевные события», имевшие здесь место, и в заключение утешает себя: «В Саксонии произошли беспорядки, собирались чины и введены были значительные новшества; но отсюда еще далеко до вступления на путь настоящего переворота, представляющего угрозу для всего существующего».

И, наконец, завеса была снята совершенно: цели журнала были высказаны уже не в полемической только, но и в положительной форме; даже самый недальновидный читатель мог теперь убедиться, что тенденция «Historisch-politische Zeitschrift» в точности совпадает — если исключить элемент иезуитско-католический — с тенденцией берлинской «Politisches Wochenblatt». Произошло это снятие завесы в отрывках «О теории и общественном мнении в политике». Правда, отрывки написаны — к чести ему будь сказано — не издателем журнала; более того, при свойственной ему «тихой, спокойной манере» он, наверное, принимал эти отрывки со страхом и трепетом; и, тем не менее, мы должны их рассматривать как неприкрашенный, открыто высказанный символ веры издателя журнала и его сотрудников. Вся статья — смесь аристократического высокомерия, посредственности и предрассудков. За исходную точку принята противоположность «лучших» и «посредственных». «Лучшие,— говорится в статье,— всегда будут в меньшинстве; ибо потому они и лучшие, что их мало. Посредственные составляют общественное мнение, которое посему совершенно естественным образом всегда до некоторой степени настроено против высших классов общества, против основательной учености, против глубин науки; оно питает ненависть к тому, что называет привилегиями, и к общественной жизни высших сословий». «Если отдать власть общественному мнению, что будет тогда с теми, кто обладает политическим разумом более высокого порядка? Неужели они должны служить менее разумным? Для них это было бы позорным рабством; они не захотят его терпеть и пустят в ход весь свой ум, чтобы ниспровергнуть государство посредственных». Дальше большинство, посредственные, призывается к смирению: «Смиренный хорошо знает, что люди больше похожи на стадо чем на пастуха; знает, что пастух не среди тех, которые здесь, в земной жизни, нас пасут и стригут, и что название это подобает одному только богу. И вот он верит и надеется, что этот верный отец покажет свое могущество даже в несовершенной земной жизни». В конце статьи среднему сословию даже делаются уступки: «У них несомненное право иметь свое мнение в общественных вопросах. Мы считаем, что одна из задач современности — снова отделить друг от друга политические сословия, которые уже чересчур смешались, и тем самым из средних слоев образовать среднее сословие, которому и будут присвоены в его кругу особые права».

Очень благодарны за высокую милость! Да разве анонимный высокородный автор не знает, что соотношение лучших и посредственных, как он его понимает (т. е. соотношение правящих и тех, кто составляет общественное мнение), очень часто превращается в свою противоположность: правят именно посредственности, а лучшие составляют общественное мнение? И что в таком случае должны эти последние сделать, если исходить из вышеприведенного принципа? Или же они обязаны сами, «как лучшие из граждан, казнить себя смертью или добровольно подвергнуться изгнанию из государства путем остракизма»?

Достаточно о Ранке.

Штур в течение двадцати лет преподает в Берлинском университете мифологию, военную историю и историю Пруссии, а после смерти Гегеля и Ганса — также и философию истории. Он читает восточную, греческую и скандинавскую мифологию, историю Семилетней войны, освободительных войн и прусского государства, а также и всемирную историю; таким образом, в его лекциях, как и в печатных трудах, две линии: мифологическая и прусская.

По своему образованию Штур первоначально принадлежал к школе Шеллинга; и среди здешних историков он, безусловно, больше всех обладает философским складом. Однако мировоззрение Шеллинга смертельно для истории, которая для последовательного шеллингианца может быть только своего рода естественной историей и зоологией, наподобие того, как в руках Стеффенса[1] антропология превратилась в метеорологию, геологию, кристаллографию и т. п. Таким образом, с внутренней необходимостью занятия историей заставили Штура выйти за пределы философских принципов Шеллинга. Поэтому Штура можно рассматривать как один из переходов к Гегелю, что признал и сам Гегель в следующих словах: «Работа Штура «О гибели первых государств (Naturstaaten)» проложила дорогу разумному пониманию истории государственного строя и вообще истории». Однако у Штура еще сохранился осадок натурфилософии, по крайней мере в том отношении, что ближе всего ему ранние, мифические периоды истории, когда дух народов еще является как естественно обусловленный. Но внутри этой сферы Штур стоит в резкой оппозиции к взглядам и приемам Шеллинга в вопросах мифологии.

«Символики», друзья и ученики Шеллинга в области мифологии, как известно, развили и довели до крайностей идею первоначального откровения и внешней традиционной связи религий всех народов, идею, появившуюся уже в более раннее время и по существу чисто католическую. Они исходят из положения о невинном, блаженном, райском пранароде, которого учил сам бог, преподавший ему истинную религию и

[1] Стеффенс Генрих (1773—1845) — натурфилософ, последователь Шеллинга, профессор Берлинского университета.

науку. Это первоначальное, совершенное, чистое осознание божества грехопадение могло замутить, но не уничтожить полностью, и, когда происходило разделение пранарода, все отделившиеся народы, покидая прародину, уносили с собою фрагменты этой мудрости, полученной из первоначального откровения; фрагменты эти переходили в мистерии, тайные культы и передававшуюся по традиции науку жрецов и жреческих каст до тех пор, пока не произошло второе откровение, смывшее первородный грех. Отсюда главная задача мифологии: в религиозных представлениях, учениях и обычаях разных народов найти первоначальное единое осознание божества, очистить сохранившиеся золотые зерна первоначального откровения от шлака человеческих заблуждений, осевшего на них впоследствии. Всякая мифология по существу — символика, ее можно понимать и эзотерически и экзотерически, ибо посвященный, жрец, муж божий, обладавший если не всеми, то хотя бы некоторыми из тайн первоначального откровения, чистого учения и вечного слова, не мог прямо сообщить эти тайны грешному, глупому, экзотерическому народу; нужно было сначала приспособить их к пониманию народа, и с этой целью он облекал их в представления, образы, символы.

От этого никуда негодного взгляда на язычество и вообще на религию и историю, по которому дух все получает извне, ничего не создавая сам, Штур с самого начала решительно отказался; более того, он боролся с этим пониманием самым резким образом. Как старик Фосс[1] — хотя и не исключительно из интересов классических и рационалистических, как Фосс,— он непрерывно полемизирует с Герресом[2], Крейцером[3] и компанией, выдвигая впротивовес им протестантскую точку зрения на миф. Так, он борется с мистической болтовней о пранароде, первоначальном откровении, первоначальном едином осознании божества и эзотерическом понимании саг; далее, он борется с пристрастием символиков к индизированию и египтизированию саг по прихоти и произволу исследователя и, наконец, с обуявшим, как известно, эту школу безумием этимологизирования, при помощи которого она пытается свести на-нет все различия между китайскими, индусскими, персидскими, малоазиатскими, египетскими, греческими, римскими, германскими,— короче, между религиозными представлениями и культами всех народов. Впротивовес этому взгляду Штур настаивает на народном происхождении и национальном значении всякой мифологии как религии туземной, созданной самим народом.

Но и в отношении приемов истолкования и объяснения Штур резко выступает против символиков. Для символика миф по своему существу — натурфилософия, выраженная в образах: в мифе сохранились древнейшие, открытые первоначальным откровением идеи о вселенной, солнце, месяце, звездах, о физических элементах, магнетизме, электричестве и химизме. Штур, напротив, в основном отвергает астрономические и физические объяснения, пытаясь давать этические. Для него боги и другие мифические образы — духовные, моральные, исторические силы.

Половина работ Штура имеет, как сказано, если не исключительно, то, во всяком случае, преимущественно мифологическое содержание. Таковы, например, вышеупомянутые письма «О гибели первых государств (Naturstaaten)», «Исследования о скандинавских древностях», исследование «О первоначальности и древности китайского и индусского зодиака», «Азиатская мифология», «Греческая мифология» и еще несколько небольших работ. Вторая половина работ Штура идет, напротив, в характерном для него **прусском** направлении, как то: «Организация армии великого курфюрста», «Германия и божий мир», «Отношение Вислы и Балтийского моря к Рейну», «История войн 1813—1815 гг.», «Семилетняя война со стороны исторической, политической и общевоенной» и «Могущество великого курфюрста на море».

Штур по рождению — не пруссак, а датчанин и на прусскую службу поступил лишь во время так называемых освободительных войн. Тем не менее он принадлежит к числу самых ревностных, самых страстных почитателей Пруссии. Для него Пруссия — цель и завершение истории Европы, политическая страна обетованная, где реки текут молоком и медом. Уже в самых ранних периодах средневековья он находит там и сям пророческие указания на грядущее величие и великолепие Пруссии. Значительную часть своей силы и жизни он отдал на то, чтобы поднять историю Пруссии на высоту и что-то из нее сделать; но, кажется, в последние годы все же, наконец, убедился, что Пруссия в теперешнем ее состоянии не имеет, не может иметь истории и не будет ее иметь в ближайшее время. России Штур придает для Востока такое же значение, как для Запада Пруссии. Самый тесный, самый дружественный союз этих стран — одна из излюбленных политических идей Штура, доводимая им нередко до сантиментальности. В дружбе Пруссии и России осуществляется, как он думает, примирение величайших, широчайших по своему охвату исторических противоположностей: взаимопроникновение Европы и Азии, Запада и Востока, духа и плоти.

В других вопросах его политический символ веры таков, что Штур — отнюдь не друг юнкерства и бюрократии (как то, пожалуй, мог бы кто-нибудь умозаключить из вышесказанного), но и не сторонник либерализма и конституционного принципа. Он,

---

[1] **Фосс Иоганн-Генрих** (1751—1826) — поэт и филолог, переводчик Гомера, противник романтической школы.

[2] **Геррес Иоганн** (1776—1848) — публицист, представитель католической реакции.

[3] **Крейцер Фридрих** (1771—1858) — филолог, профессор Гейдельбергского университета, сторонник романтиков.

скорее, аристократ в том смысле, в котором должен им быть каждый последовательный мифолог.

Штур — могучая северная натура, творческая и стихийная; его недочеты не от слабости и недостаточности, а от силы и избытка. У него смелое, богатое, очень возбудимое, но малоинтенсивное воображение: большой полет фантазии, много смутных предвосхищений, много образов, но мало красок, форм и законченности. Поэтому восприятие и изображение Штура не художественно, но совершенно своеобразно, нередко одностороние, иногда оригинально до эксцентричности; стиль шероховатый, жесткий, предложения большей частью длинны, нередко построены неизящно и чересчур переплетаются друг с другом. Последнее объясняется (по словам самого Штура; см. предисловие к его первой работе) тем обстоятельством, что «верхне-немецкий язык для него не родной, его пришлось изучать».

Устные выступления Штура, как и его книги, не художественны по форме, но не скованы шаблоном; лектор в постоянной борьбе с языком, и лекции оживленны, остроумны в высшей степени. В этом отношении Штур несколько похож на своего друга и земляка Стеффенса, хотя и не обладает его специально ораторским талантом. В последнее время Штур, уступая просьбам своих слушателей, чтобы дать им возможность за ним записывать, перестал говорить на кафедре и начал диктовать по тетради; конечно, лекции стали менее интересны.

Из сказанного ясно, что Штур не может нравиться натурам очень трезвым, рассудочным, великому множеству посредственностей и студентов, изучающих «хлебные» специальности; следовательно, независимо даже от предмета преподавания его лекции не могут привлекать большого числа слушателей.

Наряду со Штуром Гельвинг — экстраординарный профессор истории. Он дал «Историю ахейского союза» и «Историю прусского государства». В этой последней он полностью ученик Штура, он только использовал и обработал его идеи. Несмотря на страшный крик, поднятый Штенцелем, который по личным мотивам напал на Гельвинга очень резко, книга эта все же не лишена достоинств. Во всяком случае, это первая попытка подойти к истории Пруссии не только биографически и аналитически, но дать ей и внутреннее единство, проследить одновременное и равномерное развитие частей, из соединения которых и возникло первоначально прусское государство, а именно: Бранденбургской марки, Пруссии и Померании. Но изложение страдает излишним пафосом и напыщенностью. Устная речь Гельвинга в высшей степени суха, монотонна, и навряд ли на его необязательные лекции по истории собиралось когда-нибудь больше трех—четырех слушателей. Последние годы он больше занимается государствоведением.

Другой ученик Штура, Ридель, тоже понемногу совсем превратился в камералиста. Вообще он больше архивариус и придворный советник чем университетский преподаватель.

В качестве приват-доцента последние два года читает Дённигес, ученик Ранке и участник работы по изданию вышеупомянутых «Анналов германской империи» и т. д.; известны также его «Акты Генриха VII» (издание Берлинской академии), найденные им в туринском архиве, и первая часть «Истории XIV столетия», появившаяся недавно в печати. Дённигес читает курс средневековой и новой истории, историю французской революции и политики. У него звучный голос, легкость речи — вообще лекторский талант, и уже сейчас он среди здешних доцентов истории является, пожалуй, после Ранке наиболее посещаемым. Пожелаем ему все больше и больше эмансипироваться от Ранке и в первую очередь от его политических воззрений. Только тот, кто свободен в настоящем, может быть свободным по отношению к прошлому.

Письмо К. Ф. Кёппена К. Марксу *

Берлин, 3 июня 1841 г.

Дорогой Маркс!

После того, как мы расстались, я, правда, больше недели пребывал в меланхолике, как говорит Гирш Гиацинт [1], и каждый день ты был мне нужен; но никогда я не «проповедывал с некоей грустной иронией о бесхарактерном эгоизме нашего времени и не восклицал: «И ты, сын мой, Карл!» Нет, никогда, мой милый Брут с душой Антония. Что ты не напишешь мне из Франкфурта, я, по правде сказать, знал уже в ту минуту, когда ты давал обещание это сделать; но, вообще говоря, никогда не сомневался, что ты напишешь, как только это будет возможно. Знаю, ты относишься ко мне хорошо, не можешь без меня жить или: с любовью ничего не поделаешь, как изволит иногда выражаться твоя милая скромность.

Видишь, я начинаю заноситься с тех пор, как ты меня эмансипировал — хотя ты едва успел дать мне руку на прощанье; вместе с твоей черной личностью уехало и «острое чувство моего ничтожества». С тех пор, как мое досточтимое «по ту сторону» (jenseits) очутилось по ту сторону Рейна, сам я начинаю постепенно опять становиться «по-сю-сторонним» (diesseitig). Теперь у меня опять собственные мысли, которые я, так сказать, сам думаю — между тем, как прежние все были из другого места или в другом месте, поблизости: из Шютценштрассе или на Шютценштрассе. В самом деле я опять в состоянии работать и радуюсь, что, живя среди баранов, сам не баран. Какое прекрасное чувство! Однако то, чего нет, еще может случиться.

Что касается мыслей из Шютценштрассе, то наш Бруно Бауэр написал в «Hallische Jahrbücher» великолепную, ничуть не иезуитскую статью. Почтенный автор вначале проводит мысль, что византийское государство и есть, в сущности, христианское государство; я полицейски проверил паспорт у этой мысли и убедился, что она тоже — из Шютценштрассе. Как видишь, ты — магазин мыслей, фабрика идей или, как говорят берлинцы, ein Ochsenkopf von Ideen. Если встретишься в Бонне с Бауэром, можешь ему сказать, что после этой статьи я дам ему, в отношении его иезуитства, отпущение грехов. Что ты признан совершенно **неспособным**, меня бесконечно радует, тем более, что теперь нам обоим один приговор; я-то числюсь неспособным уже 10 лет, как тебе известно. Но теперь это написано черным по белому, между тем как наши призванные в ландвер уже обучаются вовсю со вчерашнего дня. Однако, что скажет по поводу неспособности твоя милая женушка? Впрочем, ей ты не станешь рассказывать ни об этом, ни о моем безбожии.

Что касается литературы, то в первую очередь приходится говорить о самом себе, ибо что такое литература без меня? Моя статья об историках, которая не имела счастья понравиться некоторым людям, потерпела, как и следовало ожидать, фиаско, о чем я, впрочем, узнал лишь с тех пор, как снова начал встречаться с «учеными людьми», т. е. уже не с тобою. Статья эта — новая ступень моей дурной славы. Ранке был вне себя; он, между прочим, говорил Дённигесу, как это скверно, в сущности, что в королевско-прусском государстве нет правовой защиты от такой клеветы. Штур, напротив, в восторге, что я ругал его несколько меньше, чем других. Недавно он мне сказал совсем конфиденциально: «Все-таки я очень рад — главным образом из-за Иоганна Шульце [2],— что Вы меня похвалили» (думает, что я его хвалил). Он стал обращаться со мной совершенно на равную ногу, а уж большего, конечно, требовать нельзя. В тот же вечер он мне сказал, когда я начал хвалить Гельвинга: «Вы только не думайте, что Гельвинг такой же, как Вы да я». На моего директора статья произвела впечатление почти комическое. Он был в обществе и слышал, как советники министерства и профессора долго и подробно обсуждали мою статью, и с тех пор он смутно подозревает, что я существо высокого порядка. «Jahrbücher» он брал у меня три раза, чтобы показать мое писанье всем своим тестям, теткам и прочей родне, а его шурин предложил мне сотрудничать в русском журнале (который будет редактировать) за очень хороший

---

* Публикуется в русском переводе впервые. Перевод К. Швеца. Подлинник напечатан в издании Marx-Engels. Gesamtausgabe, Bd. I. Zweiter Halbband, S. 255—259.

[1] **Гирш Гиацинт** — литературный персонаж Г. Гейне («Лукские воды»).

[2] **Шульце Иоганн** (1786—1869)—советник прусского министра Альтенштейна по делам высшей школы; личный друг Гегеля.

русский гонорар, и раз ты уехал, я опять могу с чистой совестью взять русскую ориентацию. Добрый Мейен[1] дал в «Athenaum» об этой «в высшей степени умной и острой статье» специальный критический отзыв, в котором заявляет, что я в достаточной мере показал, что способен на большее, чем Раумер и Ранке; стыдно, что мне не дают положения, при котором я мог бы все свое время отдавать науке. Мейен — великолепный малый, он меня иногда навещает; вчера мы ходили вместе гулять. Если для моих прогулок у меня будет теперь спутник, то на ближайшее время только он и никто другой. Возможно, что он будет твоим преемником.

Южнонемецкие конституционалисты перепечатали мою статью в «Штутгартском курьере», что, впрочем, весьма неконституционно. Помнишь, мы говорили иногда о сумасшедшем д-ре Шопенгауэре. Я приводил несколько раз одно излюбленное его изречение, — что многоженство разрешается у всех народов, кроме одной только еврейской секты: христиан. Теперь этот турок издал два сочинения на премию; одно увенчанное, другое неувенчанное («Об основных принципах морали». Франкфурт на Майне). Страшно разносит Гегеля, а заодно и Фихте, сторонником которого он до сих пор считался. Заявляет, что summus philosophus — так он называет Гегеля — просто сумасшедший. Мундт торжествует по этому поводу в длинной статье, в «Пилоте». Он объявляет, что это нападение — Страшный суд для гегелевской философии. Пишу это с той целью, чтобы ты в связи с Тренделенбургом[2] уделил некоторое почетное внимание и Шопенгауэру.

Читал ли ты в аугсбургской газете письмо Беттины к Спонтини? Мейен его там напечатал. По этому поводу в «Гамбургском корреспонденте» появилась подлейшая, грязная, полицейски бесчестная статья. Между прочим, Беттина там названа фурией, которой более свойственно нападать на человека помелом, а не пером и т. д. Автор, — должно быть, наш дражайший Иоель Якоби; Штур, однако, меня уверяет, что у него на этот счет совсем другие, но совершенно секретные сведения. Спонтини, между прочим, получил пенсию, полный оклад жалованья.

Его величество Фридрих-Вильгельм IV находится сейчас на моей родине. Хочет посмотреть: может быть, дреммлингенские крестьяне (если бы их знал Штур, он бы, вероятно, отнес их к пеласгам) еще глупее, чем некоторые другие люди. Обедал он на крестьянском дворе, совсем близко от благородной моей родной деревни, вместе с хозяином этого двора, старостой, пастором и ландратом. Из отцовского письма вижу, что альтмаркские жители просто с ума сошли: прямо-таки ржут от лойяльности и любви к обожаемому монарху. Киритц, родина моя!

Вторую историю ты, вероятно, прочитал в газетах. Его величество Фридрих-Вильгельм IV издал именной указ жителям Бреславля, в котором отказывается принимать какие бы то ни было чествования летом в Бреславле, если он туда приедет, ибо вышереченные граждане поручили своему депутату в ландтаге поднять вопрос о деле 22 мая 1815 года. Граждане Бреславля ответят, вероятно, унижению, как побитые собаки.

Ты, должно быть, уже знаешь, что тридцать шесть ординарных профессоров подали протест — составленный, впрочем, глупо, — против назначения попечителя и получили отказ. Штур рад, что, как он выражается, не удались интриги Бёка.

Здесь много говорят о том, что твой коллега, д-р философии Бунзен, будет министром духовного ведомства, Эйхгорн — министром иностранных дел, а Вертер уйдет в отставку. Это было бы желательно как некоторый прогресс. Ибо Бунзен, как тебе известно, — не католик и не протестант, а изобрел самолично в городе, расположенном на семи холмах, капитолийскую религию. При нем она, вероятно, будет введена именным указом, и тогда мы, по крайней мере, избавимся от христианства.

Когда я писал эти последние слова, в комнату вошел лейтенант Гирсберг, которого я давно не видел; он рассказал, что получил от тебя письмо уже больше недели тому назад. Впрочем, после нашего прощанья, зная теперь до тонкости, почему в день отъезда мы только пять минут провели вместе, и у меня «было время подождать» (!)[3], я так покорился неизбежному, что и теперь, поймав тебя «на месте преступления», продолжаю писать дальше. Правда, новостей, которые тебе желательны, я не знаю, если не считать одной, чрезвычайно важной, а именно: я получил 50 талеров прибавки и после этого сразу подал заявление о второй прибавке. Кроме того, послал бумагу в некое высокое министерство, притворившись, что я все еще в разгаре своих занятий исландским, и просил денег на двухмесячное пребывание в Копенгагене. Ничего пока не получил и навряд ли получу. Статью о Шлоссере закончил только в дни Троицы; таким образом, едва ли она будет напечатана раньше 1 июля. В этой статье я до некоторой степени принялся философствовать. Ты умрешь со смеху! Впрочем, так грубо и по-христиански, что статья прямо-таки может меня дисквалифицировать.

Был ли ты в Галле у Руге? Я с того времени не получал от него писем. Еще не выяснено, не могут ли запретить «Hallische Jahrbücher» и под новым названием, которое журнал получает с 1 июля...

(Продолжения письма нет).

[1] Мейен Эдуард (1812—1870) принадлежал к берлинским левым гегельянцам; сотрудник (в 1838 г. и редактор) «Literarische Zeitung». С 1839 г. сотрудник «Hallische Jahrbücher», «Deutsche Jahrbücher», «Rheinische Zeitung» и других периодических изданий.

[2] Тренделенбург Адольф (1802—1872) — философ, кантианец; Маркс предполагал в 1841 г. подвергнуть критике его только что вышедшие «Logische Untersuchungen».

[3] Здесь строка, замаранная чернилами.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ В ОСВЕЩЕНИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ДЕМОКРАТОВ

(В. Белинский, Н. Чернышевский, Н. Добролюбов)

С. Бушуев

Дворянская и буржуазная историографии отрицали значение революционных демократов, просветителей в разработке проблем русской истории; все их богатейшее литературное наследие в этой области якобы «не представляло существенной новости» [1].

Недооценка значения революционных демократов для исторической науки чувствуется и в наших университетских курсах по историографии, где о них часто даже не упоминается.

Между тем Белинский, Чернышевский, Добролюбов и их ученики проявляли жгучий интерес к истории своей страны. Их исторические концепции были проникнуты верой в будущее и окрашены в яркие тона «исторического оптимизма» [2] и «исторического реализма» [3]. Горячая защита ими европеизации России, отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян (которые в эпоху Белинского не были еще освобождены от крепостной зависимости, а в эпоху Чернышевского и Добролюбова только освобождались), вынуждали их к решительной борьбе с представителями дворянских и буржуазно-либеральных исторических теорий [4].

Белинский, Чернышевский, Добролюбов считали себя учениками и последователями классической немецкой философии (Гегель и Фейербах). Белинский мучительно доискивался в философии Гегеля «непреложных истин», ошибался, исправлял свои промахи и подошел к восприятию материализма Л. Фейербаха. Он был поражен и оглушен огненным потоком материалистических мыслей Л. Фейербаха. Чернышевский и Добролюбов шли по тому же самому пути. Белинский, Чернышевский и Добролюбов жадно следили за всяким последним словом Западной Европы и Америки в области истории. Белинский был хорошо знаком с античной исторической литературой, но особый интерес он проявлял к новейшей историографии. Он восхищался Гизо, широтой его научного размаха. «Гизо и некоторые другие, это по большей части умы точные, практические, глубокие и основательные в своей сфере, верные своей точке зрения. Кроме того, как все люди с истинным достоинством, они добросовестны, не любят фанфаронад и громких фраз. У французов есть способность рассказывать факты, представлять исторические события в связи и картинно, и в этом отношении особенно можно указать на Тьерри, известного своим превосходным творением «La conquête d'Angleterre par les Normands» [5]. Белинский подчеркивал, что эти явления умственного мира Франции достойны всякого уважения.

Дневники, записи, письма Н. Г. Чернышевского пестрят именами мировой и русской историографии. Он с поразительным усердием осваивал античную и новейшую историографию по различным иностранным источникам. Так же как и Белинский, но гораздо тщательнее и подробнее Н. Г. Чернышевский разбирает исторические работы Гизо, которого как историка «цивилизации во Франции» и «английской революции» он ценил весьма высоко, считал великим человеком, со светлым умом, с силой в мыслях, с логикой в доказательствах. Чернышевский не скрывает, что он находился под сильным влиянием исторических исследований Гизо. «Собственно Гизо, который теперь один у меня, потому что жажду знать новейшую историю» [6]. По отношению к Гизо и Луи Блану Чернышевский считал себя «много им обязанным». Из других французских историков, которыми занимался Чернышевский (как и его предшественник Белинский), следует отметить Огюстена Тьерри, Минье, Ролана Шарля, Баранта Гильома, а также Монтескье и Руссо. Вы-

---

[1] См. предисловие Аничкова «Добролюбов как критик истории» к сочинениям Н. А. Добролюбова. Т. VI, стр. 13.

[2] Ленин. Соч. Т. II, стр. 324.

[3] Там же.

[4] См. Белинский В. Письма. Т. II, стр. 190. СПБ. 1914.

[5] Белинский В. Соч. под ред. Венгерова. Т. III, стр. 407.

[6] Чернышевский Н. «Литературное наследие». Т. I, стр. 297.

соко ценил Чернышевский английского историка Маколея за его «Историю Англии», отмечал кропотливую и тщательную работу Кинглека «The invasion of the Crimee», находя в ней много интересного и любопытного. «История цивилизации» Бокля произвела большое впечатление на Чернышевского.

Наиболее подробно изучали Чернышевский и его ученик Добролюбов работы представителей немецкой историографии Шлоссера, Нибура, Гегеля, которых они считали классическими представителями исторической науки. Шлоссера Чернышевский характеризует как знатока древней и средней истории, с небольшими лоскутками новой, особенно французской революции. «Читай, читай и читай пятый том «Исторической библиотеки»,— писал Добролюбов,— там Шлоссер рассказывает о французской революции. Это блаженство читать его рассказ. Я ничего подобного не читывал» [1]. Нибура Чернышевский считал основоположником исторической науки. Вебер, автор большого труда по «Всеобщей истории» (переводом которой на русский язык занимался Чернышевский), с точки зрения подлинной науки.— дрянь. «Исторические работы Ранке, — замечает Чернышевский, — состоят главным образом из рассуждений, а изложения фактов не дают, предоставляя читателю знакомиться из монографий» [2].

В работах Чернышевского и Добролюбова мы находим упоминания и критические заметки почти о всех сколько-нибудь заметных историках того времени как Запада, так и России.

Источником общесоциологических и исторических воззрений великих русских революционеров-демократов Белинского, Чернышевского и Добролюбова являлась передовая мысль Запада с ее великими философскими традициями (во Франции—энциклопедисты XVIII в., в Германии — классическая философия от Канта до Гегеля и Фейербаха). с многоразличными экономическими (Джон Стюарт Милль и др.), историческими (Гизо, Тьерри, Минье) и литературными (Жорж Занд, Диккенс, Гете, Шиллер) направлениями и оттенками. Все три великих мыслителя-разночинца весьма близко подходили к теории Маркса—Энгельса, от которой они были отделены высоким барьером крепостнической цензуры и полицейщины. Несмотря на последний, идеи Маркса и Энгельса все же доходили и в крепостническую Россию. В частности проникли тогда в Россию ранние работы Маркса и Энгельса, с которыми познакомился Белинский. В библиотеке Петрашевского, с кружком которого был через Ханыкова связан Чернышевский, имелось «Положение рабочего класса в Англии» Ф. Энгельса. Шелгуновым, соратником Чернышевского и Добролюбова, была на эту книгу Энгельса дана развернутая рецензия на страницах «Современника». Воззрения Маркса и Энгельса, начиная еще с 40-х годов XIX в., доходили в Россию через лиц, знакомившихся с революционным движением и передовой мыслью Западной Европы и связанных так или иначе с революционными кругами тогдашней России.

Н. Г. Чернышевский, уже будучи в ссылке, читал целый ряд произведений Маркса и Энгельса, в частности «К критике политической экономии». Но Белинский, Чернышевский и Добролюбов не смогли в силу отсталости русской жизни подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса. Приходится удивляться героизму и самоотвержению, которые в условиях диких преследований со стороны реакционного царизма проявлены были ими в поисках правильной теории. Это были люди поистине с выдающимися дарованиями, с неисчерпаемой энергией.

★

Историческая наука великими революционными демократами рассматривалась как оружие борьбы за дело народа, против крепостничества и самодержавия.

Белинский страстно добивался правдивости в освещении прошлого своего народа. Любовь к истории духовно унаследовал от него и Чернышевский, который из всех областей научного знания, так называемой «образованности», всегда выделял историческую науку. Для него исторические знания — главный элемент умственного развития и просвещения.

«Можно не знать,— писал Чернышевский,— не чувствовать влечения к изучению математики, греческого или латинского языков, можно не знать тысяч наук, а все-таки быть образованным человеком, но не любить историю может только человек совершенно не развитый умственно» [3].

Пристрастие к историческим знаниям питал и Добролюбов, он настоятельно требовал, чтобы историки в своих исследованиях не ограничивались изучением официальных документов, а привлекали народные сказания, песни или то, что мы теперь называем фольклором.

Белинский, Чернышевский и Добролюбов мечтали о создании крупных исторических произведений.

В своем плане научных работ Белинский предполагал написать «Критическую историю русской литературы», в которой он намеревался отвести ряд разделов для освещения общей истории России. Чернышевский мечтал «сызнова написать всю среднюю и новую историю, чего еще не сделано, не начато» [4]. Особенно он интересовался вопросами русской истории. Чернышевский рассчитывал, что его «Исторический трактат» будет переведен на немецкий, французский и английский языки и займет почетное место в каждой из ли-

---

[1] «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова». Т. I, стр. 522.

[2] Чернышевский Н. «Литературное наследие». Т. II, стр. 399.

[3] Чернышевский. Н. Соч. Т. I, стр. 367.

[4] Чернышевский Н. «Литературное наследие». Т. II, стр. 317.

тератур передовых наций»[1]. В этом «Историческом трактате» он предполагал «перебрать и разобрать все мысли обо всех важных вещах, и при каждом случае будет указываться истинная точка зрения»[2]. Свою задачу он видел в том, чтобы «разъяснить, в чем истина и как следует думать и жить»[3].

«Первая задача истории,— писал Чернышевский,— передать прошедшее; вторая исполняемая не всеми историками,— объяснить его, произнесть о нем приговор; не заботясь о второй задаче, историк остается простым летописцем, и его произведения только материал для истинного историка или чтение для удовлетворения любопытства. Исполняя вторую задачу, историк становится мыслителем, и его творение приобретает научное достоинство»[4].

Ценность, действительную научность исторического исследования Чернышевский видел в описании, возвышающемся до обобщений, до так называемых «общих», «конечных» выводов. Причем Чернышевский, несмотря на свой идеализм в понимании ряда исторических вопросов, неизменно подчеркивал, что «знание жизни важнее всяких диссертаций», и навсегда сохранил «уважение к действительной жизни, недоверчивость к априорийным, хотя бы и приятным для фантазии гипотезам»[5]. Он считал, что истинно-научная историческая система должна быть основана на возможно полном и точном исследовании фактов. Без основательного изучения фактов нельзя избежать промахов в историческом исследовании.

Н. А. Добролюбов в своей замечательной историко-критической работе «Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым» выступает за необходимость «знания всех сторон предмета»[6] и изображения исторических явлений в «неразрывном своем единстве»[7]. Он резко критикует Жеребцова за его «фантастические бредни» и выдумывание исторических фактов «для красоты слова»[8].

Еще Белинский в свое время говорил, что ничто так не портит молодые умы, «как фразерское направление»[9]. Великие русские демократы учили историков не ограничиваться подбором эмпирических фактов и их описанием, а проникать в глубь вещей, раскрывать их внутреннее содержание в историческом развитии и последовательности. Без истории предмета, учили они, нет предмета, но и без теории предмета нет даже мысли об его истории, потому что нет понятия о предмете, его значении и границах. «Отвлеченной истины нет, истина конкретна»[10]. Они были врагами схоластики и беспредметных рассуждений и стремились выражать «историческую правду» без прикрас. В правдивом изображении исторических событий они видели «силу таланта»[11], его общественно-политическое значение. В раскрытии суровой правды, учили они, только и возможен могучий полет творческих сил ученого... Недобросовестных ученых типа г. Жеребцова («Essai sur l'histoire de la civilisation en Russie». 1858), Н. Полозова («Очерк исторических исследований о царе Борисе Годунове», «Дмитрий Самозванец») Добролюбов называл представителями «природного идиотизма»[12], «защитниками интересов своекорыстного меньшинства — породистых дармоедов феодальной аристократии».

Белинский, Чернышевский и Добролюбов учили, что историку надобно иметь твердую принципиальность и последовательность в своих суждениях. «Кто гладит по шерсти всех и все,— писал Чернышевский,— тот кроме себя не любит никого и ничего; кем довольны все, тот не делает ничего доброго, потому что добро невозможно без оскорбления зла. Кого никто не ненавидит, тому никто ничем не обязан»[13]. В данном случае Чернышевский продолжал следовать традициям Белинского, который проповедывал, что «лучше быть падшим ангелом, т. е. дьяволом, нежели невинною, безгрешною, но холодною и слизистою лягушкой»[14].

И Белинский, и Чернышевский, и Добролюбов учили, что историки всегда в своих работах выступали в защиту определенных политических взглядов и что в силу этого не может быть «равнодушия» и «беспристрастия» историка к описываемому им явлению. «Ни один сколько-нибудь сносный историк не писал иначе, как для того, чтобы проводить в своей истории свои политические и общественные убеждения»[15],— писал Чернышевский.

Наиболее полно и глубоко изложил свои взгляды по этому вопросу Н. Г. Чернышевский в блестящем памфлете «Чичерин как публицист». «Чичерин не против развития,— писал Чернышевский,— он только хочет, чтобы развитие совершалось бесстрастным образом, по рецепту спокойствия и всесторонности. К сожалению, этого никогда не бывало. Человека душит разбойник, и по

[1] Чернышевский Н. «Литературное наследие». Т. III, стр. 331.
[2] Там же, стр. 441.
[3] Чернышевский Н. «Литературное наследие». Т. II, стр. 411.
[4] Чернышевский Н. Избранные сочинения («Эстетика и критика»), стр. 125. 1934.
[5] Там же, стр. 53.
[6] Добролюбов Н. Соч. Т. III, стр. 241. М. 1936.
[7] Там же.
[8] Там же, стр. 250.
[9] Белинский В. Соч. Т. III, стр. 408.
[10] Чернышевский Н. Соч. Т. II, стр. 187.
[11] Чернышевский Н. Соч. Т. IV, стр. 330.
[12] Добролюбов Н. Соч. Т. III, стр. 254. 1936.
[13] Чернышевский Н. Избранные сочинения, стр. 181. 1934.
[14] Белинский В. Письма. Т. I, стр. 114. 1914.
[15] Чернышевский Н. Соч. Т. IV, стр. 479.

рецепту г. Чичерина этот человек в то самое время, когда старается отбиться от разбойника, должен спокойно рассуждать о том, что разбойник возникает из исторической необходимости, имеет историческое право существования; что великая Римская империя была основана разбойниками, что если должно уважать римское право, то должно уважать и разбойников, без которых его не было бы,— помилуйте, до того ли человеку, чтобы помнить обо всех этих прекрасных вещах... Не проводить убеждений могут только те, которые не имеют их, а не иметь убеждений могут только или люди необразованные, или люди тупые, или люди бессовестные» [1].

Как видим, в этом вопросе русские революционные демократы ближе всех подошли к учению Маркса—Энгельса о партийности научного знания.

Белинский, Чернышевский и Добролюбов доказали в своих работах, что исторические теории создавались под сильнейшим влиянием той общественной среды, в которой они формировались. В исторических работах Фукидида, Плутарха, Светония они усматривали отражение взглядов различных боровшихся политических партий. Средневековая историография, по их мнению, проникнута подавляющим влиянием церкви. В новое время на воззрения историков решающее влияние оказали события буржуазных революций — в Англии, Франции и Америке. Это очень ярко показал Н. Г. Чернышевский на характеристиках отдельных историков и философов, данных им в целом ряде своих произведений:

«Гоббс был абсолютист, Локк—виг, Мильтон — республиканец, Монтескье — либерал в английском вкусе, Руссо — революционный демократ, Бентам — просто демократ, революционный и нереволюционный, смотря по надобности, Кант стремился к водворению свободы в Германии, но боялся террористических средств, Шеллинг—представитель партии, запуганной революцией, Гегель — умеренный либерал (чрезвычайно консервативный в своих выводах, но принимающий для борьбы против крайней реакции революционные принципы в надежде не допустить до развития революционный дух, служащий ему орудием к ниспровержению ветхой старины), Кинглек — тори, Карамзин — защитник дворянства, ученик Монтескье, славянофилы — поборники порядков допетровской Руси, защитники ветхой старины». Такую же оценку славянофилам дает и Добролюбов. Г. Жеребцова, проводившего славянофильские взгляды в своих работах, Добролюбов квалифицировал как дипломированного защитника родовитой феодальной знати: «... к ней он пристрастен... от нее старается он отклонить всякое нарекание, всякое подозрение. Этим объясняется, между прочим, и то, почему, рисуя картину нравов древней Руси и изображая тогдашнюю общественную иерархию, он ни единого слова не говорит о смешных и гадких проявлениях местничества» [2].

Соловьева и Кавелина Чернышевский оценивал как гегельянцев правого крыла, Погодина — как консерватора, Чичерина — как тамбовского полукрепостника, Костомаров, по его мнению,— горячий приверженец мысли о федерации славянских племен, Щапов, пытавшийся доказать, что духовенство защищало угнетенных и проповедывало свободу, затем перешедший на позиции крестьянского демократизма,— представитель земско-областной концепции истории России.

Подходя с партийной точки зрения к вопросам истории, великие русские революционеры настоятельно требовали от историков, чтобы они выражали мнение передовой части общества, с тем чтобы прогрессивные идеи сделались достоянием народа. Историк обязан смотреть на события с точки зрения народа, говорил Добролюбов: что выиграл или проиграл народ в известную эпоху, где было добро и худо для массы, для людей вообще, а не для нескольких титулованных личностей, завоевателей, полководцев.

«Рассмотрение народной жизни» [3] — главная задача историка, который должен избегать смешивания истории с панегириком и замены исторической истины цветами исторического красноречия.

«Обязанность историка, — как совершенно правильно говорит Чернышевский, — не в том, чтобы, садясь за свой рабочий стол, забывать свои убеждения,— нет, делать это глупо и гадко, да и не удастся никогда сделать этого. Но ученый в своем кабинете может возвышаться над мимолетными интересами дня, господствующими над мыслью публициста или оратора, может заботиться о том, чтобы не отвлекаться от общих, долговечных интересов своей партии, ради ее мелочных обыденных надобностей» [4].

Быть действительным историком, по мнению Чернышевского,— это значит стоять на уровне образованности и требований своего времени, быть рупором передовых, прогрессивных идей, быть защитником народных интересов, новатором и революционером во всех областях научной и политической деятельности.

*

Белинский, Чернышевский и Добролюбов неустанно следили за успехами исторической мысли в России, а главное, сами активно участвовали в расчистке путей для развития передовой исторической науки в России в том направлении, чтобы и эта

---

[1] Чернышевский Н. Соч. Т. IV, стр. 478.

[2] Добролюбов Н. Соч. Т. III, стр. 265.

[3] Там же, стр. 120.

[4] Чернышевский Н. «Рассказ о крымской войне по Кинглеку», стр. 4. 1934.

важнейшая отрасль научного знания была поставлена на службу народу.

Состояние русской историографии в начале XIX в. было малоутешительным: разработка ее только начиналась. Издание летописей, хронографов, временников и синопсисов указывало, что историография находится в самом начале своего развития. Трудами Татищева (1686—1750), Байера (1694—1738), Миллера (1705—1783), Болтина (1735—1790), Щербатова (1733—1790), Эверса (1781—1830) и др. были созданы лишь предпосылки для развития исторической науки в России.

В прошлом русская историография порой задерживалась на разработке второстепенных, а иногда излишних вопросов: вступили ли норманны в славянскую землю правой или левой ногой, на какой щеке была родинка у князя Игоря, и т. д. и т. п.[1]. Так было и после появления «Истории государства Российского» Карамзина, в которой, как замечает Чернышевский, рассказывалась «нескладица и пустота о русской истории»[2].

Карамзин, по мнению Чернышевского, в угоду своим дворянским мнениям одинаковым образом изображает различные эпохи и разные исторические личности. «По Карамзину, злодей Борис Годунов и злодей Святополк Окаянный говорят одинаковым языком, имеют одинаковые понятия и управляют обществом совершенно одинаково,— тем самым обществом, в котором жили Кир, Аристид, Ромул, Тит, Людовик XI и Густав Адольф: это все люди одной эпохи, одних понятий и общественные учреждения при них всех были одинаковы»[3]. Чернышевский здесь очень глубоко схватывает «внеисторизм» Карамзина. Чернышевский правильно оценил, что в своих исторических воззрениях Карамзин выступает защитником дворянских интересов.

В своей классической работе «Очерки гоголевского периода русской литературы» Чернышевский в краткой форме, но весьма ярко дает обзор русской историографии от Карамзина до Соловьева. Как пишет Чернышевский, «около 1835 года мы были подле безусловного поклонения Карамзину»[4]. Затем внимание русского общества было привлечено появлением так называемой «скептической школы» в русской историографии — Каченовский и др.,— которая заслуживала уважения за то, что «первая стала хлопотать о разрешении вопросов внутреннего быта», но разрешала их «без надлежащей основательности»[5].

Так называемые «высшие взгляды» Полевого на русскую историю были направлены против Карамзина, против его исторической концепции, что князья и цари являются главными двигателями истории, что самая история народа принадлежит царю. В результате этой полемики Полевой написал не историю государства Российского, а «Историю русского народа». Отмечая ряд заслуг Полевого, Чернышевский считал, что его воззрения, с точки зрения подлинной науки,— «слабые и поверхностные попытки»[6]. Всесторонней критике подвергает Чернышевский взгляды Чаадаева на русский исторический процесс, на так называемый «смысл в русской истории». Известно, что Чаадаев отрицал прогрессивное значение русской истории. Он писал, что «за все продолжение нашего общественного существования мы ничего не сделали для общего блага: ни одной полезной мысли не возросло на бесплодной нашей почве, ни одной великой истины не возникло из среды нас. Мы ничего не выдумали сами, и из всего, что выдумано другими, заимствовали только обманчивую наружность и бесполезную роскошь»[7]. Чернышевский опровергает несостоятельные доводы Чаадаева и указывает, что его «посылки несправедливы: у нас была история, был резко и твердо выработавшийся характер в начале XVIII века, русский народ имел свою историю, долго формировавшую его национальный характер, в развитии России была связь и был смысл. У нас было движение, а не совершенный застой»[8].

Эту же мысль о непрерывности социально-экономического и политического развития России ярко выразил Добролюбов: «В сущности, наша история никогда не обрывалась и не могла оборваться. Как ни крут и резок кажется переворот, произведенный в нашей истории реформою Петра, но если всмотреться в него пристальнее, то окажется, что вовсе не так окончательно порешил с древней Русью, как воображает, с глубоким прискорбием, большая часть славянофилов... Древняя Русь не могла внезапно исчезнуть вместе с обритыми бородами. Она вовсе не так далеко от нас, чтобы представлять ее нам каким-то раем земным, населенным чуть ли не ангелами. Поверьте,

И прежде плакал человек,
И прежде кровь лилась рекою.

И после нас опять будет плакать человек, и кровь будет литься. Что же делать? От этого грустного обстоятельства не спасешься допотопными иллюзиями»[9].

Как видим, революционные демократы были весьма далеки от идеализации прошлого (как это делали славянофилы) и от сплошного отрицания прогресса в прошлой

---

[1] Белинский. В. Соч. Т. VI, стр. 121.

[2] Чернышевский Н. Избранные сочинения («Эстетика и критика»), стр. 205. 1934.

[3] Чернышевский Н. Неизданные тексты, стр. 65. 1928.

[4] Чернышевский Н. Избранные сочинения («Эстетика и критика»), стр. 205. 1934.

[5] Там же.

[6] Чернышевский Н. Избранные сочинения. Т. IV, стр. 206. 1931.

[7] Чаадаев П. Философические письма. Письмо первое.

[8] Чернышевский Н. Неизданные тексты, стр. 65. 1928.

[9] Добролюбов Н. Соч. Т. III, стр. 283.

истории России (как Чаадаев в письме, явившемся причиной его знаменитости). Их историко-критические воззрения отличались чрезвычайной трезвостью, отсутствием самообольщений. Они были носителями лучших традиций передовой русской историографии эпохи падения крепостного права.

Славянофилов (И. В. Киреевского, К. С. Аксакова, Ю. Самарина, А. С. Хомякова, Шевырева) революционные демократы резко критиковали за их допотопные иллюзии, за идеализацию допетровской Руси, за преклонение перед ветхой русской стариной, за отрицательное отношение к Западу, его учреждениям и культуре. Славянофилы, как замечал в целом ряде своих статей Белинский, считали европейский быт ложным в своем основании, прогнившим и одряхлевшим. Железные дороги, по их мнению, ведут прямо в ад. Европа чахнет и умирает, и должно бежать от Европы в степи киргизские, чуть ли не на четвереньках... Славянофилы доходили в своих измышлениях до того, что так называемый «русский дух» и его свойства искали в редьке, квасе, кислой капусте, неопрятной деревенской люльке, курной избе, длинных бородах с сосульками, в русском «авось» и смирении. У Запада, говорили славянофилы, свой собственный путь, путь революционных преобразований снизу, у России — свой, отличный от Запада, самобытный путь, путь реформ сверху с соблаговоления монарха. У России все самобытно, все особо устроено. Эту мысль славянофилов очень отчетливо выразил поэт Тютчев:

«Умом — Россию не понять,
Аршином общим не измерить.
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить».

Подчеркивание славянофилами «особенной стати» в истории России Чернышевский называл вздором и произвольными фантазиями. «Боже праведный,— восклицал Чернышевский по поводу славянофильских воззрений,— какие несовместимые с здравым умом мысли соединяются в их головах. Об ином говорят так, что одна фраза кажется заимствованной из Прудона, а другая, за нею непосредственно следующая,— из жития Симеона Столпника, о другом так, что одна мысль из Белинского, другая — из Булгарина. Это народ странный. Славянофил без чепухи жить не может»[1]. И эта «чепуха» у славянофилов явственно проглядывала и в воззрениях на историю. «У славянофилов зрение такого особого устройства, что на какую дрянь ни посмотрят, всякая наша дрянь оказывается превосходной и чрезвычайно пригодной для оживления умирающей Европы»[2].

Чернышевский правильно критиковал славянофилов за их идеализацию допетровской Руси и указывал, что «вообще никому не следует гордиться какой бы то ни было стариной, потому что сохранение старины свидетельствует только о медленности и вялости исторического развития»[3]. Чернышевский не разделял взгляда о высшем призвании славян как избранного народа с особыми свойствами народного духа. Он не усматривал никаких различий в умственной и нравственной организации черной, желтой и белой рас. Всякие объяснения какого бы то ни было исторического факта особенностями умственной или нравственной организации данной расы он считал «дикой фантазией», «продуктом невежества»[4].

В противоположность славянофилам Белинский, Чернышевский и Добролюбов верили в прогресс, придавали громадное значение западной культуре и его учреждениям. «Запад — юноша,— говорил Чернышевский неоднократно,— и юноша еще молодой и свежий», «у Европы свой ум в голове и ум гораздо более развитый чем у нас»[5]. Любопытно мнение Чернышевского, что славянофильские фантазии «навязаны нам с Запада».

Белинский в своих годичных обозрениях, Чернышевский в «Очерках гоголевского периода русской литературы», Добролюбов в критическом обзоре «История царствования Петра Великого» Н. Устрялова показали, что в русской историографии «строго ученый взгляд» на историю России связан с исследованиями Соловьева и Кавелина. «Тут,— писал Чернышевский,— в первый раз нам объясняется смысл событий и развитие нашей государственной жизни. Около того же времени или несколько раньше подвергается основательному исследованию вопрос о значении важнейшего явления нашей истории — реформы Петра Великого, о которой до того времени повторялись только наивные суждения Голикова или Карамзина. Нет надобности объяснять, как тесно связана с этим делом участь общего взгляда на нашу литературу. Издания Археографической комиссии дали каждому возможность изучать историю по источникам. Самые упорные противники всего нового соглашаются, что изучение русской истории сделало значительные успехи в течение десяти или двенадцати лет, о которых мы говорили»[6]. Труды Соловьева, Кавелина, Калачева, потом Буслаева, Забелина, Чичерина, Пыпина и др., по правильному замечанию Добролюбова, дают богатейший исторический материал для понимания допетровского периода русской истории.

Н. Г. Чернышевский и Добролюбов особо отмечают большие заслуги Соловьева в русской историографии, но вместе с тем отмечают и его слабые стороны: переоценку

[1] Чернышевский Н. «Литературное наследие». Т. II, стр. 330.

[2] Чернышевский Н. Соч. Т. VIII, стр. 173.

[3] Там же. Т. IV, стр. 308.

[4] Чернышевский Н. «Литературное наследие». Т. III, стр. 227.

[5] Чернышевский Н. Дневник. Ч. 1-я, стр. 241. 1931.

[6] Чернышевский Н. Соч. Т. IV, стр. 205. 1931.

им географического фактора (роли русской равнины в образовании обширного русского государства) и недооценку роли народа в истории. Чернышевский указывает, что у Соловьева в его исторических исследованиях нет народа, нет его истории развития, перемен форм своего быта.

Несмотря на то что Чернышевский не был согласен с Чичериным (этим тамбовским полукрепостником), он все же отметил фактические достоинства его книги «Областные учреждения России в XVII веке». Он прямо указывает, что Чичерин фактами своей книги правильно изображает характерную черту русского управления — бесчинства русского чиновничества — и что этими доводами, основанными на фактах, он опровергает славянофильские самообольщения и идеализацию Руси времен Котошихина.

Чернышевский резко критиковал взгляды Чичерина на самодержавие как всемогущий и всесильный фактор, и, по мнению Чернышевского, Чичерин ничем не доказал, что современная русская община не связана со старой, патриархальной общиной, и не доказал, что она создана государством. Чернышевский видел фальшь и порочность концепций историко-юридической школы, типичным представителем которой является Чичерин.

Подробный критический разбор исследований Щапова «Земство и раскол», «Великорусские области в смутное время» дали Добролюбов и Шелгунов. Добролюбов отметил фактическое достоинство этих работ, но вместе с тем подверг критике идеализацию Щаповым роли духовенства на Руси. «Духовенство наше само владело крестьянами. Духовные собратья были не слишком человеколюбивыми господами» [1], — писал Добролюбов. В исторических монографиях и исследованиях Костомарова «Северо-русские народоправства во времена удельно-вечевого периода», «Русская история в жизнеописаниях ее главных деятелей» и др. он видел «разлив нового света» в изучении старины, особенно истории Украины [2].

Чернышевский ценил в Костомарове его эрудицию, несмотря на несогласие с ним по ряду вопросов. «Его понятия о деятелях и событиях русской истории почти всегда или совпадают с истиной, или близки к ней... Должно желать, чтобы молодые люди, готовящиеся разрабатывать русскую историю, внимательно изучали мнения Костомарова» [3]. Одновременно Чернышевский не разделял федералистской концепции Костомарова и идей последнего о федерации славянских племен. Эту идею Чернышевский называл «вредной для всей Европы» и в «частности гибельной для каждого из славянских племен» [4].

На поприще русской историографии Чернышевский выступал как боец за передовые, прогрессивные идеи революционного демократизма и просветительства. В письме к Пыпину он замечает: «Ты любишь сдерживать себя. А я не охотник щадить то, что не нравится мне, когда речь идет о вопросах науки или литературы, или чего-нибудь такого, не личного, а общего» [5].

*

Мировая история, в том числе и история России, говорили революционные демократы, развивалась через кровавые, мучительные противоречия; мирное, тихое, плавное развитие невозможно. Мирного, постепенного (nach und nach) развития, как утверждает Чичерин, не было ни в античной, ни в средневековой, ни тем более в новой истории. Утверждение историка Соловьева, что народы в своей истории не делают прыжков, ненаучно, отмечал Чернышевский, а вслед за ним и Добролюбов. Учение великих русских демократов о противоречивом характере развития истории человечества было громадным научным приобретением передовой общественной мысли России. «В истории мои герои,— писал Белинский,— разрушители старого... смешно думать, что может сделаться само собою временем, без насильственных переворотов, без крови... тысячелетнее царство божие утвердится на земле не сладенькими и восторженными фразами идеальной и прекраснодушной Жиронды, а обоюдоострым мечом слова и дела Робеспьера и Сен-Жюста» [6]. Всемирная история не есть арена счастья. Периоды счастья являются в ней пустыми листами, потому что они являются периодами гармонии, отсутствия противоположности. Недаром Добролюбов так едко высмеивал тех историков, которые всюду видели прекрасную гармонию:

«Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь» [7].

До сих пор история «не представляла ни одного примера, когда успех получался бы без борьбы... без напряжения сил нельзя одолеть сильного врага» [8]. Падение старого в ходе исторического развития чаще всего совершается с кровью и проклятием.

Исторический прогресс в концепции революционных демократов — это закон нарастания, он происходит в катаклизмах, столкновениях, «необыкновенных обстоятельствах» и «благородных порывах», т. е. в революционных формах, скачках. История все свое движение производит скачок за скачком. Чернышевский учил, что в познании мировой истории необходимо применять диалектику.

Вот почему ренегаты революции Бердяевы, Струве, проклинавшие революционные эпохи, называя их «безумными года-

---

[1] Добролюбов Н. Полное собрание сочинений. Т. III, стр. 89. 1-е изд.

[2] См. Чернышевский Н. «Литературное наследие». Т. II, стр. 320.

[3] Чернышевский Н. Соч. Т. X. Ч. 2-я, стр. 187.

[4] Чернышевский Н. «Литературное наследие». Т. III, стр. 528.

[5] Там же, стр. 29.

[6] Белинский В. Письма. Т. II, стр. 305. 1914.

[7] Добролюбов Н. Соч. Т. III, стр. 274.

[8] Чернышевский Н. Соч. Т. IV, стр. 468.

ми», с такой ненавистью оплевали Белинского, Чернышевского и Добролюбова в своих омерзительных «Вехах». Им претила революционность великих русских демократов.

Общий ход русской истории Чернышевским рассматривается в общей связи с мировой историей, мировым историческим прогрессом. «Русская история понятна только в связи со всеобщею, объясняется ею и представляет только видоизменения тех же самых сил и явлений, о каких рассказывается во всеобщей истории»[1]. Так например различие в истории Англии и России он усматривает не в особых свойствах народов, а в степени развития общественно-экономической жизни этих народов: «В работе якутского семейства над изготовлением одежды лежит уже зародыш Манчестера, как в якутской землянке — зародыш Лондона. Дело иного рода, насколько, где развивалось известное явление; но явления всех разрядов в разных степенях существуют у каждого народа. Зародыш один и тот же; он развивается повсюду по одним и тем же законам, только обстановка у него в разных местах различна, оттого различно и развитие»[2].

Все, следовательно, зависит не от духа народа, не от исключительных расовых свойств, а от обстоятельств, времени, т. е. от конкретно исторической обстановки.

«Да, счастье наше, что мы позднее других народов вступили на поприще исторической жизни,— говорил Добролюбов, присматриваясь к ходу развития народов Западной Европы,— и представляя себе то, до чего она теперь дошла, мы можем питать себя лестною надеждою, что наш путь будет лучше, что и мы должны пройти тем же путем, это несомненно и даже нисколько не прискорбно для нас... наше гражданское развитие может несколько скорее перейти те фазисы, которые так медленно переходило оно в Западной Европе».

★

Великих русских демократов история России интересовала начиная от глубокой древности, причем они рассматривали ее в целом как сложный и противоречивый процесс.

«История именно тем величественна и грустна,— писал Чернышевский,— что сущность дела в ней всегда проста и солидна, что никакими фантазиями и эффектами не изменяется сущность дела, развивающаяся совершенно честно, только не так ровно и тихо, как бы приятно желать, но только напрасно желать. История грустна именно тем, что низость, подлость, измена в ней такой же бессильный тираж, как и порывы великодушия, самопожертвования: то и другое одинаково заставляет нас презирать или уважать отдельных деятелей»[3]. Чернышевский указывает, что эти грустные и величественные картины истории у нас в России начинают иметь место со средневекового распадения, происходившего в форме раздробления государства по вотчинному праву.

Белинский, Чернышевский и Добролюбов показывают, что история возникновения славянского государства, затем история возвышения Московского, русского государства наполнена многообразными классовыми, княжескими, династическими конфликтами, кровавыми удельными раздорами, драматическими эпизодами в лагере правящего класса — бояр и помещиков,— а «главное, жестокими схватками между крепостниками и крепостными крестьянами. Русское государство сложилось, окрепло в борьбе с многочисленными внешними врагами. Русский народ в этой борьбе закалил свои силы и создал свою государственность и ее центр — столицу Москву. Суровое небо увидели ее младенческие очи, разгульные вьюги пели ей колыбельные песни, и жестокие морозы закалили ее тело здоровьем и крепостью»[4].

Русскому народу приходилось преодолевать большие трудности в борьбе с природой и ее стихиями. Но главное не в этом. Белинский доходит почти до правильного решения вопроса о значении борьбы русского народа с татаро-монгольским игом: «Нахлынули татары и спаяли разрозненные члены России ее же кровью»[5]. Эту же мысль развивает дальше Чернышевский. В длительной и мучительной войне с татаро-монгольским игом, иссушавшим душу народа, Русь обеспечила развитие своей государственности и культуры; Русь на своей мощной вые сдержала завоевателей и грабителей — монголов — и тем самым спасла Европу от разорения.

Чернышевский раскрывает историю борьбы русского народа с татаро-монгольскими завоевателями, подчеркивая справедливое значение этой борьбы для русского народа. Затем он анализирует внутренние и внешние причины распада татаро-монгольских орд и устанавливает, что они слабели, хирели, вымирали от постоянных все возраставших усилий русского народа, роста его цивилизации. Нашествие Мамая Чернышевский рассматривает как «предсмертную конвульсию умирающего зверя»[6].

Не кто иной, как Чернышевский показал вредное, отрицательное значение для Руси татарщины (слепое повиновение, презрение к личности). Острый взгляд Добролюбова подметил, что и Византия после принятия Русью христианства (что имело определенное прогрессивное значение в смысле введения грамотности, развития просвещения и т. д. и т. п.) не всегда плодотворно влияла на экономические, политические и культурные учреждения России.

---

[1] Чернышевский Н. Соч. Т. VII, стр. 21.

[2] Чернышевский Н. Соч. Т. VI, стр. 222.

[3] Чернышевский Н. «Рассказ о крымской войне по Кинглеку», стр. 105.

[4] Белинский В. Соч. Т. VI, стр. 184.

[5] Там же, стр. 187.

[6] Чернышевский Н. Соч. Т. VIII, стр. 205.

«Византия только сообщила России педантизм и мертвенную формалистику, которую она усвоила себе гораздо ранее, нежели началось господство схоластики на Западе»[1]. Отрицательное, вредное влияние татарщины и византизма (педантизм и мертвенная формалистика) на государственный аппарат было весьма значительно еще со времен Ивана III. «Азиатского и византийского» так много вошло в общественный строй жизни Руси, «что народный дух совершенно изнемогал под игом чуждых влияний»[2]. Эти влияния усугубили тяготы крепостного права в России, которое, по словам Добролюбова, возникло еще во времена уделов[3].

Наряду с совершенно правильными материалистическими оценками отдельных событий русской истории великие демократы допускали и идеалистические толкования. Так, «крепостное право,— писал Чернышевский,— произошло от дурного управления и поддерживалось им. В происхождении крепостного права мы заметим только, что это учреждение развилось только от бессилия нашей старинной администрации охранить прежние свободные отношения поселян, живших в известной даче, к владельцу дачи и удержать постепенное расширение произвольной власти, захватываемой владельцем над населявшими его землю людьми; заметим еще, что возможность учредить крепостное состояние происходила только от того, что вольные люди, слишком плохо защищаемые управлением, терпели слишком много притеснений, так что переставали дорожить своей свободой и не видели слишком большой потери для себя от записки в принадлежность сильному человеку»[4]. «Крепостное право,— писал в другом месте Чернышевский,— было создано и распространено властью, всегдашним правилом власти было опираться на дворянство, которое образовалось у нас не само собою и не в борьбе с властью, как во многих других странах, а покровительством со стороны власти, добровольно дававшей ему привилегии»[5].

Эта теория Чернышевского о происхождении крепостного права идеалистична. Развитие крепостного хозяйства поставлено у него в исключительную зависимость от надстройки (государства) и от желаний, стремлений поселян, т. е. от чувств и идей. В этом вопросе он не преодолел целиком дворянских историографических теорий, господствовавших в то время. Но вместе с тем Чернышевский правильно подметил классовый характер самодержавия как дворянской власти.

Н. Г. Чернышевский очень внимательно изучал крепостное право, добиваясь получения точного, правильного ответа на мучивший его вопрос о происхождении последнего. Разбирая работу Тройницкого «О числе крепостных людей в России», он пытался преследить «образование и укоренение крепостного права в России по племенам ее населяющим»[6], «исторические причины неравномерного распределения числа помещиков по различным частям России»[7] и формирование крестьянского сословия в России. «У нас,— говорил он,— нет еще полной хорошей истории крепостного сословия в России»[8].

С особой тщательностью Белинский, Чернышевский и Добролюбов изучали историю закрепощения крестьян, показывали хищнические формы эксплоатации русских крепостников — бояр, помещиков,— беззаконие и произвол русского чиновничества. «Самые законы древней Руси,— писал Добролюбов,— не всегда были хорошо соображены с нуждами народа. С изданием «Судебников» 1450 и 1550 гг. судопроизводство должно было определиться несколько лучше. Но все-таки в нем оставалась достаточная доля неопределенности для того, чтобы можно было запутать всякое дело; решительное смешение судебных и административных властей много помогало этому, а всеобщая безнравственность делала бессильною всякую попытку водворить правду в судах»[9]. Народ нещадно били батожьем, крепостники веками издевались над народными массами. Анализируя работу Чичерина «Областные учреждения России в XVII веке», Чернышевский делает вывод, что в России «администрация грабила народ и в XIII, и в XV, и в XVII веках».

Укрепление самодержавия начиная с Ивана III связано было с усилением крепостного права. «Иван Грозный — характер сильный и могучий... довершил уничтожение уделов, окончательно решил местный вопрос»[10] и тем самым за счет боярства усилил помещиков, которые в своих поместьях ввели более интенсивные формы крепостнической эксплоатации. Признаки недовольства крестьян выявились с достаточной определенностью уже в царствование Ивана Грозного. Н. А. Добролюбов в статье «Народное дело» указывал: «Нет такой вещи, которую можно было бы гнуть и тянуть бесконечно: дойдя до известного предела, она непременно изломится или оборвется, так что нет на свете человека и нет общества, которого нельзя было бы вывести из терпения. И в начале XVII века — в так называемое «смутное время»—широкие крестьянские массы восстали против помещиков». Эта крестьянская война совпала с тяжелой годиной для России — нашествием польских интервентов. Русский народ поднялся против непрошеных гостей, пытавшихся в целях порабощения расчленить Россию, лишить ее независимого существования. И Чернышевский совершенно правильно называет войну России против поль-

---

[1] Добролюбов Н. Соч. Т. III, стр. 276.
[2] Чернышевский Н. Соч. Т. III, стр. 76.
[3] Добролюбов Н. Соч. Т. III, стр. 275.
[4] Чернышевский Н. Соч. Т. VI, стр. 562
[5] Там же. Т. I, стр. 192.
[6] Чернышевский Н. Соч. Т. IV, стр. 130.
[7] Там же, стр. 137.
[8] Там же, стр. 153.
[9] Добролюбов Н. Соч. Т. III, стр. 277
[10] Белинский В. Соч. Т. VI, стр. 123.

ских панов в 1612 г. «спасительной для русского народа»[1].

Чернышевский резко критикует дворянских и буржуазных историков за то, что они не показывают народа в исторических событиях. В своей статье «Обзор исторического развития сельской общины в России» он упрекает историков в том, что они о народе упоминают редко, разве в исключительных случаях, как в 1612 г., и для того только, чтобы тотчас же опять забыть о нем. Чернышевский выносит целый обвинительный приговор боярам и помещикам за их издевательство над народом русским после 1612 г.: «Звали народ выручать Москву от поляков — народ пошел, выручил, и оставлен был в положении, хуже которого не было прежде»[2].

Н. А. Добролюбов подчеркивал, что после кровавых смут времени самозванцев и междуцарствия развитие России не представляло гармонии, а наполнено было драматической борьбой крепостных крестьян с боярами, помещиками[3]. Весь период в истории романовской монархии от так называемого «смутного времени» до Петра Великого рассматривается Добролюбовым как период укрепления самодержавной власти, а главное, усиления бояр, помещиков, которые грабили народ, увеличивали его закрепощение, ввергая в крайнюю нищету. Россия все более и более начала отставать от Западной Европы. Главная причина этого им усматривалась в том, что сложившаяся власть обусловливала «страшный упадок народной энергии».

Отставание России в экономическом отношении ухудшало ее международное положение. Русские правители всем ходом вещей толкаемы были на путь введения реформ, в первую очередь военных. Уже при Алексее Михайловиче, Софии, замечает Чернышевский, «муштровка велась, но вели ее спустя рукава»[4].

Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Некрасов, Шелгунов и т. д. — весь лагерь разночинцев придавал петровским преобразованиям громадное историческое значение. Для них всех, почти без исключения, в деятельности Петра заключался глубокий смысл русской истории, ее необходимый, исторически обусловленный перелом в сторону европеизации. Царствование Петра Великого Белинский называл интереснейшей эпохой, величайшим явлением, светлым и благодатным моментом истории России. Петр Великий «сблизил свое отечество с Европой, искореняя то, что внесли в него татары временно азиатского»[5].

Белинский подчеркивает, что эти преобразования проводились насильственно, сопровождались кровавыми эпизодами. «Будь полезен государству — учись или умирай, — вот что было написано кровью на знамени его борьбы с варварством»[6]. Военные, государственные и другие реформы Петра имели прогрессивное значение. Он «вдунул душу живую в колоссальное, но поверженное в смертную дремоту тело древней России» и «помчал русскую жизнь по открытому морю всемирной истории»[7]. Россия этими реформами сделала шаг в сторону европеизации, в сторону усиления своей роли в международной политике. Но вместе с тем Белинский подчеркивает и ограниченный характер петровской преобразовательной деятельности, ибо она «не уничтожила, не разрушила стен, отделявших в старом обществе один класс от другого; но она подкопалась под основание этих стен и если не повалила, то наклонила их на бок».

Чернышевский, Добролюбов, Некрасов и другие разночинцы продолжали развивать эти воззрения Белинского на петровские реформы, они рассматривали деятельность Петра Великого без идеализации (как это типично было для официальной дворянской историографии). С Петра сбрасывалась божественная маска, и он рассматривался как истинно русский, сумевший дать действительное существование тому, что прежде было в возможности, как зародыш. Вместе с тем они вслед за Белинским продолжали критику и разоблачение тех, кто пробовал отрицать прогрессивное значение петровских реформ. У них мы находим даже некоторые преувеличенные оценки деятельности Петра Великого, в особенно ярко выраженной форме, например у Некрасова в его поэме «Несчастные». В этой поэме «встает во мраке подземелья пред нами чудный лик Петра», как «трудолюбец венценосный», «кому в царях никто не равен, кто до скончания мира славен и свят»[8]. Аналогичного рода преувеличение в оценке Петра I можно найти и у Чернышевского в его «Очерках гоголевского периода русской литературы», где он говорит: «Для нас идеал патриота — Петр Великий»[9], а в статье «О новых условиях сельского быта» он указывал: «Блистательные подвиги времен Петра Великого и колоссальная личность самого Петра покоряют наше воображение; неоспоримо громадно и существенно величие совершенного им дела»[10].

Достоинство петровских реформ, указывает Чернышевский, определяется их прогрессивным значением. «Целью деятельности Петра было создание сильной военной державы, превращение России в европейскую страну». Но вместе с тем Чернышевский не вскрывает классовых корней петровских преобразований, как проводившихся в интересах дворянства и купечества.

Н. Добролюбов в своем обстоятельном историко-критическом обзоре «Первые годы

[1] Чернышевский Н. Соч. Т. II. стр. 188.
[2] Чернышевский Н. Соч. Т. X. Ч. 2-я, стр. 294, а также Т. IV, стр. 556.
[3] Ср. Добролюбов Н. Соч. Т. III, стр. 283.
[4] Чернышевский Н. «Литературное наследие». Т. III, стр. 194.
[5] Белинский В. Соч. Т. VI, стр. 131.
[6] Там же, стр. 193.
[7] Там же, стр. 196.
[8] Некрасов Н. Полное собр. соч. Т. I, стр. 171. 1934.
[9] Чернышевский Н. Избр. сочинения («Эстетика и критика»), стр. 333. 1934.
[10] «Современник» Т. 68, № 2.

царствования Петра Великого» дал итоговую оценку петровских преобразований, подчеркнув с особой силой, что они несмотря на ограниченность и суженность все же дали «больший простор развитию естественных сил народа как вещественных, так и нравственных». «Петровское направление русской жизни имело то преимущество перед старым, что заключало в себе зародыш жизни и движения, а не застоя и смерти».

Последующий период в истории России после Петра Великого теоретиками разночинного движения рассматривался под углом зрения того, что сделали незадачливые преемники Петра с петровскими преобразованиями. Обращалось внимание больше на форму, а не на суть дела, и стремились к украшению фасада.

Быстро совершавшиеся дворцовые перевороты с их отвратительными сценами и «макиавеллизмом» Белинский назвал «темными годинами русской истории». Крупными и мелкими казнокрадами кишел весь правительственный аппарат. Особым усердием в этом отличались фавориты. Чернышевский красочно отобразил это в статье «Прадедовские нравы», в которой он показал, что внутренняя жизнь в этот период мало подвинулась вперед по сравнению с XVII веком. Изменилась только внешность. Офицеры упражнялись «в неблагопристойной жизни — пьянстве, картежной игре и обхождении с непотребными девками. Центром всей жизни являлся двор, состоявший исключительно из аристократии во главе с «великой блудницей» Екатериной II. Россия влачилась в колее, «проложенной Петром, не двигаясь вперед»[1]. Реформированные Петром крепостнические и самодержавные стены после его смерти «со дня на день все более и более обсыпаются и засыпаются собственными своими обломками, собственным своим щебнем и мусором, так что починять их значило бы прилавать им тяжесть, которая по причине подрытого их основания только ускорила бы их и без того неизбежное падение»[2]

Крестьянское движение под руководством Пугачева, потрясшее империю дворян, Чернышевский назвал крупным явлением русской истории. К недостаткам этого движения он относил «отсутствие единства» и «раздробленность»[3].

В политических выступлениях Новикова, Радищева Чернышевский видел просвещенный образ мыслей[4]. В Сперанском он видел мечтателя-реформатора. Это был русский сановник, и, конечно, никогда не приходила ему в голову мысль прибегнуть к замыслам или мерам, не согласным с законными приемами или обязанностями его официального положения. Он не понимал недостаточности средств для осуществления задуманных преобразований. Он совершенно забывал о характере и размере сил, какие были бы нужны для задуманных им преобразований. Поэтому он не успел исполнить ровно ничего и оказался «мечтателем»[5]. В этой подцензурной статье Чернышевский выдвигает для борьбы с самодержавием на первый план не реформу, а революцию. И здесь его призыв к революции созвучен с пламенным письмом Белинского к Гоголю.

«Освободительная» и «спасительная для русского народа»[6] война 1812 г. не привела к уничтожению крепостного права. В Отечественной войне 1812 г. русский народ своей кровью отстоял свою независимость. В этом отношении, как замечает Чернышевский, с 1812 г. началась новая жизнь для России. Но помещики оказались помещиками. Лучшие, просвещенные люди дворянства — дворянские революционеры—были казнены, сосланы за то, что подняли знамя борьбы против царизма, во имя введения передовых западноевропейских учреждений у себя на родине.

Чернышевский с грустью указывает, что русский народ, прогнав Наполеона, спас отечество, «а сам был оставлен все в прежнем положении»[7].

Чернышевский и Добролюбов резко осуждали внешние завоевательные, грабительские войны царизма. Они считали результаты насилия вредными. «Воюет, воюет государство в Азии, и в результате изнурение, общее ослабление. И тогда оно становится добычей более сильного завоевателя»,— писал Чернышевский. Завоевание Кавказа русским царизмом, длившееся десятки лет, он расценивал как большое бедствие для России. По поводу окончания кавказской войны Чернышевский писал: «Славу богу, теперь Кавказ не будет поглощать ежегодно по 25 000 русских солдат; одна из тех язв, которые истощали Россию, закрывается»[8]. Во время интервенции Николая I в Венгрию он желал поражения там русских и для этого готов был «самим собою пожертвовать»[9].

Азиатчина самодержавия наиболее явственно давала себя знать в царствование Николая I; при нем самодержавие обнаружило свое звериное лицо. «Действительность есть чудовище, вооруженное железными когтями и железными челюстями: кто охотно не отдается ей, того она насильно схватывает и пожирает»[10]. Недаром Белинский в свое время писал: «Абсолютист и кнутобой—одно и то же»[11]. Азиатством называл Чернышевский в своей статье «суе-

---

[1] Белинский В. Соч. Т. VI, стр. 198.

[2] Белинский В. Соч. Т. XI, стр. 26.

[3] Чернышевский Н. Дневник. Ч. 1-я, стр. 46.

[4] См. Чернышевский Н. Соч. Т. VI, стр. 353.

[5] Чернышевский Н. Соч. Т. VIII, стр. 294—318.

[6] Чернышевский Н. Соч. Т. II, стр. 188.

[7] Чернышевский Н. Соч. Т. X. Ч. 2-я, стр. 294.

[8] Чернышевский Н. «Литературное наследие». Т. II, стр. 288.

[9] Чернышевский Н. «Литературное наследие». Т. I, стр. 441.

[10] Белинский В. Письма. Т. I, стр. 231.

[11] Белинский В. Письма. Т. II, стр. 187.

верие и правила логики», такой порядок дел, при котором не существует неприкосновенности никаких прав, при котором не ограждены ни личность, ни труд, ни собственность. Раболепие и всевластие, покорность и произвол, унижение и возвышение, взяточничество и розги, атмосфера беззакония и самоуправства — типичные черты самодержавия и крепостничества в России в период царствования Николая I.

«Азиатская обстановка жизни, азиатское устройство общества, азиатский порядок дел,— этими словами сказано все и нечего прибавлять к ним»[1]. Самодержавие Николая I тормозило развитие России, сковывало народную энергию ржавыми цепями крепостного рабства. Правительство должно идти вперед, иначе движение истории совершится «без него и вопреки ему»[2]. Если Чернышевский и раньше не питал никаких иллюзий по отношению к надклассовости самодержавия, то начиная с 1849 г. он прямо формулирует: «Абсолютный монарх — только завершение аристократической иерархии, душою и телом принадлежащее к ней»[3]; сам царь есть самый крупный помещик. Самодержавие — слишком большое препятствие развитию умственному, оно решительно угнетает и решительно иссасывает народные массы, оно должно быть свергнуто. Место самодержавия должна занять республика как «настоящее, единственное достойное человека взрослого правление, и что, конечно, это последняя форма государства. Это мнение взято у французов»[4].

Крымскую войну 1853—1856 гг. Чернышевский рассматривал в общей связи с историей России. По его мнению, она была «положительна по итогам», ибо она надломила твердыню крепостного хозяйства, тормозившую развитие производительных сил страны. «Самая война во многих отношениях полезна для государства, служа причиной многих улучшений»[5]. Историческое значение крымской войны, по Чернышевскому, заключалось в том, что она открыла собой полосу великих перемен. «Было сознано массою общества, что надобно отменить крепостное право, улучшить судопроизводство и провинциальную администрацию, дать некоторый простор печатному слову»[6].

Добролюбов даже считал, что для будущего развития России было бы лучше еще большее поражение в крымской войне, вплоть до полного разгрома самодержавного аппарата. Исторический урок этой войны для будущего России Чернышевский видел в необходимости уничтожения крепостного права, самодержавия, введения республиканских порядков, массового просвещения.

[1] Чернышевский Н. Дневник. Ч. 1-я, стр. 124.

[2] Там же. Ч. 2-я, стр. 14.

[3] Там же.

[4] Там же. Ч. 1-я, стр. 109.

[5] Чернышевский Н. «Литературное наследие». Т. II, стр. 265.

[6] Чернышеский Н. «Литературное наследие». Т. III, стр. 487.

Чернышевский обвиняет дворянских и буржуазных историков в том, что они вместо того, чтобы рассказывать «о жизни народа», рассказывают «о жизни правителей»[7]. На этом настаивает и его ученик Добролюбов. Последний говорит по этому поводу, что до сих пор история писалась как история князей, царей, полководцев. История прежде всего должна быть историей народа. Этот вопрос замечательно освещен в работах ученика Чернышевского — Добролюбова.

«Борьба аристократии с демократией составляет все содержание истории. В глазах истинно образованного человека нет аристократов и демократов, нет бояр и смердов, браминов и парий, а есть только люди трудящиеся и дармоеды. Уничтожение дармоедов и возвеличение труда—вот постоянная тенденция истории. По степени большего или меньшего уважения к труду и по умению оценивать труд все более или менее соответственно его истинной ценности можно узнать степень цивилизации народа. Степень возможности и распространения дармоедства в народе служит безошибочным указателем большей или недостаточности его цивилизации»[8].

В рецензии на книгу Бабста «От Москвы до Лейпцига» Добролюбов писал, что в ходе истории меняется только форма эксплоатации; изменяясь, она делается более ловкой и утонченной, но сущность все-таки остается та, пока остается попрежнему возможность эксплоатации.

Народ в оценке Чернышевского имеет «право повелевать», ибо это основная сила в истории. Классические произведения Лермонтова и Гоголя являют собой самостоятельность русской литературы, ее вхождение в европейскую литературу. Из этого Чернышевский делал вывод, «что только жизнь народа, степень его развития определяет значение поэта для человечества, и если народ еще не достиг мирового, общечеловеческого значения, не будет в нем и писателей, которые были бы общечеловеческими, имели бы общечеловеческое достоинство. Итак, Лермонтов и Гоголь доказывают, что пришло России время действовать на умственном поприще, как действовали раньше ее Франция, Германия, Италия»[9]. Эти слова можно повторить без риска впасть в преувеличение при оценке роли в развитии русской науки великих русских демократов - просветителей: Белинского, Чернышевского, Добролюбова. Они действительно были гениальными сынами великого русского народа. Их исторические концепции русской истории, построенные на основе идей, выдвинутых передовой общественной мыслью Западной Европы, стоят выше того общеметодического вопроса, что было создано в этой области тогдашней историографией России.

[7] Чернышевский Н. Соч. Т. I, стр. 648. 1939.

[8] Добролюбов Н. Соч. Т. III, стр. 267.

[9] Чернышевский Н. Дневник. Ч. I, стр. 116.

ВОЙНА В КИТАЕ И ПОЛИТИКА США

К. Ющак

Накануне японо-китайской войны американские капиталовложения в странах Восточной Азии и Океании достигали крупной суммы — 1163 млн. долларов. Вложения США в одном только Китае исчислялись в 240 млн. долларов. Следует отметить, что американские инвестиции в Китае по своему характеру и размерам значительно превышают вложения США в Японии. В 1929—1931 гг. американские инвестиции в Японии исчислялись в сумме 358 млн. долларов.

За годы кризиса и депрессии японские капиталисты сумели скупить значительную часть своих ценных бумаг, находившихся в руках у американских держателей, что уменьшило инвестиции США в Японии до 220 млн. долларов. В 1938 г. из этой суммы только 60 млн. долларов вложено в промышленность и торговлю, а остальная сумма (160 млн.) приходится на ценные бумаги [1]. Таким образом, накануне войны американские инвестиции в Китае превышали американские инвестиции в Японии. Накануне войны в Китае США занимали первое место во внешней торговле этой страны. Торговые обороты с Китаем превышали торговлю США с любой южноамериканской страной кроме Бразилии. Еще более разительная картина получится, если мы сравним общие обороты торговли США с Латинской Америкой и Восточной Азией в целом. В 1936 г. экспорт США в страны Латинской Америки оценивался в 958 млн. американских долларов, а экспорт в восточноазиатские государства — в 1106 млн. долларов [2].

Эти цифры свидетельствуют о том, что интересы США в Восточной Азии слишком велики для того, чтобы ими могла пренебрегать даже такая богатая капиталистическая страна, как Америка.

Однако к оценке капиталовложений и торговли США на Дальнем Востоке, разумеется, нельзя подходить исключительно с точки зрения сегодняшнего дня. Необходимо иметь в виду, что вплоть до недавнего времени главнейшими статьями американского экспорта в страны Восточной Азии и в особенности в Китай были сельскохозяйственные продукты и сырье (табак, мука, керосин и т. п.). Раздел Китая в конце XIX и начале XX в. на монопольные сферы влияния между европейскими державами и Японией, противодействие этих стран экономическому проникновению американского империализма в Китай, политическая и экономическая раздробленность Китая, непрерывные опустошительные войны милитаристов, гнет местных феодалов и иностранных колонизаторов — все это задерживало экономическое развитие страны, уменьшало покупательную способность населения.

Американские капиталисты считают, что Китай с его огромными природными богатствами и 450-миллионным населением может служить необъятным потенциальным рынком для продукции высокоразвитой американской индустрии, переживающей за последнее десятилетие тяжелый хронический кризис перепроизводства.

Роль Тихого океана как важнейшего центра пересечения мировых торговых путей также неуклонно возрастает. Несмотря на то что на порты Атлантического океана в 1938 г. приходилось около 70% всего мирового грузооборота, значение тихоокеанских портов увеличивается с каждым днем. С 1913 по 1928 г. грузооборот семи важнейших портов Атлантики увеличился на 46%, а семи тихоокеанских портов — на 113%.

Американский ученый Райт писал по этому поводу: «Поразительно быстрый рост торговли в бассейне Тихого океана является одним из самых замечательных явлений всей послевоенной истории» [3].

Рост торговли на Тихом океане за последние 20 лет сопровождался процессом ослабления экономических и политических связей между странами Тихоокеанского бассейна и Европой с одной стороны и усилением этих связей с США — с другой.

В отчете финансово-экономической секции Лиги наций говорится: «В настоящее время Соединенные штаты Америки покупают в Европе значительно меньше товаров чем в Азии; Япония и Китай покупают в Европе намного меньше чем в США. Индия экспортирует теперь большую часть своих то-

---

[1] Fleming D. «America's Stake in the Far East», «Amerasia», April 1939.

[2] «Statistical Abstract of the United States», p. 451. Washington. 1938.

[3] Wright W. «Trade and Trade Barriers in the Pacific» (Australian supplementary Papers. Sydney. 1938. Serie d).

варов в Северную Америку и азиатские страны, а Китай — в США. Японский экспорт в Европу снизился с 23,3% всего вывоза в 1913 г. до 6,6% в 1925 г., в то время как экспорт Японии в США возрос за тот же период до 44,5%. Австралийский импорт из Европы также снизился с 71% до 51% всего импорта»[1].

За период 1913—1925 гг. экспорт США в страны Тихоокеанского бассейна увеличился на 6 млрд. долларов, в то время как экспорт туда всех европейских стран возрос за те же годы только на 3 млрд. долларов. Для того чтобы показать, какие огромные сдвиги произошли за последние 25 лет в экономических связях между Америкой, Европой и странами Тихого океана, достаточно привести следующую таблицу:

Экспорт США (в американских долларах)[2]

	1913 год	1937 год
Европа . . .	1 480 000 000	1 360 000 000
Восточная Азия	141 000 000	580 000 000
Океания . . .	54 000 000	98 000 000

Импорт США

	1913 год	1937 год
Европа . . .	893 000 000	843 000 000
Восточная Азия	298 000 000	967 000 000
Океания . . .	17 000 000	69 000 000

Эта таблица говорит о том, что в то время как за последние 25 лет торговля США с Европой осталась на прежнем уровне и даже несколько сократилась, торговля Америки с Восточной Азией и Океанией возросла почти на 400%.

Этот процесс, являющийся яркой иллюстрацией ленинского закона неравномерного развития капитализма, прежде всего означает огромное усиление на Тихом океане позиций США и, следовательно, все возрастающую заинтересованность американского империализма в переделе колоний и сфер влияния на Тихом океане.

Между тем японская интервенция в Китае нанесла за истекшие три года серьезный ущерб интересам американских капиталистов.

По подсчетам секретаря клуба ньюйоркских экспортеров, опубликованным в журнале «Фар истерн миррор», общие потери американцев в Китае с августа 1937 г. по 1940 г. превышают 150 млн. долларов. По данным американского коммерческого атташе, убытки иностранцев в Шанхае за истекшие три года исчисляются в несколько сот миллионов долларов.

Вытеснение США из Китая осуществляется Японией по строго продуманному плану. В оккупированных районах японцы прибрали к рукам железные дороги, водный транспорт, телеграф, телефон, радио и прочие средства связи и сообщения. Центральная водная артерия страны—река Ян-Цзы-цзян, играющая огромную роль в судоходстве и торговле Китая, — закрыта для иностранцев «по стратегическим соображениям». Японские же суда за перевозку иностранных грузов берут такой высокий фрахт, который совершенно лишает англо-американских капиталистов возможности конкурировать с японцами. Не лучше положение с железнодорожным транспортом. Известно, что большинство железных дорог в Китае построено на деньги английских, американских и французских капиталистов. После захвата этих дорог японцами последние прекратили выплату процентов иностранным держателям облигаций железнодорожных займов и не разрешают им ни инспектировать состояние дорог, ни пользоваться ими. До войны в Китае довольно широко был развит авиатранспорт, в котором участвовали американский и германский капиталы. С началом военных действий японские летчики организовали форменную охоту за американскими пассажирскими самолетами и совершенно дезорганизовали воздушное сообщение в оккупированных районах. Вытеснив американцев, японцы не замедлили установить свои собственные авиалинии. Однако эти линии почти недоступны для иностранцев, так как для каждого полета требуется специальное разрешение японских военных властей.

За последнее время японские власти не выдают американским фирмам экспортных лицензий, если торговые операции не финансируются японскими банками. Китайские купцы и предприниматели принуждаются японцами переводить свои капиталы из иностранных банков в «Иокохама Спеши банк». Торговля шерстью в Северном Китае и Внутренней Монголии, где раньше американский капитал играл крупную роль, сейчас почти полностью монополизирована японцами. Снижение таможенных тарифов на японские товары, контрабанда и введение новой денежной системы в Северном Китае преследуют одну цель — окончательно подорвать экономические и политические позиции США и Англии в Китае.

Японская военщина ведет наступление на американские интересы в Китае в тесном контакте с магнатами японского финансового капитала. В 1938 г. это «сотрудничество» приняло более отчетливую форму в виде организации двух полуправительственных компаний: «Компании по эксплоатации Северного Китая» с капиталом в 300 млн. иен и «Компании по эксплоатации Центрального Китая» с капиталом в 100 млн. иен. Обе эти компании созданы по образцу ЮМЖД, что не предвещает ничего хорошего для англичан и американцев[3].

[1] League of Nations. Economic and Finantial section. Memorandum on Balance of Payments and Foreign Trade Balance. 1911—1921. Vol. I, p. 164. 1926.

[2] «Statistical Abstract of the United States», p. 456—457. Wachington. 1939.

[3] Приемы и методы торговли этих компаний неплохо характеризуются письмом, с которым обратился один из японских агентов компаний к главе крупной американской фирмы в Шанхае. В этом письме, напечатанном в газете «Нью-Йорк таймс», говорится буквально следующее: «Если вы назначите меня вашим агентом во внутренних провинциях Китая, я смогу достать разрешение военных властей для транспортирования товаров вашей фирмы. Если же вы

Судьба американских инвестиций в таких крупнейших торгово-промышленных центрах Китая, как Тяньцзин, Шанхай, Кантон и др., чрезвычайно показательна.

Иностранные концессии в Тяньцзине и Гулансу блокированы японцами. Торговый оборот Шанхая в 1938 г. по сравнению с 1937 г. снизился: импорт — на 47%, экспорт — на 45%. Для того чтобы прибрать к рукам международный сеттльмент, японцы организуют там бесконечные покушения, взрывы, убийства, поджоги и т. п.

Крупнейший торговый и промышленный центр Южного Китая — Кантон — справедливо считается сейчас городом мертвых. Из полутора миллионов населения здесь в начале 1939 г. насчитывалось не более 75 тыс. человек. Река Жемчужная, некогда запруженная десятками тысяч джонок и сампанов, дававших жилье и заработок полумиллиону тружеников, в настоящее время пустынна. В делах иностранных фирм застой, так как и здесь японцы закрыли навигацию по «военным соображениям», что, впрочем, не мешает японским судам беспрепятственно заниматься перевозками. Из американских и английских товаров в Кантоне можно с трудом достать лишь то немногое, что уцелело от пожаров и грабежей. Японцы захватывают все уцелевшие от пожаров дома Кантона. Лучшие кантонские здания перешли в собственность таких организаций, как «Иокохама Спеши банк», «Мицуи Буссан Кайся» и др. Пароходная компания «Осака Сёсэн Кайся» захватила в свои руки сообщение Кантона с внешним миром. Сейчас японцы производят углубительные работы в кантонской гавани, для того чтобы превратить Вампу в морской порт и тем самым свести к нулю значение Гонконга.

Японское вторжение в Китай создает угрозу настоящим и в особенности будущим экономическим интересам США в Китае. Вторжением японских войск в Южный Китай и захватом островов Хайнань и Спратли фактически перерезаны важнейшие американские коммуникационные линии со странами Юговосточной Азии, откуда Америка импортирует стратегическое сырье. За последние годы многие американские военные деятели и экономисты с тревогой констатируют, что зависимость США от иностранных рынков в области важнейших видов стратегического сырья не так уже ничтожна, как это можно было предполагать [1]. В 1935 г. Америка, например, импортировала из Китая свыше 30% всего антимония, который входит в качестве составной части в сплавы, предназначенные для изготовления шрапнельных стаканов, оболочек для пуль, качественных сталей, подшипников и т. п.

США ввозят с Дальнего Востока много олова, вольфрама. Из Голландской Индии они ввозят около 90 % хинина [2]. США потребляют свыше 50% всей мировой добычи каучука. Крупнейшая отрасль американской промышленности — автомобильная — на 92% зависит от каучука, импортируемого из Малайи и Голландской Индии, над которыми сейчас нависла реальная угроза японского нашествия.

Интересы США в Восточной Азии далеко не исчерпываются одной только экономической стороной.

Американский журнал «Амерэйша» писал по этому поводу: «Не подлежит ни малейшему сомнению, что Англия имеет на Дальнем Востоке более крупные интересы, чем США, но зато политические интересы Великобритании в этой части света значительно менее велики чем наши. Англия может подчиниться требованиям Японии в китайском вопросе и защищать свою империю со стороны Сингапура. Англия может даже совсем потерять свои владения на Дальнем Востоке, но у нее все же останутся обширные колонии в других частях света. Британская метрополия неуязвима для японских атак. Но если Восточная Азия окажется под властью японцев, США вынуждены будут иметь дело с исключительно огромной и мощной империей, окружающей кольцом своих владений Тихий океан» [3].

Уже сейчас японское проникновение на Филиппины, Гавайские острова, в Голландскую Индию и Южную Америку создает угрозу безопасности Соединенных штатов и подрывает позиции США на Дальнем Востоке.

Филиппинский архипелаг, насчитывающий в своем составе свыше 7 тыс. островов и 14 млн. населения, представляет богатую в природном отношении страну. Площадь пахотной земли на Филиппинах значительно превышает площадь пахотной земли в Собственно-Японии. Тридцатитысячная армия японских резервистов, из которых только один за последние 40 лет принял американское гражданство, поселилась в важнейших стратегических пунктах этой страны. Японцы захватили на Филиппинах 170 тыс. акров лучшей земли и еще большую площадь лесов. Так как местные законы запрещают иностранцам приобретать в собственность землю, то японцы скупают земельные участки через подставных лиц из коренного населения либо женятся на местных женщинах. После того как тот или иной японец приобретает через жену участок земли, он обычно выписывает из Японии «законную» жену, а жена-филиппинка «скоропостижно» умирает или превращается в батрачку японских колонистов. Подобного ро-

---

не согласитесь, ваши товары будут гнить в Шанхайском порту, а я возьму на себя посредничество итальянских и других фирм» («New York Times» от 14 марта 1939 года).

[1] См. книги: Redfield «Dependant America»; Emeny «Strategy of Raw Materials»; Elliot «The Ramparts We Watch» и т. д.

[2] В 1936 г. смертность от малярии в штате Флорида равнялась 22%, в Арканзасе — 23%, в Южной Каролине — 26%.

[3] «Amerasia». June 1939, p. 156.

да факты представляют обычное явление на Филиппинах [1].

Попытки филиппинских властей предотвратить расхищение земель были встречены японцами в некоторых местах вооруженным отпором. В настоящее время японцы контролируют 35% всей внутренней розничной торговли Филиппин и 80% всего рыболовства. Что касается внешней торговли, то здесь японцам принадлежит доминирующая роль.

В некоторых частях Филиппинского архипелага (Давао) японцы образовали, в сущности, свое собственное государство, которое сами филиппинцы называют Давао-Го. Иностранцам, отправляющимся в Давао, обычно рекомендуют попросить разрешение на въезд у японского генконсула в Маниле. Даже президент Филиппин Квизон, прежде чем отправиться в 1935 г. с инспекционной поездкой на остров Минданао, должен был предварительно уведомить об этом японского консула в Маниле! Японцы усиленно насаждают свою агентуру и среди местного населения. Усилия японцев уже привели к известным результатам. Так, в 1939 г. группа профессоров Филиппинского правового института отправила японскому императору петицию с просьбой об аннексии Японией Филиппин [2]. Японские власти субсидируют поездки в Японию филиппинских студентов, профессоров, журналистов и др. При этом японцы требуют, чтобы каждый побывавший в Японии экскурсант после своего возвращения написал в местные газеты не менее трех благоприятных статей о японских государственных деятелях, о «кровном» родстве японцев и филиппинцев, о японской прессе и т. д. В начале 1939 г. японцам удалось переманить на постоянное жительство в Японию Эмилио Агинальдо, известного деятеля эпохи борьбы Филиппин за независимость против Испании и США [3]. Характеризуя быстрый процесс «японизации» Филиппин, покойный представитель филиппинского правительства в Вашингтоне Гуэвара заявил: «Только слепой может не видеть, что Япония стремится установить свое господство над Филиппинами с их неразработанными природными богатствами и выгодным стратегическим положением. Сначала начнется экономическое проникновение, затем иммиграция японцев, а под конец политическое господство» [4].

Характер нынешней японской экспансии в Китае и исключительно быстрый процесс экономического внедрения Японии в страны Южных морей дают основания предполагать, что при благоприятных обстоятельствах японские военные круги вряд ли станут откладывать захват Филиппин до 1946 г., т. е. до момента фактического отделения их от США. Безнаказанный захват Японией исключительно важного по своему стратегическому положению острова Хайнань и мелких островков Спратли, расположенных по соседству с Сингапуром, французским Индо-Китаем и Филиппинами, является достаточно серьезным симптомом.

Филиппины находятся в окружении японских владений, в сфере действия ее военно-морских баз. Прежние американские укрепления на Филиппинских островах сильно устарели. Американская азиатская эскадра, базирующаяся на Манилу, также не представляет собой внушительной силы. Она состояла в конце 1939 г. из 2 крейсеров, 21 канонерской лодки, 4 речных канонерок, 13 миноносцев, 6 подводных лодок и вспомогательных судов [5].

Японская угроза нависла и над другим владением США на Тихом океане — островом Гуам. Стратегическое значение острова Гуам исключительно велико для обороны США. Гуам, самый большой скалистый остров (115 кв. миль) в группе Марианских островов, представляет собой важнейшее звено в американской стратегической цепи, протянувшейся через Тихий океан от Западного побережья Америки к Восточной Азии. Этот остров находится на близком расстоянии от крупнейших торговых и политических центров Восточной Азии.

Если принять во внимание, что радиус действия современного военного флота вдали от своих баз определяется в 2000—2500 миль, легко себе представить, какую огромную роль мог бы сыграть Гуам в обороне не только американских владений, но и английских доминионов и колоний.

Между тем нынешнее положение Гуама далеко не отвечает его значению. Гуам находится в кольце укрепленных японских островных владений (так называемые Мандатные острова). Обороноспособность Гуама крайне низка. В 1939 г. на острове было всего 15 пятидюймовых орудий, 4 гидроплана и американский гарнизон в составе 570 солдат и моряков под командованием 11 офицеров. В начале 1939 г. морское министерство США внесло в конгресс законопроект, один из пунктов которого предусматривал небольшие кредиты для улучшения гавани Гуама. Однако этот пункт законопроекта был провален в конгрессе. Провал проекта укрепления Гуама был по-своему истолкован Японией. Японский морской публицист Масанори Ито выступил на страницах одного журнала [6] со статьей, в которой доказывал беззащитность Гуама в случае нападения японского флота, и предлагал уступить этот остров Японии по недорогой цене.

За последние годы усилилось японское проникновение и на Гавайские острова, являющиеся центральным звеном всей оборонительной системы США на Тихом океане. Эти острова, расположенные в 2 тыс. миль к западу от побережья Америки, издавна привлекали десятки тысяч японских «переселенцев». Особым вниманием со стороны

[1] Anderson W. H. «The Philipine Problem», p. 280. New Jork. 1939.
[2] Ibidem, p. 310.
[3] См. «Japan Advertiser» 18 March, 1939.
[4] Chamberlin W. H. «Japan over Asia», p. 162. London, 1938.
[5] Elliot G. «The Ramparts We Watch» (A study of the problem of American National Defence), p. 232. New Jork. 1939.
[6] «Nippon hyoron», May 1939.

японских «колонистов» пользуется остров Оаху, важнейший укрепленный пункт Гавайского архипелага. По данным переписи на 1 июля 1937 г., на Гавайских островах проживало 157 600 японцев, что составляет около 50% всего населения. Большинство мужского японского населения, проживающего на Гавайях, вполне пригодно к несению военной службы[1]. За последние годы из среды японских «переселенцев» все чаще раздаются голоса о том, что вслед за Филиппинами Америка должна предоставить «независимость» и Гавайским островам. Не исключено, что в случае войны между Японией и США стотысячный ударный кулак японских «колонистов», превосходно изучивших местность и руководимых опытными офицерами японского генштаба, может внезапно произвести диверсию и овладеть, хотя бы временно, важнейшими стратегическими пунктами архипелага.

Тихоокеанское побережье США также является объектом особого внимания со стороны японцев. В Америке, главным образом в Западных штатах, проживает в настоящее время свыше 150 тыс. японцев. Японские «переселенцы и рыбаки» проявляют особый интерес к военно-морским базам и укрепленным районам США в Пюджет Саунде, Сан-Франциско, Сан-Диего, Лос-Анжелосе и зоне Панамского канала. В Колоне и Панаме — городах, прилегающих к зоне Панамского канала,— японские колонии являются самыми многочисленными.

Усиленным темпом идет японское проникновение в Южную Америку. В одной только Бразилии в настоящее время проживает свыше 450 тыс. японцев. Япония пользуется влиянием в Перу и Сальвадоре, причем Сальвадор был первым государством, признавшим независимость Манчжоу-Го.

Усилилось экономическое проникновение Японии и в Мексику. Весьма показательно, что уже в конце 1937 г. японская нефтяная фирма «Компания Веракрунпанья» с капиталом в 15 млн. американских долларов получила крупные нефтяные концессии на перешейке Туантепек, где ежегодно будет буриться до 20 скважин. В недалеком будущем японцы намерены приступить к строительству нефтепровода через перешеек от Атлантического к Тихому океану. До окончания постройки нефтепровода японцы намерены транспортировать нефть через Панамский канал.

Таким образом, нынешняя война в Европе и в Китае и усиление японской экспансии в бассейне Тихого океана с неизбежностью ведут к дальнейшему обострению империалистических противоречий вообще и японо-американских в частности. «Речь идет уже не о конкуренции на рынках, не о торговой войне, не о демпинге. Эти средства борьбы давно уже признаны недостаточными. Речь идет теперь о новом переделе мира, сфер влияния, колоний путем военных действий»[2].

В своем докладе на II конгрессе Коминтерна в 1920 г. Ленин указывал, что «...Япония имела возможность грабить восточные, азиатские страны, но она никакой самостоятельной силы финансовой и военной без поддержки другой страны иметь не может»[3].

Эта исключительно четкая и исчерпывающая ленинская характеристика Японии сохраняет свою силу и в настоящее время. Для того чтобы вести сейчас длительную войну, воюющее государство должно прежде всего располагать современной, высокоразвитой промышленностью, в особенности металлургической и машиностроительной, и обширными источниками отечественного сырья и т. д. Между тем общеизвестно, что Япония не принадлежит к числу таких государств.

Возникает вопрос: каким образом при общей слабости экономической и финансовой базы Япония оказалась в состоянии вести в течение трех лет опустошительную войну против китайского народа, мобилизовав для этого миллионную армию? Конечно, готовясь к этой войне, Япония сумела за период 1934—1937 гг. накопить примерно годичные запасы важнейшего стратегического сырья и некоторые запасы золота. Но это — не главное и не решающее. Политика «невмешательства» позволила Японии воевать три года. Государственные деятели США с опасением взирают на безудержную экспансию японского империализма в Восточной Азии и нередко открыто осуждают захватническую политику японской военщины. Наряду с этим они ничего или почти ничего не предпринимают для того, чтобы прекратить продажу Японии вооружений и особенно стратегического сырья и заставить ее мерами экономического давления прекратить грабительскую войну против интересов США.

Даже буржуазная печать вынуждена была признать, что ход военных действий в Китае и даже самый исход войны в значительной мере определялись отношением лондонской и ньюйоркской бирж к нынешней японской экспансии в Восточной Азии. Так например буржуазная американская газета «Нью-Йорк таймс» писала, что наряду с Китаем «Лондон и Нью-Йорк являются тем полем битвы, где решается исход нынешней войны на азиатском континенте»[4].

С самого начала японского вторжения в Китай выяснилось с достаточной очевидностью, что известная часть промышленников и финансистов США косвенным и прямым образом поддерживала войну Японии против китайского народа.

Закон о нейтралитете, принятый конгрессом США в 1937 г., не препятствовал экспорту американских военных ма-

---

[1] Газета «Japan Advertiser» от 15 мая 1940 г. сообщает, что значительная часть японцев, являющихся гражданами США, ежегодно выезжает на время в Японию из Америки и Гавайских островов для отбывания воинской повинности в японской армии.

[2] Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 567. 11-е изд.

[3] Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 340.

[4] «New Jork Times» от 8 марта 1938 года.

териалов в Японию. В то же время США присоединились к блокаде республиканской Испании на основе так называемой политики невмешательства.

Обладая довольно развитой военной промышленностью, Япония заинтересована в импорте стратегического сырья для своей военной промышленности больше чем в импорте готового вооружения. Между тем американский закон о нейтралитете до осени 1939 г. регулировал только экспорт оружия и боеприпасов. Что касается стратегического сырья, играющего в современной войне не меньшую роль чем вооружения, то вывоз его из Америки мог производиться совершенно беспрепятственно.

Разумеется, такой оборот дела не мог не отразиться на ходе национально-освободительной борьбы китайского народа против японской военщины. Издающийся в США журнал «Анналс» писал в 1938 г.: «Из всех экономических факторов имеется один, который Китай никак не мог предвидеть. Китайский народ не мог предполагать, что Америка станет помогать Японии в этой войне. Соединенные штаты отправляют в Японию больше стратегического сырья чем во все остальные страны мира» [1].

Действительно, в области снабжения Японии важнейшим стратегическим сырьем Америка занимала и занимает решающее место.

Накануне вторжения в Китай Япония располагала запасом нефти в количестве 20 млн. баррелей, что приблизительно равняется годовой потребности ее флота и армии в мирное время. Однако уже на третьем месяце войны Япония вынуждена была значительно увеличить закупку нефти в США. По официальным данным американской статистики, опубликованным в журнале «Фар Истерн Сэрвэй», в 1937 г. Япония импортировала из США 35 млн. баррелей нефти, т. е. почти вдвое больше годового запаса мирного времени.

Аналогичную картину можно было наблюдать и в области экспорта американской стали и железа в Японию. Подготавливая войну против китайского народа, Япония приступила в начале 1937 г. к огромным закупкам железной руды и лома заграницей. Американские экономисты не без основания считают, что в области специальных сталей, машиностроения и автомобилей Япония почти целиком зависит от Детройта и Питтсбурга.

Примерно такая же картина и в автомобильной промышленности. Незадолго до начала войны в Китае японцы пытались вытеснить иностранный капитал из этой области промышленности («Дженерал моторс» и «Форд»). Однако война скоро показала, что качество японских автомашин стоит на чрезвычайно низком уровне. В условиях бездорожья японские автомобили быстро ломаются и выходят из строя. Пришлось примириться и с «Фордом» и с «Дженерал моторс», которые и являются сейчас главными поставщиками автотранспорта в Японию и организаторами ее автопромышленности.

Существенную помощь оказали Японии крупнейшие авиационные фирмы США. Япония сейчас организует у себя серийное производство самолетов, главным образом по американским образцам, а пока это производство еще не было налажено, она покупала готовую продукцию в США. В 1937—1938 гг. Япония была самым крупным покупателем американских самолетов. Американские самолеты составляли основное ядро военной и гражданской авиации Японии.

О размерах американских поставок Японии весьма красноречиво свидетельствуют также цифры вывоза золота из Японии в США. Только за один 1937 г. Япония вывезла в США золота на сумму 246,5 млн. долларов. Всего за три года войны в Китае Япония вывезла в США золота на сумму приблизительно 700 млн. американских долларов.

Сведения за 1939 г. и первую половину 1940 г. говорят о том, что экспорт стратегического сырья из США в Японию нисколько не уменьшился по сравнению с 1938 годом.

Характерной особенностью японского импорта из США за годы войны в Китае является резкое увеличение ввоза станков и оборудования для реорганизации отдельных отраслей военной промышленности, в первую очередь авиационной. Американская помощь японской авиопромышленности заключается не только в продаже самолетов и станков, но и в техническом руководстве.

Что касается экспорта в Японию американского вооружения, то данные статистики далеко не отражают действительного положения вещей, поскольку значительная часть вооружений экспортировалась в Японию частными фирмами безо всяких лицензий государственного департамента США. Так например, несмотря на то что в 1939 г. японцам не было выдано ни одной лицензии на вывоз вооружения из США, японцы все же импортировали из Америки за первый квартал 1939 г. вооружений на сумму 176 890 долларов [2].

Орган деловых кругов США «Нью-Йорк джорнал оф коммерс» на протяжении всей войны в Китае вел кампанию за оказание финансовой помощи Японии. Главный редактор этого журнала Дж. Боген писал следующее: «Нынешние огромные закупки Японией различных товаров и, в частности, нефти произвели благоприятное впечатление на непосредственно заинтересованные отрасли промышленности США. Эти отрасли промышленности проявили огромную готовность рассматривать создавшуюся ситуацию с точки зрения японских интересов, однако всеобщее негодование по поводу действий Японии было настолько сильно в США, что вплоть до настоящего времени наши финансисты и промышленники избегали делать какие-либо публичные заявления относительно своей позиции в этом вопросе, хотя, конечно, они были крайне заинтересованы в

[1] «The Annals». October 1938.

[2] «New York Times», 14 May 1939.

том, чтобы правительство США повременило с введением закона о нейтралитете» [1].

Ни для кого не составляет тайны, что в деле снабжения Японии стратегическим сырьем главную роль играли и продолжают играть крупнейшие концерны США: американский Стальной трест («Америкен стилл корпорейшен»), нефтяной синдикат Рокфеллера («Стандарт Ойль»), автомобильные заводы Форда и заводы компании Моргана («Дженерал моторс»), авиационная фирма Дуглас Эйркрафт, Международная корпорация машиностроения (во главе которой стоит небезызвестный японофил Томас Ватсон) и др. [2].

Об отношении американских магнатов финансового капитала к японскому вторжению в Китай весьма красноречиво говорит статья видного политического деятеля Японии Ичиро Хатояма, опубликованная им в журнале «Чуо Корон». Автор пишет, что при приезде в США он отправился прямо к американским финансистам Ламонту (компаньону Моргана) и Штраусу (директору банковской корпорации «Кун и Леб», финансировавшей Японию еще во время русско-японской войны). Американские финансисты откровенно заявили ему, что они сочувствуют Японии и готовы оказывать ей финансовую поддержку, но при том условии, что у государственного руля Японии будут находиться люди, пользующиеся доверием нью-йоркских и лондонских банкиров. Господа Ламонт и Штраус довели до сведения Хатояма, что «убийство японскими офицерами министра финансов Такахаси произвело на американских банкиров более удручающее впечатление чем бомбардировка и потопление японцами в 1937 г. американского судна «Пэней» [3].

Таким образом, опыт войны в Китае показал, что в своей захватнической политике в Китае японский империализм пользовался огромными экономическими ресурсами США. Чем объяснить столь широкую экономическую помощь Японии со стороны американских стальных и нефтяных королей? Причины этого явления кроются не только в обычной погоне за прибылями и стремлении нажиться на войне. В основе этой политики лежит стремление американских империалистов к разжиганию войны с целью ослабления Японии и Китая, с тем чтобы потом продиктовать им свои условия. Но решающую роль здесь играет боязнь американской буржуазии, что военное поражение Японии приведет к усилению позиций СССР на Дальнем Востоке и к возрождению Китая, исключающему империалистическое хозяйничанье. Кроме того следует иметь в виду недостаточную военную мощь США, отсутствие сильной армии и фактическое равенство (несмотря на формальное преобладание) американского флота с японским. Стратегические позиции США на Дальнем Востоке не могут идти ни в какое сравнение с позициями Японии.

Все эти соображения в совокупности определяют своеобразную политику США на Дальнем Востоке.

С самого начала войны в Китае американская буржуазия заняла позицию «нейтралитета» и «невмешательства». «Американская буржуазия пальцем не шевельнула, когда Япония напала на Китай. Мало того, она является фактически главным военным поставщиком японского империализма. Под флагом нейтралитета американские империалисты разжигают войну на Дальнем Востоке, чтобы обессилить Японию и Китай, а затем, опираясь на свою мощь, продиктовать воюющим странам свои условия и упрочиться в Китае» [4].

Этой позиции американского империализма целиком соответствовали и практические шаги США по отношению к национально-освободительной войне китайского народа. На словах американские государственные деятели и печать осуждали захватническую политику Японии и поощряли Китай к сопротивлению, на деле, как это мы видели выше, капиталисты США помогали Японии вести войну против Китая. Что касается материальной помощи Китаю со стороны США, то она не идет ни в какое сравнение с поддержкой, оказываемой Японии.

Помощь Китаю со стороны Америки была настолько незначительной, что, естественно, напрашивается вывод о незаинтересованности американского империализма в победе китайского народа. Даже беглое знакомство с фактами подтверждает этот вывод.

Реальная помощь Китаю со стороны США за истекшие три года войны (1937—1940) выразилась в небольших займах, в сумме 50 млн. долларов, предоставленных в 1939 и в 1940 гг., и в косвенной поддержке китайской валюты путем закупок серебра казначейством США. Что касается экспорта в Китай из США оружия, самолетов и стратегического сырья, то размеры его по сравнению с экспортом в Японию совершенно ничтожны. Так например, по данным государственного департамента США, в 1939 г. всего было выдано лицензий на вывоз оружия на сумму 204 млн. долларов, из них на долю Китая приходилось всего 5 млн. долларов.

Экспорт в Китай из США в 1937 г. оценивался в 49,7 млн. долларов, а в 1938 г.— в 34,7 миллиона.

Америка всячески стремилась избежать каких-либо серьезных осложнений с Японией. В частности американская печать не без оснований утверждала, что экспорт оружия в Японию в 1937 г. происходил при из-

---

[1] «Oriental Economist», September 1937.

[2] Заслуживают внимания также и другие формы финансирования войны американской валютой. Так например, в то время как американцам, проживающим в Японии и Манчжурии, запрещается сейчас переводить валюту заграницу, японцы, проживающие в США, ежегодно переводят в Японию свыше 20 млн. долларов («Amerasia», June 1939, p. 174).

[3] «Chuo Koron», March 1938, p. 164, 174.

[4] Г. Димитров «Коммунистический Интернационал» № 8—9 за 1939 г., стр. 25.

вестном попустительстве со стороны морского и военного ведомств США.

Американские империалисты были заинтересованы не только в том, чтобы разжигать войну на Дальнем Востоке, но и в том, чтобы поддерживать военное производство частных фирм на должном уровне в мирных условиях. Экспорт оружия заграницу давал возможность частным военным заводам расширять свое призводство и поддерживать прибыли на высоком уровне. Это обеспечивало в случае необходимости быстрое развертывание военной промышленности Америки и своевременное выполнение заказов военного и морского ведомств США при осуществлении широкой программы вооружений.

Все это говорит о том, что в Америке имеются влиятельные круги, заинтересованные в ослаблении, но не в военном поражении Японии. Для настроения этих кругов чрезвычайно показательны выступления участников конференций американского Института тихоокеанских сношений, имевших место в марте — мае 1938 года. В этих конференциях, проходивших в ряде городов США: Кембридже, Сан-Франциско, Клермонте, Чикаго, Ольдербруке, Гонолулу и др.,— участвовало свыше 300 человек. Большинство участников конференций в своих речах высказалось за желательность победы Китая, но при условии, чтобы эта победа не сопровождалась полным поражением Японии и ее чрезмерным ослаблением.

Эти круги считали и продолжают считать, что США не должны закрывать Японии пути для «почетного» отступления и переговоров с ними. Не случайно нота США Японии от 31 декабря 1938 г. содержит в себе специальный пункт, предоставляющий Японии право выдвинуть приемлемые предложения в качестве базы для предстоящих переговоров.

Американский журнал «Нью рипаблик» по поводу этой ноты писал: «Хотя эта нота и названа последней, тем не менее она ни в коем случае не является ультиматумом. Если Япония пожелает когда-либо вступить в переговоры для того, чтобы внести изменения в те договоры, которые она сама же нарушила, и притом захочет пригласить других участников этих договоров для обсуждения вместе с ней всех вопросов, Америка будет участвовать в такой конференции. Подобная возможность в будущем вовсе не исключена. Эта конференция может иметь место также в том случае, если Япония обнаружит, что умиротворение Китая является для нее слишком дорогостоящей затеей. и потому захочет пойти на соглашение. Наконец, Америка будет участвовать в конференции также и в том случае, если Япония и СССР окажутся втянутыми в войну друг с другом» [1].

Таким образом, некоторые круги в США все еще мечтают о войне между Японией и СССР и не отказались от надежды сторговаться с японскими империалистами. Эти круги стараются найти пути к компромиссу с Токио за счет Китая, используя для этого экономические и финансовые затруднения Японии.

Если американские капиталисты не заинтересованы в победе Китая и поражении японского империализма, а стремятся лишь ослабить воюющие страны с тем, чтобы потом продиктовать им свои условия, то симпатии значительной части американского народа на стороне китайского народа.

В июне 1939 г. конгрессу США была представлена петиция, под которой подписались 4 млн. человек, требующая запрещения экспорта американских военных материалов в Японию. Это, несомненно, свидетельствует о росте симпатий американского народа к национально-освободительной борьбе китайского народа. В этом отношении чрезвычайно показательно, что движение за оказание помощи Китаю дает себя знать не только в Восточных штатах Америки, но и в тех штатах, которые всегда были оплотом реакции (Миннезота, Висконсин, Иова, Канзас, Небраска, Миссури, Дакота). Даже реакционный по своему составу сенат штата Орегон принял резолюцию, требующую от федерального правительства прекращения экспорта стратегического сырья в Японию. Одновременно увеличилось количество забастовок американских грузчиков, протестующих против отправки военных материалов в Японию. Такие забастовки имели место в 1938—1939 гг. в Сан-Франциско, Портланде, Сиэттле, Биллингеме, Лонг-Биче и других крупных портовых городах США. Усилился и бойкот японских товаров.

В 1939—1940 гг. борьба американского народа против помощи японским империалистам стала тесно переплетаться с борьбой против экспорта американского стратегического сырья и вооружений воюющим странам Европы. Наиболее дальновидные американцы хорошо понимают, что отмена эмбарго (запрещения) на вывоз из США оружия и пересмотр закона о нейтралитете в конце 1939 г. ведут лишь к дальнейшему разжиганию империалистической войны и усиливают опасность вовлечения Америки в эту войну. Поэтому борьба вокруг «нейтралитета» США была и остается важнейшим вопросом, имеющим непосредственное отношение к судьбам мира и войны.

Наличие у известной части господствующих классов США тенденции к сговору с Японией и широкая помощь, оказываемая японцам американскими капиталистами, вовсе не означают, что под напором японской экспансии Америка без боя сдаст свои позиции на Дальнем Востоке. Американский империализм не может и не хочет примириться с установлением японской гегемонии в западной части Великого океана. Американские империалисты стараются обеспечить себе роль «третьего радующегося» и выжидают времени, когда они смогут вмешаться и продиктовать свои условия Японии. Основания для таких предположений имеются.

Даже те органы японской печати, которые никак нельзя заподозрить в пораженческих настроениях, весьма пессимистиче-

[1] «New Republic», 11 January 1939.

ски оценивали положение Японии к концу третьего года войны. Так например газета «Кокумин» 1 декабря 1939 г. писала: «Премьер Абэ недавно заявил, что разрешение китайского инцидента представляет собою исключительно серьезную и трудную задачу. Он обратил внимание всей страны на то, что разрешение этой проблемы потребует много внимания и что ликвидация китайского вопроса не может быть достигнута ни простым прекращением военных действий, ни установлением нового центрального правительства в Китае, ни даже свержением режима Чан Кай-ши. Премьер также указал, что в настоящее время национальный долг Японии настолько велик, что для выплаты одних только процентов потребуется весьма продолжительное время. Абэ дал понять, что японский народ должен быть готов нести тяжесть всех этих невзгод в течение многих лет. Однако народное терпение и его способность переносить лишения имеют определенные границы. Правительство должно установить какую-то конечную цель с тем, чтобы народ видел то, к чему следует стремиться. Народ не может жить постоянно так, как он живет сейчас. Нынешнюю обстановку можно сравнить с бегом на длинную дистанцию без конечной цели. При таком положении даже выдающиеся чемпионы неизбежно должны выбиться из сил».

Америка пристально следила за тем, как в Японии за три года войны сменилось четыре правительства, оказавшиеся не в состоянии установить «какую-то конечную цель». В Вашингтоне внимательно наблюдали за тем, как постепенно замедляется бег теряющего силы «выдающегося чемпиона». Для американского империализма не могло остаться незамеченным и то, что китайский «инцидент» основательно опустошил сейфы японского банка, подорвал внешнюю торговлю страны и крайне неблагоприятно отразился на платежном балансе и важнейших отраслях промышленности и сельского хозяйства Японии.

Все эти факторы, несомненно, оказали известное влияние на дальнейшее направление дальневосточной политики США.

В мае 1939 г. правительство США активно противодействовало попыткам японского командования захватить иностранную концессию в Гулансу. В ответ на высадку в Гулансу японского десанта американцы направили туда свои войска. Летом того же года Америка встретила в штыки предложение японцев о пересмотре статута шанхайского муниципалитета в интересах Японии.

Наконец, 26 июля 1939 г. правительство США известило Японию о расторжении японо-американского договора о торговле и мореплавании от 1911 года.

Денонсируя японо-американский торговый договор, правительство США стремилось оказать давление на Японию, используя сильную экономическую зависимость последней от Америки.

Бездоговорные отношения и угроза эмбарго на экспорт американского стратегического сырья, вооружений и станков в Японию создали, по словам газеты «Джапан таймс», беспрецедентный кризис в японо-американских отношениях. Как указывалось выше, экономическая зависимость Японии от США была достаточно велика (54% общего импорта стратегического сырья) еще до начала второй империалистической войны в Европе. С возникновением европейской войны эта зависимость еще больше усилилась. Газета «Мияко» от 24 ноября 1939 г. писала: «Одной из причин беспокойства, испытываемого нашей страной в связи с ухудшением японо-американских отношений, является огромная экономическая зависимость Японии от США». Орган американских банкиров «Уолл-стрит джорнал» сообщает, что после начала войны в Европе импорт Японии из США увеличился на 25%.

Японские заказы нефтяным, металлургическим и машиностроительным фирмам Америки увеличиваются с каждым днем за счет Европы. В связи с развалом стерлингового блока и включением Японии в долларовый блок усилилась и финансовая зависимость Японии от США.

Цитированный нами выше «Уолл-стрит джорнал» писал в этой связи следующее: «Решение японского правительства о присоединении иены к доллару, а не к фунту стерлингов в известной мере объясняется тем, что Япония намерена усилить свои закупки в США. Отсюда необходимость ориентации на устойчивую валюту с большой покупательной способностью»[1].

Таким образом, Нью-Йорк, а не Лондон стал расчетной конторой всех торговых и финансовых сделок Японии заграницей. Этим еще раз подчеркивается слабость иены и сильная финансовая зависимость Японии от крупнейших империалистических держав и в первую очередь от США. Не удивительно поэтому, что расторжение Америкой торгового договора вызвало тревогу и замешательство в правительственных и деловых кругах Японии. Отсутствие торгового договора дает право правительству США наложить дополнительные пошлины на японские товары, что может крайне неблагоприятно отразиться на японском экспорте в США и создать большие трудности для японского торгового судоходства на Тихом океане. Кроме того, согласно иммиграционным законам США, все японские подданные, проживающие в США, при отсутствии нового договора могут оставаться там только в течение одного года и после истечения этого срока обязаны покинуть страну. Нетрудно представить себе, что будет означать эмбарго для торговой и прочей деятельности японцев в США. Не случайно поэтому видный государственный деятель Японии Сотомацу Като заявил в Пекине 13 декабря 1939 г. буквально следующее: «Если мы не собираемся навсегда похоронить свои тщательно разработанные планы промыш-

[1] «The Wall Street Journal», 25 October 1939.

ленного развития Японии и ее колоний, то наше правительство должно приложить все усилия к скорейшему заключению торгового договора с Америкой»[1].

Отказ американского империализма признать «новый порядок» в Восточной Азии и обострение японо-американских отношений нашли свое яркое выражение и в речи посла США в Токио Джозефа Грю, произнесенной им 14 октября 1939 года. В своей речи, санкционированной правительством США, Грю недвусмысленно заявил, что Америка не хочет примириться с планами установления японского владычества в Китае и требует себе «места под солнцем». Он подчеркнул, что основой дальневосточной политики США попрежнему остается принцип «открытых дверей» и равных возможностей для американского империализма в деле эксплоатации дальневосточных стран и прежде всего Китая. Экономическое и дипломатическое давление на Японию со стороны США сопровождается и подкрепляется также военным нажимом.

Обострению японо-американских отношений в период японо-китайской войны 1937—1940 гг. сопутствовала небывалая гонка морских вооружений в США. В начале 1938 г. конгресс США утвердил новый закон, так называемый закон Винсона. Закон Винсона предусматривал увеличение на 25% норм военно-морского флота по сравнению с нормами, ранее установленными вашингтонским соглашением того времени. В связи с войной в Европе и обострением положения на Тихом океане конгресс США не один раз увеличивал ассигнования на вооружения.

В официальной декларации от 11 февраля 1938 г. говорится, что основами морской политики США являются защита берегов США со стороны Тихого океана и Атлантики, оборона Панамского канала, Аляски и Гавайи и, наконец, защита «наших островных владений, а также торговли и жизни американских граждан заграницей». Последняя часть формулы свидетельствует о том, что американский флот, видимо, не предполагает ограничить свои функции пассивной обороной восточного сектора Тихого океана.

Известные изменения в стратегии США вынуждено было признать и японское морское министерство, представитель которого адмирал Нодо заявил следующее: «Если Америка будет проводить объявленное увеличение тоннажа и калибра орудий своего морского флота, то это означает полный отказ от прежней морской политики США и перенос американской линии обороны в западную часть Тихого океана. До настоящего времени морская политика Америки определялась защитой американского побережья и зоны Панамского канала посредством оборонительных мероприятий. В противоположность этому нынешняя позиция США, определяемая стремлением сохранить соотношение флотов 5 : 5 : 3, с точки зрения Японии является совершенно необоснованной и может означать лишь выдвижение стратегического морского фронта. Всякая угроза для западной части Тихого океана должна рассматриваться как угроза Японии»[2].

Заслуживают внимания также отпущенные уже в 1939—1940 гг. крупные американские ассигнования для сооружения военно-морских баз на тихоокеанских островных владениях США. В Уналяске, Кодиаке, Уэйк и Мидуэй сооружаются базы подводных лодок и гидропланов; в Ситке, Сиэттле, Джонстоне, Пальмире и Кантоне — базы гидропланов.

Гонка вооружений в США, несомненно, свидетельствует о стремлении Америки не допустить паритета с Японией в области морских вооружений. Мероприятия морского и военного ведомств США на Тихом океане в конце 1939 и в 1940 г. не оставляют ни малейшего сомнения в том, что острие их направлено против Японии. В 1940 г. в районе Гавайских островов были организованы грандиозные маневры американского флота и сухопутных войск. Еще в октябре 1939 г. из Америки в Манилу (Филиппины) было переброшено шесть новейших подводных лодок[3]. В ноябре 1939 г. все старые миноносцы азиатской эскадры США, базирующейся на Манилу, были заменены новыми. Совещание американского командования и дипломатов на Филиппинах в конце 1939 г. говорит о том, насколько серьезной стала обстановка на Тихом океане.

Лихорадочными темпами идет укрепление других островных владений США на Тихом океане. 12 октября 1939 г. из Калифорнии на Гавайские острова были переброшены 200 самолетов и 4 батальона морской пехоты, вооруженных большим количеством 5-дюймовых зенитных орудий. В начале 1940 г. из Нового Орлеана в Гонолулу переведены были крупные доки военно-морского ведомства США. По сообщениям иностранной печати, из 110 устаревших миноносцев времен мировой войны 57 сейчас модернизированы и в начале 1940 г. покинули доки Сан-Франциско и Сан-Диего, взяв курс на Гонолулу.

Конечно, все эти военные мероприятия США отнюдь еще не означают, что американские и японские империалисты готовы немедленно вцепиться друг другу в горло. Факты последнего времени едва ли подтверждают это. Как известно, после истечения срока действия японо-американского торгового договора в январе 1940 г. правительство США не ввело и, видимо, не собирается вводить эмбарго на японские товары. Следовательно, отсутствие торгового договора почти не отразилось на японо-американской торговле. В связи с расширением империалистической войны в Европе в Америке почти совсем перестали обсуждать вопрос о введении эмбарго на японские товары. Осторожная политика США в отношении Японии объясняется весьма просто: расторгая торговый дого-

[1] «Trans-Pacific», 21 December 1939.

[2] «Berliner Börsen-Zeitung», 7 April 1938.

[3] «Japan Advertiser», 24. November 1939.

вор с Японией в июле 1939 г., т. е. до того, как началась империалистическая война в Европе, Америка, безусловно, рассчитывала, что этот шаг будет в какой-то мере поддержан Англией и Францией, интересы которых оказались под серьезной угрозой вследствие японского вторжения в Китай.

Без сотрудничества Англии и Франции одни только экономические репрессии Америки не достигли бы цели. Между тем сейчас активное сотрудничество Англии, не говоря уже о Франции, против Японии исключено.

Вторая империалистическая война в Европе, как и мировая война 1914—1918 гг., привела к изоляции США на Тихом океане. Американский империализм остался без союзников, хотя бы и сомнительных. Без экономического и военного сотрудничества Англии США вряд ли смогут в настоящее время бросить открытый вызов японскому империализму.

В военном отношении Америка несмотря на большие приготовления также еще не готова к войне с Японией. Морской флот США еще далек от подавляющего превосходства над флотом Японии, а большой перевес сил является необходимой предпосылкой для ведения широких наступательных операций в противоположной части Тихого океана, за многие тысячи миль от баз.

США все еще не закончили сооружения морских баз в западной части Тихого океана, что не позволяет пока что американскому флоту предпринять нападение на японские коммуникации к западу от Гавайских островов.

Кроме того за последнее время война в Европе, видимо, заняла центральное место во внешней политике США, отодвинув дальневосточные вопросы на второй план. Глубокие англо-американские противоречия вовсе не исключают возможности вступления США в войну на стороне Англии. Спасая Англию от разгрома, американский империализм тем самым не только спасает свои обширные капиталовложения в Британской империи, но и поддерживает устои всей капиталистической системы в целом.

Ленин не раз подчеркивал возможность компромисса, сговора между вчерашними соперниками: «Конечно, вполне возможно и мы не должны забывать того, что группировки между империалистскими державами, как бы прочны они ни казались, могут быть в несколько дней опрокинуты, если того требуют интересы священной частной собственности, священные права на концессии и т. п.» [1].

Экономическая и дипломатическая поддержка, оказываемая США Англии, при известных условиях неизбежно вовлечет США в европейскую войну. Совершенно естественно, что в этих условиях США едва ли пойдут на риск одновременной войны и в Европе и на Тихом океане.

Некоторые американские ученые и публицисты считают, что в конечном счете исход империалистической борьбы за бассейн Тихого океана будет определен исходом нынешней войны в Европе. Американские империалисты надеются, что им, как и в прошлой войне, удастся повторить вашингтонскую конференцию и продиктовать ослабевшим Японии и Китаю свои условия. Отсюда утверждения, что ключ к тихоокеанской проблеме находится сейчас в Европе, или, как иногда говорят, лежит на дне Ла-Манша. Отсюда стремление Англии и США к сохранению статус-кво в Голландской Индии до окончания войны в Европе.

Используя сильное экономическое истощение Японии, являющееся результатом трехлетней бесперспективной войны в Китае, англо-американские империалисты стараются всеми мерами удержать своего японского конкурента от «преждевременного» передела голландского «наследства». Насколько эти попытки будут успешны, зависит от дальнейшего хода европейской войны, а также от хода национально-освободительной войны китайского народа — войны, которая может опрокинуть все расчеты империалистов.

Последние мероприятия правительства США, установившего лицензионную систему на вывоз нефти из США, ставят Японию в довольно трудное положение. Эти мероприятия не могут не обострить существующие противоречия между США и Японией.

---

[1] Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 5.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

ФРАНЦУЗСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ XVIII ВЕКА *

VII. Директория

27 октября 1795 г. начался так называемый период Директории, закончившийся падением республики после переворота 18 брюмера 1799 года.

Некоторые современники — «историки» Директории,— «пытавшиеся осмыслить» события, свидетелями которых они были, и дать исторический очерк этого периода, очень часто вопреки фактам приукрашивали действительность, рисовали «расцвет» Франции в условиях Директории и благотворность ее внешней политики. К числу таких историков относится Анри[1], работа которого является не столько историей, сколько апологией правительства Директории.

Другой современник Директории — умеренный республиканец Фантэн-Дезодур[2] — дал несколько иную, более правдоподобную картину событий. В предисловии к своему труду он писал, что «тело его принадлежит тиранам, сердце — республике, а перо — истине». Он рисует широкую картину внутренней и внешней политики Директории.

После падения Директории историческая наука в течение долгих лет уделяла этому периоду относительно мало внимания. Даже в солидных общих работах по истории Французской революции событиям 1795—1799 гг. уделялось мало внимания.

Интерес историков к периоду Директории пробуждается с установлением Второй империи во Франции. Гамель, по убеждениям буржуазный демократ, одну из своих работ посвятил периоду Директории и Консульства[3]. Его интересовал главным образом вопрос о судьбах республики на этих этапах революции. Сопоставляя эти два периода, он отдает предпочтение периоду Директории, которую в противоположность Консульству он считает своего рода образцом республиканского правления.

Красочно, но поверхностно описывается история Директории в трехтомной работе Мишле «История XIX века»[4], написанной после падения Второй империи. Вся эта работа значительно слабее его большого труда по истории Французской революции: на ней сказалось поправение Мишле после 1871 г. под влиянием событий Парижской коммуны. В своей работе о Директории Мишле проявляет резко отрицательное, даже враждебное отношение к левым политическим группировкам в революции и к плебейским методам борьбы.

Серьезное изучение истории Директории для широких кругов историков стало возможным после того, как были собраны и изданы необходимые материалы и документы. Соответствующие публикации были начаты Рокеном, издавшим сборник документов Директории и первого года Консульства, куда вошли отчеты и доклады членов Государственного совета (conseillers d'État), обследовавших внутреннее положение Франции в этот период[5]. Позднее появилась документация, характеризующая отдельные стороны деятельности Директории.

Работа Лакруа[6] о Директории, Консульстве и Империи заслуживает внимания лишь благодаря имеющимся в ней редким иллюстрациям, современным революции. Отмеченная уже работа Девиля «Thermidor et Directoire»[7] — одно из лучших исследований об этом периоде.

Реакционный историк Пьер[8] свою большую работу посвящает террору в период Директории. Он рассматривает

---

* Окончание. См. №№ 4—5, 6 и 7 журнала «Историк-марксист» за 1940 год.

[1] Henry F. F. «Histoire du Directoire exécutif de la république française». Paris, s. a. Vol. I. 445 p.; vol. II. 532 p.

[2] Fantin-Des-Odoars A. «Histoire de la république française». Paris, an VI (1798). Vol. I. 377 p., vol. II. 414 p.

[3] Hamel E. «Histoire de la république française pendant le Directoire et sous le Consulat». Paris. 1879. 568 p.

[4] Michelet J. «Histoire du XIX-e siècle. T. I. Directoire origine de Bonaparte». Paris. 1872; Мишле «История XIX века. Директория. Т. I. Происхождение Бонапарта». Перевод с французского. СПБ. 1882. 361 стр.

[5] Rocquain F. «L'État de la France au 18 brumaire d'après les rapports des conseillers d'Etat». Paris. 1874. 425 p.

[6] Lacroix «Directoire, Consulat et Empire». Paris. 1883. 56 p.

[7] См. «Историк-марксист» № 7 за 1940 год, стр. 133.

[8] Pierre Y. «La Terreur sous le Directoire». Paris. 1887. 48 p.

террор в этот период как продолжение «якобинского террора». В центре внимания Пьера стоят репрессии Директории против эмигрантов и клерикалов. Материалом для него служили документы парижского и провинциальных архивов, а также многочисленные воспоминания «пострадавших». Работа Пьера может служить лишним доказательством того, что отнюдь не отвращением к террору вызван термидорианский переворот, как это утверждали термидорианцы.

В живой форме написан очерк Франции периода Директории современным реакционным французским историком Мадленом[1], который характеризует Директорию как режим новой буржуазии, пришедший на смену термидорианской реакции. Мадлен и в этой работе не удержался от обычных для него злобных выпадов против якобинцев.

Мадлену принадлежит одна из последних вышедших во Франции книг о Директории и возвышении Наполеона[2]. Эта богато документированная книга — вторая из большой серии намеченных Мадленом работ по истории Консульства и Империи. Опираясь на материалы Матьеза, Дегерена и других, Мадлен дает картину ранней деятельности Наполеона. Первая часть этой работы доведена до 18 фрюктидора, а вторая, посвященная главным образом египетскому походу,— до 18 брюмера 1789 года.

Той же темы касается в своей работе Вандаль[3]. В первом томе Вандаль говорит о возвышении Бонапарта в результате политического кризиса правительства Директории. В живой форме он рассказывает о политической карьере Наполеона, изображает стоявшие перед ним трудности, рисует отдельные моменты его борьбы за власть. Вандаль со своей умеренно-либеральной точки зрения порицает «якобинскую тиранию» и деспотизм Наполеона.

Самой обширной из современных работ о Директории является трехтомный труд Мейнье[4], богатый фактическим материалом и снабженный библиографией. Мейнье дает подробную картину судьбы Директории от момента ее зарождения до начала Консульства. По его мнению, учреждение Директории знаменовало собой победу республики над контрреволюцией и возможной реставрацией. Но политика Директории, в особенности систематическое преследование якобинцев, была не только реакционной, но и гибельной для республиканского режима. Обилие фактических данных придает большую ценность книге при всей спорности многих выводов автора.

Известный историк Матьез[5] рассматривает интересный вопрос о продажности политической прессы во времена Директории. Он приводит яркие примеры подкупа газетных писак, характеризует отдельные их произведения, написанные по указке правительственных кругов.

Из книг о внешней политике Директории следует отметить работу Бувье[6], в которой описывается итальянский поход Бонапарта. Он считает, что поход имел прогрессивное значение для Италии и огромное значение для будущего самого Наполеона. Ценность книги увеличивает большое приложение с перечнем спорных проблем темы, а также сведениями о составе итальянской армии и указателем литературы вопроса.

Работа Гашо[7] об известном итальянском походе знаменитого русского полководца Суворова снабжена фотографиями, картами и планами. Автор пытался дополнить, а частично и опровергнуть ранее выходившие работы на эту тему, опираясь на большой архивный материал разных стран и свои наблюдения над местами сражений. Несмотря на кажущееся стремление к объективности в работе явственно чувствуется французский националист.

Из трудов о контрреволюционных выступлениях во времена Директории следует отметить книгу радикального французского историка Шассена[8], автора ряда работ о раннем периоде Французской революции. В своей книге, основанной на документальном материале, Шассен рассматривает вопрос об усмирении клерикально-роялистских восстаний на западе Франции с 1794 по 1815 год. Он ставит себе целью опровержение легенд, созданных вокруг этих восстаний реакционными историками. В первом томе Шассен сообщает об отдельных экспедициях, до Киберонской включительно; во втором — он говорит об экспедиции Гоша; в третьем томе останавливается на подавлении отдельных вспышек восстаний времени конца Директории, Консульства и Империи.

Лявинь[9] — буржуазный республиканец — в своей книге рассказывает о роялистском восстании в Верхней Гаронне в 1799 году. Работа его, касающаяся одного из значительных и малоизученных моментов классовой борьбы в эпоху Французской революции, основана на архивных материалах, часто цитируемых им в тексте книги.

---

[1] Madelain L. «La France du Directoire». Paris. 1922. 291 p.

[2] Madelain L. «L'ascension de Bonaparte». Paris. 1937. 392 p.

[3] Vandal A. «L'avènement de Bonaparte». Vol. I. «La genèse de Consulat brumaire». Paris. 1910. 486 p.

[4] Meynier «Les coups d'État du Directoire». Paris. 1927—1928. 3 vols.

[5] Mathiez A. «Le bureau politique du Directoire. Notes et documents». «Revue historique». 1903. T. 81. Janvier—février, p. 52—70.

[6] Bouvier F. «Bonaparte en Italie 1796». Paris. 1899. 745 p.

[7] Gachot «Souvorov en Italie». Paris, 1903. 487 p.

[8] Chassin Ch. L. «Etudes documentaires sur la Révolution française. Les pacifications de l'Ouest (1794—1801)». Paris. 1896—1899. 3 vols.

[9] Lavigne B. «Histoire de l'insurrection royaliste de l'an VII». Paris. 1887. 450 p.

Малье дю Пан[1] — современник революции, один из влиятельнейших публицистов реакционного направления — в своей корреспонденции выступает как «консультант» ряда монархических династий в их борьбе с революционной Францией. Об этом говорит том его политической переписки с австрийским двором, снабженный восторженным предисловием известного реакционного историка Тэна, и та часть его корреспонденции, которая послужила Декосту[2] материалом для книги об отношении Европы и Америки к событиям и действующим лицам Французской революции.

Работа Лебона[3] о контрреволюционной деятельности Wickham-а, английского агента во Франции и Швейцарии в 1795—1799 гг., написана под общим руководством А. Сореля и снабжена его предисловием. Автором использованы некоторые редкие рукописные материалы: переписка и донесения Wickham-а и его коллеги Macartady и др.

Так называемыми «левыми» участниками термидорианского переворота, потом попавшими в опалу, написаны многочисленные субъективно окрашенные мемуары.

О личной и общественной жизни Сийеса, активного участника термидорианского переворота и члена правительства Директории, имеются работы Нетона[4] и Бижона, основанные на большом документальном материале архивов и библиотек. Цель авторов — уничтожить клеветническую, по их мнению, легенду о Сийесе и восстановить его действительный политический и психологический облик.

Лучшая из них—работа Бижона[5] о Сийесе, человеке и политическом деятеле. В ней показана роль Сийеса — философа, писателя, законодателя и администратора — на протяжении всей Французской революции.

Из 12 частей мемуаров Талейрана представляют особый интерес первые 3, состоящие из автобиографических очерков, рисующих жизнь Талейрана со дня рождения (в 1754 г.) до 1781 г. и с 1791 по 1808 год. Эти части мемуаров Талейрана особенно пострадали при позднейшей редакции и благодаря частичной подтасовке материала в период Реставрации[6].

Наиболее детальная, четырехтомная биография Талейрана принадлежит Лякур-Гайе[7], который на основании многочисленных документов, приводимых им в тексте, пытается осветить события политической и личной жизни Талейрана.

Для биографии Карно[8], государственного и военного деятеля эпохи Французской революции, известного «организатора победы», о котором Энгельс писал: «когда в истории было видано, чтобы честный человек умудрился удержаться наверху, несмотря на термидор, фруктидор, брюмер, что, однако, удалось Карно»[9],—основным источником служит двухтомный труд его сына Ипполита, дающий кроме того ценный материал для характеристики основных событий революционной эпохи.

VIII. Бабеф и заговор равных

Известный труд Буонароти[10], участника «Заговора равных», друга и соратника Бабефа, до сих пор является ценнейшим источником по истории раннего, «уравнительного коммунизма». Однако работа эта, по понятным причинам, лишена критического анализа учения Бабефа.

Собрание документов[11], в котором помещены списки участников «Заговора равных», обращения к народу и разные заметки, найденные полицией у Бабефа во время его ареста, является важным материалом для изучения истории бабувистов и их организационных планов.

Стенографический отчет процесса участников «Заговора равных»[12] дает материал для анализа учения Бабефа и для характеристики его последователей.

Работа Адвиля[13], излагающая историю «Заговора равных», носит историко-биографический характер. Первая ее часть содержит биографию Бабефа, вторая часть состоит из документальных материалов; в основном, это переписка Бабефа и его выступление на процессе; документы представляют большой интерес.

---

[1] «Correspondance inédite de Mallet du Pan avec la cour de Vienne (1794—1798)» Paris. 1884. 2 vols.

[2] Descostes F. «La Révolution française, vue de l'étranger (1784—1799)». Paris. 1897. 555 p.

[3] Lebon «L'Angleterre et l'emigration française de 1794 à 1800». Paris. 1882. 875 p.

[4] Neton A. «Sieyès (1748—1836)». Paris. 1901. 460 p.

[5] Bigeon A. «Sieyès l'homme — le constituant». Paris. 1893. 235 p.

[6] «Mémoires du prince de Talleyrand, publiés avec une préface et des notes par le duc de Broglie». Paris. 1891 — 1892. 5, vols.

[7] Lacourt-Gayet G. «Talleyrand 1754—1836». Paris. 1930.

[8] Carnot H. «Mémoires sur Carnot par son fils». Paris. 1861, Vol, I, VI + 591 p.; Vol. II, VII + 640 p.

[9] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VIII, стр. 452.

[10] Buonarroti Ph. «Conspiration pour l'égalité, dite de Babeuf, suivie du procès, auquel elle donne lieu, et des pièces, justificatives». Bruxelles. 1828. 2 vols.

[11] «Copies pièces saisies dans le local que Babeuf occupait lors de son arrestation». Paris, an V (1797). 2 vols.

[12] «Débats du procès instruit par la Haute-Cour de Justice contre Drouet, Babeuf et autres», recueillis par des sténographes. Paris. 1796. 4 vols.

[13] Advielle V. «Histoire de Gracchous Babeuf et du babouvisme d'après de nombreux documents inédits». Paris. 1884. 2 vols.

О Бабефе и его заговоре есть две работы Щеголева[1]. На одной из них сказалось сильное влияние так называемой «русской исторической школы», что выразилось в буржуазной, идеалистической трактовке взглядов Бабефа. Для этой в общем популярной и довольно поверхностной работы автор частично использовал бабувистские газеты «Journal de la liberté de la presse» и «Tribune du peuple», а также отдельные работы Бабефа.

Вторая работа Щеголева о Бабефе[2] несколько лучше. В ней дана биография вождя «Заговора равных», характеризуется его политическая роль во время термидорианской реакции, излагаются его социальные взгляды. Книга иллюстрирована и содержит перечень источников.

В живо написанном очерке Бессан-Массенэ[3] в художественной форме рисуются образы и описывается деятельность ряда бабувистов. Центральная фигура в книге — предатель, капитан Гризель, выдавший заговорщиков, в частности самого Бабефа. В очерке рассказывается о работе бабувистов в армии. Читается он легко и с интересом, но научного значения не имеет, а в ряде случаев дает неверное представление о «Заговоре равных» и его вождях.

В брошюре Доманже[4], являющейся компиляцией, «Заговор равных» рассматривается как провозвестник Парижской коммуны и Великой Октябрьской социалистической революции. В брошюре рассказывается о структуре бабувистской организации, рассматриваются методы ее пропаганды (через бабувистскую периодику, брошюрную литературу, песню), показывается работа бабувистов в армии. Однако, пытаясь проанализировать причины неудачи заговора, автор приходит к неправильным выводам: видит причины поражения организации Бабефа только в ограниченности материальных средств и недостаточности конспирации.

Материалы о взглядах и деятельности Бабефа и его сторонников собраны в небольшой книге Альбера Тома[5]. Расположены материалы в хронологическом порядке. В первой части помещены выдержки из переписки Бабефа, относящейся к 1785—1790 гг., в которой Бабефом дано изложение теории равенства, основанной на философских и политических принципах «просветителей» XVIII века. Во второй части содержатся статьи из газеты Бабефа, написанные в 1782—1795 годах. Третья часть посвящена «Заговору равных», в ней собраны наиболее известные документы, характеризующие деятельность бабувистов и их вождя в 1796 году.

В вышедшей недавно работе Вальтера[6] о Бабефе описываются многочисленные эпизоды из жизни Бабефа, содержится анализ основных его трудов и руководимых им журналов, описывается политическая борьба бабувистов и их организация, раскрываются приемы их пропаганды, рассказывается о процессе участников «Заговора равных».

IX. Влияние Французской революции на другие страны

Наиболее общую картину социально-экономической жизни основных европейских стран во время Французской революции дает Жорес[7] в своей книге о политических и социальных идеях Европы конца XVIII века. Он характеризует хозяйственное состояние и культуру этих стран, говорит о революционизирующем влиянии Французской революции на европейские страны.

Подробный обзор влияния Французской революции на внешнюю политику европейских государств дан в уже рассмотренной нами работе Сореля «L'Europe et la Révolution française»[8].

Влияние Французской революции на отдельные страны показано в ряде работ. Так, в книжке проф. Парижского университета Гомана[9] о влиянии Франции на Россию с допетровских времен и до начала XX века, в одной из глав, раскрывается отношение русского двора, а также реакционных и прогрессивных кругов русского общества к Французской революции XVIII века. Автор считает период революции и наполеоновской империи моментом наибольшего французского влияния в России. Подчеркнутая французская ориентация автора и поверхностность изложения снижают ценность его книги, в сущности, лишь затрагивающей эту до сих пор малоразработанную тему.

В статье Преснова[10] дается краткий обзор политики России в XVIII в. по отношению к Французской буржуазной революции. Автор стремился показать роль царской России как жандарма Европы.

---

[1] Щеголев П. «Заговор Бабефа». Л. [1927]. 205 + 1 стр.

[2] Щеголев П. «Гракх Бабеф». М. 1933. 155 стр. (Жизнь замечательных людей).

[3] Bessand-Massenet P. «Babeuf et le parti communiste en 1796». Paris. [1926]. 121 p. (Récits d'autrefois).

[4] Dommanget M. «La structure et les méthodes de la conjuration des Égaux». «Annales révolutionnaires». 1922, № 3, p. 177—196; № 4, p. 281—297.

[5] Тома А. «Бабеф. Учение равных». СПБ. 1907. 87 стр.

[6] Walter G. «Babeuf (1760—1797) et la conjuration des égaux». Paris. 1937. 262 p. (Bibliothèque historique).

[7] Жорес Ж. «Политические и социальные идеи Европы и революция». 1907. 494 стр.

[8] См. «Историк-марксист» № 4—5 за 1940 год, стр. 116.

[9] Haumant E. «La culture française en Russie (1700—1900)». Paris. 1910. 571 p.

[10] Преснов А. «Царская Россия и Французская буржуазная революция 1789 г.». «Исторический журнал» за 1937 г., № 2, стр. 60—70.

Тема книги Броуна[1] — революционизирующее влияние Французской революции на общественную и культурную жизнь Англии. Автор отмечает факты влияния революции на общественное мнение страны, на положение рабочего класса, на памфлетную и художественную литературу Англии. В отдельных главах дана характеристика реакционного движения в Англии, направленного против Французской революции.

Из книг о влиянии Французской революции на политическую мысль Германии имеют значение работы англичанина Гоча и француза Шюке. В книге Гоча[2] о влиянии Французской революции на Германию в идеологическом и политическом отношениях особенно подробно рассматривается влияние идей революции на немецкую литературу (от Клопштока и его школы до Шиллера, Гете и романтиков), философию (Кант, Фихте, Гегель) и политическую мысль (Шенц В., Гумбольдт и др.). В политическом отношении Гоч различает две стороны влияния революции на Германию: разрушительную, вызвавшую ломку старых отношений в Германии, и позитивную, приведшую к политическому обновлению Германии и особенно Пруссии. Признавая благотворной политическую трансформацию Германии, осуществленную, по его словам, «быстро и более безболезненно чем во Франции», Гоч держится реакционных взглядов на «крайности» Французской революции.

Среди ряда исторических этюдов, принадлежащих Шюке[3], имеется несколько характеристик европейских деятелей времен Французской революции. В духе умеренного республиканца автор рисует образы немецких революционеров: Форстера — немецкого писателя, близкого к якобинцам; Адама Люкса — активного сторонника жирондистов, и, наконец, известного поэта Клопштока, начавшего с горячего принятия революции и пришедшего к решительному ее отрицанию под влиянием страха перед якобинской диктатурой.

Пиренн[4] — один из крупнейших современных буржуазных историков консервативного направления — часть шестого тома своей «Истории Бельгии» отвел влиянию Французской революции и Наполеона I на судьбы этой страны. Начав с победы Франции над коалицией реакционных держав в 1792 г., в результате которой Австрия уступила Бельгию французскому революционному народу, Пиренн доводит изложение событий до революции 1830 г. и провозглашения независимости Бельгии.

На ту же тему написана монография консервативным бельгийским патриотом Ферхегеном[5], в ней говорится о втором завоевании Бельгии в 1794 г. и о захватнических тенденциях термидорианского Конвента, осуществившего это завоевание. Автор отмечает хищения, производившиеся в Бельгии французской армией и французской администрацией; подчеркивает отрицательное отношение бельгийского населения к завоевателям, вызывавшееся, по его мнению, борьбой французского правительства с популярной тогда в Бельгии католической церковью.

В работе, основанной на материалах архива французского министерства иностранных дел, французский историк Легран[6] пытается дать объективное изложение событий, связанных с кратковременным господством послетермидорианской Франции над Голландией. В центре внимания автора Батавская республика (в которую были превращены Нидерланды). Легран правильно расценивает захватнические тенденции термидорианского Конвента, Директории и Консульства, но эта оценка продиктована его отрицательным отношением к революции. Отдавая должное отдельным благотворным проявлениям французского владычества в Голландии, Легран считает восстановление монархии в Голландии основой ее последующего прогресса.

В книге о «Римской республике» и французском господстве в Италии в 1798—1799 г.[7] этот период изображается как период победы якобинских принципов, к которым автор подходит с реакционной оценкой.

Работа Саньяка[8], богато документированная и снабженная библиографией и картой, посвящена истории французских владений на Рейне во время революции и империи, в ней решительно подчеркивается положительное влияние французской оккупации, выразившееся в ликвидации феодального режима, в установлении гражданского равенства и в проведении ряда экономически прогрессивных мероприятий.

---

[1] Brown Ph. «The french revolution in English history». New-York. 1924. 232 p.

[2] Goch G. P. «Germany and the French Revolution». London. 1927. 534 p. (с предметным указателем).

[3] Chuquet A. «Etudes d'histoire». Paris. 1903—1914. 2 vols.

[4] Pirenne H. «Histoire de Belgique». Vol. VI (1792—1830). Bruxelles. 1927. 477 p.

[5] Verhaegen P. «La Belgique sous la domination française 1792—1814» T. I. «La conquête 1792—1795». Bruxelles — Paris, s. a. 66 p.

[6] Legrand L. «La Révolution française en Hollande. La république batave». 2-me éd. Paris. 1895. 395 p.

[7] Dufourcq A. «Le régime jacobin en Italie. Etude sur la république romaine 1798—1799». Paris. 1900. 576 p.

[8] Sagnac Ph. «Le Rhin français pendant la Révolution et l'Empire». Paris. 1817. 391 p. (Bibliothèque d'histoire contemporaine).

Государственная публичная историческая библиотека (составила Р. Инглези при ближайшем участии проф. Ф. Ф. Козлова)

О БИБЛИОГРАФИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. В. СТАЛИНА

До самого последнего времени не было опубликованной библиографии произведений И. В. Сталина, что крайне затрудняло работу по изучению богатейшего вклада товарища Сталина в теорию марксизма-ленинизма и историю ВКП(б).

Только в декабре 1939 г., к 60-летию товарища Сталина, библиографии его произведений появились в следующих журналах:

1) «Пролетарская революция» № 4 за 1939 г.; библиография, составленная Институтом Маркса — Энгельса — Ленина [1].

2) «Книга и пролетарская революция» № 12 за 1939 г.; библиография, составленная сотрудниками Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина: М. Деруновой, М Лозоватской, Е. Петровской и др.,— под ред. Г. Литвин-Молотова.

3) «Исторический журнал» № 1 за 1940 г.; библиография, составленная А. Гуревич.

«Перечень выступлений и статей товарища Сталина», опубликованный в «Историческом журнале», весьма не полон, непонятно, чем руководился составитель, помещая или не помещая в этом перечне ту или другую работу И. В. Сталина.

Библиографический указатель работ товарища Сталина, составленный сотрудниками Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, заключает в себе только работы периода 1904—1939 гг.; составители оговариваются, что «указатель не является исчерпывающим, так как нахождение материалов по различным источникам и их обработка полностью еще не закончены».

Наиболее полной следует признать библиографию, составленную Институтом Маркса — Энгельса — Ленина, но и «она включает только о с н о в н ы е п р о и з в е д е н и я [2], статьи, речи, письма, телеграммы, приветствия товарища Сталина», как то указывается во введении. Ряд работ товарища Сталина в эту библиографию не попал.

Например в библиографии ИМЭЛ не указана статья И. В. Сталина «III-й с ъ е з д п е р е д с у д о м к а в к а з с к и х м е н ь ш е в и к о в», опубликованная в газете «Пролетариатис брдзола» № 9 за июль 1905 года. Эта статья И. В. Сталина, выступившего с ленинской непримиримостью против кавказских меньшевиков, была перепечатана В. И. Лениным со своим послесловием в № 14 «Пролетария».

Не нашел места в библиографическом указателе ИМЭЛ и ряд других статей товарища Сталина этого периода: из № 9 «Пролетариатис брдзола» статья «В р е м е н н о е р е в о л ю ц и о н н о е п р а в и т е л ь с т в о и н а ш а т а к т и к а», в которой И. В. Сталин, указав на необходимость участия социал-демократов во Временном революционном правительстве, критиковал установки меньшевиков, выступавших против участия во Временном революционном правительстве. Эта статья полностью совпала со взглядами В. И. Ленина, высказанными им в «Двух тактиках социал-демократии в демократической революции».

Нет в нем статей из № 11 «Пролетариатис брдзола» от 15 августа 1905 г.— «Ц а р с к и й м а н и ф е с т и н а р о д н а я р е в о л ю ц и я», «В р е м е н н о е р е в о л ю ц и о н н о е п р а в и т е л ь с т в о и с о ц и а л - д е м о к р а т и я»; из № 12 «Пролетариатис брдзола» — «Б у р ж у а з и я с т а в и т л о в у ш к у»; из № 1 газеты «Чвени цховреба» — статьи «Н ы н е ш н е е п о л о ж е н и е», подводившей итоги выборам в Государственную думу, и из № 11 этой же газеты — статьи «И з б и р а т е л ь н а я б о р ь б а в П е т е р б у р г е и м е н ь ш е в и к и».

О принадлежности этих статей перу товарища Сталина имеются указания в журнале тбилисского филиала ИМЭЛ «Пролетарули революциа» № 1 за 1939 г. (издается на грузинском языке).

Пропущено в библиографии ИМЭЛ и «В ы с т у п л е н и е т о в а р и щ а С т а л и н а н а р а б о ч е м м и т и н г е в д е н ь о б ъ я в л е н и я м а н и ф е с т а 17 о к т я б р я 1905 г.», выдержки которого приведены в книге Л. П. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», стр. 84, 4-е изд., и р е з о л ю ц и я о Государственной думе, предложенная Лениным, Зиминым, Вороновым, И в а н о в и ч е м (И. В. С т а л и н ы м), Емельяновым на I конференции РСДРП в Таммерфорсе 25—30 (12—17) декабря 1905 года [3].

---

[1] Перепечатана в №№ 2 и 3 журнала «Партийное строительство» за 1940 год.

[2] Разрядка моя.— *Н. А.*

[3] См. «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. 1-я, стр. 60. 1936.

Нет указания на принадлежность перу И. В. Сталина прокламации «Товарищи» об итогах августовской забастовки на Закавказской железной дороге 1900 г., выпущенной тифлисской социал-демократической группой; прокламации «Хвала Вам, убитые за правду...», изданной по поводу расстрела батумской демонстрации 1902 г. и цитируемой тов. Ем. Ярославским в своей работе[1]; прокламации по поводу армяно-турецкой резни, напечатанной Кавказским союзным комитетом в ноябре 1904 г.; прокламации «Граждане» о необходимости приобретения оружия для вооруженного восстания и о сборе денег на вооружение за подписью Тифлисского комитета Кавказского союза РСДРП; а также «Извещения об общероссийских конференциях большинства и меньшинства», брошюры, изданной Кавказским союзным комитетом РСДРП в январе 1906 года.

Под рубрикой 1906 г. не указана статья И. В. Сталина «Несколько слов о Тифлисском профессиональном союзе приказчика», опубликованная в газете «Ахали дроеба» № 3 от 27 ноября 1906 г.[2]; не указана также статья «В чем ошибки т. Бродяги», напечатанная в газете «Ахали цховреба» 2 июля 1906 г., о ней говорит тов. Ф. Махарадзе в своей статье «Первые печатные труды товарища Сталина»[3].

Под рубрикой 1907 г. не названы статьи И. В. Сталина, помещенные в газете «Гудок» № 2 от 22 августа 1907 г.—«Среди с.-д.» и в № 5 от 14 октября 1907 г.—«Некролог Ханлару», а также листовка, написанная И. В. Сталиным в связи с убийством тов. Ханлара, и Наказ депутатам 3-й Государственной думы, о которых как о принадлежащих перу товарища Сталина говорит тов. Ем. Ярославский[4].

Опущена статья И. В. Сталина «Кадетская опасность и избирательные соглашения», указываемая тов. Ф. Махарадзе и опубликованная в газете «Бакинский пролетарий» № 2 за 1907 год.

Под рубрикой 1908 г. нет статей, о которых тов. Ф. Махарадзе говорит так же, как о принадлежащих И. В. Сталину: «Еще о совещаниях с гарантиями» («Гудок» № 17 за 1908 г.), «Перед выборами» («Гудок» № 14 за 1908 г.), «Классовая борьба и экономический террор» («Бакинский пролетарий» от 15 мая 1908 г.).

Тов. Ем. Ярославский указывает на статью «Поворот в тактике нефтепромышленников» в газете «Гудок» № 22 от 9 марта 1908 г. как на принадлежащую перу И. В. Сталина.

Нет в библиографии ИМЭЛ указания на принадлежность товарищу Сталину «Извещения о штабе самообороны при бакинском комитете» от 5 марта 1908 года.

Под рубрикой за 1910 г. не приводится «Письмо из Кавказа» (продолжение) от 20 декабря, подписанное К. Стефан; оно опубликовано в фотокопии в альбоме «Сталин». Госполитиздат. 1939.

Нет никаких указаний в библиографии ИМЭЛ на статьи И. В. Сталина в газетах «Кавказский рабочий листок» и «Елисаветпольский вестник» за 1905 г., хотя Л. П. Берия в работе «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», стр. 58, говорит, что в этих газетах был напечатан ряд руководящих статей товарища Сталина.

Не названа ни одна статья И. В. Сталина из газеты «Пролетариатис брдзолис пурцели» за 1904—1905 г., о чем имеется также указание в работе Л. Берия.

Нет указаний и на статьи И. В. Сталина, опубликованные в газете «Брдзола». О том, что в этой газете есть статьи И. В. Сталина, говорится и у тов. Л. Берия и у тов. Ем. Ярославского в цитированных выше работах, а также в статье научного сотрудника тбилисского филиала ИМЭЛ тов. З. Гегешидзе «Брдзола» — первая нелегальная большевистская газета в Грузии», напечатанной в № 12 «Библиографического бюллетеня марксистско-ленинской литературы» за 1939 год.

Не названа в указателе ни одна статья И. В. Сталина из газеты «Бакинский рабочий» за 1908 г.; в №№ 1 и 2 последней был помещен ряд статей И. В. Сталина, о чем сообщает тов. Л. П. Берия на стр. 48 своей книги.

Нет указаний на статьи И. В. Сталина в газете «Тифлисский пролетарий» за 1910 г., за исключением передовицы в № 1, а между тем научный сотрудник тбилисского филиала ИМЭЛ тов. И. Никонов говорит, что в этой газете был помещен и еще ряд статей, написанных товарищем Сталиным[5].

А. Самарцев (Шитиков), бывший редактор-издатель бакинской газеты «Гудок» 1907 г., в своих воспоминаниях, опубликованных в газете «Советская торговля», в номере от 23 декабря 1939 г., сообщает, что И. В. Сталин был не только идейным руководителем газеты «Гудок», но и помещал в ней свои статьи за подписями «Коба», «Като» или «Ко...», а передовые— и без подписи. В библиографии ИМЭЛ не указана ни одна из передовых газеты «Гудок» как принадлежащая перу И. В. Сталина.

Под рубрикой 1912 г. в библиографии ИМЭЛ не находим статей И. В. Сталина, написанных им для газеты «Правда», как

---

[1] См. Ярославский Ем. «О товарище Сталине», стр. 23. 1939, а также в книге «Батумская демонстрация 1902 г.».

[2] См. журнал «Вопросы профдвижения» № 3 за 1937 г., стр. 46.

[3] «Книга и пролетарская революция» № 12 за 1939 г., стр. 40.

[4] Ярославский Ем. «О товарище Сталине», стр. 51—52.

[5] См. Никонов И. «Тифлисский пролетарий» в «Библиографическом бюллетене марксистско-ленинской литературы» № 12 за 1939 год.

то: «Казусное дело» из № 58 от 6 июля 1912 г. за подписью «К. С.»; «Рабочие и «Правда» из № 103 от 29 августа за подписью «Ст.».

Не нашел себе места в библиографическом указателе ИМЭЛ ряд статей и выступлений И. В. Сталина 1917 г., как то:

«Об отмене национальных ограничений» — «Правда» № 17 от 25 марта 1917 г., за подписью «К. Сталин», перепечатана в газете «Волна», органе Гельсингфорсского комитета РСДРП, № 9 от 9 апреля 1917 года;

«О совещании в Мариинском дворце» — «Правда» № 40 от 25 апреля 1917 г., перепечатана в газете «Голос Правды», органе Кронштадтского комитета РСДРП, № 34 от 26 апреля 1917 г. и в книге И. В. Сталина «На путях к Октябрю», стр. 17—20;

«Временное правительство требует присяги» — «Правда» № 41 от 26 апреля 1917 г., подпись «К. С.»;

«Исправление ошибки» — «Правда» № 49 от 5 мая 1917 г., за подписью «И. Сталин»;

«Торжество контр-революции»—газета «Пролетарское дело» (Кронштадт) № 5 от 19 июля 1917 г., подпись «К. Ст.»;

«Заявление от имени большевистской фракции ВЦИК'а, оглашенное на заседании ВЦИК от 22 июня 1917 г.»,— «Правда» № 89 от 23 июня 1917 года;

Извлечение из доклада о политической деятельности ЦК за май, июнь, июль — «события 3—4—5 июля», газета «Рабочий и солдат» № 7 от 17 июля и № 14 от 26 июля 1917 года;

«В чем наша сила?» — газета «Рабочий и солдат» № 1 от 23 июля 1917 года, без подписи;

«Что случилось?» — газета «Рабочий и солдат» № 1 от 23 июля 1917 года, без подписи[1];

«Выступление И. В. Сталина на заседании ЦК РСДРП 20 октября 1917 г. по поводу письма Ленина в ЦК по вопросу о штрейкбрехерстве Зиновьева и Каменева», помещено в «Протоколах ЦК РСДРП», стр. 127—128. Протокол № 27. 1939;

«Окружили мя тельцы многи тучны» — из газеты «Рабочий путь» № 41 от 20 октября 1917 г., без подписи, перепечатана в книге И. В. Сталина «На путях к Октябрю», стр. 211—214;

«Выступление на заседании ЦК РСДРП 29 ноября 1917 г.», помещено в «Протоколах ЦК РСДРП», стр. 128. Протокол № 33. 1939;

«Заявление по поводу заметки в г. «Петроградский голос» № 1, «Сколько их?» — из «Правды» № 203 от 1 декабря и № 205 от 3 декабря 1917 г., из «Известий» № 241 от 1 декабря 1917 г., за подписью «Джугашвили-Сталин»;

«К чему приводит саботаж чиновников» — из «Правды» № 209 от 8 декабря 1917 г., за подписью «К. С.»;

«Украинская буржуазия и контр-революция» из «Известий» № 246 от 8 декабря 1917 г., за подписью «И. Джугашвили-Сталин».

Не имея возможности более подробно перечислить другие работы И. В. Сталина, пропущенные ИМЭЛ, выразим пожелание, чтобы последний в дальнейшем дал более полную библиографию, что, безусловно, облегчит также и подготовку полного собрания сочинений величайшего человека нашей эпохи — И. В. Сталина, потребность в чем давно назрела; издание собрания сочинений будут приветствовать трудящиеся всего мира.

[1] О принадлежности статей «В чем наша сила?» и «Что случилось?» перу И. В. Сталина см. «Правда». Полный текст. Вып. V, стр. 1—2 и 2—3. М. 1929.

Ник. Анисимов

ОТЧЕТ

об обсуждении 2-й части учебника для вузов по «Новой истории» в Московском ордена Ленина государственном университете имени М. В. Ломоносова

15 апреля, 15 мая и 20 июня 1940 г. кафедра новой истории истфака МГУ обсуждала 2-ю часть учебника «Новой истории» для вузов.

На заседании кафедры, кроме профессорско-преподавательского состава, присутствовали аспиранты и студенты истфака, а также научные работники из других вузов и научных учреждений.

С сообщением от имени коллектива авторов и редакторов выступил проф. В. М. Хвостов, который обстоятельно рассказал о работе над учебником. Он начал свое сообщение с вопроса о методической структуре 2-й части учебника «Новой истории» и отметил, что существует два типа учебных пособий: 1) развернутые университетские курсы вроде известных курсов Ключевского, Кареева, М. Н. Покровского и т. д. и 2) сжатые компендиумы, содержащие конспективное изложение основных фактов.

Проф. Хвостов сказал, что обсуждаемая, 2-я часть учебника «Новой истории», несомненно, принадлежит ко второму типу. Сжатый характер учебника был заранее предрешен ограничением его размеров. Впрочем, советскому вузу и нужен именно сжатый учебник. Последний не должен подменять и делать излишним лекционный курс. «Изучать историю студенты будут на лекциях и в семинарах,— говорит Хвостов,— по учебнику они будут в основном повторять изученное». Останавливаясь на трудностях, стоявших перед авторским и редакторским коллективом 2-й части учебника «Новой истории», докладчик отмечает, что монографическая разработка исторических проблем периода с 1870 г. до 1918 г. недостаточна как в буржуазной, так и в советской историографии.

Зато чрезвычайно облегчило работу авторского коллектива наличие для этого периода огромного количества высказываний классиков марксизма-ленинизма. Кроме того авторы 2-й части учебника имели возможность использовать «Краткий курс истории ВКП(б)», что также весьма облегчило их работу.

Хронологические рамки книги определены в соответствии с замечаниями товарищей Сталина, Жданова и Кирова на конспект учебника «Новой истории». Во 2-й части учебника «Новой истории» принято деление всего рассматриваемого периода всемирной истории на более мелкие отрезки времени на основе указаний В. И. Ленина в его работах «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Исторические судьбы марксизма» и «Август Бебель». Это время примерно от 1870 до 1903—1904 гг., затем от 1903—1904 гг. до 1914 г. и, наконец, от 1914 до 1918 года. Впрочем, эти грани варьируются в учебнике для различных стран по-разному.

Значительные трудности авторы испытывали при разработке того периода, когда империализм только еще складывался; при этом у авторов возникало довольно много спорных проблем. Немало затруднений было при составлении истории малых стран Европы, потому что у нас очень мало специалистов по истории таких стран, как Скандинавия, Голландия, Швейцария и т. д. Авторам учебника приходилось составлять соответствующие очерки на основе довольно поверхностных компилятивных работ, не всегда высокого качества, имеющихся об этих странах, на английском, французском или немецком языках. Необходимо заметить, что по этой причине главы о малых странах носят характер кратких исторических справок. Едва ли удастся изжить этот существенный недочет и во 2-м издании учебника.

Проф. Хвостов главы в учебнике по истории Испании также характеризует как не вполне удовлетворительные. Их основной недочет — отсутствие четкой характеристики аграрного строя, вследствие чего вообще затрудняется понимание истории Испании.

Особенно велики были трудности при подготовке разделов по истории Италии и Австро-Венгрии вследствие необходимости сверхсжатого изложения, так как места в учебнике для этих стран было отведено очень мало по сравнению с Францией, Англией или Германией, а история этих стран не менее богата событиями чем трех последних.

Большое место в учебнике отведено истории первой мировой империалистической войны. Сделано это было потому, что один день войны, с точки зрения всемирноисторической, значил куда больше чем десяти-

летие мирного развития любой из малых европейских стран. Автору этих глав может быть поставлен упрек в том смысле, что в них не вполне пропорционально излагается материал. Например благодаря подробному изложению хода битв и военно-стратегических планов воюющих стран пострадала внутренняя история основных стран, участвовавших в войне. Во 2-м издании необходима радикальная переработка этого материала. В частности этот раздел придется несколько сократить.

Касаясь вопроса о 2-м издании учебника, проф. Хвостов подчеркнул, что считает необходимым усилить изложение истории идей в учебнике. Он признал, что этим вопросам в учебнике было отведено мало места и внимания. Однако необходимо заметить, что редакция и впредь не намерена вводить в учебник главы по истории культуры. Проф. Хвостов считает, что идеологии в учебнике должны затрагиваться «в плоскости политического влияния». Что же касается развернутого изложения истории литературы, философии и т. п., то для этой цели должны существовать отдельные учебные пособия и курсы, так как это требует серьезного, самостоятельного и глубокого изложения, что в данном учебнике «Новой истории» невозможно дать по недостатку места.

Проф. Хвостов признал, что историографии в учебнике нет, но она желательна. Трудность вопроса в том, что проблемы историографии, за исключением отдельных вопросов, мало разработаны. Во 2-м издании учебника, по мнению В. М. Хвостова, возможно включение историографических обзоров лишь по отдельным вопросам: по рабочему движению, по внешней политике, по эволюции политического строя Англии и т. д.

Проф. Хвостов сказал, что редакция 2-й части учебника «Новой истории» намерена во 2-м издании ввести «аннотированную библиографию», «ввиде связного текстового изложения» о литературе, как русской, так и иностранной.

В прениях аспирант Борисовский сделал несколько замечаний по главам XVIII и XIX 2-й части учебника «Новой истории». Затем он отметил, что восстанию 26 августа 1914 г. — крупнейшему эпизоду борьбы ирландского народа за свою национальную независимость — в учебнике отведено буквально три строчки. Кроме того это важное событие датировано июнем, а фактически оно было в июле. В главе XXIX о международных отношениях накануне первой мировой империалистической войны параграф о сараевском убийстве изложен так, что напрашивается вывод, якобы в развязывании войны повинен лишь германский империализм. Роль же Англии и Франции в этом отношении затенена. Тов. Борисовский со ссылками на высказывания Ленина и на дипломатические документы доказывает, что империалистическая Англия играла провокационную роль в развязывании войны и что Англия и Франция в своей внешней политике были весьма агрессивны, а между тем это недостаточно отражено в учебнике.

Студент Зак отметил, что учебник «написан в общем хорошо», но содержит ряд мелких недочетов, как например несоответствие кое-где между заголовками и содержанием. Кроме того он считает, что характеристики политическим деятелям даны слишком сжато, а в главе о мировой войне имеются противоречия в вопросе о том, что предопределило исход войны: битва на Марне или затяжной характер позиционной борьбы?

Доцент тов. Эггерт, присоединяясь к положительной оценке 2-й части учебника «Новой истории», данной тов. Заком, указала на ряд недостатков, которые необходимо устранить в последующих изданиях. Тов. Эггерт считает, что нужно более равномерно распределить материал в учебнике, в частности она согласна с мнением проф. Хвостова, что во 2-м издании следует несколько сократить раздел о первой мировой войне. Наряду с этим она предлагает поднять вопрос о перераспределении листажа между учебниками *для вузов по древней*, средневековой и новой истории в пользу последней. Тов. Эггерт считает неправильным, что на учебник по древней истории дано 120 печатных листов, а на учебник новой истории — лишь 90 печатных листов.

Обращаясь непосредственно ко 2-й части учебника «Новой истории», тов. Эггерт отмечает, что истории США отведено крайне недостаточно места, во 2-м издании это нужно исправить. Характеристика социалистической партии США в учебнике не совсем четкая: прикрашена роль левого крыла этой партии. Слабо оттенен и тот момент, что Юджин Дебс часто оказывался игрушкой в руках оппортунистического крыла. По мнению тов. Эггерт, во 2-м издании необходимо дать аннотированную библиографию, как это сделано в учебнике средних веков.

Аспирант Денисов отметил, что главы по истории Германии произвели на него хорошее впечатление. Однако в ряде мест изложение страдает схематизмом, а также есть фактические ошибки. Так например на стр. 267, где говорится о восстании герреро и готтентотов в 1903 и 1904 гг., искажена историческая правда в смысле сроков начала, продолжительности восстания и характера участия в нем племен герреро и готтентотов. По мнению тов. Денисова, необходимо также уточнить изложение вопроса о голосовании германской социал-демократии против кредитов 1904 г. и 1906 года. На стр. 84 следовало бы подробнее объяснить причины коренного поворота Бисмарка в отношении колониальной политики в 80-х годах и, в частности, привести соответствующие цитаты из Ленина.

Преподаватель тов. Гуральский дал положительную оценку 2-й части учебника «Новой истории». Он считает, что «2-я часть учебника написана живо и интересно. Это полезная книга». Однако тов. Гуральский заявил, что к квалифицированному коллективу авторов,

составлявших учебник, советская общественность вправе предъявить очень высокие требования. Тов. Гуральский считает, что вопросу о роли идей и идейной борьбы в учебнике уделено «слишком мало внимания». Соответствующее указание товарища Сталина в IV главе «Краткого курса ВКП(б)» авторами учебника реализовано совершенно недостаточно. Следовало бы отвести гораздо больше места «критике старых идей», которые тормозят развитие общества; проследить борьбу партий «в вопросах философии и вообще в идеологии»; не игнорировать «сдвиги в области идеологии при характеристике перехода от одного этапа развития к другому».

Тов. Гуральский коснулся также вопроса о характеристиках в учебнике исторических деятелей. За исключением главы о войне, «в остальных разделах большинство характеристик исторических фигур мало продумано и не объяснено с марксистской точки зрения. Говоря по существу, повторяются характеристики, данные буржуазной литературой». Для примера тов. Гуральский указывает на характеристику Клемансо. Он считает, что не учтено далеко зашедшее англофильство Клемансо, его связи с буланжизмом, все его компрометирующее прошлое, в частности предательская роль в период Парижской коммуны. В учебнике Клемансо представлен искренним буржуазным демократом и страстным республиканцем, каким в действительности он никогда не был. Между тем об англофильстве Клемансо достаточно свидетельств у Ллойд-Джорджа и у Черчилля. Энгельс в своих письмах к Бебелю и Вильгельму Либкнехту неоднократно характеризовал Клемансо как человека, окончательно перешедшего на сторону буржуазии. Далее тов. Гуральский отмечает характеристику Раймонда Пуанкаре. Авторы учебника совершенно не использовали характеристику Пуанкаре, имеющуюся у Ленина, в которой о Пуанкаре говорится как о реваншисте и дельце, продающемся каждой партии и каждому богачу вне политики.

Вильгельм II в учебнике показан в духе немецкой либеральной историографии. Совершенно не отмечено то, что он был одержим идеей цезаризма и в своей политике проводил линию лавирования между классами. Неверна также характеристика Жореса. Отмечены его искренность и честность, но не показано влияние идей якобинства на Жореса, а также отрицательное влияние его установок на французское рабочее движение. Далее тов. Гуральский остановился на вопросе о роли Англии в истории. В учебнике, по его мнению, не раскрыта и не показана та специфически реакционная роль, которую Англия играла на всем протяжении мировой истории. Особенности развития Британской империи в период монополистического капитализма даны совершенно недостаточно. Вопрос о борьбе Англии за сохранение своего колониального могущества также выяснен недостаточно. Формально и схематично изложена подготовка первой мировой империалистической войны. Из текста учебника можно сделать вывод, что Англия и Франция оборонялись и агрессорами были лишь Германия и Австрия. Следовало бы более четко показать агрессивный характер Антанты.

В разделе о II интернационале и социал-демократии слабо раскрыт глубокий и исторически важный процесс — перерождение этих организаций из марксистских в парламентско-реформистские. Авторы и редакторы учебника ограничились цитатой из работы товарища Сталина о том, что у оппортунистов нет целостной революционной теории, а есть обрывки теории, отдельные противоречивые положения. Необходимо было наряду с этой важной цитатой на фактическом материале выявить роль рабочей аристократии, усиление мелкобуржуазной прослойки, беспринципную погоню за попутчиками на парламентских выборах и т. д. Слабо отмечены соотношения течений внутри германской социал-демократии, в частности «центра» и левых радикалов. Сухо и схематично даны левые радикалы. Хотелось бы, чтобы «люди, партия и борьба групп были даны в исторически живом изложении».

Тов. Гуральский говорит, что в главе о Парижской коммуне автор стремится все объяснить одними объективными причинами, автор не учитывает исторического опыта и революционных традиций народных масс Парижа. Вопрос о стихийном и сознательном в Коммуне следовало бы разработать глубже и, в частности, опереться в его анализе на высказывания Ленина в «Что делать?» Не упомянуто в этой главе о роли марксизма. Хотя движение было стихийным и поэтому не могло победить, но все же влияние марксизма на Коммуну сказалось очень серьезно. Это надо было бы подчеркнуть. Тов. Гуральский считает, что характеристику прудонизма надо было бы дать более острую. То, что сказано на стр. 30, недостаточно бьет по прудонизму. Надо было привести слова Ленина о коренном различии марксистов и анархистов в вопросе об использовании революционных форм государства для борьбы за социализм[1]. Слишком подчеркнуты в учебнике организационные трудности для работы коммунаров среди крестьянства и не сказано о недооценке ими роли крестьянства. А между тем об этом есть много высказываний у классиков марксизма. Вопрос об отсутствии во Франции революционной рабочей партии во времена Парижской коммуны поставлен в слишком абстрактной форме. Следовало бы показать наглядно, каков был уровень классовой сознательности масс и почему они не создали такой партии.

Тов. Гуральский свое выступление заканчивает замечаниями относительно тех мест учебника, где говорится об антисоветской интервенции, о массовых движениях и о преобладании американского капитала в странах Южной Америки. В учебнике сказано, что Антанта начала антисоветскую интервенцию из-за опасения, что выход Советской России из войны усилит Германию в военном отношении, тогда как надо ставить вопрос так, как это сделано в «Крат-

[1] Ленин. Соч. Т. XX, стр. 34.

ком курсе истории ВКП(б)», где говорится, что правительства Антанты начали антисоветскую интервенцию из-за опасения распространения революции на Западе, по примеру русских рабочих и крестьян, осуществивших Великую Октябрьскую социалистическую революцию.

Много ошибок в учебнике там, где говорится о странах Латинской Америки, их можно насчитать не меньше 20 на абзац. Самой существенной из них является утверждение, что в Бразилии и Аргентине сохранилось исключительное преобладание английского капитала, тогда как в послевоенный период в Бразилии, Аргентине и Чили сильные позиции завоевали США.

Студент Фельдман сказал, что формулировка учебника, подчеркивающая союз Коммуны с беднейшим крестьянством, неправильна. Он предлагает заменить слово «беднейшим» словами «трудящимися массами». В учебнике опущен сталинский тезис о том, что причиной гибели Коммуны было то, что крестьянство оказалось на стороне буржуазии. Это важное положение забывать нельзя. Главу о мировой войне он оценивает как «хорошую», но в то же время отмечает в ней ряд пробелов.

На стр. 428 сказано, что германский флот всю войну простоял у острова Гельголанда, в результате чего оказалось заблокированным все германское и австрийское побережье. Ни слова нет относительно битвы английского и германского флотов у Скагеррака в 1916 году. Слабо показана внутренняя история воюющих стран за период 1914—1918 годов. Выпал такой важный вопрос, как ирландское восстание 1916 года. На картах, приложенных ко 2-й части учебника, ошибок меньше чем на картах 1-й части, но все-таки и в них ошибки есть, что весьма досадно.

Доцент Павлова С. Н. также отмечает хорошее впечатление, производимое 2-й частью учебника. Но ряд недостатков в нем имеется, и подчас существенных. В абзацах, освещающих кризис Второй империи, недостаточно сказано об уровне движения, о характере идеологии социалистического движения. Это важно, так как в значительной мере объясняет ошибки Парижской коммуны.

Вопрос о катастрофе при Седане 2 сентября 1870 г. изложен так, что можно понять, будто бы война на этом окончилась. В главе о Третьей республике следовало бы дать более подробную характеристику политики умеренных республиканцев, в частности их антиклерикальной политики, и показать, что их политика была попыткой отвлечь внимание рабочего класса от классовой борьбы и социализма. Характеристики Геда и Лафарга на стр. 123—124 даны более чем лаконично. Сжатость в учебнике доходит до того, что местами не создается даже правильного представления о ходе событий. А ведь учебником будут пользоваться не только студенты, но и пропагандисты и партактив.

Характеристика Франции 90-х годов XIX в. очень неполна, особенно слабо освещена политическая ситуация тех лет во Франции. Говоря о подъеме рабочего движения, авторы ограничиваются только двумя стачками: в Карли и Фурми,— а ряд других выступлений опущен.

Следовало бы привести цифры избирательных успехов социалистической партии, чтобы был ясен рост ее влияния. Недостаточно четко показано сплочение всех реакционных сил во Франции в борьбе против социализма.

Тов. Павлова присоединяется к мнению тех из выступавших, кто считает, что в учебнике неправильно показана роль Англии в подготовке войны 1914—1918 годов.

Слабо отмечена также провокационная роль Англии в русско-японской войне. Совсем обойден в учебнике вопрос о борьбе международной буржуазии против русской революции 1905 года. Далее тов. Павлова ставит вопрос о периодизации раздела о довоенном II интернационале. Верно ли делить его историю на два периода: 1899—1904 и 1905—1914 годы? Может быть, лучше считать, что первый период заканчивается не 1904, а 1900 годом? Иначе получается, что большевики стали замечать опасность оппортунизма во II интернационале лишь только в 1907 году. А это абсолютно неверно.

Аспирант Санин считает 2-ю часть учебника «Новой истории» лучшей среди других учебников истории для вузов, вышедших за последние два года. Однако этот учебник при всех его достоинствах не является еще тем идеалом, к которому мы стремимся. Рост нашей молодежи и нашей науки заставляет повышать требования к учебнику. Необходимо, чтобы учебник не только соответствовал уровню развития учащихся, но чтобы он опережал уровень их развития. Данный учебник могут читать и разбираться в нем ученики 9-го класса средней школы, а рассчитан он на студентов III курса. Должна быть какая-то качественная разница в учебниках для высшей и для средней школы. «Учебник для высшей школы должен быть разгружен от известного количества фактов, которые студенты изучали в средней школе. В вузовском учебнике нужно больше внимания уделять изложению теоретических положений». Материал по историографии частично введен в обсуждаемый учебник, например в главах о Третьей республике во Франции, при характеристике империализма и т. д. В новом издании этот раздел учебника надо значительно расширить. Тов. Санин согласен с тов. Павловой, что роль русской революции в учебнике отмечена недостаточно. Нет оценки русской революции газетою «Vorwärts» и Каутским в частности. Неудовлетворительно изложение бернштейнианства: критика Бернштейном Маркса есть, а критики взглядов самого Бернштейна в учебнике нет. Слабо подчеркнута соглашательская позиция «Анти-Бернштейна» Каутского. Следовало бы в учебнике показать дело Дрейфуса.

В заключение тов. Санин останавливается на выступлении тов. Гуральского и говорит о несогласии с ним. Нельзя Клемансо

изображать агентом Англии, как это делает тов. Гуральский, ничем не обосновывая этого тезиса.

Аспирантка Тадер говорит, что автор главы о Японии должен был на десяти страницах дать историю этой страны в период империализма. Сделать это невозможно, и, разумеется, истории Японии не получилось, автор смог дать лишь социально-экономический очерк Японии. В будущем издании истории Японии необходимо отвести больше места и необходимо дать материал по рабочему движению Японии. Слабо освещен в учебнике вопрос об усвоении японским народом европейской культуры. Приводя какие-либо японские названия, необходимо одновременно давать и их перевод. Например в учебнике упоминается «минкен ундо», а перевода нет; надо было указать, что это — движение за народное право.

Аспирант Сурат отмечает, что в то время как многие главы 2-й части учебника «Новой истории» читаются с удовольствием, есть главы, написанные хуже. История I Интернационала в общем изложена правильно, но историческое значение и роль Международного товарищества рабочих показаны недостаточно. Не подчеркнуто положение Энгельса, что I Интернационал пережил самого себя, что он выполнил свою историческую миссию. Тов. Сурат отмечает ряд фактических ошибок в параграфе о младотурецкой революции 1908 г. (о перевороте Абдул Хамида, о младотурецком триумвирате) и в параграфе об англо-русском соглашении 1907 г. о разделе Персии на сферы влияния. Учебник дает неверное представление о Гентском и Хурском конгрессах, предшествовавших возникновению II интернационала. Не показана также борьба Энгельса с оппортунистами и его роль в момент возникновения II интернационала.

Тов. Нарочницкий считает, что не следует бояться некоторого увеличения размеров учебника от введения историографических справок. Он согласен с тем, что в учебнике недостаточно показана роль передовых и реакционных идей, как это не отрицают и сами авторы; целый ряд личных характеристик в учебнике недоработан. Тов. Нарочницкий несогласен с тов. Гуральским и считает, что характеристика Клемансо как радикала в учебнике правильна. Сравнивать Клемансо с Гамбеттой нельзя. Энгельс неоднократно отмечал, что Клемансо прогрессивнее Гамбетты. Говорить о Клемансо как об агенте Англии также неверно: Клемансо представляет собой яркий пример французского националиста и ревизиониста. Тов. Гуральский преувеличил влияние бергсонианства на анархо-синдикализм. Нельзя также согласиться с предложением тов. Гуральского — давать формулировки Ленина и Сталина ввиде итогов и концовок к описанию тех или других фактов и явлений.

Тов Нарочницкий согласен с тов. Павловой, что в учебнике следует больше акцентировать империалистическую деятельность Антанты.

В главе о Германии следует более ясно поставить вопрос о партии католического центра и четко оттенить причины враждебности этой партии к Пруссии. В разделе о колониальной политике Германии 1884—1885 гг. не указано, как Бисмарк ловко использовал международную обстановку для увеличения германских колоний, пока Франция была отвлечена Индокитаем, а Англия увязла в Средней Азии. Недостаточно исчерпывающе показаны международные последствия франко-прусской войны. Анализ австровенгерской системы дуализма следует перенести в 1-ю часть учебника, так как превращение Австрийской империи в дуалистическую Австро-Венгрию произошло в 1867 году. Следует указать на последствия воссоединения Германии и Италии для Австро-Венгрии и связать это с балканской политикой последней. Необходимо усилить характеристику реакционности японской конституции и исправить датировку отмены Японией неравноправных договоров, а также указать на тормозящую роль Англии при отмене этих договоров.

Аспирант Георгиев делает замечания, относящиеся главным образом к главам о международных отношениях и первой мировой войне. В учебнике следовало бы больше оттенить провокационную роль Англии в развязывании мировой войны, ярче вскрыть борьбу между союзниками вокруг Дарданелл и показать, что Англия и Франция не хотели отдать России Константинополь и проливы, хотя это ей и было обещано. В этой связи в разделе Ближнего Востока необходимо было привести соглашение Сайкс-Пико, о котором в учебнике даже не упомянуто. Недостаточно уделено внимания провокационной политике Англии в отношении арабских восстаний. Тов. Георгиев подробно останавливается на характеристике Клемансо, его основной тезис: Клемансо периода мировой войны нельзя считать англофилом, а тем более английским агентом. Тов Георгиев обстоятельно выясняет роль Клемансо на Версальской конференции и доказывает, что последний защищал интересы империалистической Франции против Англии. Англофильство Клемансо вытекало как раз из того, что он был махровым французским шовинистом.

Доцент Белкин считает учебник «хорошим», отмечает, что в учебнике следовало дать больше выводов и усилить ряд имеющихся выводов, как это признал и проф. Хвостов, в частности по вопросам идеологии, техники, культуры и т. д. В главе о первой империалистической войне обстоятельно изложена военно-стратегическая сторона вопроса, совсем слабо дана, по мнению тов. Белкина, внутренняя история европейских стран, участвовавших в войне, вернее, внутренней истории европейских стран в военное время, в учебнике уделяется внимание начиная только с 1917 г., в то время как внутренняя история США дана с 1914 года.

Нельзя также согласиться с утверждением, что в годы войны Клемансо якобы стремился устранить парламент во Франции. Клемансо, придя к власти, использовал парламент (стр. 542). Мелкобуржуазная масса депутатов, напуганная опасностью проиграть

войну, напуганная Октябрьской революцией, покорно выполняла все требования Клемансо: о выдаче Кайо и т. д.

Проф. Зоркий (руководитель кафедры) отметил, что 2-я часть учебника «Новой истории» значительно лучше 1-й и является ценным пособием для студентов как по общему теоретическому уровню, так и по насыщенности фактами и по литературной обработке. В особенности с интересом читаются, например, главы о франко-прусской войне, о Парижской коммуне, о Франции, Германии, о первой мировой империалистической войне. Проф. Зоркий высказывает пожелание, чтобы во 2-м издании учебника было уделено больше внимания вопросам развития марксистско-ленинской теории, росту ее влияния на массы, личностям и деятельности революционных вождей рабочего класса: Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина,— борьбе идейных течений в рабочем движении. Необходимо более толково рассказать о работе Энгельса над II и III томами «Капитала», об «Анти-Дюринге», о работе Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», о влиянии этих произведений на человечество. В учебнике этим вопросам уделено мало места.

Кроме того проф. Зоркий считает, что необходимо в учебнике шире осветить рабочее движение, подчеркнуть его роль, дать его без отрыва от гражданской истории в целом и дать историю рабочего движения по отдельным странам. Основным, руководящим тезисом при изложении истории рабочего движения должна быть постановка вопроса товарищем Сталиным в беседе с Уэллсом о борьбе рабочего класса и ее последствиях. Реформы в Англии были продуктом борьбы рабочего класса; английская буржуазия, проводя их, не забывала о чартизме. В учебнике же не видна эта скрытая сила рабочего класса.

В вопросах периодизации в учебнике необходимо добиться большей простоты. Периодика верна; в частности нет нужды указывать на 1906 г., как на грань наступления империализма, в подзаголовках параграфов об отдельных странах. Ведь Ленин говорил о 1900 г. только как об основной грани наступления империализма.

Главы о II интернационале должны быть серьезно переработаны. Особенно слаба XXVIII глава учебника, о II интернационале периода 1904—1914 годов. Материал в ней как-то рассыпан. А между тем этот период истории II интернационала имеет свою ось. Красной нитью в этой главе должна была бы пройти борьба большевиков и влияние русской революции 1905 года. Глава эта должна быть перестроена на основе имеющихся по этому вопросу указаний товарища Сталина.

История разработки большевиками программы по национальному вопросу изложена очень бегло. Например о работе товарища Сталина «Марксизм и национальный вопрос» материал куда полнее дан в главе об Австро-Венгрии, хотя к теме о II интернационале этот вопрос имеет еще более близкое отношение.

Далее тов. Зоркий указал на хаотичность глав о II интернационале. Они сбивчивы и туманны. Трудно ориентироваться в изложенном в них материале. Например о левых радикалах говорится лишь после Штутгартского конгресса. Основные черты люксембургианства обрисованы тускло и непонятно для студентов. Главы о II интернационале перегружены отчетными сведениями о конгрессах. Зато совершенно недостаточно сказано о 20-летней борьбе Ленина (большевиков) во II интернационале. Не обошлось и без фактических ошибок. Искажена роль Энгельса в период возникновения II интернационала. Энгельс изображен прямо организатором II интернационала. В действительности Энгельс вел борьбу против поссибилистов в период создания II интернационала. Стоит только сравнить роль Энгельса при создании II интернационала с тем, какое участие он и Маркс принимали в создании I Международного товарищества рабочих, станет ясно, как велика была здесь разница. Неясно изложена борьба с анархизмом во II интернационале, в учебнике имеются противоречивые формулировки. Либкнехту неверно приписана якобы недооценка им военной опасности. Произведения товарища Сталина местами цитируются небрежно. По стилю главы о II интернационале значительно хуже других глав учебника, они написаны скучно и сухо.

Ряд формулировок во 2-й части учебника «Новой истории» нуждается в исправлении и уточнении (например о правом оппортунизме прудонистов — стр. 30; о Парижской коммуне как зародыше советской власти — стр. 46; о травле бакунистами марксистов — стр. 50; о причинах роспуска I Интернационала — стр. 52; о переходе к марксизму эйзенахцев — стр. 77; об опасениях Бисмарка насчет реваншистской войны — стр. 84; о борьбе Энгельса за диктатуру пролетариата — стр. 91 и ряд других).

Неверно утверждение, что Клемансо был последовательным, искренним буржуазным демократом.

Вызывает удивление глава об Испании. Автор ее тов. Молок говорит о кризисе испанской монархии?! В действительности был кризис всей помещичье-поповской Испании в целом, а не только одной монархии. Мало сказано о кровавых событиях в Барселоне в 1905 г., но зато очень незаслуженно много внимания уделено писателю Бласко Ибаньесу.

Там, где повествуется о событиях 70-х годов, в учебнике имеется утверждение, что в этот период происходит в о з н и к н о в е н и е блока буржуазии и дворянства. Надо было дать более точную формулировку, так как в действительности в этот период у к р е п л я л с я реакционный блок помещиков и буржуазии. Возник же он значительно раньше; причем это явление имело место почти во всех странах: в Германии, в Англии и в Италии.

Материал в учебнике изложен недостаточно равномерно. Учебник не оставляет впечатления цельности. Есть история отдель-

ных стран, но нет единого исторического процесса.

Все эти недостатки, однако, легко устранимы; нужно, чтобы были осуществлены два условия: 1) работа авторов над учебником должна быть обязательно связана с их текущей научно-исследовательской работой; 2) необходим повседневный контакт авторского коллектива со средой высшей школы, единство с преподавательским составом, аспирантурой и студенчеством.

Затем в прениях выступили два автора учебника: Ф. А. Хейфец и проф. А. В. Ефимов.

Ф. А. Хейфец остановилась на выступлениях тт. Сурата, Зоркого и Гуральского, с большинством положений которых она несогласна. Замечания тт. Сурата и Зоркого относительно глав о II интернационале, по мнению тов. Хейфец, необоснованны. Процитировав стр. 204 учебника, где говорится о роли Энгельса в период возникновения II интернационала, она заявила, что тов. Сурат неправ, утверждая, что роль Энгельса не выявлена в учебнике.

Тов. Зоркий, говорит тов. Хейфец, нашел, что главы о II интернационале хаотичны, неглубоки, представляют собой нечто вроде справочника. Но он не дал никаких конкретных предложений, что и где надо исправить, ограничившись общими замечаниями, не приносящими пользы. Тов. Зоркий недоволен периодизацией истории II интернационала в учебнике. Между тем периодизация эта взята по Ленину.

Тов. Хейфец высказала сомнение, следует ли переносить материал о работе товарища Сталина «Марксизм и национальный вопрос» из главы об Австро-Венгрии в главу о II интернационале. Она несогласна с замечанием тов. Зоркого о том, что нельзя изображать Парижский конгресс II интернационала 1889 г. демонстрацией политического единства. Возражая на замечания тов. Зоркого относительно ее манеры цитировать работы товарища Сталина, тов. Хейфец указывает, что это место тов. Зоркий привел в отрыве от контекста. Далее, она признает, что личной деятельности вождей марксистов в учебнике уделено недостаточно места. Замечание тов. Гуральского о том, что в главах о II интернационале не чувствуется масс, тов. Хейфец считает правильным, однако исправить этот недостаток нелегко, так как это значило бы повторить конкретный материал о рабочем движении в тех странах, социал-демократические партии которых входили во II интернационал.

Проф. Ефимов в своем выступлении отметил, что обсуждение учебника, замечания и пожелания выступавших помогут авторам лучше подготовить 2-е издание. Но некоторые приемы критики он признает нежелательными, потому что они не помогают авторам исправлять свою работу. Проф. Ефимов несогласен с тов. Павловой, что учебник должен быть написан методом исследования. Нельзя согласиться и с замечанием тов. Гуральского относительно характеристики Вильгельма II.

Многие другие дельные замечания будут с благодарностью использованы. Касаясь выступления по вопросу о том, с какой частью крестьянства пролетариат должен был заключить союз во время Парижской коммуны, проф. Ефимов заявил, что поскольку речь шла о пролетарской революции, постольку, следовательно, рабочий класс должен был быть в союзе с беднейшим крестьянством. Термин «с трудовым крестьянством» неприемлем.

Все замечания проф. Зоркого, по мнению проф. Ефимова, носили слишком общий характер. Все то, с чем можно будет согласиться, несомненно, будет учтено при подготовке 2-го издания учебника.

В заключительном слове проф. Хвостов отметил, что в ходе обсуждения было сделано много ценных замечаний. Они с благодарностью будут использованы редакцией при подготовке 2-го издания учебника. За малыми исключениями все эти замечания были доброжелательны. В частности проф. Хвостов считает, что тов. Борисовский сделал ряд ценных замечаний. Правильно указание на фактическую ошибку даты волнений в Ирландии, но нельзя согласиться с мнением, что этому событию надо было уделить больше внимания, в действительности оно не имело большого значения. Нельзя согласиться с трактовкой тов. Борисовским последствий потсдамского свидания германских и австрийских представителей для развязывания войны. Провокационной роли Англии в учебнике уделено достаточно внимания.

Тов. Зак в своем выступлении, говорит проф. Хвостов, правильно отметил несоответствие некоторых заголовков в главах о США и Италии. Тов. Эггерт правильно отметила недочеты главы о США. Действительно, в этой главе не чувствуется специфичности данного периода в истории страны.

По мнению тов. Хвостова, ряд верных замечаний дал тов. Денисов, но кое в чем он неправ. Замечание о начале восстания гереро сделано правильно, о конце — неверно. Точнее все же считать датой захвата Германией Новой Гвинеи 1885 год. Тов. Гуральский выдвинул ряд противоречивых положений. Сначала он хвалил учебник, а потом обвинил его авторов в экономическом материализме. Вопрос о Клемансо он поставил неверно, перенося послевоенные характеристики Ллойд-Джорджа и Черчилля на Клемансо периода борьбы за утверждение республики во Франции. В основу характеристики Клемансо в учебнике положены высказывания Маркса и Энгельса; у них Клемансо до Деказвильских событий охарактеризован как крайний «левый». Непонятна также постановка вопроса тов. Гуральским в отношении Вильгельма II. Почему цезаризм и ориентация Вильгельма II на блок двух классов должны были объяснить все его промахи? Метод цитирования, предложенный тов. Гуральским, неприемлем.

Ряд замечаний тов. Павловой о клерикализме, о Гэде и т. д. верны, но некоторые вызывают возражения. Так, требование поместить в учебнике больше сведений об отдельных забастовках, помимо стачек в Кармо и Фурми, чрезмерное. О провокационной

роли Англии в русско-японской войне в учебнике сказано (стр. 399).

Тов. Санин в своем выступлении поднял ряд весьма интересных вопросов. Он выдвинул требование создать учебник, так сказать, более высокого, академического класса, насыщенный проблематикой, а не только фактами. По заданию, которое имели авторы и редакторы, они не могли дать ничего другого по типу, кроме того что было сделано. Учебник должен был сообщить студенту основные факты новой истории для вузовского курса. Учебник проблемного типа нужен, хотя директивные инстанции такого задания пока не дали. Историография во 2-м издании учебника в пределах возможного будет дана.

Тов. Нарочницкий, отмечает проф. Хвостов, сделал много ценных замечаний, которые авторы и редакторы учебника, безусловно, используют.

Ряд верных замечаний сделал проф. Зоркий, но многое из того, что он говорил, неприемлемо. Безусловно, ряд моментов в учебнике надо усилить, в частности характеристику деятельности классиков марксизма. Об этом тов. Хейфец уже говорила. Но ряд предложений тов. Зоркого или неясен или является весьма спорным. Например вопрос о периодизации. Нужно ли обязательно историю всех стран в разделе II учебника обрывать на 1900 годе? Нельзя согласиться также с тем, что о роли Ленина во II интернационале в учебнике говорится только в одном параграфе. Роль большевиков достаточно показана в учебнике. Однако поскольку такие замечания все же были сделаны, видимо, кое-что нужно еще будет усилить. Вопрос о национально-культурной автономии обстоятельно изложен в главе об Австро-Венгрии, предшествующей главе о II интернационале, поэтому нет никакой надобности повторять то же самое через несколько страниц.

Неверно замечание относительно перегрузки материалом о конгрессах глав о II интернационале. Дано самое необходимое. Тов. Зоркий не сказал, что же, по его мнению, лишнее в этих главах.

Замечание относительно неправильного освещения роли Энгельса при создании II интернационала также основано на недоразумении. В учебнике так и сказано, как этого требовал тов. Зоркий. При цитировании работы товарища Сталина тов. Ф. Хейфец, конечно, допустила известную небрежность; во 2-м издании надо будет привести эту цитату более тщательно. О причинах роспуска I Интернационала во 2-м издании будет помещен дополнительный материал. Об эйзенахцах вопрос в учебнике поставлен правильно, а относительно центризма вовсе не сказано, что он возник лишь после 1905 года. Нельзя также безоговорочно принять замечания тов. Зоркого об образовании блока буржуазии и дворянства. В Италии, Германии, Франции этот блок возникал в разное время.

Нельзя согласиться с замечанием тов. Зоркого, что в учебнике нет цельности. Концепция учебника, безусловно, едина. Можно говорить о различиях в стиле по отдельным главам, написанным разными лицами, но нельзя отрицать единство концепции, пронизывающей весь учебник.

По окончании обсуждения руководитель кафедры проф. З о р к и й сделал краткое резюме. Он отметил полезность дискуссии по 1-й и 2-й частям учебника «Новой истории» и выразил надежду, что подготовка 2-го издания учебника «Новой истории» будет протекать в сотрудничестве с общественностью наших вузов.

По предложению тов. Зоркого, кафедра приняла резолюцию, в которой отмечено, что: 1) 2-я часть учебника «Новой истории» является «серьезным пособием и подспорьем для работы студентов», 2) отмечавшиеся в учебнике недочеты и пробелы могут быть легко исправлены, 3) в связи с выходом обеих частей учебника «Новой истории» кафедра должна заслушать доклад проф. Ефимова об изменениях в чтении лекционных курсов, 4) необходимо поставить вопрос перед соответствующими инстанциями о подготовке учебников по историографии с привлечением к этой работе кафедр истории Московского государственного университета, Института философии, литературы и истории и Ленинградского государственного университета, 5) необходимо также возбудить вопрос о подготовке хрестоматии по новой истории, столь нужной для семинарских занятий.

Н. Сомин

РЕЦЕНЗИИ

ИСТОРИЯ СССР

«История епископа Себеоса». Перевел с четвертого, исправленного армянского издания Степанос Малхасянц. Издание Института истории и материальной культуры Армянского филиала АН СССР. Ереван. 1939.

К числу ценных первоисточников, опубликованных Институтом истории и материальной культуры Армянского филиала Академии наук СССР, принадлежит критически изданный текст названной работы древнеармянского историка VII в. Себеоса. «История епископа Себеоса» имеет огромное значение как для древней истории народов СССР, так и для истории народов Передней Азии.

Себеос является одним из наиболее видных и популярных древнеармянских историков. Его знаменитый труд — «История» — обнимает три периода в жизни армянского народа: 1) героическое, или мифическое, время (гл. I), где излагается марабасовская легенда о «храбром исполине» Гайке и его потомках, живших в Армении до завоеваний Александра Македонского, 2) историческое время (гл. II—VII), где рассказывается о свержении власти Селевкидов и о господстве Аршакидской династии, и 3) современное Себеосу время (начиная с гл. VIII), где описываются важнейшие исторические события при пяти византийских императорах: Маврикии (582—602), Фоке, Иракле, Константине и Константе,— причем делается упор на правление императора Иракла. За основу для хронологии Себеосом взяты годы царствования названных выше императоров, и события приурочиваются им к соответствующим годам царствования того или иного императора.

В конце своей «Истории», начиная с 45-й главы, Себеос сообщает ценные и оригинальные сведения о героической борьбе армянского народа против халифата, войска которого в половине VII в. проникли в Закавказье и опустошили страну. Себеос был очевидцем этих опустошений. Описывая нашествие войск халифата, он с огорчением говорит: «Я снова стану рассказывать о бедствиях, постигших нас в настоящее время... на нас подул знойный смертоносный ветер и иссушил высокие, тенистые, прекрасные молодые деревья наших цветников» (стр. 114).

Долгое время «История» Себеоса считалась утерянной. Лишь в 1842 г. один список этой «Истории» был найден Шахназаряном в богатой коллекции рукописей Эчмиадзинской библиотеки. Сейчас этот список «Истории» является собственностью Научно-исследовательского института древних рукописей Армянской ССР (Матенадарана).

«История» Себеоса, на основе двух известных тогда ее списков, впервые была опубликована Талевосом Михрдатяном в 1851 г. в Константинополе под заглавием «История епископа Себеоса об Иракле». В 1862 г. она была переведена на русский язык проф. К. Паткановым в Петербурге, снабдившим перевод ценными примечаниями. Этот перевод носил заглавие «История императора Иракла. Сочинение Себеоса, писателя VII в.». В 1875 г. последняя часть «Истории» Себеоса была переведена на немецкий язык Гюбшманом в Лейпциге [1].

И, наконец, в 1904 г. Ф. Маклером «История» Себеоса была переведена на французский язык [2].

Древнеармянский текст «Истории» был переиздан в 1879 г. проф. Паткановым и в 1912 г.— издательством «Кукасяна». Но надо сказать, что ни одно из этих изданий, как армянского текста «Истории», так и ее переводов, не удовлетворяет современным требованиям исторической науки. В названных изданиях «Истории» много искажений и описок. С опубликованием рецензируемого издания Институт истории и материальной культуры Армянского филиала Академии наук разрешил задачу окончательного установления научно выверенного текста «Истории» Себеоса. Составитель данного критического текста «Истории» Себеоса, известный знаток древнеармянского языка, Степанос Малхасянц подошел к делу очень серьезно и добросовестно. Подготовляя издание критически выверенного текста «Истории», Малхасянц сличал все имевшиеся в библиотеке древних рукописей списки (манускрипты) работы Себеоса. Малхасянц использовал также первое издание «Истории», которое воспроизводило

---

[1] См. Hübschmann H. «Zur Geschichte Armeniens». Die ersten Kriegen der Araber. Aus dem Armenischen des Sebeos.

[2] См. «Pseudo-Sebéos, texte arménien, traduit et annoté par Fr. Macler». Paris.

ныне утерянный список. К сожалению, тов. Малхасянцу остался неизвестен маленький отрывок из истории Себеоса в списке 1220 года.

В результате сличения всех известных списков и всех изданий «Истории» Себеоса тов. Малхасянцу удалось внести существенные исправления в ее текст. Из наиболее важных исправлений можно указать следующие.

В первых изданиях сочинение Себеоса было озаглавлено «История императора Иракла», что, собственно, не соответствовало содержанию, ибо история Иракла, вернее, описание событий, происходивших в царствование императора Иракла, занимает всего лишь несколько глав работы Себеоса. Заглавие это дано было «Истории» средневековыми армянскими историками и летописцами без всяких к тому оснований. Тов. Малхасянц на основе серьезного разбора текста «Истории», а также после изучения заглавий этой работы в рукописях восстановил первоначальное ее заглавие.

Труд Себеоса в русском переводе он озаглавил «История епископа Себеоса». Нам кажется, однако, что такое заглавие не совсем точно; лучше было бы назвать его «История, сочиненная епископом Себеосом».

Первые издатели «Истории» Себеоса довольно искусственно разбивали ее текст на три отдела, что не соответствовало подразделениям текста в рукописях. К тому же такое искусственное подразделение текста давало повод многим ученым сомневаться в принадлежности первого отдела «Истории» Себеосу. Тов. Малхасянц в своем издании воспроизводит подразделения текста, существующие в рукописях.

При первых изданиях «Истории» в главах VI и VIII вследствие перемещения одного листа рукописи рассказ Себеоса на протяжении около десяти страниц был запутан. Тов. Малхасянц восстановил правильное чтение. Он выяснил и указал в своем издании «Истории», в каких именно местах были перепутаны листы, чем помог изучающим труд Себеоса понять причину неясности текста в этих местах.

Особенно ценными являются примечания к тексту русского перевода «Истории» Себеоса, данные тов. Малхасяном в конце книги.

В примечаниях Малхасянц объясняет неясные места текста, знакомит читателя с географическими названиями, встречающимися в «Истории» Себеоса, и т. д. Всего Малхасяном написано до 206 примечаний. Некоторые из них по существу являются самостоятельными научными монографиями и разрешают ряд спорных вопросов арменоведения. Необходимо остановиться на трех из этих вопросов.

В среде арменоведов долгое время шли споры о том, принадлежит ли первая глава «Истории» Себеосу или нет. Некоторые, в том числе и проф. Патканов, полагали, что первая глава не принадлежит Себеосу, она написана другим, древнейшим, нам неизвестным автором. Тов. Малхасянц, дав правильное заглавие «Истории» Себеоса и верно поняв цель ее автора, в введении к рецензируемому изданию убедительно доказывает, что и первая глава принадлежит Себеосу. Между прочим, тов. Малхасянц уточнил древнеармянский текст введения к «Истории», написанный самим Себеосом, и очень умело перевел его на русский язык.

Особенно спорным в арменоведении был большой вопрос о том, где возникла марабасовская легенда, помещенная Себеосом в свою «Историю». Кого в данном случае использовал Себеос? Тов. С. Малхасянц, добросовестно изучив этот вопрос и сличив себеосовское изложение легенды с соответствующим местом «Истории» Мовсеса Хоренаци (Моисея Хоренского), пришел к выводу, что «составитель себеосовского Марабаса, несомненно, был знаком с «Историей» Хоренского и заимствовал у него исторические сведения» (стр. 135).

В главе III «Истории» Себеоса имеется такая запись: «Теперь, если угодно, о, любознательный читатель, я повторю по историям Мовсеса Хоренского и Степаноса Таронского, достоверных и правдивых писателей, родословную (царей) от отца к сыну» (стр. 18). Некоторые ученые полагали, что эта глава представляет собой позднюю вставку; по их мнению, упоминаемый в данном месте Степанос Таронци есть Степанос Асогик, писатель конца X и начала XI века. Тов. Малхасянц, изучив эту главу, пришел к бесспорному выводу, что эта глава также принадлежит Себеосу. Он убедительно доказывает, что упоминаемый здесь Степанос Таронци есть не Степанос Асогик, а действительно Степанос Таронци, писатель V в., ученик Месропа Маштоца. Упоминание же Себеосом имени Мовсеса Хоренаци тов. Малхасянц считает вполне естественным, ибо он считает Хоренаци писателем V века.

Читатель найдет в данном издании «Истории» Себеоса много и других ценных примечаний, которые помогают понимать отдельные неясные места текста.

Институт истории и материальной культуры Армянского филиала АН СССР сделал нужное и важное дело. Приходится только пожалеть, что книга напечатана на плохой бумаге.

А. Абрамян

ОКУНЬ С. Российско-американская компания. Под редакцией и с предисловием акад. Б. Д. Грекова. Соцэкгиз. М.—Л. 1939. 260 стр. 6 руб. 5000 экз.

Вопросы дальневосточной и американской политики России конца XVIII и первой половины XIX в. мало освещены в исторических работах. О Русско-американской компании имелась лишь одна, не удовлетворяющая уже сейчас большая работа П. Тихменева [1].

[1] «Историческое обозрение образования Российско-американской компании». Ч. 1—2-я. СПБ. 1861—1863.

Рецензируемая книга в значительной мере восполняет этот пробел в нашей исторической литературе. Автор начинает изложение с того момента, когда в 70—80-х годах XVIII в., после окончательного закрепления русских на Камчатке, усиливается активность зверопромышленников на Алеутских островах и в Аляске. Далее объясняются причины создания Русско-американской компании, причем автор пытается связать этот факт с общей международной обстановкой в конце XVIII в. и проводит параллель между Русско-американской и Остиндской (английской) компаниями.

Автор правильно отмечает, что правительство стремилось усилить роль дворянства среди акционеров Компании (стр. 45 и др.).

В следующей главе автор переходит к деятельности Компании в первые десятилетия XIX века. Особый интерес представляют главы IV и V, в которых автор на основе архивного материала выясняет условия заключения конвенций 1824 и 1825 гг. с США и Великобританией, означавших отступление царизма от той привилегии, которая была дана Компании в 1821 году.

В главе V содержатся интересные сведения об оппозиционных настроениях среди акционеров Компании в связи с отказом царизма от дальнейшей экспансии в Америку, о связях декабристов с Русско-американской компанией и о превращении Компании в правительственную организацию по управлению колониями.

Главы VI—VII касаются русского поселения в Калифорнии, причин отказа царизма от освоения Калифорнии и политики Компании в отношении Гавайских островов. В последних главах автор исследует положение рабочих, рассказывает об эксплоатации туземного населения на промыслах Компании, об использовании Компании правительством в целях исследования устьев Амура и закрепления на Сахалине в конце 40-х и начале 50-х годов XIX в., о последних годах деятельности Компании и условиях продажи Аляски Россией США в 1867 году.

С. Б. Окунь использовал материалы из архивов народного хозяйства, внутренней политики, морского исторического архива, архива внешней политики и некоторые другие архивные фонды.

Книга несвободна от ряда существенных недостатков и даже ошибочных положений. Остановимся на некоторых из них.

Автор неправильно полагает, что Русско-американская компания с самого начала своего существования была для царизма не чем иным, как средством «маскировки», применяемым для того, чтобы избежать дипломатических и военных осложнений с другими государствами, ссылаясь на частный характер Компании. Та же точка зрения приводится и автором предисловия (стр. III). По мнению автора, даже в конце XVIII в., создавая Компанию, правительство хотело просто найти путь «замаскированной экспансии на побережья Тихого океана» (стр. 26). В действительности Компания превратилась в средство маскировки в основном лишь с 40-х годов XIX в. (см. стр. 206 и сл. в книге). В XVI—XVIII вв. и даже в начале XIX в. недостаток капиталов, необходимых для колонизации, делал организацию монопольных колониальных компаний, которые сами управляли колониями, необходимой, обычной и единственно возможной формой экспансии, которая вовсе не придумывалась специально для маскировки. В XVIII в. и маскироваться-то в Аляске было не от кого: обстановка на Тихом океане стала иной только в 40-х годах XIX века.

Автор вообще преувеличил роль деятельности Русско-американской компании во внешней политике России и международных отношениях и механически перенес ряд мыслей Маркса и Энгельса, относящихся к Остиндской компании и британской политике в Индии, на Русско-американскую компанию.

Нигде автор не подтвердил достаточно убедительно, что Аляска рассматривалась в XIX в. правительством (а не деятелями Компании) только как плацдарм для дальнейшей экспансии и территориальных захватов (стр. 12).

Совершенно неосновательно автор пытается установить связь между русской политикой вооруженного нейтралитета в 1780 г. и соперничеством на Тихом океане. Английская экспансия в то время еще не дошла до берегов Тихого океана через Канаду. Утверждение автора, что «Тихоокеанский бассейн наряду с Ближним Востоком и азиатскими рынками стал новым источником англо-русских противоречий», относящееся к 80—90-м годам XVIII в., представляет собой ничем не обоснованное преувеличение для этого периода, особенно для 90-х годов XVIII века.

Автор ошибочно связывает факт учреждения Русско-американской компании с разрывом между Россией и Англией при Павле I и обострением англо-русских отношений. Компания была создана тогда (8 июля 1799 г.), когда русско-английские взаимоотношения еще не изменились. Россия была нужна Англии в борьбе с Францией в это время[1]. Повидимому, гораздо большую роль здесь сыграли возобновление кяхтинской торговли, убийственная конкуренция между самими русскими промышленниками и желание подчинить их деятельность «политическим видам» (стр. 37—39) правительства, как писала Коммерц-коллегия. То, что эти «виды» направлялись против будущей экспансии английских звероловов, несомненно, но несомненно и то, что никакого серьезного антагонизма между Россией и Англией из-за этих вопросов в условиях борьбы с Францией не было и быть не могло в те годы.

Не вполне убедительна картина «грандиозного плана экспансии» (стр. 49), который автор приписывает русскому правительству

[1] Автор переносит на конец XVIII в. англо-русские отношения на Ближнем Востоке, как они сложились позднее, после 1815 года.

в Америке в конце XVIII и начале XIX в., вместе с планом «широкого экономического наступления на Китай» (стр. 49). Наличие такого правительственного плана не подтверждено достаточным количеством документальных свидетельств. Наоборот, данные, приводимые автором, заставляют предполагать, что многие планы исходили от не в меру активных деятелей Компании и вполне основательно наталкивались на большое равнодушие и скептицизм правительства (глава VII и особенно стр. 155 и сл.).

Автор вообще слишком отождествляет политику Компании с политикой правительства в первой половине XIX века. Главы о промысловых рабочих и эксплоатации туземцев весьма интересны, но желателен более глубокий экономический анализ природы их отношений к Компании. Неясны формы эксплоатации туземцев, которых автор считает то рабами, то «полузависимыми», избегая уточнений. Следовало полнее раскрыть смесь различных форм эксплоатации — сочетание черт рабства, крепостничества и наемного труда.

Главы X и XI, о ликвидации Компании и продаже Аляски США, весьма интересны и дают ряд новых сведений.

В целом надо отметить, что в методе автора есть две слабые стороны. Автор иногда выводит мотивы деятельности правительства и Компании непосредственно из своих соображений об общей международной ситуации, без прямого подтверждения своего понимания этих мотивов правительственной документацией, что не всегда надежно. Иногда автор обходится даже без анализа приводимых им самим документов (см., например, стр. 37—39, 49, 112—113, 135 и т. д.). Вторая слабая сторона — это механическая аналогия с Остиндской компанией и такое же недостаточно глубокое использование работ Маркса об Остиндской компании. Автор не обратил внимания на то, что надо не только учитывать сходство, но и огромное различие в деятельности, судьбе и результатах политики обеих этих компаний и в международной обстановке, в которой действовала Англия в Ост-Индии и Россия в Аляске в XVIII—XIX веках; он механически перенес положения, высказанные Марксом об Остиндской компании, на Русско-американскую, не выяснив своеобразия обстановки и существа Русско-американской компании и колониальной политики царизма по сравнению с существом Остиндской компании и английской колониальной политикой (стр. 110—111 и др.). Это привело к ряду ошибок и натяжек.

В конце книги автор, цитируя мысль Энгельса, что «господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»[1], полагает, что, «расселив алеут по всему побережью и превратив их, по существу, в своих рабов, Российско-американская компания их все же до известной степени цивилизовала» (стр. 258).

Надо отметить, что для читателя это заявление в конце книги является большой неожиданностью. Автор не обосновывает это положение в соответствующих главах работы; более того: эти главы подготовляют читателя, скорее, к обратному заключению (стр. 191, 192 и сл.).

Однако несмотря на указанные недочеты самостоятельное исследование С. Окуня представляет в целом, несомненно, положительное явление в нашей исторической литературе, освещает малоизученный вопрос и дает о нем немало новых сведений.

А. Нарочницкий

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXI, стр. 211.

ВЕТОШКИН М. Сибирские большевики в период первой русской революции. Государственное издательство политической литературы. 1939. 231 стр. 5 р. 50 к. 10 000 экз.

Книга состоит из четырех частей: I. Экономические и общественно-политические условия развития революционного движения в Сибири. II. Развитие социал-демократического движения и оформление большевистских организаций в Сибири. III. Местные организации большевиков Сибирского союза РСДРП. IV. Роль большевистских организаций в вооруженном восстании в Сибири.

Содержание книги значительно шире ее заглавия: речь в ней идет не только о сибирских большевиках, но обо всем революционном движении в Сибири в период революции 1905 года.

Как опыт популярно-научного изложения данной темы книга имеет ряд крупных достоинств. Написанная большевиком-сибиряком, видным участником сибирского подполья тех времен, активно работавшим по всем городам Сибири — от Томска до Харбина,— книга дает в общем правильную и довольно полную картину сибирского революционного движения того времени и подчеркивает весьма крупную роль большевиков в этом движении.

Личное знакомство с описываемыми событиями, умелый подбор выдержек из сибирских прокламаций, бодрый тон изложения, живой, образный язык — все это способствует тому, что книга передает «дух эпохи» и легко читается.

Весьма значительное место уделено пребыванию в сибирской ссылке Ленина и Сталина (стр. 49—58), а также участию в работе сибирских организаций нашей партии С. М. Кирова (стр. 142—154) и В. В. Куйбышева (стр. 154—162), получивших в Сибири свое революционное крещение и там именно сделавшихся большевиками. Тот факт, что сибирские партийные организации того времени сумели выковать двух деятелей такого крупного масштаба, является уже сам по себе немаловажным свидетельством высокого уровня партийных организаций Сибири.

Значение книги М. Ветошкина не ограни-

чивается, однако, популяризацией уже известных и установленных в литературе сведений: мимо его книги не сможет пройти и будущий исследователь сибирского революционного движения в период первой русской революции.

Автор привлек значительный новый материал отчасти ввиде листовок, ранее не опубликованных и впервые им цитируемых[1], отчасти в форме воспоминаний о фактах, тоже еще не печатавшихся. Наиболее ценной в этом отношении является глава XVI в третьей части книги, где рассказывается о Харбинской рабочей группе РСДРП, организованной самим автором в конце 1905 года.

Кроме того автор сумел так или иначе затронуть почти все кардинальные вопросы сибирского революционного движения того времени. При составлении программы будущего научного исследования на эту тему настоящая книга может послужить хорошим исходным материалом.

Поэтому работа М. Ветошкина заслуживает серьезного внимания, являясь чуть ли не единственной попыткой дать представление о сибирском революционном движении того времени в целом.

Наиболее слабой является, по нашему мнению, первая часть работы, посвященная экономическим и общественно-политическим условиям развития революционного движения в Сибири.

В рамках работы научно-популярного характера и весьма скромных размеров следовало бы ограничиться кратким введением, в котором были бы отмечены основные особенности условий революционного движения 1905 г. в Сибири и его характера. Это было бы и короче и «прямо к делу». Между тем автор, размахнувшись в ширину, оставил без всякого внимания ряд весьма существенных деталей, характеризующих условия сибирского революционного движения.

К числу лишних мест книги следует отнести, по нашему мнению, многое в рассуждениях о сибирской промышленности, о сибирском маслоделии (стр. 15—16), о сибирских кустарных промыслах (стр. 16—17), о положении якутов (стр. 37—41) и т. д. и т. п.

Вместе с тем автор умолчал о таких весьма важных для понимания особенностей сибирского революционного движения моментах, как отдаленность Сибири от российских и заграничных центров революции, вытянутость всей обжитой полосы Сибири вдоль железнодорожной магистрали от Челябинска до Владивостока на 7 тыс. км; не затронул вопрос об интеллигенции, служащих и учащейся молодежи; не оттенил такие важные моменты, как отсутствие в Сибири помещиков, отсутствие земства, крайняя отсталость нацменьшинств.

[1] К сожалению, автор далеко не всегда приводит заглавия и даты цитируемых им листовок и совсем не заботится об установлении их авторства. Работу эту возможно было бы проделать, пользуясь свидетельством пока еще живых участников сибирского подполья.

По вопросу о значении политической ссылки в развитии сибирского революционного движения автор, будучи склонен скорее преувеличить, чем преуменьшить эту роль, упускает из виду два существенных, по нашему мнению, обстоятельства.

Во-первых, вплоть до 1905 г. подавляющее большинство ссыльных стремилось поскорее вернуться в центры революционной борьбы и вовсе не склонно было отдалять этот момент участием в местных сибирских революционных организациях[2].

Во-вторых, подавляющее большинство активных работников сибирского подполья вербовалось из сибиряков, а ссыльные были редким исключением, изменилось это положение лишь в 1905 г., а точнее только в конце 1905 г., после манифеста 17 октября.

Нельзя также не отметить, что в первой части своей работы автор говорит о Сибири на всем ее огромном пространстве как о чем-то совершенно однородном, хотя на самом деле различия между Западной Сибирью, Восточной Сибирью и Дальним Востоком — а в пределах каждой из этих частей между ее обжитым югом и почти безлюдным севером — были чрезвычайно велики во всех отношениях, в частности и в том, что касается положения рабочих, крестьян и нацменьшинств.

Н. Баранский

Ленинские лозунги в действии

«Большевики в годы империалистической войны. 1914— февраль 1917». Сборник документов местных большевистских организаций. Государственное издательство политической литературы. 1939. 229 стр. 4 руб. 50 000 экз. (ГАУ НКВД. Центральный архив революции).

Рецензируемая книга дает обильный документальный материал для изучения практической работы большевиков в России во время первой мировой империалистической войны. Она убедительно показывает, как местные партийные организации претворили в революционное дело ленинские идеи, ленинские лозунги.

Воспитанная Лениным и Сталиным, партия большевиков с честью выдержала испытание при таком крутом повороте истории, каким оказалась первая империалистическая война. В первые недели войны большевистские организации, понесшие тяжелые потери в руководящем составе, подчас разобщенные и оторванные от заграничного цент-

[2] Могу засвидетельствовать, что когда я в 1903 г. обратился к ряду находившихся в ссылке товарищей с просьбой помочь Сибирскому союзу, то положительный отзыв я получил только от одного тов. Шанцера.— Н. Б.

ра, сразу же заняли совершенно определенную антивоенную позицию. В рецензируемой книге приведены большевистские прокламации, выпущенные в июле 1914 года. Все они заканчиваются лозунгом «Долой войну!» Идя против течения, борясь с империалистическим угаром, все они говорят об одном: никакого национального «единения», никакого гражданского мира: главный враг в собственной стране, этот враг—самодержавие и империалистическая буржуазия. «Рабочие должны помнить,— говорит прокламация Петербургского комитета,— что у них нет врагов по ту сторону границ» (стр. 1). «В ответ на призыв объединиться вокруг существующей власти мы говорим: Долой самодержавие! Да здравствует вооруженный народ» (стр. 8),— так заканчивается прокламация руководящего коллектива Московской и Окружной большевистских организаций. Те же идеи, те же лозунги и в публикуемых прокламациях Екатеринославского, Харьковского, Киевского комитетов, вышедших в июле 1914 года. Это — красноречивое свидетельство того, что «партия большевиков сразу же и без колебаний подняла знамя решительной борьбы против империалистической войны» [1].

Законченная формулировка позиции большевистской партии по отношению к войне была дана в статье Ленина «Война и российская социал-демократия», напечатанной в № 33 «Социал-демократа» 1 ноября 1914 года. Первым наброском этой статьи были тезисы «Задачи революционной социалдемократии в европейской войне» — «Манифест ЦК»,— написанные в сентябре 1914 года. В «Манифесте ЦК» выдвинут был основной лозунг большевистской партии в этот период — лозунг превращения империалистической войны в гражданскую. Исчерпывающий ответ на вопрос о том, когда этот лозунг нашел свое отражение в прокламациях местных организаций, дать пока нельзя, поскольку до нас не дошли все большевистские прокламации того периода. Среди тех, которые публикуются в рецензируемой книге, особенно интересна в этом отношении прокламация «группы организованных социал-демократов» (Москва), изданная в ноябре 1914 года. «Нашей задачей в настоящее время,— говорится в прокламации,— должна быть всесторонняя, распространяющаяся и на войска, пропаганда социалистических идеалов и необходимости направить штыки не против своих братьев, наемных рабов других стран, а против реакции царского правительства. Пусть борьба капиталистов... за право большей эксплоатации народов заменится гражданской войной этих народов за свое освобождение» (стр. 22).

Следует отметить, что первая из цитируемых фраз с небольшими изменениями в конце ее взята из ленинских тезисов (сентябрь 1914 г.), но в них нет еще окончательной формулировки лозунга гражданской войны. В момент написания прокламации в Москве мог быть и «Манифест ЦК», в котором этот лозунг впервые сформулирован. Во всяком случае, этот документ представляет значительный интерес и для историка-исследователя [2].

У читателя предисловия к рецензируемой книге может сложиться представление, что самая ранняя из опубликованных в ней прокламаций с лозунгом гражданской войны относится к апрелю 1915 г. (см. стр. VIII). Цитированная выше прокламация свидетельствует о том, что несмотря на величайшие трудности поддержания связи между заграничным партийным центром и местными организациями основной ленинский лозунг этого периода нашел свое выражение в прокламации одной из местных организаций еще в ноябре 1914 года.

Ленинская идея о необходимости борьбы за превращение войны империалистической в гражданскую нашла свое выражение в целом ряде других прокламаций — и петербургской и провинциальных: «Тверской группы РСДРП» (Москва, август 1915 г.), Тверской организации РСДРП (Тверь, сентябрь 1915 г.), Красноярской группы РСДРП (март 1916 г.) и др. (см. стр. 22, 58, 68, 89, 90, 107, 109, 113 и др.). Призыв к революционным массовым действиям, ведущим к превращению империалистической войны в гражданскую, содержится почти во всех публикуемых документах большевистской партии.

Для превращения империалистической войны в гражданскую необходимо было развернуть большую работу в армии и флоте. Документальный материал книги показывает, как велась эта работа местными организациями, как складывался союз рабочих и солдат в борьбе с самодержавием. Ярким, волнующим документом этого рода является прокламация костромских большевиков от имени женщин-работниц, изданная в июле 1915 года:

«Солдаты! К вам обращаемся мы за помощью. Защитите нас! Наших отцов, сыновей и мужей забрали и отправили на войну, а нас, беззащитных, безоружных, расстреливают здоровые, сытые стражники. Некому нас защитить! Защитите вы нас!.. Солдаты! Что нам делать? Научите нас, помогите нам! У нас нет близких» (стр. 48).

Если в июне 1915 г. в Костроме еще нашлись солдаты, которые стреляли в рабочую демонстрацию, то уже в конце февраля 1917 г. на улицах Петербурга рабочие и работницы братались с солдатами, увлекали их на вооруженную борьбу против самодержавия. Прокламации, дополненные корреспонденциями в большевистскую печать, показывают, как по призыву большевиков рабочие Питера шли на поддержку арестованных матросов-революционеров и солдат, как во время демонстраций 1916 г.

---

[1] «История ВКП(б)». Краткий курс, стр. 158.

[2] Следует отметить, что в первой публикации Архива революции прокламаций 1914 г. («Памятники агитационной литературы». Т. VI. Вып. 1-й) этого листка нет.

и начала 1917 г. в Петербурге шло братание рабочих и солдат.

Большой, принципиальный интерес представляют помещенные в книге документы большевистских организаций, в которых сформулировано отношение большевиков к закулисным переговорам о сепаратном мире с Германией. Петербургский комитет в прокламации, выпущенной в декабре 1916 г., пишет: «От нас зависит содействовать скорейшему прекращению войны. Но при этом мы не должны предоставить правительствам и дипломатии определить наступление и условия мира; мы должны заявить... что мир, заключенный праздными классами, готовит в будущем только новые бедствия, новые войны» (стр. 153). Версальский мир и вторая империалистическая война подтвердили правоту большевиков. Указывая путь к революционному выходу из войны, прокламация говорит: «Затеянную в угоду капиталистам войну мы обратим в войну против них» (там же).

Этот и предшествующий документы (см. стр. 151, 152) показывают, что «большевики не были простыми пацифистами», что «большевики связывали дело мира с делом победы пролетарской революции, считая, что наиболее верным средством для ликвидации войны и завоевания справедливого мира, мира без аннексий и контрибуций,— является свержение власти империалистической буржуазии» [1].

Рассматриваемый нами документ замечателен еще и тем, что он появился в момент поворота в мировой политике от империалистической войны к империалистическому миру и накануне поворота центристов (в том числе циммервальдистов типа «министериабельного негодяя» Р. Гримма и гнусного наймита буржуазии Иуды-Троцкого) к открытому союзу с социал-шовинистами, против подлинных интернационалистов. Следует отметить полное совпадение позиции большевистского ПК с ленинской оценкой этого поворота, данной в статьях «Поворот в мировой политике» и «Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический», написанных в январе 1917 г., т. е. после появления этих документов ПК [2]. Это свидетельствует о том, что ленинская линия на превращение войны империалистической в войну гражданскую, органически усвоенная работниками большевистского подполья, позволила им правильно ориентироваться в новой политической обстановке и противопоставить свою революционную политику предательской политике меньшевиков и прочих агентов буржуазии.

Когда российский империализм попытался с помощью меньшевиков подчинить своему влиянию рабочих России путем создания «рабочих групп» при военно-промышленных комитетах, Ленин дал установку: «Мы против участия в военно-промышленных комитетах... Мы за использование выборной кампании, напр., за участие на первой стадии выборов **только** в агитационных и организационных целях» [3]. Эти строки впервые увидели свет 13 октября 1915 г. в выходящем в Женеве «Социал-демократе». А в августе 1915 г. Харьковский комитет большевистской организации вынес на рабочее собрание предложение отвергнуть «участие представителей рабочих организаций в военно-промышленных комитетах» (стр. 66). В сентябре 1915 г. Петербургский комитет партии большевиков, блестяще проведя на заводах агитацию против войны в связи с выборами выборщиков в военно-промышленные комитеты, в наказе выборщикам писал: «Очевидно, речи быть не может об участии представителей рабочих в Центральном военно-промышленном комитете» (стр. 68). На первом собрании выборщиков в Петербурге большевики одержали замечательную победу над оборонцами.

Ту же ленинскую позицию в этом первостепенном политическом вопросе занял ряд местных партийных организаций (Харьковская, Московская, Самарская, Нижегородская, Ростовская, Тверская и др.) (см. стр. 69 и др.).

Большевистские организации неизменно давали отпор попыткам меньшевиков подчинить рабочее движение интересам буржуазии путем выступлений в защиту и на поддержку Государственной думы. В сентябре 1915 г. Киевская организация большевиков по поводу роспуска правительством Думы писала в своей прокламации: «Мы не должны обращать внимания на провокационные действия правительства и должны громко заявить свой протест против кровавой бойни народов» (стр. 72, 73). Против царизма, против войны, а не в защиту Государственной думы — таково содержание прокламации. В ней нет и тени политического индиферентизма. Она показывает, как реализовалась ленинская установка о необходимости использовать «все происходящее в Думе с точки зрения революционной социал-демократии» [4].

Ту же ленинскую линию проводило руководимое В. М. Молотовым Бюро ЦК РСДРП в Петербурге в начале февраля 1917 г., когда оно вынесло решение выступить против попытки меньшевиков-гвоздевцев организовать 14 февраля 1917 г. шествие рабочих к Государственной думе и предложило партийной организации противопоставить «свою политическую позицию Гвоздевской политике поддержки реакционной Думы и либералов» (стр. 172). Эта ленинская линия последовательно проводится в прокламации ПК начала февраля 1917 г. (см. стр. 173).

Ленин предлагал вести агитационную работу в массах так, чтобы подводить их к решающим боям против империализма путем организации выступлений против голода дороговизны, усиленного налогового гнета

[1] «История ВКП(б)». Краткий курс, стр. 160, 161.

[2] Надо отметить, что близкая к ним по своему содержанию статья В. И. Ленина «О сепаратном мире» появилась в выходящем заграницей «Социал-демократе» 6 ноября 1916 года.

[3] Ленин. Соч. Т. XVIII, стр. 311.

[4] Там же.

наступления на жизненный уровень рабочих, создания на предприятиях военно-каторжного режима под флагом милитаризации. Ленин указывал на то, что надо «подрубать корни современного общественного строя не только в теории, не только «вообще», а на практике, непосредственно, теперь же». Он призывал к революционным массовым действиям «против конкретного зла, а именно против сегодняшней дороговизны, сегодняшней военной опасности или теперешней войны» [1].

Приводимые в книге документы показывают, как большевики, организуя массы на борьбу с дороговизной, разоблачили крохоборчество меньшевиков. Петербургский комитет большевиков писал в своей инструкции партийным работникам: «Мы должны указать массам, что вопрос о дороговизне тесно связан с борьбой за демократическую республику и скорейшее прекращение войны, что всякие меры, направленные к мирному разрешению вопроса о дороговизне (кооперация, таксификация цен, организация дешовых столовых, раздел продуктов по заводам и т. п.), дают слишком ничтожные результаты и по существу своему неспособны разрешить вопроса в целом» [2].

В проекте резолюции, выработанной большевистским Петербургским комитетом, говорится, что единственным действенным средством борьбы против продовольственного кризиса «является борьба против причин, вызвавших его, т. е. борьба против войны и правящих классов, затеявших ее» (стр. 133). Это образец целеустремленности большевистской агитации, органически связывающей борьбу против отдельных, конкретных зол капитализма с конечной целью — с борьбой за социализм.

Повседневная борьба против конкретных бедствий, порожденных войной, на основе последовательного проведения ленинской линии на превращение войны империалистической в гражданскую, на свержение империализма и победу социализма обеспечили неуклонный рост влияния большевистской партии. Его можно проследить по материалам рецензируемой книги. Знакомство с прокламациями большевистских организаций начала 1915 г. и с приведенными в примечаниях и приложениях данными об откликах на них показывает, как трудно было в первые месяцы войны поднять массу на стачку, на демонстрацию. Иную картину дает изучение соответствующих материалов конца 1916 и начала 1917 года. Особый интерес представляют документы октября 1916 г., когда по призыву большевиков бастовали сотни тысяч рабочих Петербурга, сначала в знак солидарности с матросами-революционерами, потом ввиде протеста против локаута предпринимателей.

Очень удачно составители сборника сочетают публикацию протоколов, резолюций, прокламаций с перепечаткой корреспонденций в большевистскую печать, давая цельную картину растущей мощи рабочего класса и влияния большевистской партии. Она была бы полней, если бы соответствующей группе документов предшествовали такие ленинские статьи, как «Война и российская социал-демократия», «Что доказал суд над РСДР фракцией», «Несколько тезисов». Правильно поступили составители, положив в основу расположения материала хронологический, а не территориальный принцип и дополнив прокламации корреспонденциями в большевистскую прессу и (в приложениях) отрывками из материалов департамента полиции. Но следовало бы в предисловии составителей оговорить, что из материалов охранки и полиции крайне трудно извлечь сведения о фактическом положении дел в большевистских организациях. Читатель не предупрежден, что здесь он имеет дело с своего рода «кривым зеркалом». Желательно было бы в большей мере использовать перлюстрированную переписку местных комитетов и отдельных большевиков, рисующую положение дел в организации.

Составители не включили ряд прокламаций, ранее публиковавшихся. Неясно, по какому принципу производился отбор материала. Почему, например, не включена прокламация ПК 1 ноября 1916 г. против локаута? Она завершает картину борьбы в октябре 1916 г., и опускать ее не следовало. Непонятно также, почему дана только одна резолюция партсовещания 30 сентября 1914 г. и не даны другие документы, принятые совещанием, например «ответ Вандервельде», почему из инструкции ПК о борьбе с дороговизной выпущены принципиально важные положения.

Снижает научную ценность этого сборника документов некоторая небрежность в подаче текста материала. Не всегда ясно, где текст подлинника и где «от редакции» (не выделено шрифтами). Датировка документов не подкреплена ссылкой на первоисточники, и трудно судить, где имеются достаточные научные данные для установления даты и где имеет место «домысел» составителей.

Предисловие в целом дает интересный фактический материал, однако большим недостатком его является то, что автор предисловия к книге «Большевики в годы империалистической войны» не пытается теоретически обобщить материал сборника, показать его в свете ленинской теории и тактики в этот период. Книга вышла в 1939 г., но не видно, что она подготовлялась после выхода «Краткого курса истории ВКП(б)» и должна служить пособием к изучению его.

Несмотря на ряд промахов, пробелов, неточностей (начиная с титульного листа), небрежную подчас подачу текста [3] книга

---

[1] Ленинский сборник XVII, стр. 111 и 113.

[2] «Красная летопись» № 5120 за 1926 г., стр. 126.

[3] Например не указано, по какому тексту воспроизводится письмо товарища Сталина и других ссыльных в редакцию «Вопросов страхования» (стр. 103), не оговорено многоточие (стр. 22) (в подлиннике не разобрано, купюра редакции) и т. п.

представляет значительный интерес для всякого изучающего историю ВКП(б). Она будет полезна нашим лекторам и преподавателям. Новое, интересное найдет в ней и историк-исследователь.

Ценность книги в том, что она дает опыт борьбы большевиков против империалистической войны, опыт, который и сейчас является образцом для всех борцов против империализма. Она показывает большевистскую партию в действии, в борьбе за проведение в жизнь ленинско-сталинской линии. Она показывает глубочайшие корни большевизма, его неразрывную связь со своим классом и с массами трудящихся и эксплоатируемых, его жизненность и силу, его способность преодолевать любые трудности, любые препятствия во имя высокой цели освобождения человечества от власти эксплоататоров, во имя победы социализма.

Д. Баевский

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

МАКИАВЕЛЛИ НИККОЛО. О военном искусстве. Перевод с итальянского. Госвоениздат. НКО СССР. М. 1939. 223 стр. 5 руб.

Энгельс назвал Макиавелли «первым, достойным упоминания, военным писателем нового времени»[1]. Действительно, вся последующая научная история военного дела наглядно подтвердила эту характеристику. Среди появившихся в начале XVI в. десятков трактатов о военном деле (см. подробный обзор их у M. Jäns'a «Geschichte der Kriegswissenschaft», 4 B-de[2]), не поднимавшихся выше простой эмпирики, трактат Макиавелли «Arte della guerra» выделяется как первая глубокая попытка теоретического обоснования тех грандиозных сдвигов в военном деле, которые несли с собой происходившие в Западной Европе в XVI в. политические, социально-экономические и технические изменения. Анализируя эти сдвиги, Энгельс в своих очерках истории армии и артиллерии дважды упоминает, что «сочинение Макиавелли... было написано специально с той целью, чтобы указать средства, как парализовать его (нового оружия, артиллерии.— **В. Д.**) действие искусным расположением пехоты и кавалерии»[3].

Издаваемый на русском языке впервые, этот замечательный трактат представляет громадный интерес не только для наших военных специалистов, но и для более широкого круга читателей, интересующихся историей. Личность автора этой книги — знаменитого флорентийского политика и государственного деятеля, одного из крупнейших политических мыслителей буржуазной Европы — Никколо Макиавелли — хорошо известна. Горячий патриот, мечтавший об освобождении своей родины от иноземных завоевателей и о воссоединении страны в единое могучее государство, Макиавелли правильно определял основной путь к этому: через крепкую, сильную, отлично обученную и дисциплинированную общенародную армию (милицию). Глубоко убежденный сторонник диктатуры буржуазии, бывшей в это время носителем исторического прогресса, Макиавелли прекрасно понимал историческую необходимость коренной реформы всего современного ему военного дела, неизбежность смены феодального ополчения и кондотьерских отрядов большой общегосударственной армией, смены старой стратегии рыцарских боев новой стратегией больших армий, оснащенных различным, многообразным, включая и артиллерию, оружием.

Известно, что в бытность еще секретарем коллегии десяти, Макиавелли, тщательно изучив операции по осаде Пизы, убедился в непригодности наемной армии и начал работу по созданию флорентийской милиции. По его настоянию гонфалоньер республики П. Содерини, преодолевая немалое сопротивление, создал так называемую ordinanza, во главе которой стал сам Макиавелли. Была создана пешая и немного позже конная милиция. Просуществовала она семь лет, прославила себя (правда, незаслуженно, ибо война была решена голодной блокадой) взятием Пизы, но была разгромлена в 1512 г. в столкновении с лигой, войска которой возглавлялись знаменитой испанской пехотой. Так печально закончился первый опыт создания милиции. Дельбрюк в своей «Истории военного искусства», в главе о Макиавелли (т. IV), приложенной и к разбираемому изданию (стр. 9—11), очень хорошо раскрыл истинные причины этого разгрома— коренные внутренние противоречия жизни Флорентийской республики в начале XVI в. (бесправие и подчиненное положение массы крестьянства — главного поставщика пехоты—верхушке горожан; неустойчивость правительства, глубокое недоверие его к массам, отсутствие единого авторитетного, полновластного командования и т. д.).

Неудача, однако, не поколебала веры Макиавелли в силу найденного им основного принципа нового военного дела. Много раз он возвращается к своей идее. В «Рассуждениях на первую декаду Тита Ливия» (1515) он посвящает военному делу несколько глав (кн. 3-я), очень много места отводит ему в своей «Жизни Каструччо Кастрракани»; в 1520 г. он пишет целый трактат. Большое внимание уделено

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 476.

[2] Об Иенсе см. Энгельс. Там же. Соч. Т. XIV, стр. 174, 384 (здесь же еще раз Энгельс упоминает о Макиавелли).

[3] Там же. Т. XI. Ч. 2-я, стр. 414 и 391.

военному делу в его знаменитой «Истории Флоренции» (закончена в 1525 г.).

Жизнь дала Макиавелли возможность еще раз попытаться реализовать свои идеи. В 1526 г. он становится канцлером и проведитором коллегии прокураторов по укреплениям, ведет огромную работу по поднятию обороноспособности Флоренции, снова выдвигает свой план организации милиции, но встречает непреодолимые препятствия. Верхушка Флоренции отвергла его предложения. Смерть положила конец его мечтам. Позже, в 1530 г., отдельные отряды горожан в последней борьбе за свободу против папы и императора боролись героически, но спасти свою родину все же не смогли. Флорентийская республика пала.

Трактат «О военном искусстве» представляет собой, таким образом, свод большого количества наблюдений над жизнью и выведенных отсюда теоретических построений. Макиавелли начинает с тщательного анализа основной системы военного дела его времени — системы наемных войск (стр. 30, 34, 213 и сл.), ее организации, методов боевой подготовки и тактики. Затем, обращаясь к опыту древних, в первую очередь римлян, греков, македонян, парфян и др., он формулирует основные принципы создания новой армии на базе милиции. При этом он всюду в столь восхваляемую им систему римского военного дела вносит такие значительные к о р р е к т и в ы, что называть его простым реставратором римской системы ни в коем случае нельзя. Эти коррективы идут от трезвого учета новой социально-экономической обстановки и новой техники.

Утвердив одним из первых в мировой социологической литературе принцип г л у б о ч а й ш е й с в я з и гражданской и военной жизни (стр. 19 и др.) и подвергнув сокрушительной критике кондотьерство, Макиавелли утверждает основное положение своей системы: «Лучшая армия та, которая составляется из своих же граждан» (стр. 43). Далее он излагает принципы комплектования новой армии — системы всеобщего призыва (набора) всех граждан в возрасте от 17 до 40 лет (стр. 51—56). Основным родом войск Макиавелли считает пехоту, конница у него немногочисленна, но высокого качества и выполняет ряд важных задач (стр. 65—68, 95, 211).

Очень много места отводит Макиавелли обучению пехоты (стр. 69 и сл.), вопросам создания четкой боевой дисциплины. Он обстоятельно останавливается на снабжении войск, устройстве лагерей, временных и постоянных укреплений, движении армии в походе и различных системах боя. Эта обстоятельность выражается также в пространных рассуждениях о роли музыки и знамени в деле создания хорошо организованной армии (стр. 91, 128 и др.). В области тактики Макиавелли уходит значительно дальше своего времени. Он беспощадно критикует ставшую традиционной лишь в XVII—XVIII вв. линейную систему (стр. 98, 126 и др.). Много места отводится характеристике роли полководца и его поведению в различные моменты боя, роли живого слова полководца и необходимости его теснейшей связи с армией (стр. 140).

Наиболее слабое место трактата Макиавелли — это раздел об артиллерии (стр. 110—116 и др.). Как уже было сказано, Макиавелли не понимает ее значения, отводит ей ничтожное место и стремится не столько использовать ее, сколько нейтрализовать.

Наряду с этим в трактате имеется множество остроумных и тонких замечаний вроде следующего: «Римляне понимали, что страх законов у людей слишком слаб и этим нельзя держать в руках вооруженную толпу; поэтому они усиливали закон авторитетом религии, всячески старались укрепить ее в сознании солдат и заставляли их... приносить клятву... дабы нарушителям ее грозили не только законы и люди, но и боги» (стр. 176—177).

Очень интересны рассуждения Макиавелли об обусловленности личного мужества воина общественным строем: «Выдающиеся люди чаще встречаются в республиках, где таланты в большем почете чем в монархиях, где их боятся. Там воспитывают дарования, а здесь их истребляют» (стр. 92, еще 91).

Очень много интересного найдет в книге Макиавелли историк, многие места ее послужат для него ярким подлинным источником для истории Италии конца XV и начала XVI века. Такова характеристика состояния военного дела и политики Венеции (стр. 43—46), Генуи в годы восстания ее против Людовика (стр. 193), походов папы Юлия II, Чезаре Борджиа, Карла VIII, состояния Италии в годы итальянских войн (стр. 215 и сл.), особенно в 1494 г., и др. Внимательный читатель отметит и ту силу, с которой Макиавелли обрушивается на «властителей мира», сделавших итальянцев «посмешищем мира» (стр. 214—215), его страстную убежденность в том, что страна еще может подняться и занять подобающее ей место в ряду других.

Уместно будет рассеять здесь же одну из многих «творимых легенд» о Макиавелли, распространяемых буржуазной историографией и, к сожалению, некоторыми советскими историками. Так, А. Дживелегов в своей статье о Макиавелли при первом томе русского издания его сочинений[1] утверждает, что Макиавелли не понимал всей великой силы чувства любви к родине и поэтому, дескать, рекомендовал полководцу, желающему поднять дух у своих солдат, обманывать их или действовать на их суеверие. Это неверно. Макиавелли, сам горячий патриот, знал, что любовь к родине — великое чувство. Поэтому-то он и мог писать, что стойкость воина «еще более укрепляется любовью к родине, привязанностью к вождю и доверием к нему... Любовь к родине дана природой, любовь к вождю создана его талантами, которые.. важнее всяких благодеяний» (стр. 141).

---

[1] Изд. «Academia», стр. 119—121. М. 1934.

Перевод книги сделан хорошо, предисловие от издательства (стр. 3—6) и приложенный к книге упомянутый выше очерк Г. Дельбрюка широко освещают историческое значение труда Макиавелли. Недоумение вызывает лишь алфавитный указатель имен—примечания (стр. 218—222). Он крайне неполон и составлен, видно, наспех. Так, почему-то пропущены такие имена, как Пирр (упоминается на стр. 48, 132, 180, 202), Лукулл (стр. 65), Марк Красс (стр. 67), Нин (стр. 91), имп. Максимин (стр. 49), Эпаминонд (стр. 112), Домиций Кальвин (стр. 201), Архелай, Крез, Марций, Метелл, Деций, Афраний, Фульвий, Лентен, Дионисий, Формиэн, Марцелл и многие другие, не более известные широкому читателю чем объясненные Марк Аттилий Регул или Ксантипп. Объяснения к некоторым именам без всяких к тому оснований даны излишне пространно (например Лор. Строцци, Катарина Сфорца); из терминов объяснена почему-то одна «турма», объяснение многих других (как «триба», «велит» и др.) совершенно отсутствует.

В. Дитякин

ИСТОРИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

A. FRIIS og. P. BAGGE. Europa Danmark og Nordslesvig 1864—1879. I Bind. Kobenhavn. 1939. *«L'Europe, le Danemark et le Slesvig du Nord* Actes et lettres provenant d'archives etrangères pour servir á l'histoire de la politique extérieure du Danemark aprés la paix de Vienne—1864—1879—publié par Friis et P. Bagge, tome I du 30 octobre 1864 au 31 décembre 1869. Copenhague. 1939 (cc. X + 649).

«Европа, Дания и Северный Шлезвиг». Документы и письма из иностранных архивов, относящиеся к истории внешней политики Дании после венского мира 1864—1879 гг., публикуемые О. Фриисом и П. Багге. Т. I от 30 октября 1864 г. до 31 декабря 1869 года.

Копенгаген. 1939. X + 649 стр.

Основной язык этого издания — датский; тексты публикуемых документов даны на английском, французском, немецком и итальянском языках подлинников; содержание документов, заимствуемых из других изданий, излагается сокращенно на датском языке; краткое предисловие источниковедческого характера — на французском языке.

Иностранные (т. е. не датские) документы, опубликованные в этом издании, являются, по мысли издателей, дополнением к собранию датских дипломатических документов, изданному проф. Фриисом в 1921—1939 гг. под названием «Det nordslesvigske Sprsmaal» [1]. В действительности эта новая публикация имеет вполне самостоятельное значение и представляет более широкий интерес чем прежняя, поскольку содержит гораздо больше данных для изучения дипломатической деятельности европейских держав в связи с «шлезвигским» вопросом.

Хронологические рамки обеих публикаций одинаковы: отправная дата — 30 октября 1864 г. (венский мирный договор, которым закончилась датская война 1864 г.); заключительной датой служит 11 октября 1878 г., принятое за дату австро-германского соглашения об аннулировании 5-й статьи пражского, австро-германского, мирного договора, предусматривавшей условное возвращение Дании северной части Шлезвига. Но как в первой публикации содержится также и последующая дипломатическая переписка по поводу «кончины» 5-й статьи пражского договора, так и в рецензируемой публикации предполагается дать «отзвуки» этого события. Сомнительно, однако, чтобы текущие события создали неутомимому исследователю дипломатических архивов Европы благоприятные материальные и политические условия для завершения его труда.

Новый сборник содержит документы дипломатических архивов СССР, Швеции, Австрии, Англии, Франции, а также, в гораздо меньшем объеме, Италии, Бельгии и США. Прусских и других германских документов в нем почти нет. По объяснению составителей сборника, «значительное большинство их уже опубликовано», частью в официальной публикации германского министерства иностранных дел 1925 г., озаглавленной «Bismarck und die nordschleswigsche Frage 1864—1879. Die diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes zur Geschichte des Artikels V des Prager Friedens», и затем в 1929 г. в двухтомнике «Ursprung und Geschichte des Artikels V des Prager Friedens. Die deutschen Akten zur Frage der Theilung Schleswigs (1863—1879)», опубликованном F. Hähnsen'ом в трудах кильской «балтийской комиссии» («Schriften der baltischen Kommission zu Kiel». T. XV, 1—2). К этому объяснению составители добавляют упрек по адресу германского министерства иностранных дел в том, что оно не предоставило в их распоряжение не опубликованные ни в одной из германских публикаций (включая «Die Grosse Politik der europäischen Kabinette») документы, «касающиеся гвельфской проблемы в 1878—1879 гг.». Наряду с этим они изъявляют полное удовлетворение любезностью французского министерства иностранных дел, которое в 1920—1921 гг. «разрешило А. Фриису использовать безо всяких ограничений те из своих дипломатических документов,

[1] «Северношлезвигский вопрос». Издание это состояло из четырех основных томов и пятого, дополнительного.

которые тогда еще не были опубликованы[1] в «Les origines Diplomatiques de la guerre 1870—1871». Эта любезность щедро вознаграждена тем, что проф. Фриис удостоверяет теперь «тщательность и объективность, характеризующие французские документальные публикации».

Первые три тома последующей французской публикации — «Documents Diplomatiques Français (1871—1914)» — включают очень малое количество документов, касающихся Дании и шлезвигского вопроса, но составители датского сборника получили возможность опубликовать не попавшие в эту французскую публикацию некоторые документы французского министерства иностранных дел. При этом они дали в сокращенном изложении также и опубликованные во Франции документы, чего не сделали, однако, в отношении германских документов, мотивируя это тем, что последние «собраны в специальных публикациях». Таким образом, составители рецензируемого сборника во вступительной статье обращают в сторону Парижа любезные и благодарные улыбки, а в сторону Берлина — укоризненную мину.

Об английских источниках сказано кратко: «Английские документы, хранимые в Foreign Office, дополнены рядом актов и писем, имеющих большую важность, из «Королевских архивов» Виндзорского замка, куда мы были допущены с разрешения е. в. короля Георга V». При ближайшем ознакомлении с английскими документами рассматриваемой публикации становится понятной сдержанность этого отзыва: большая часть документов не выходит за пределы той категории документов, которые «от рождения» своего предназначены для оглашения, предусмотренного английской конституционной практикой.

Русские (на французском языке подлинников) документы и качественно и количественно составляют основное содержание сборника гг. Фрииса и Багге. Документы эти подобраны были в Московском государственном архиве внешней политики и относятся — в отличие от большинства остальных — к разряду той переписки, оглашение которой никогда не имелось в виду ни участниками переписки, ни продолжателями их политики. Нельзя не отметить, что у составителей сборника не нашлось ни одного слова благодарности по адресу наших архивных учреждений, несмотря на то что наиболее ценные материалы получены ими из советских архивов. Обращает на себя особенное внимание глухое упоминание (на стр. V) об архивном источнике, местопребывание которого, повидимому, настоящим образом законспирировано: «Некоторые части архивов российской миссии в Копенгагене, которые за время, предшествующее 1917 году, не находятся в Москве — и не существуют более в Дании, — равным образом были представлены в наше распоряжение».

[1] Но были уже, очевидно, выбраны для опубликования.

★

Напомним события 1865—1870 гг., к которым относятся документы рецензируемого сборника.

Венским мирным договором 30 октября 1864 г. Дания уступила Австрии и Пруссии права датской короны на Шлезвиг, Гольштейн и Лауенбург. Австрийские и прусские войска сообща оккупировали эти территории и управляли ими. Между австрийским и прусским правительствами велись переговоры о дальнейшей судьбе их. Австрия, поставив себе главной задачей ограничить прусские аппетиты[2], пыталась восстановить герцогский трон, посадить на него своего кандидата и включить Шлезвиг-Гольштейн в союз германских государств. Пруссия соглашалась на это только под условием, что армия и флот нового союзного государства войдут в состав прусской армии и флота, его железные дороги, почта и телеграф будут подчинены прусской администрации, а важнейшие в военном отношении пункты будут переданы Пруссии. Австро-прусские споры закончились компромиссным соглашением в Гаштейне 14 августа 1865 года. Временный характер этого компромисса обусловлен был сохранением обоюдного австро-прусского суверенитета над Шлезвигом и Гольштейном; лишь судьба Лауенбурга была окончательно решена: австрийский император, одолеваемый нуждою в деньгах, продал свою долю «прав» на Лауенбург прусскому королю за 2½ млн. датских талеров. По гаштейнскому договору, Австрия «временно» взяла на себя управление Гольштейном, а Пруссия — Шлезвигом; Киль объявлен был союзным портом под прусским, однако, управлением; Пруссия получила стратегическую дорогу, телеграфную и почтовую линию через Гольштейн.

С этого времени Шлезвиг и Гольштейн, которые Пруссия не собиралась выпустить из своих рук, стали одним из объектов австро-прусского соперничества в Германии.

В апреле 1866 г. Пруссия поставила перед Германией (во франкфуртском общегерманском сейме) вопрос о реформе конституции Германского союза при участии представительного собрания, составленного на основе всеобщего избирательного права. Для австрийского правительства одного этого было бы достаточно, чтобы прибегнуть к войне в защиту своего положения в Германии. С целью получить поддержку германских правительств против Пруссии Австрия передала в начале июня 1866 г. вопрос о Шлезвиг-Гольштейне на решение Германского союза. В то же время австрийский губернатор Гольштейна созвал на 11 июня гольштинское сословное представительное собрание с целью закрепить за Австрией симпатии местного населения. Пруссия объявила гаштейнское со-

[2] Это ясно отражено в инструкции австрийского министра иностранных дел австрийскому поверенному в делах в Копенгагене от 10 декабря 1864 г. (№ 14, стр. 6 рецензируемого сборника).

глашение нарушенным обоими этими актами. 7 июня прусские войска вступили в Гольштейн, а 10 июня прусское правительство представило германским правительствам проект новой союзной конституции, исключавшей Австрию из союза и подчинявшей союз прусскому «руководству». 14 июня франкфуртский сейм, по предложению Австрии, объявил мобилизацию всех союзных вооруженных сил, а Пруссия — о своем выходе из союза. 16 июня прусские войска вступили в Саксонию, а 19 июня заняли Дрезден. 3 июля пруссаки разбили австрийцев при Кениггреце, 8 июля заняли Прагу. 26 июля австрийцы приняли условия прелиминарного мира и перемирия и 23 августа подписали в Праге мирный договор, по которому свои «права» на Шлезвиг-Гольштейн передали Пруссии.

Англия, Россия и Франция под гром пушек вели переговоры между собой о дипломатическом вмешательстве в австро-прусский конфликт с целью повлиять на условия последующего мира; русско-французские переговоры сосредоточились на плане созыва европейской конференции, на которой оба правительства рассчитывали поставить вопрос о компенсациях в свою пользу: Франция — на Рейне, Россия — ревизией Парижского трактата. Англия озабочена была судьбою Киля, перспективой превращения Пруссии в морскую державу, с чрезвычайно выгодным положением на Северном и Балтийском морях, а также непосредственной возможностью соглашения (к которому стремился Наполеон III) между Францией, Пруссией и Россией, которое подорвало бы английскую гегемонию на европейском континенте. Двойная игра пальмерстоновского правительства заключалась в том, что оно, с одной стороны, симулировало готовность совместно с Францией и Россией парализовать рост прусской мощи[1], подстрекая этим Данию и Австрию к борьбе с Пруссией, а с другой — заверяло противную сторону в том, что Англия не помышляет о войне. Политика эта во всем ее объеме была разоблачена и пригвождена к позорному столбу еще в 1853 г. бессмертным памфлетом Маркса «Лорд Пальмерстон».

«Он (Пальмерстон.— *Е. А.*) прекрасно умеет соединять демократическую фразеологию с олигархическими воззрениями, умеет хорошо скрывать торгашескую мирную политику буржуазии за гордым языком аристократического англичанина старых времен; он умеет казаться нападающим, когда на самом деле потворствует, и обороняющим, когда на самом деле предает; он умеет ловко щадить мнимого врага и приводить в отчаяние сегодняшнего союзника, умеет в решительный момент спора становиться на сторону сильнейшего против слабейшего и обладает искусством, убегая от врага, сыпать громкими, смелыми фразами...

«Когда он предавал чужие народы, он делал это с величайшей вежливостью, ибо вообще вежливость, это — мелкая монета, которою черт оплачивает глупцов, отдающих ему кровь своего сердца. Притеснители всегда могли рассчитывать на его помощь; притесненных же он щедро одаривал своим ораторским великодушием. Он всегда был готов к услугам, когда дело шло об угнетении поляков, итальянцев, венгров, немцев; и все-таки их притеснители подозревали его в тайных сношениях с жертвами, которых они зарезали с его разрешения. Тот, кто имел его своим противником, мог скорее всего рассчитывать на успех; зато его дружба всегда означала перспективу верного поражения»[2] (разрядка моя.— *Е. А.*).

Весною, когда германские государства угрожали Дании войной в ответ на объявленную датским королем общую для Дании и эльбских герцогств конституцию, Пальмерстон так «разъяснил» позиции Англии в отношении датско-германского спора из-за Шлезвиг-Гольштейна.

«Существенная задача британской политики,— говорил он,— охранять независимость и целость датской монархии»; германцы имеют право вмешательства в управление Гольштейном, но не имеют никаких прав в отношении Шлезвига[3]; вслед за этим он

[1] Еще в 1864 г. Пальмерстон через «неофициальную агентуру» «предостерегал» русское и французское правительства против попустительства прусской агрессии в Дании, которое приведет-де «к целому ряду» завоевательных войн Пруссии на континенте, и в июле этого года Энгельс писал в «Allgemeine Militär Zeitung»: «Происходит самое невероятное событие: Англия угрожает Германии войной. Как сообщает «United Service Gazette», уже отдан приказ военному магазину (интендантскому складу.— *Е. А.*) в Пимлико (Лондон) и арсеналу в Вульвиче держать наготове необходимое обмундирование и снаряжение для 30 000 человек, и в ближайшие дни мы можем рассчитывать на то, что услышим об отплытии ламаншской эскадры в Зунд». Во всеобщее сведение объявила 25 июня 1864 г. «Army and Navy Gazette» состав, вооружение, тоннаж морских сил, «которыми мы располагаем и которым можем немедленно приказать сняться с якоря» (Маркс и Энгельс. Соч. Т. XII. Ч. 2-я, стр. 579).

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IX, стр. 489.

[3] Касаясь запутанности шлезвиг-гольштинской проблемы середины XIX в., трудно обойти характерный для Пальмерстона анекдот, пущенный в обращение итальянским государственным деятелем: «Лорд Пальмерстон, которому не удалось помешать возникновению войны дипломатическими средствами, имел обыкновение остроумно замечать, что только три человека знали суть этого (шлезвиг-гольштинского. — *Е. А.*) спора: первый из них — принц Альберт, к несчастью скончавшийся; второй — один из датских государственных деятелей, который сошел с ума, и третий — сам он, лорд Пальмерстон, который позабыл, в чем там дело» (A. La Marmora «Un peu plus de lumière sur les événements politiques et militaires de l'année 1866» — traduit de l'italien, p. 42. 2-e édition. Paris. 1874.

возвестил опасность европейской войны из-за «мечты о создании германского военного флота и желания превратить Киль в германскую военно-морскую базу».

«Со всеми здравомыслящими людьми в Европе, в частности во Франции и в России,— продолжал он,— я схожусь в пожелании, чтобы независимость, целость и права Дании могли быть сохранены. Мы убеждены,— я, по крайней мере, убежден,— что если бы была сделана попытка нарушить эти права и посягнуть на эту независимость, те, кто сделали бы эту попытку, вскоре убедились бы, что им придется иметь дело не с одной Данией».

Это было сказано в парламенте и, конечно, значительно подняло воинственное настроение в Дании. Но немного позже в записке Дж. Ресселю Пальмерстон писал:

«Шлезвиг не составляет части Германии, и вторжение в него германских войск будет актом войны против Дании, который дал бы право Дании на нашу военную (!) и морскую помощь, но ни вы, ни я не можем объявить о таком решении без согласия кабинета и королевы»[1].

Пальмерстон, как и его министр иностранных дел Рессель, не только знал, что кабинет и королева ни на какой конфликт с Пруссией не пойдут, но и сам был полностью готов предать Данию. Правда, самолично он не успокоил прусское правительство насчет подлинных намерений Англии, но предоставил это сделать королеве Виктории. «Мое сердце и симпатии,— писала она своей дочери в Берлин,— всецело на стороне Германии. Я безусловно осуждаю трактат 52 года[2], но раз он нами подписан, мы не можем отречься от него, не попытавшись сперва — не войной! — отстоять его...»[3].

В Шлезвиге заговорили пушки, датчане отступили, все еще в надежде на английскую помощь, если не английскими, то французскими войсками. Но министр иностранных дел Наполеона III, Друэн де Люис, не забыл, как Англия за год перед этим, в 1863 г., рассорила Наполеона III с Александром II: «Из поведения Англии в польском деле он убедился— по его собственным словам,— что в международных конфликтах Англия совершенно исключает намерение подкреплять собственными силами свои дипломатические выступления»[4]. Выступление против Пруссии Второй империи могло бы быть куплено содействием в приобретении ею Рейнской области, но это не входило в планы британской дипломатии. Поэтому, пока немецкие пушки громили датскую оборонительную линию, Бисмарк посмеивался над канцелярской «продуктивностью Форейн Офиса», как он выражался; с 1863 г. он имел русское правительство своим союзником, соблазняя в то же время Наполеона III надеждой на приобретения на Рейне в уплату за благожелательность Франции ко всем прусским предприятиям в Германии.

«Трижды,— по словам Э. Оливье,— английский кабинет запрашивал императора о его намерениях: 1) перед началом (датско-германских) военных действий, 2) при вступлении австро-прусских войск в Шлезвиг[5], когда он предложил Наполеону морскую демонстрацию, 3) на лондонской конференции, когда он предложил ультимативно заставить воюющие стороны принять пограничную линию в северном Шлезвиге. Во всех трех случаях император отвечал вопросом: «Если я приму вместе с вами участие в демонстрациях, могущих вовлечь меня в войну, поддержите ли вы меня всеми силами, как в Крыму?» «И во всех этих трех случаях английский кабинет даже не ответил на этот вопрос»[6].

Особенно интересен в изложении Оливье второй из этих трех эпизодов. На запрос английского правительства Друэн де Люис, министр иностранных дел Наполеона III, ответил:

«Наше положение отличается от положения Англии. Для Англии не представляет никакой опасности морская демонстрация в водах Дании. Англия легко могла бы блокировать германские порты и дать Пруссии урок, который сделал бы грозным британское имя. Мы же, напротив, имели бы в перспективе войну, быть может, долгую, с воинственной нацией в 40 миллионов душ, с уверенностью, что каковы бы ни были результаты этой войны, нашей политике придется считаться с ненавистью, порожденной или воскрешенной этой войною. Согласны ли вы дать нам гарантии против этой перспективы? В случае, если наступление (прусское.— *Е. А.*) на Рейне будет ответом на нашу морскую демонстрацию, обязываетесь ли вы помогать нам, и скажете ли вы, как и в каком объеме вы окажете нам помощь». Много лет спустя, рассказывая об этом эпизоде, Друэн де Люис меланхолически добавлял: «Я все еще жду ответа!»[7].

Упорное молчание в ответ на резонный вопрос Друэн де Люиса можно объяснить только тем, что «британские государственные деятели не были вполне искренни, когда обращались со своими предложениями

---

[1] Phil. Guedalla, Palmerston. London. 1926, p. 445.

[2] Лондонский трактат 1852 г., гарантировавший территориальную целость датской монархии и скрепленный подписью английского правительства.

[3] Phil. Guedalla, Op. cit., p. 448.

[4] Op. cit., p. 449.

[5] Вернее, в Ютландию.

[6] Olliviér E. «L'Empire liberal». V. VII, p. 120.

[7] Olliviér E. «L'Empire liberal». V. VII, p. 71. С английской стороны было немало попыток опорочить это свидетельство. Англофильская историческая публицистика обвиняла позднее Наполеона в том, что он допустил расчленение Дании, несмотря на формальные предложения сотрудничества, сделанные Англией (P. Deschanel «Orateurs et Hommes d'État», p. 93. Paris. 1888). Однако версия Друэн де Люиса подтверждается его депешей в Лондон от 10 июня 1864 г., опубликованной в сборнике документов «Les Origines de la guerre de 1870—1871». V. III, pp. 201—205.

активного сотрудничества к императору французов» [1].

Признав эти английские предложения провокационными, бонапартистская дипломатия твердо решила не повторять с Пруссией ошибки, совершенной ею под влиянием англичан в польском вопросе, которая привела к разрыву франко-русского альянса 1859 года. Любезность в отношении Бисмарка была удвоена. В ноябре 1864 г. Друэн де Люис объяснял прусскому послу в Париже Гольцу, что Кильский перешеек необходим Пруссии для развития германского морского могущества. Накануне лондонской конференции в апреле 1864 г. он обещал Бисмарку — поскольку это зависит от Франции — передачу пруссакам Гольштейна и южной части Шлезвига и одновременно предложил создать «открытую и действенную франко-прусскую антанту». 10 апреля 1865 г. присяжный защитник Дании в бонапартовском «Законодательном корпусе» депутат Морэн заявил: «Материально Франция не заинтересована в датско-германском споре: не Францию должна беспокоить перспектива создания нового военного флота в Европе».

В силу этого датское правительство наряду с циркулярным обращением о содействии в шлезвигском вопросе к правительствам Англии, России и Франции особо обратилось к Франции с запросом: «Не испытает ли сама Франция последствия того, что Дания потеряет всякое влияние на равновесие в Балтике? В случае, если Германия сохранит в своих руках не только крупную морскую базу, которую она намерена создать в Киле, но также и укрепления Дюбболя и острова Альса [2], наша независимость станет совершенно иллюзорной [3]. Флот может занять Балтику и угрожать вскоре Швеции и Норвегии судьбою, подобной нашей. На этой новой базе могла бы образоваться коалиция, более опасная для остальной Европы, чем какая-либо из упоминаемых в истории политических комбинаций» [4].

В феврале 1866 г., накануне австро-прусской войны, Наполеон известил прусского короля, что Франция в этой войне будет соблюдать абсолютный нейтралитет. «Но,— прибавил он,— мне нет надобности говорить, на чьей стороне мои симпатии: я желаю присоединения герцогств к Пруссии, ибо это соответствует тенденциям нашей эпохи...» [5].

После провала пальмерстоновского предложения о совместной франко-англо-русской морской демонстрации в Балтийском море — без всякой гарантии и без всяких дальнейших обязательств со стороны английского правительства — Пальмерстон для поддержания собственного достоинства побеседовал с австрийским послом — «но не как английский министр с австрийским послом, а как Пальмерстон с Аппоньи» — о том, что если австрийская эскадра пройдет Северное море, то сильная британская эскадра последует за ней с «надлежащими инструкциями», причем просил посла принять это сообщение отнюдь не как угрозу, а «как дружеское напоминание о последствиях, которые могут сопровождать возможные действия». Кабинет со своей стороны немедленно подтвердил, что не берет на себя никакой ответственности за это единоличное выступление своего главы. Само собой разумеется, ничего более приятного для своего «противника» — Бисмарка, которому предстояло еще вырвать Шлезвиг-Гольштейн из рук Австрии,— Пальмерстон не мог сделать!

Так, Пальмерстон оставался в 1864 г. верным «принципам» британской дипломатии, сформулированным им в одном из самых «славных» его парламентских выступлений в 1848 году:

«Отдавая должное уважение союзам, я считаю, что Англия — держава, достаточно сильная, достаточно могущественная для того, чтобы идти своим собственным путем, а не превращать себя в бесполезный придаток политики какого-либо другого правительства. Я считаю, что подлинная политика Англии,— за исключением вопросов, затрагивающих наши собственные особые интересы, политические и торговые,— заключается в том, чтобы быть чемпионом справедливости и права, идя по этому пути с умеренностью и осторожностью, не превращаясь в Дон-Кихота, но возлагая на чашу весов груз своей моральной санкции и поддержки во всяком справедливом деле и во всяком нарушении права... Близорукая политика основывается на предположении, что та или иная страна должна быть признана вечным союзником или постоянным врагом Англии. У нас нет вечных союзников, и у нас нет постоянных врагов. Вечны и постоянны только наши интересы, и наш долг — сообразоваться с этими интересами» [6].

Накануне австро-прусской войны английская дипломатия выясняла положение в Копенгагене: не станет ли Дания на сторону Австрии. «Обжегши один раз пальцы,— ответил на вопрос английского посланника глава датского правительства граф Фриис,— мы не имеем никакого желания повторить этот эксперимент...» [7]. 2 апреля 1866 г. Дания заблаговременно декларировала свой нейтралитет на случай войны между Авст-

---

[1] F. de Jessen «L'Intervention de la France dans la question du Slesvig du Nord», p. 31. Paris. 1919.

[2] «Дюббель» и «Альс»—по-датски, «Дюппель» и «Альсен» — по-немецки.

[3] Бисмарк отзывался в это время о независимости и суверенитете Дании как об обманчивой «внешней видимости». Моренгейм считал, что датский вопрос уже превратился для России в балтийский вопрос.

[4] «L'Intervention de la France», etc. 121.

[5] Subel H. «Die Begründung des Deutschen Reiches durch Wilhelm I». B. III, SS. 106, 299 и B. IV, S. 277—278.

[6] Цит по Guedalla, p. 280—281.

[7] Рецензируемый сборник Friis-a и Bagge, I том (в дальнейшем обозначаем словом «Сборник»), стр. 51.

рией и Пруссией. Наполеон III с целью сохранить свой престиж, а также вогнать клин между Данией и Пруссией и получить разменную монету при переговорах с Бисмарком о компенсациях в пользу своей империи «облагодетельствовал» Данию, выговорив в условиях австро-прусского прелиминарного мира плебисцитарное решение вопроса о северной части Шлезвига (ст. 5-я окончательного пражского мира). В августе 1866 г. датское правительство обратилось к английскому с вопросом, не поддержит ли последнее настояние Дании о создании в Шлезвиге «этнографической» границы, которая оставила бы Дании северную часть Шлезвига, до Фленсбурга включительно. Ответ гласил, что если «такое предложение будет сделано по собственной инициативе прусским правительством, то оно, без сомнения, будет хорошо принято в нашей стране и получит полное одобрение правительства его величества»[1]. Но французский посол и шведско-норвежский посланник обратились к Бисмарку с выражением пожеланий своих правительств об осуществлении шлезвигского пункта пражского мирного договора. Шведское правительство, ссылаясь на то, что подчинение всей Германии Пруссии ставит под угрозу дальнейшую независимость всей Дании, выразило французской дипломатии свою надежду, что датский вопрос может быть решен восстановлением тройственной скандинавской унии. Тогда и английский посол в Берлине Лофтус спросил Бисмарка, как будет осуществляться шлезвигский пункт. Бисмарк нашел, что этот вопрос «преждевременен», тем более что он касается договора, заключенного с другой державой. Лофтус объяснил, что Великобритания вообще заинтересована в вопросах «благополучия» Дании и что в результате войны Дания лишилась территории большей чем та, которая до войны оспаривалась. Бисмарк возразил, что в северном Шлезвиге «только низшие слои населения датского происхождения, а более состоятельные и респектабельные—немцы». Лофтус в ответ на это дал Бисмарку совет приобрести великодушием и щедростью дружбу и союз с Данией и для этого вернуть Дании Альсен и Фленсбург. Бисмарк ответил, что Альсен стратегически необходим Пруссии, что на дружбу Дании Пруссия не может ни в каком случае положиться и что этот вопрос должен быть решен только Австрией и Пруссией[2].

В начале 1867 г. прусское правительство декретировало присоединение к Пруссии Шлезвиг-Гольштейна, введение в бывших герцогствах прусской воинской повинности и назначение выборов в северогерманский парламент. «Times» распубликовал циркулярную депешу Бисмарка, объявлявшую, что по шлезвигскому вопросу все державы находятся в полном согласии с Пруссией, а «особенно доброе взаимопонимание» воцарилось между Данией и Пруссией. Английский посланник в Копенгагене послал статс-секретарю по иностранным делам негодующую депешу по поводу этого «особенно доброго взаимопонимания» и ироническую — по поводу упоминания во французской «Желтой книге» о глубокой благодарности Дании Наполеону III за включение в пражский договор 5-й статьи[3]. Со своей стороны, Лофтус, обиженный отношением Бисмарка к проявленному им интересу к шлезвигскому вопросу, изложил статс-секретарю Стэнли план давления на Пруссию, чтобы заставить ее вернуть часть Шлезвига датчанам: он предложил в связи с предстоявшей нотификацией об образовании новой северогерманской конфедерации с прусским морским флагом и прусским консульским представительством, прежде чем признать это новое государственное образование, поставить перед Пруссией вопрос, когда и как будет выполнена 5-я статья пражского договора[4]; иначе, предупреждал Лофтус, эта статья никогда не будет выполнена. Через неделю Лофтус повторил свое предложение, сославшись на то, что французский посол Бенедетти уже запросил Бисмарка о судьбе 5-й статьи и получил от него двусмысленный и запутанный ответ. Русский посланник в Берлине Убри писал князю Горчакову 9 марта 1867 года:

«...Вследствие французского демарша[5], лорд Лофтус предполагал вызвать аналогичную демонстрацию со стороны своего правительства», но «он не знает, захочет ли последовать совету своего посла английский кабинет, который сделал своим политическим каноном воздержание»[6].

«Воздержание» это не мешало английскому представителю в Дании подливать масло в огонь, поддерживавшийся там французской дипломатией. 11 апреля 1867 г. бельгийский поверенный в делах в Копенгагене доносил своему правительству:

«Воинственное возбуждение из Центральной Европы распространяется и на Данию: в последние два дня здесь пришли к заключению, что война должна разразиться очень скоро и... датчане ее не боятся. Нет сомнения, что их помощь флотом и армией обеспечена любой державе, которая начнет военные действия против Пруссии. Никогда, я полагаю, ненависть к имени пруссаков не была столь велика, как в данный момент...»[7]. Даже Фриис, проводник самой осторожной политики, 25 апреля сказал английскому поверенному в делах, что «в случае войны между Францией и Пруссией и победы первой над второй, общественное мнение в Дании самым настойчивым образом потребует участия Дании в войне»[8].

---

[1] Сборник, стр. 85—86.

[2] Там же, стр. 97—98.

[3] Сборник, стр. 115—117 и 123—124.

[4] Там же, стр. 125—127 и стр. 131.

[5] Т. е. упомянутого запроса Бенедетти, на который Бисмарк «дружески пожаловался» царскому посланнику, в ответ на что Убри сказал, что он не имеет никаких указаний от своего правительства, но лично может посоветовать великодушием уничтожить в Дании почву для французского влияния.

[6] Сборник, стр. 134.

[7] Там же, стр. 145.

[8] Там же, стр. 153.

13 мая французский вице-консул в Киле переслал в Париж датскую информацию о подготовке датских военных сил к войне в текущем году. «Многие из генералов и старших офицеров считают, что... мы рисковали бы потерять Ютландию, если бы решились воевать против Пруссии...» и что следовало бы, отказавшись от либеральной конституции, примирить этим с Данией Пруссию, получить от нее часть Шлезвига и заключить с нею союз. «Несмотря на все эти бредни и интриги наших генералов,— писал автор этой информации,— вся армия одушевлена самым горячим патриотизмом, и все усилия бросить ее в объятия Пруссии никогда не увенчаются успехом. День, когда король подписал бы договор о союзе с г. Бисмарком, был бы последним днем пребывания его в Дании» [1].

Наконец, 20 мая датский посланник в Лондоне прямо поставил вопрос лорду Стэнли.

«Оказало ли бы содействие английское правительство, при благоприятном случае, к возвращению утраченных провинций? Я ответил ему,— писал Стэнли,— что и справедливость и договорные права, по-моему, целиком на стороне его правительства, что мы приветствовали бы исполнение его желаний, но что Англия не подписывала Пражского трактата, что мы непосредственно в этом вопросе не заинтересованы... и хотя в нашей справедливой помощи отказа не будет, но я не могу заверить его, что этой помощи будет достаточно» [2].

В беседе с датским посланником 6 июня Стэнли сказал, что английское правительство рекомендует датскому не доверять никаким примирительным предложениям, исходящим от Бисмарка [3]. Пример «воздержания», поданный английским правительством, не мог остаться без последствий в Париже и в Вене, что и было отмечено английским посланником в Копенгагене [4], осмелившимся ввиду этого возразить против лондонских советов «недоверия» к бисмарковским предложениям и сказать, что «логичнее» (не мог же он сказать «честнее!») «было бы советовать датчанам придти к какому бы то ни было полюбовному соглашению с «могущественным соседом» [5].

В этом совете датчане уже не нуждались. «История вообще, а наша в особенности,— сказал в начале декабря 1867 г. г. Фриис только что назначенному посланником в Копенгагене Моренгейму, будущему активному участнику создания франко-русского альянса,— учит нас, что обычно за счет малых государств разрешаются крупные конфликты и что в последнем счете они, говоря вульгарным языком, платят за разбитые горшки» [6].

Со своей стороны, Моренгейм считал, что длительный датско-германский спор может привести только к разделу Дании между Пруссией и Швецией: Пруссии — Ютландия, Швеции — острова [7], следствием чего, пугал он князя Горчакова, будет охват «германизмом и скандинавизмом второго конца Прибалтики и закрытие ими ее выходов и входов. Безразлично ли это с точки зрения интересов России?..» Между тем «не новым же Лондонским трактатом можно предлагать Дании обеспечить свое существование!» И любезно-предостерегающе добавлял: «Как вы часто провозглашали и доказали на деле, gouverner c'est prévoir» [8].

Дальнейшее обострение отношений между правительством Наполеона III и Бисмарком ознаменовалось взрывом парламентского красноречия в Париже в защиту «бедной Дании», «попранной справедливости», «поруганных прав малых наций» и т. д. Это подняло новую волну воинственного жара в Дании, где не все, конечно, понимали, что «эти так называемые друзья малых государств имеют целью только замутить воду!» — как негодующе писал Моренгейм князю Горчакову 10 января 1868 года [9]. Итальянский посланник в Копенгагене считал, что датский кабинет поддался в марте 1868 г. подстрекательству «друзей малых государств» в расчете на европейскую войну и на возможность форсировать вмешательство своих «друзей» собственной решимостью; он передал в Рим следующие слова, будто бы сказанные датским министром иностранных дел: «Согласию на условия, которые нам навязывает Пруссия, я предпочитаю видеть Копенгаген занятым ее войсками» [10]. Датский посланник в Берлине сказал Моренгейму в апреле 1868 г., что «Дания, конечно, предпочла бы восстановить свою национальную целость мирными путями и быть обязанной этим России и ее императору, но она не откажется, если другого средства нет, от достижения этого войною, при содействии Франции» [11].

Обострение франко-прусских отношений, хотя и возбуждало несбыточные надежды в Дании, но не облегчало задачи датской дипломатии. Английское правительство считало, что непосредственной опасностью для него является не победа, а разгром Пруссии и усиление наполеоновской империи. Оно поставило себе задачей использовать континентальную войну для того, чтобы перехватить у Франции Суэцкий канал, а в дальнейшем и Египет, а для этого и для противодействия России сблизиться с прусским правительством, отвлекая его от слишком тесного сближения с Россией. Для царского же правительства был уже решен вопрос

[1] Сборник, стр. 153.
[2] Там же, стр. 157.
[3] Там же, стр. 162.
[4] Там же, стр. 168. Французское правительство не преминуло заявить датскому, что именно «воздержание» Англии парализует его деятельность в пользу Дании (там же, стр. 259).
[5] Там же, стр. 183.
[6] Там же, стр. 259.
[7] Эту опасность некоторые датские государственные деятели считали весьма реальной не только тогда, но и 5 августа 1914 г.— в день обсуждения вопроса о минировании датских проливов.
[8] Сборник, стр. 271—272.
[9] Там же, стр. 274.
[10] Там же, стр. 330.
[11] Там же, стр. 379.

об обеспечении за собой поддержки Пруссии для освобождения России от цепей Парижского трактата 1856 г. и для обеспечения спокойствия на западных границах России в период неизбежного противодействия Англии к этому освобождению и подчинению Бухары и Хивы русскому влиянию. Обеспокоенный, повидимому, горячей «бисмаркофобией» Моренгейма, князь Горчаков писал в мае 1868 г. посланнику в Париже Убри:

«Я не знаю, достаточно ли Моренгейм проникся моими разъяснениями по вопросу о Шлезвиге... Необходимо прежде всего, чтобы маленькое дело не вредило большим делам» [1].

Ближайший сотрудник Фриса по министерству иностранных дел Ведель говорил Моренгейму 17 мая, что если только Пруссия не вернет Дании Зундевитт и Альсен, то в Дании «не может быть правительства, которое не было бы вынуждено выступить против Пруссии вместе с ее врагами» [2]. Но Моренгейм перед этим сам писал Горчакову, что «антанта с Пруссией — краеугольный камень нашей политики» [3], и рекомендовал Веделю благоразумие и спокойствие, продолжая, впрочем, доказывать Горчакову, что цель бисмарковской политики— «прикрепить Ютландский полуостров к германскому континенту» [4]. «Если можно что-нибудь назвать туманным призраком, то это именно скандинавизм»,— писал Моренгейм 26 октября 1868 года. «Конечно, если Дании, как государству, суждено исчезнуть; если Пруссия, поставившая себе задачей уничтожить ее, сумела бы, обеспечивши себе и впредь безнаказанность, вычеркнуть ее из списка живых, осуществивши ее раздел, то архипелаг сам по себе не имел бы достаточных данных для независимого существования и вошел бы в состав, подобно Норвегии, триединой Северной монархии. Но до тех пор нельзя говорить о скандинавизме, как возможной политической системе. Дания — это антискандинавизм» [5].

«Идея скандинавизма,— писал в июле 1868 г. английский посланник в Копенгагене лорду Кларендону,—никогда не приобретет реального значения, так как шведы и норвежцы понимают, что все выгоды такого тесного союза достанутся на долю Дании, а им — все его опасности и отрицательные стороны» [6].

Бельгийский посланник в Копенгагене писал 5 августа 1869 г. своему министру иностранных дел:

«Реализация скандинавских идей не находит никакой серьезной поддержки в Швеции и особенно в Норвегии... Скандинавизм в Швеции и в Норвегии — не более, как мечта нескольких умов, соблазненных современной теорией, которую известная политика (намек, надо думать, на дипломатию Наполеона III.—*Е. А.)* стремится применять к территориальным разграничениям; он никогда не выйдет из ничтожной роли, которую играл до сих пор... Действительно, чем была бы эта новая Кальмарская уния, как не союзом трех слабых государств, бессилие которых вскрыто было бы затруднениями, порожденными самим этим союзом. Им не по силам было бы бороться с опасностями, которые возникли бы на почве недоверия и стремлений Германии и России... И если бы Дания, не полагаясь на свою жизнеспособность, попыталась как утопающий ухватиться за другие скандинавские страны с риском потопить тех, кто не может ее спасти, то эти страны отклонили бы такой союз, как дар, все пагубные последствия которого для них были бы ясны» [7].

Английский представитель в Копенгагене, сообщая об исходной «аксиоме» Фриса, что Пруссия стремится поглотить Данию, писал в ноябре 1868 г. лорду Стэнли: «Могу добавить, что его пр-ство (Фрис.—*Е. А.)* ясно понимает, что великие державы считают весь вопрос (датско-прусский.— *Е. А.)* деталью местного значения и что даже прусская оккупация Ютландии и Зеландии может расцениваться как чисто балтийский инцидент» [8].

Этот английский дипломат (g. Strachey) считал, что между правительством Дании и общественным мнением нет единства. Фрис говорил ему в это время, что он «скорее умрет, чем пошлет датскую армию воевать вместе с Францией», что хотя «примерно половина национал-либералов считает возможным вернуть потерянное нами с французской помощью, но королевское правительство умнее чем эти господа доктринеры», и что большинство датчан «даже в Копенгагене поддержит и даже, может быть, потребует соблюдения абсолютного нейтралитета в отношении Пруссии и Франции». Ведель теперь считал Люксембург, Мексику, Ментону и изданные Наполеоном III карты будущей Европы признаками близкого крушения карьеры Наполеона III и говорил, что Дания «смотрит на вторую империю, как на тонущий корабль, с которым нельзя связывать свою судьбу». Тем не менее сам Strachey держался другого мнения:

«Широкие общественные круги настроены далеко не так, как правительство. Весьма значительная и увеличивающаяся часть датчан считает, что Пруссия поглотит в недалеком будущем то, что осталось от Дании. Далекие от мысли (высказанной Кромвелем, когда Карл Густав Шведский предложил ему раздел Дании), что «прошло время, когда позволительно было уничтожать целые «монархии» [9], они думают, что дни Дании и Швеции сочтены... Поэтому они готовы попытаться «спасти свое существование и национальную независимость в союзе с Францией и при помощи других держав, которых датская фантазия добавляет к этому союзу. Сомнительно, чтобы в слу-

---

[1] Сборник, стр. 408.
[2] Там же, стр. 437.
[3] Там же, стр. 410.
[4] Там же, стр. 480.
[5] Там же, стр. 505.
[6] Там же, стр. 601—602.
[7] Сборник, стр. 603—604.
[8] Там же, стр. 513.
[9] В кавычках автором письма цитируются слова Кромвеля.

чае войны между Францией и Пруссией нынешний или какой-либо другой кабинет был в состоянии провести до конца политику воздержания» [1].

Не удивительно, что французские агенты видели и рисовали будущее в еще более приятных для их правительства тонах. «Если война между Пруссией и Францией разразится,— писал французский консул в Киле 2 февраля 1869 г. министру иностранных дел Наполеона III,— то не может быть сомнений в союзе Дании с нами. Возможно, что некоторые персонажи достаточно ограниченного политического понимания желают и попытаются поддерживать вначале нейтральную позицию и что двор присоединит свои усилия к усилиям этих Прюдомов [2], но я совершенно убежден, что король, который никогда не делает того, что он хочет [3], будет увлечен нацией и будет превращен в хорошего и верного союзника Франции. Воля датского народа достаточно сильна,— заключал совсем в стиле упомянутого им Прюдома кильский консул,— чтобы сломить волю придворной партии» [4].

[1] Сборник, стр. 529—530.

[2] Т. е. напыщенных обывательских ничтожеств.

[3] Подчеркнуто в оригинале.

[4] Сборник, стр. 557. Дотезак, французский посланник в Копенгагене, поддерживавший тесную связь с антипрусской частью датского правительства, гораздо трезвее смотрел на положение вещей чем кильский консул (см. там же, стр. 585—588). Английский посланник писал в декабре 1869 г. из Копенгагена: «Общественное мнение здесь разделилось в оценке благоразумия пассивной политики, проводимой здешним правительством. Демократическая крестьянская партия в общем, скорее, равнодушна к судьбе шлезвигских датчан: один из ее представителей недавно жаловался на «вой по поводу провинции, отошедшей от Дании по трактату». Национал-либералы, состоящие главным образом из лавочников, купцов и профессоров, желают, чтобы гр. Фриис занял более «импонирующую» позицию» (там же, стр. 637—638).

Что касается шлезвиг-гольштинского дворянства («Rittershaft»), то правильную характеристику этого «рыцарства» дал французский дипломат герцог де Грамон в депеше Друэн де Люису от 24 февраля 1866 г.: «Вся Европа знает, в какой мере гольштинское рыцарство заслуживает симпатии и уважения: это датчане до тех пор, пока они могли удерживать в своих руках все доходные и почетные должности датского королевского дворца, и пруссаки с того дня, когда берлинский двор гарантировал им такое же почетное положение и сохранность их привилегий, но всегда движимые интересами касты или личными мотивами без тени какого-либо патриотизма» (цит. Jessen «L'Intervention de la France dans la question du Slesvig du Nord», p. 105). Прусская партия в Шлезвиге состояла, по словам французского консула в Киле, из этого же дворянства, крупных собственников, верхнего слоя городского купечества, чиновников и «двух десятков профессоров Кильского университета» (там же, стр. 106).

Диаметрально противоположное освещение дает положению дел в Дании посланник США в Копенгагене в своей депеше Гамильтону Фишу от 22 апреля 1869 года:

«Энтузиазм в отношении покровительства и спасительной миссии императора и Франции значительно понизился. Увеличилось понимание того факта, что только политика выгоды и интереса, а не чувства и может и должна быть единственной причиной и силой союзов, что вопрос о герцогстве и о пражском договоре не будет поводом к войне ни для одной из великих держав, хотя он может быть использован для вовлечения самой Дании в войну, что... в случае поражения существование королевства окажется поставленным на карту ради возвращения небольшой территории, Франция же ради получения рейнской границы может в крайнем случае согласиться на получение Пруссией «компенсации» и «исправления границ» в Ютландии» [5].

Окончательные выводы из фактов и событий 1864—1869 гг. резюмированы двумя сентенциями. Первая из них принадлежит барону Моренгейму и делает бесспорно честь ее автору своей краткостью и содержательностью:

«Ничто не совершенно в этом мире, даже и Пруссия!» [6].

Вторая — графу Фриису:

«Умнее всех поступит тот,— сказал датский граф великодержавному барону в разговоре о неминуемой войне между Францией и Пруссией,— кто сумеет на время нырнуть в глубину, чтобы, вновь вынырнувши, ответить, как Сийес после террора: «J'ai vécu!..» [7].

Что касается английской дипломатии, то последнее ее слово в этом деле было сказано ее копенгагенским представителем, предложившим лорду Кларендону простой способ осчастливить обе стороны и вместе с тем вытеснить французское влияние из Дании и остаться в пальмерстоновской роли миротворца, покровителя малых наций, защитника справедливости и права: предложить Дании и Пруссии согласиться на то, чтобы прекратились всякие дальнейшие разговоры по поводу «французской» 5-й статьи пражского договора (несмотря на то что Бисмарк сам предлагал незначительное исправление границы в северном Шлезвиге), а за то облагодетельствовать Данию «общей гарантией нейтралитета или неприкосновенности Ютландии и датских островов» [8].

Как известно, Бисмарк обошелся без английского посредничества: Австрия за Боснию и Герцеговину заплатила ему на Берлинском конгрессе подписанием соглашения об аннулировании 5-й статьи пражского договора.

Е. Адамов

[5] Сборник, стр. 583.

[6] Там же, стр. 585.

[7] Там же, стр. 615.

[8] Там же, стр. 646.

ХРОНИКА

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Сессия Отделения истории и философии Академии наук СССР 26—27 мая 1940 года

1. Обсуждение макетов II и III томов многотомника «История СССР». Доклад акад. Б. Д. Грекова.

I и II томы «Истории СССР», составленные Институтом истории материальной культуры, касаются, с одной стороны, еще доклассового общества, с другой стороны,— древнего периода истории, характеризующегося производственными отношениями, в основе которых лежит труд раба. Во II томе ставится вопрос о кризисе рабовладельческого общества и о появлении на сцене варварских обществ. В частности во II томе излагается ранняя история славян, рассказывается о культуре славян, о начатках и первых этапах классового общества у славян.

II том «Истории СССР», как отмечает акад. Греков, в сравнении с первоначальным макетом значительно переработан, в частности значительно больше места отведено истории славян, но необходимо в томе уточнить терминологию и, например, такие термины, как «племенной союз» и «племенное объединение», а также необходимо уточнить периодизацию древнейшей истории славян.

III том «Истории СССР», писавшийся Институтом истории АН, начинается с истории Киевского государства. Принципиальных разногласий между авторами II и III томов нет, есть только известная неувязка в терминах, которую необходимо будет устранить.

В III томе, в истории Киевского государства, различаются два периода: дофеодальный и феодальный. Параллельно рассматривается вопрос о феодальной раздробленности, которая трактуется как результат внутреннего роста отдельных земель, создавшего предпосылки распада варварского (Киевского) государства. Здесь же решается и вопрос об образовании трех ветвей русского народа: украинской, белорусской и великорусской народностей.

В эпоху феодальной раздробленности различаются также два периода: первый — возникновение феодальной раздробленности и второй — период подготовки объединения Руси. Во втором периоде идет процесс складывания внутреннего рынка, усиливается рост производительных сил и создаются предпосылки объединения Руси. Хотя процесс создания нации начинается еще задолго до этого времени, но более благоприятные условия для него появляются только в конце XIV — XV века. Москва побеждает своих конкурентов и становится во главе создающегося национального государства.

Непреодолимой пока трудностью и во II и в III томах является вопрос о взаимной увязке истории отдельных народов, в особенности это нужно сказать о периоде феодальных отношений.

В заключение акад. Греков подчеркивает, что многотомники «Всемирная история» и «История СССР» составляются одним научным учреждением, почему необходимо, чтобы они с начала до конца были проникнуты единством взглядов по всем проблемам исторического процесса, что должно, в частности, выражаться в единстве периодизации и в единстве терминологии.

Проф. М. Н. Артамонов указывает, что он не раз уже выступал по вопросу о том, как построен II том «Истории СССР», и все существенное было им уже сказано. Он также указывает, что по сравнению с первоначальным вариантом II том сейчас значительно переработан, целый ряд глав написан заново, сделано это на основе большого количества замечаний и пожеланий, поступивших в редакцию тома. Проф. Артамонов считает, что терминологическую неувязку между II и III томами необходимо устранить. В результате редакционной работы над II томом многие разногласия в среде историков, вызванные трактовкой некоторых вопросов в томе, отпадут.

Проф. А. Д. Удальцов обращает внимание на то, что во II томе существует противоречие между основанной на археологическом материале, вполне правильной характеристикой готской культуры и основанной на письменных источниках характеристикой политической роли готов. Во II томе роль готов в Причерноморье расценивается как прогрессивная, а роль гуннов — как регрессивная. Гунны разрушили очаги рабовладения в Причерноморье и расчистили путь феодализму — едва ли это можно считать регрессом.

А. Д. Удальцов возражает против гипотезы, что гунны двигались в Западную Европу только через бассейн Днестра, он считает вполне возможным их движение и через бассейн Припяти. Недостатком II тома является игнорирование вопроса о литовском языке и литовских древностях, а также то, что при разрешении вопросов этногенеза привлекается только археологический материал и не используются данные лингвистики.

Акад. Н. С. Державин предлагает вместо термина «племенной союз» принять термин, употребляемый Энгельсом,— «союз племен».

Проф. М. И. Артамонов в заключительном слове говорит, что проблема готско-гуннского периода в истории нашей страны является одной из самых сложных и наименее разработанных. Написанное по этому вопросу во II томе нужно рассматривать как результат известной исследовательской работы. Во II томе приводятся, в частности, свидетельства источников и о непрочности готского союза племен, о чем говорил А. Д. Удальцов. М. И. Артамонов настаивает на том, что гунны в нашей стране сыграли регрессивную роль потому, что хотя они и уничтожили рабовладение, но в то же время разрушили античную культуру, в результате чего, например, земледелие в Причерноморье было восстановлено только в VIII в., через несколько столетий после гуннского нашествия. Археологические памятники говорят в пользу движения готов на запад только по Днестру. Материалы о литовских древностях необходимо привлечь, так же как и лингвистические источники.

Акад. А. М. Деборин, резюмируя результаты обсуждения, констатирует, что переработанный II том «Истории СССР» следует признать вполне удовлетворительным, а также, что переработка и редактирование III тома протекают вполне нормально. К 20 июня Главной редакции предлагается оба тома сдать в печать. Институту истории материальной культуры предлагается к 1 июля подготовить к печати I том «Истории СССР».

2. Доклад доктора исторических наук Н. В. Пигулевской: «Сирийские источники по истории народов СССР».

V и VI вв. н. э.— один из наименее изученных периодов истории народов СССР. Тем большее значение приобретают впервые привлекаемые источники на сирийском языке. Сирийцы, жившие на территории как Ирана, так и Византии, держали в своих руках нити торговли не только в пределах Передней Азии, но и со Средиземноморьем и Дальним Востоком. Благодаря этому в поле их зрения оказались народы и государства, населявшие в прошлом территорию СССР.

У сирийских историков имеются сведения о грозных врагах Ирана на его среднеазиатской и прикаспийской границах. Еще в IV в. гунны-кидариты, прозванные в отличие от «прочих» гуннов белыми, вынуждали Иран держать в напряжении все свои силы. Во второй половине V века, разбитые шаханшахом Перозом, кидариты потянулись в Северную Индию; их сменила мощная полукочевая орда эфталитов, образовавшая обширное государство Средней Азии — от Хотана до берегов Аму-Дарьи. Сирийские, греческие и китайские источники позволяют во всей остроте поставить вопрос о взаимоотношениях между кочевниками и древними культурными народами. Согды и хорезмийцы под владычеством эфталитов, а с 60-х гг. VI в. подчиненные тюркскому каганату, продолжали заниматься не только сельским хозяйством, но и процветавшими у них ремеслами, в частности обработкой шелка и торговлей.

На восточном побережье Каспийского моря орды белых гуннов образовали родоплеменное государство у Чола (Чора), близ Красноводского залива. Западное прибрежье Каспия и области на север от него были заняты множеством собственно гуннских племен. Сирийский источник 555 г. сообщает замечательные данные об армянской и сирийской миссиях к ним и о переводе писания на язык гуннов.

Выдающийся интерес имеют сведения сирийского историка Иоанна Эфесского об аварах и славянах. Начав свою жизнь нищим клириком, в расцвете лет Иоанн был видным епископом, но кончил свои дни в заточении (586). Принятый при дворе Юстиниана, Иоанн подолгу живал в Константинополе, и сам испытал страх и ужас перед аварскими и славянскими полчищами. Он говорит не только об их случайных, отдельных походах, а и о том, что они «расположились и живут спокойно в ромейских областях». Называя славян «грубыми» людьми, он имеет в виду их варварство и в прошлом страх «показываться вне лесов и защищенных деревьями (мест)». К концу VI в. они уже «были обучены воевать не хуже ромеев», разбогатели, имели множество золота и скота.

Академики Греков, Струве и член-корреспондент АН проф. Пичета отмечают важность работы тов. Пигулевской для истории славянства. Отделение истории и философии, по их предложению, постановило принять эту работу к скорейшему печатанию.

3. Доклад проф. А. Ю. Якубовского «Итоги археологического изучения Средней Азии».

Впервые научно-археологическое изучение Средней Азии началось в 1867 г., когда Археологическая комиссия направила туда молодого в то время, крупного востоковеда Лерха.

Докладчик излагает историю археологических изысканий в Средней Азии до Великой Октябрьской революции и, в частности, указывает, что, по сути дела, действительно научные работы в Средней Азии начинаются с начала 90-х гг., когда в 1890—1893 гг. молодой еще тогда археолог, впоследствии академик Бартольд, продолжая работу Лерха, совершил путешествие в Семиречье. До Октябрьской революции для изучения Средней Азии больше всего сделали трое: Лерх, Бартольд и Жуковский. Изучались главным образом развалины Афросиаба, близ Самарканда, и городища в Мерве.

Широкое археологическое изучение Средней Азии начинается только после Великого Октября. Им занимаются не только наши центральные научные учреждения, но и местные работники. Начиная с 20-х гг., в Среднюю Азию систематически направляются научные экспедиции, а за последние годы они работают там постоянно. Докладчик особо отмечает 1932—1933 гг., которые были чрезвычайно богаты в смысле археологического изучения Средней Азии, в частности в 18 км от Термеза был найден скульптурный фриз с изображением трех музыкантш, представляющий собой замечательный памятник культуры кушанского времени; в верховьях Зеравшана был найден архив, состоящий из согдийских документов на коже и палках. В 1934 г. Эрмитаж совместно с местными археологами обследовал Кампыр-Дуван — остатки стен и целой системы укреплений, построенных земледельческим населением Средней Азии по границе культурной, земледельческой полосы для защиты от нападений кочевников.

В 1937 г. были начаты раскопки в Хорезме под руководством С. П. Толстова и Тереношкина; интересную работу в 1936—1937 гг. проделала археологическая экспедиция по изучению Термеза. Большое значение имеют работы Бернштама, начатые в 1936 г. и продолжающиеся и сейчас.

Археологические работы в Советском Союзе развернулись очень широко, и работающие в Средней Азии с гордостью могут сказать, что нет больше крупных вопросов по истории культуры Средней Азии, где историк мог бы обойтись без археолога и его исследования.

4. Доклад проф. С. П. Толстова «Основные особенности древней хорезмийской цивилизации».

Археологическое исследование Хорезма было поставлено в качестве одной из важнейших задач археологии Средней Азии уже с первых лет создания ГАИМК. Первая экспедиция, в 1928—1929 гг., возглавлявшаяся А. Ю. Якубовским, дала большие результаты. С тех пор работы в Хорезме велись почти непрерывно, ими был охвачен целый ряд археологических памятников как правого, так и левого берегов Аму-Дарьи. В настоящее время вновь открыто до 200 памятников, охватывающих период от II тысячелетия до н. э. и до XIV—XV вв. н. э. Открыт целый ряд культур: кельтоминарская культура, представляющая собой совершенно своеобразную культуру бронзового века, или энеолита; таза-бабьянская культура, относящаяся к эпохе, когда население Хорезма начинало переходить к земледелию и скотоводству; амирабидская культура, которую можно считать непосредственной предшественницей культуры античного Хорезма. Вопрос о начале земледелия на основе больших ирригационных сооружений в Хорезме пока не может быть решен с достаточной достоверностью из-за недостаточности известных памятников этого периода. Особенно богатым материалом в результате раскопок мы располагаем теперь для времени, которое можно назвать кангюйско-кушанским, охватывающим период с II в. до н. э. до III—IV столетий н. э.— эпохи подлинного расцвета древнехорезмийской цивилизации. Сеть оросительных каналов была значительно расширена, были освоены новые участки земли. При раскопках найдено большое количество художественных произведений этого времени, главным образом керамики.

Далее докладчик останавливается на характеристике найденного при раскопках хорезмийского вооружения, изображений одежды древних хорезмийцев, на характеристике древнехорезмийской архитектуры, вскрытой работой экспедиций, в частности говорит об эволюции типа поселений.

Для кангюйской эпохи господствующим типом сельского населения является большая укрепленная деревня, центром ее было высокое здание, которое в древних арабских источниках именуется «дом огня»: это — святилище огня и дом общественных собраний, а также цитадель крепости.

В кушанскую эпоху картина довольно существенно меняется. Из общины выделяются отдельные дворы, занимаемые большими семьями, однако остающимися жить в пределах одного селения. Центром такого селения является уже не «дом огня», а усадьба правителя деревни, представителя местной знати.

В следующую, аффригидскую эпоху появляется третий тип развития хорезмийской оседлости. С одной стороны, это большая укрепленная усадьба крупного представителя хорезмийской аристократии, в то же время и крестьянские семьи имеют свои замки с башнями и бойницами, причем это,— несомненно, не крепостное крестьянство. Чрезвычайная укрепленность всех этих сооружений говорит о неспокойном, бурном времени.

В заключение тов. Толстов выражает уверенность, что если раскопки будут продолжаться в таком же темпе впредь, то через небольшое количество лет удастся написать связную, богатую историю одной из древнейших культурных областей нашей родины.

Отделение истории и философии признало большую важность археологических работ в Средней Азии, постановило принять меры к изданию материалов археологических экспедиций и ходатайствовать перед Президиумом АН об обеспечении средствами дальнейших археологических работ в Средней Азии.

В Институте истории АН СССР

◆ 20 мая 1940 г. в секторе истории СССР до XIX в. Института истории АН СССР состоялся доклад члена-корреспондента АН СССР С. В. Бахрушина на тему «Предпосылки образования всероссийского рынка в XVI веке».

Вопрос об образовании всероссийского

рынка — один из важнейших вопросов истории СССР, имеющий огромное значение для правильного разрешения проблемы создания русского национального и многонационального государства. В своей работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» Ленин дал руководящие указания историкам для разрешения этого вопроса. «Если можно было говорить о родовом быте в древней Руси,— пишет Ленин,— то несомненно, что уже в средние века, в эпоху московского царства, этих родовых связей уже не существовало, т. е. государство основывалось на союзах совсем не родовых, а местных: помещики и монастыри принимали к себе крестьян из различных мест, и общины, составлявшиеся таким образом, были чисто территориальными союзами. Однако о национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить в то время: государство распадалось на отдельные земли, частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. д. Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было не родовыми связями... и даже не их продолжением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок» [1].

Указав на большую важность изучения процесса возникновения всероссийского рынка, докладчик проф. С. В. Бахрушин отметил, что эта проблема еще недостаточно выяснена в нашей исторической литературе. В то время как одни исследователи (Н. Л. Рубинштейн) относят начало этого процесса к XVII в., другие (И. И. Смирнов) — к более раннему периоду — к XV и даже к XIV векам.

Докладчик считает, что начало сложения всероссийского рынка можно наблюдать уже в XVI в., особенно во второй его половине.

Доклад проф. Бахрушина был построен только отчасти на печатных работах. Основным материалом для доклада послужили неопубликованные первоисточники, извлеченные из архивов: приходо-расходные книги и различные монастырские материалы, как иммунитетные жалованные грамоты, уставные и таможенные грамоты, писцовые книги.

Основные положения доклада С. В. Бахрушина сводятся к следующему. Важнейшим моментом в образовании рыночных связей между отдельными областями является общественное разделение труда, выражающееся в развитии ремесленного производства, работающего на рынок, и сосредоточение ремесла в городах. XVI век в хозяйственной жизни Московского государства характеризуется как раз особенно заметным ростом общественного разделения труда. Это выражается в развитии ремесла, особенно по линии производства предметов первой необходимости, а также и продуктов питания, предназначенных для продажи. Правда, в помещичьих хозяйствах продолжает существовать еще крепостное домашнее ремесло, но в XVI в. вотчинное ремесло уже не удовлетворяет потребностям феодального хозяйства и феодалы все более и более обращаются на рынок за покупкой различных предметов и продуктов и прибегают к найму вольных ремесленников.

В связи с ростом и усилением ремесла, развитием его специализации находится и тот значительный рост городов, который отмечают источники XVI века. Города становятся средоточием ремесленного производства. Рядом со старыми городами возникают и растут новые ремесленные центры. В XIII—XV вв. город имеет черты разросшейся владельческой усадьбы. В XVI в., особенно во второй половине XVI в., город все более становится торгово-промышленным центром определенной округи. Для XVI в. характерна также большая специализация ремесла: если в Киевской Руси исследователи насчитывали 34 названия отдельных ремесел, то для XVI в. их отмечено уже более 200.

Развитие ремесла способствовало отделению города от деревни. Хотя даже в таких больших городах, как Новгород, Псков и др., городские жители еще продолжали заниматься земледелием и на городской территории находились их «нивки», но в целом население города XVI в. уже не производило ни хлеба, ни других продуктов питания — основная масса городского населения должна была приобретать продукты питания на рынке.

На основании анализа приходо-расходных книг монастырей и других источников докладчик показывает развитие товарно-денежных отношений в экономике XVI в. и рост городов, как торгово-промышленных центров. В торговые обороты города втягивался и примыкающий к нему округ; докадчик указывает, что со второй половины XVI в. учащаются сведения об образовании сельских торжков и ярмарок; некоторые из этих торжков и ярмарок получили довольно большое значение в хозяйственной жизни страны (Весьегонская, Пустозерская ярмарки и др.).

По иммунитетным монастырским грамотам, таможенным грамотам и другим источникам докладчик проследил образование обширных областных рынков, которые все ближе связываются между собой. Москва, Новгород, Казань, Псков, Тверь, Рязань, Нижний Новгород и другие города Московского государства представляют собой крупные торговые центры, стягивающие к себе товары из различных местностей и ведущие торговлю с очень отдаленными районами. Так например Казань вела торговые сношения с такими отдаленными от нее пунктами, как Тверь, Псков и др.

Для XVI в. характерно также образование особых центров ремесленного производ-

[1] Ленин. Соч. Т. I, стр. 73.

ства и производства сырья. Эти центры снабжали своей продукцией самые далекие части Московского государства. Так, Устюжна Железнопольская снабжала железными изделиями огромный край, деревянные изделия калужских кустарей вывозились далеко от места их изготовления и т. д.

В XVI в. растут и развиваются также центры транзитной торговли, связывающие отдельные областные и местные торговые центры и ярмарки. Например Каргопольский соляной торг был тесно связан с рынками и севера и юга. Для многих товаров таким транзитным торговым центром была Москва, через которую проходили всевозможные товары, распределявшиеся затем по всем рынкам. Развитие внешней торговли также ускоряло процесс концентрации местных рынков.

Докладчик подробно показывает, как развитие торговли и промышленности и укрепление связи между отдельными рынками отражались в социальных изменениях, происходивших в городе. в частности в усилении диференциации городского населения и обострении классовой борьбы в городе, росте торговой буржуазии. Из среды сельского населения выделяется заметная группа торговцев-крестьян. Этими социальными изменениями объясняются, по мнению докладчика, также и некоторые изменения в экономической политике феодального государства — некоторое ограничение иммунитетов, препятствовавших развитию торговли, попытка регламентации цен на хлеб и т. д.

Таким образом, во второй половине XVI в. уже сложились те явления в области рыночных отношений, которые затем в XVII в. получили более отчетливое, хотя еще и не полное выражение. Докладчик считает, что эти выводы и наблюдения относительно процесса образования всероссийского рынка подтверждаются и изменениями, происходившими в то время в области политической. В XVI в. складывается централизованная феодальная монархия Ивана IV и уничтожаются остатки феодальной раздробленности.

Выступавшие в прениях по докладу подчеркнули важное значение обсуждаемой темы и проведенную докладчиком большую работу, основанную на изучении огромного конкретного исторического материала по первоисточникам. Проф. А. А. Савич, акад. Б. Д. Греков и другие привели новые факты, подтверждающие широкое развитие ремесла и торговли в Московском государстве XVI века. Акад. Греков подчеркнул также, что С. В. Бахрушин убедительно, на конкретных данных, показал роль внутреннего рынка впротивовес Покровскому и его «школе», затушевывавшим важную роль внутреннего рынка.

Проф. К. В. Базилевич указал, что в XVI в. мы имеем уже развившееся несколько ранее территориальное разделение труда, имеющее большое значение для образования всероссийского рынка.

Соглашаясь с выводами докладчика, что все важнейшие моменты для образования всероссийского рынка имеются уже во второй половине XVI в., многие выступавшие в прениях товарищи (акад. Б. Д. Греков, проф. М. Н. Тихомиров, А. Н. Насонов и др.) указывали, что начало этого процесса необходимо искать еще раньше — в начале XVI и даже в XV веке. В. И. Шунков в своем выступлении указал, что в характеристике экономики XVI в. желательно подробнее показать борьбу противоположных тенденций и сил, создающих единый всероссийский рынок и противодействующих им.

В заключительном слове С. В. Бахрушин подчеркнул, что необходима еще дальнейшая исследовательская работа по изучению сдвигов в развитии торговли и ремесла, которые происходили в XVI в. и создали предпосылки всероссийского рынка.

И. Ганичев

Защита диссертации Н. С. Волковым

◆ 10 мая 1940 г. на заседании ученого совета Института истории Н. С. Волков защищал на степень доктора исторических наук диссертацию «Возникновение и первые этапы развития советской авиации». Ч. 1-я. «Развитие авиации в России до Октябрьской революции» (1900—1917 гг.). 474 стр. рукописи. Ч. 2-я. «Развитие советской авиации до конца гражданской войны» (1917—1922 гг.). 457 стр. рукописи [1].

Во вступительном слове тов. Волков отметил, что он стремился изобразить не только этапы развития, но и «исторические корни советской авиации».

В диссертации показывается, в каких тяжелых условиях рождалась наша отечественная авиация, насколько неблагоприятной была в царской России обстановка для работы изобретателей и конструкторов.

Мировая война с неумолимой жестокостью вскрыла промышленную отсталость царской России; все усилия наладить в течение войны авиационное производство в стране не увенчались успехом.

Центральным в этой части диссертации является вопрос о боевых действиях авиации в мировую войну. На основании архивных материалов диссертант показывает, что и над морем и над сушей русские летчики вели во время войны большую работу. Но и тут летчики были поставлены царским правительством в очень тяжелые условия. Знаменитый летчик Нестеров в 1914 г. первый таранил неприятельский самолет сверху и затем трагически погиб. В его гибели, несомненно, играла какую-то роль тяжелая обстановка, созданная для него и для все-

[1] Основные выводы диссертации были изложены т. Волковым в статье «Ленин—Сталин и авиация». См. «Историк-марксист» № 1 за 1939 год.

го его авиационного отряда царским генералом Драгомировым.

Вторая часть диссертации охватывает 1917—1922 годы. В диссертации показывается расслоение в авиационных частях перед Октябрем. Временное правительство пыталось использовать авиацию против революции. Большая работа, проведенная большевистскими организациями в авиационных частях, не дала возможности врагам бросить самолеты против революционного Петербурга.

На конкретных примерах в диссертации показано участие летчиков в Октябрьской революции в Москве, Петрограде и особенно в Киеве.

Высшее руководство советской авиацией осуществлялось Лениным и Сталиным, Советом рабоче-крестьянской обороны. В. И. Ленин поставил целый ряд вопросов в отношении авиации, некоторые из них актуальны и сегодня. Помимо ссылок на Ленинские сборники в диссертации приведено до 50 документов В. И. Ленина и до 30 документов товарища Сталина, связанных с авиацией.

В диссертации подчеркивается огромное значение ленинских высказываний для авиационного строительства и показывается роль советской авиации в гражданской войне, внимание, уделявшееся авиации наиболее выдающимися командирами Красной Армии — Чапаевым, Щорсом и др.

В процессе подготовки диссертации тов. Волковым были изучены соответствующие документы в 15 архивохранилищах. Кроме того диссертант в своей работе широко использовал воспоминания летчиков, инженеров, техников, ученых, причем 50 человек были опрошены им самим, и их воспоминания были записаны.

Член-корреспондент АН СССР И. И. Минц (официальный оппонент) прежде всего отмечает огромную работу, проделанную тов. Волковым по собиранию материала для диссертации. Диссертант не только изучил большое количество дел во всех известных архивах: им вытащен на свет исключительного интереса и ценности материал. В то же время тов. Волкову удалось дать и серьезное исследование по истории нашей советской авиации. Многое из того, что он говорит о первых шагах нашей авиации, о первых ее теоретиках и практиках, появляется в печати впервые. Материалы же, собранные тов. Волковым о действиях русской боевой авиации в период империалистической войны, несомненно, заставят пересмотреть ряд оценок операций старой армии, начиная с операции в Восточной Пруссии. Много интересного и нового подобрано тов. Волковым по истории завоевания кадров авиации на нашу сторону после Октябрьской революции. Особенно удачной является часть диссертации, посвященная периоду гражданской войны; тов. Волков сумел также очень хорошо показать героические действия наших авиаторов.

Показав впервые в нашей литературе гениальную прозорливость Ленина и Сталина, сумевших по-настоящему оценить авиацию и руководивших ею во время гражданской войны, собрав десятки очень интересных, ценных и неопубликованных высказываний Ленина об авиации, диссертант, к сожалению, не выделил эти высказывания в самостоятельную главу и, приводя их, очень часто повторяется.

К числу недостатков работы относится, по мнению тов. Минца, погоня диссертанта за каждым, иногда очень мелким фактом из истории авиации и стремление поместить такой факт во что бы то ни стало в диссертацию. Попадаются в диссертации и спорные выводы. Есть много общих мест, есть места неудачные в стилистическом отношении.

Доктор экономических наук Вишнев С. М. (официальный оппонент) отметил также, что тов. Волков в своей диссертации всесторонне изучил историю авиации, уделил много внимания авиационной промышленности в Советском Союзе в эпоху гражданской войны, многие из приводимых им данных о состоянии авиационной промышленности публикуются впервые. Недостатком диссертации в данном отношении является то, что не дано картины роста авиационной промышленности — состояние авиационной промышленности представлено статически.

Доктор технических наук Б. Н. Юрьев (официальный оппонент) отмечает большую и добросовестную работу, проделанную тов. Волковым. Ему удалось в своей диссертации выявить работу наших конструкторов, показать, что многие изобретения, которые выдаются заграницей за оригинальные, в действительности были начаты у нас.

В диссертации недостаточно обобщений. Следовало бы также дать бо́льшее освещение технических моментов в развитии авиации. Отсутствует в диссертации иллюстративный материал: фотографии, чертежи. Некоторые главы диссертации недостаточно обработаны в литературном отношении.

Все официальные оппоненты признали, что тов. Волков показал себя серьезным научным работником и имеет бесспорное право на степень доктора исторических наук.

После официальных оппонентов выступил целый ряд товарищей из среды присутствовавших на защите диссертации. Почти все они также отмечали большую важность и большое значение проделанной тов. Волковым работы, в частности обилие в диссертации ссылок на первоисточники, впервые найденные тов. Волковым:

тов. Россинский Б. И. (заслуженный пилот Советского Союза) выражает сожаление, что тов. Волков, работая над диссертацией, недостаточно использовал «живую книгу истории авиации» — воспоминания «живых людей», которые с самого зарождения советской авиации принимали участие в ее строительстве;

тов. Будницкий И. (кандидат экономических наук) говорит, что выводы тов. Волкова страдают общностью и неконкретностью;

тов. Воробьев Б. Н. (заведующий архивом Аэрофлота имени Циолковского) особенно положительной чертой диссертации считает то, что тов. Волков покончил с легендой о «русском лапте», т. е. с легендой об исконной якобы технической неспособности русского народа, в частности и в области авиационного строительства;

тов. Дузь П. Д. (кандидат технических наук) отмечает, что заглавие диссертации не вполне соответствует ее содержанию, так как основная часть работы посвящена дореволюционной авиации;

тов. Баевский (Институт истории) говорит, что тов. Волков отлично справился со своей задачей, встал на правильный путь освещения истории авиации как части истории нашей родины. Достоинством диссертации является также и то, что в ней показана происходившая вокруг авиации острая классовая борьба, вскрывается вредительская деятельность агентов империализма — троцкистов и бухаринцев, — стремившихся затормозить развитие авиации;

тов. Грацианский (летчик-испытатель) считает, что «это первая серьезная работа по освещению первых этапов нашей русской авиации и авиации гражданской войны»;

генерал-майор Строев М. П. в своем выступлении целиком присоединяется к положительной оценке диссертации тов. Волкова.

Кроме того выступали со своими замечаниями тт. Вейгелин К. Е. и Шлуков А.

В заключительном слове тов. Волков, принимая в общем замечания первого оппонента тов. Минца, возражает ему по отдельным вопросам.

Тов. Вишнев упрекал диссертанта в недостатке внимания к вопросам техники; между тем технике и, в частности, капиталистической технике авиационного строительства в диссертации отведено соответствующее место. Тов. Волков отмечает, что тт. Дузь и Будницкий только просмотрели диссертацию непосредственно перед защитой, почему их указания на недостатки диссертации недостаточно обоснованы, в частности неверно утверждение, что в диссертации нет выводов, касающихся специфики нашей авиации. Самым важным выводом диссертант считает, что «народ поддержал авиацию, из гущи народных масс вышли первые энтузиасты авиации», что «в России была слаба промышленная и экономическая база и энтузиасты из народа на своем горбу вывезли это дело», и второе, что Октябрьская революция сделала авиацию государственным делом.

В тайном голосовании принимало участие 13 членов ученого совета, 11 голосов было подано за присуждение тов. Волкову ученой степени доктора исторических наук. 2 воздержались.

О научно-исследовательской работе Центрального архива Октябрьской революции

В Центральном государственном архиве Октябрьской революции НКВД СССР в основном сконцентрированы материалы за период с 1917 по 1925 г. (по отдельным фондам до 1930 г.).

ЦГАОР располагает документальными источниками величайшего исторического значения. В его хранилищах сосредоточено около четырех с половиной тысяч фондов с полутора миллионом единиц хранения. Материалы эти в основном упорядочены и вполне доступны для исследователя.

В ЦГАОР кроме того собраны центральные и местные газеты, дающие исследователю богатейший дополнительный материал к изучаемой им теме. Из этого огромного количества документов почти не тронуты исследователями материалы, освещающие вопросы экономического и советского строительства в СССР, вопросы культурной революции.

Научное использование хранящихся в ЦГАОР материалов идет по двум направлениям: по линии работы научно-исследовательского отдела ЦГАОР и по линии работы читального зала ЦГАОР.

Развитие научно-исследовательской работы в СССР, особенно в области исторической науки, настоятельно требует от архивных органов серьезной, большевистской работы по выявлению и опубликованию исторических документов. Исходя из этого и руководствуясь неоднократными директивами партии и правительства и личными указаниями товарища Сталина о всестороннем развитии исторической науки, ЦГАОР строит план своей научно-публикаторской работы.

ЦГАОР выявляет документы и готовит их к изданию или отдельными сборниками, или в форме публикаций в исторических журналах. Отдельные научные сотрудники работают над диссертациями.

В настоящее время в ЦГАОР ведется работа над сборниками документов: «Ленинский декрет о земле в действии», «История электрификации СССР». Совместно с секретариатом редакции «Истории гражданской войны» готовятся сборники: «Документы Великой пролетарской революции», т. II (из протоколов и переписки Московского и районных военно-революционных комитетов), «Документы Великой пролетарской революции», т. III (из протоколов и переписки местных военно-революционных комитетов). Готовится к печати сборник «Большевистские листовки в Красной Армии в годы гражданской войны». Сборник этот явится первой попыткой освещения политико-просветительной работы Красной Армии как в частях, так и среди населения.

Научные сотрудники ЦГАОР работают над подготовкой к опубликованию документов в исторических журналах по ряду актуальных тем.

Так, в № 3 «Красного архива» публикуются материалы Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1923 г.; кроме того

готовятся работы по следующим темам: «Организация снабжения Красной Армии в годы гражданской войны», «Красная Армия в восстановлении народного хозяйства», «Снабжение партизанских отрядов», «Партии меньшевиков и эсеров на службе империалистов», «К истории единой трудовой школы» и др.

В целях более полного практического использования архивных материалов и облегчения работы исследователя, занимающегося в читальном зале ЦГАОР, в Архиве ведется работа по тематическому каталогу и составляется путеводитель по фондам, сконцентрированным в ЦГАОР.

В работе ЦГАОР большое место занимает читальный зал, где занимаются ученые нашей страны по самым разнообразным темам.

Академики, профессора, научные работники со всех концов Советского Союза приезжают для работы в ЦГАОР: с Дальнего Востока, Украины, Удмуртии, Белоруссии, Казахстана, Ленинграда и т. п.

Преподаватели истории народов СССР, основ марксизма-ленинизма, научные сотрудники, аспиранты, студенты исторических и экономических институтов, военных академий и др. являются частыми посетителями читального зала ЦГАОР.

За первую половину 1939 г. в читальном зале ЦГАОР работало 188 человек, сделавших 1006 посещений, им было выдано 1534 дела.

За 5 месяцев 1940 г. в читальном зале ЦГАОР работало 279 человек, сделавших 1350 посещений. Было выдано 2059 дел и 1289 газет.

Наметившаяся более тесная связь Центрального государственного архива Октябрьской революции с научно-исследовательскими учреждениями нашей страны позволит гораздо шире развернуть работу Архива по выявлению и подготовке к изданию необходимых документов.

Шепелева

Научная работа кафедры истории СССР Архангельского педагогического института

Самостоятельная кафедра истории СССР в Архангельском пединституте организована только с ноября 1939 года. До того была одна общая кафедра истории.

Кафедра состоит преимущественно из молодых вузовских работников, преподающих в Институте 1—2 года, но обладающих значительным педагогическим стажем. Основной задачей научной работы была подготовка всех 4 молодых членов кафедры к сдаче кандидатского минимума и сбору материалов для кандидатской диссертации. Члены кафедры считают целесообразным брать местные темы для диссертации, используя богатые архивные фонды, в связи с чем начата работа в местном облархиве: тов. Иванова знакомится с материалами по истории колонизации Севера, тов. Карягина — по истории крестьян XVIII в. и тов. Агапов — с материалами об интервенции на Севере в 1919—1920 годах.

По инициативе кафедры был подготовлен к печати сборник статей, посвященных великому русскому ученому М. В. Ломоносову. Для сборника зав. кафедрой проф. Ключков М. В. написал статью «Жизнь и научно-просветительная деятельность Ломоносова» и тов. Иванова К. М.— «Юбилей Ломоносова в старое время и при советской власти».

Кафедра стремится втянуть в научную работу и представителей средних школ, помогает им организовать работу в архиве, ряд преподавателей разрабатывает вопросы колонизации Севера, интервенции на Севере, Север в поэзии Ломоносова. Однако надо признать, что втягивание учительства и студентов в научную работу еще только начато.

В связи с 175-летием со дня смерти Ломоносова (15 апреля 1940 г.) при участии членов кафедры в апреле текущего года в фойе Большого театра была организована выставка. Она состояла из 14 разделов. Экспонатами были отображены: эпоха М. В. Ломоносова, его родина, пребывание в Москве, Киеве, заграницей, в С.-Петербурге (1741—1765), охарактеризованы его научное и литературное творчество: Ломоносов как физик и химик, как естествоиспытатель, исследователь Арктики, как поэт и писатель, родоначальник русского литературного языка и стихосложения, как деятель Академии наук, как просветитель; литературное наследие Ломоносова; социалистическое строительство, связанное с памятью Ломоносова: школы, библиотеки, памятники, культучреждения, носящие имя Ломоносова.

В дополнение к этой выставке при консультации членов кафедры облмузеем была организована особая выставка.

Экспонаты выставок, кроме копий рукописей, фотоснимков, гравюр, картин и прочих материалов, взятых из Академии наук, музеев и библиотек Ленинграда и Москвы, представляли собой материалы, полученные Институтом на месте, в Архангельске, при участии кафедры. Из этих экспонатов особый интерес вызывали: 1. Самая ранняя подлинная подпись 15-летнего Ломоносова, с текстом в несколько строчек на порядной записи 1726 г. по постройке Куростровской церкви. Интересно отметить, что в ней нет ни одной орфографической ошибки. Рукопись хранится в облмузее; там же хранятся несколько фамильных документов Ломоносовых от начала XVIII в. 2. Прекрасный портрет М. В. Ломоносова в красках XVIII в. неизвестного художника (приписывается Лампи). 3. Бюст Ломоносова, сделанный из мамонтовой кости, художественной работы, по заказу Пединститута и кафедры, изготовленный Костерезной школой имени Ломоносова к ны-

нешнему юбилею. 4. Фотоснимки современной Ломоносовки, ее хозяйственных и культурных учреждений. 5. Картина художника Румянцева: «Земляки у М. В. Ломоносова».

Выставка была открыта с 15 до 31 апреля; ее посетило несколько десятков тысяч трудящихся, учителей и школьников города и области.

Члены кафедры поддерживают постоянную и тесную связь со средней школой и активно участвуют в общественной работе. Они ведут систематическую работу по пропаганде идей марксизма-ленинизма (тт. Иванова, Сабурова, Агапов, Клочков), делали перед общественностью доклады в дни юбилеев товарища Сталина, Н. Г. Чернышевского, М. В. Ломоносова и др. Всего членами кафедры прочитано свыше 65 лекций.

Члены кафедры поместили ряд статей в местной прессе: в журнале «Большевистская мысль» и в газете «Правда Севера» (о Чернышевском, Ломоносове и др.); тт. Клочков и Иванова приготовили статьи для сборника Института.

Ближайшими очередными задачами кафедры являются повышение научной активности ее членов, усиление работы по сбору местных материалов для диссертаций, разработка документов местных архивов; втягивание студентов-отличников и учителей в научную работу; установление более тесной связи кафедры истории СССР со средней школой и учительской массой.

М. Клочков

Научно-исследовательская работа исторического факультета Ростовского на Дону государственного педагогического института

Исторический факультет Ростовского педагогического института имеет две кафедры: всеобщей истории и истории СССР, объединяющих коллектив научных работников в 18 человек. За последние годы коллективом проведена довольно значительная научно-исследовательская работа. Главное внимание уделялось разработке диссертационных тем.

Проф. Иванов А. И. закончил и представил к защите диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук — «Чечня и Дагестан в 60—70-х гг. XIX в.». В своей работе автор на основе большого архивного материала впервые освещает очень важный период истории народов Восточного Кавказа.

Доц. Миллер М. А. представил к защите кандидатскую диссертацию на тему «Род и его разложение в бассейне Нижнего Дона» и заканчивает докторскую диссертацию «Скифосарматский период и греческая колонизация в Приазовье».

И. о. доц. Цветков В. А. закончил кандидатскую диссертацию «Аграрный вопрос в германской социал-демократической партии».

Сотрудники кафедр Линевская С. М., Аникин И. С., Кадаров Х. М. и Наумов В. Е. собирали и обрабатывали материалы для диссертаций.

Помимо работы над диссертациями отдельные члены кафедр написали ряд научных и научно-популярных статей для центральных и местных изданий. Так, проф. Иванов А. И. представил две статьи в «Исторический журнал»: «Из прошлого чеченского народа» (напечатано в № 12 за 1937 г.) и «Социально-экономическое и политическое положение Дагестана до завоевания русским царизмом» (напечатано в № 2 за 1940 г.) — и две статьи в «Исторические записки» Института истории Академии наук СССР: «Восстание в Чечне в 1877 г.» и «Национально-освободительные движения на Северо-Восточном Кавказе в 60—70-х гг. XIX в.», которые будут опубликованы в ближайших выпусках. Кроме того проф. Иванов А. И. подготовил ряд статей для «Ученых записок» Ростовского педагогического института.

Доц. Миллер М. А. написал статьи «Первобытное общество в низовьях Дона» для «Ученых записок» Ростовского пединститута, «Редкая находка» (сосуд с зерном из сарматского погребения) для «Сборника» Ростовского на Дону музея краеведения и «Танаис», изданную Ростиздатом в 1939 году. Кроме того Миллером сделан доклад о «Неандерталоидных чертах на неолитических черепах Приднепровья» на состоявшейся в 1939 г. в Киеве Всесоюзной конференции об ископаемом человеке.

И. о. доц. Цветков В. А. подготовил для «Ученых записок» Ростовского пединститута статью «Вопрос о социализации в германской революции 1918 г.» и поместил ряд научно-популярных статей в местной газете «Молот».

И. о. доц. Линевская С. М. написала статью для «Ученых записок» Пединститута — «Художественная литература в курсе новой истории».

17—18 мая 1939 г. исторический факультет провел научную конференцию, на которой выступали с докладами: М. Корчин — «Приезд товарища Сталина и Орджоникидзе в г. Ростов в 1912 г.», доц. Раенко Я. — «Борьба за ленинско-искровские организации и рабочее движение на Дону в 1902—1903 гг.», проф. Иванов А. — «Восстание в Чечне в 1877 г.», доц. Цветков В. — «Февральско-мартовские бои германского пролетариата в 1919 г.» и студент Панасаюк — «Реформа 1861 г. на Дону». Конференция вызвала большой интерес среди студенчества и учительства Ростова и прошла весьма оживленно.

С осени 1939 г. при кафедре всеобщей истории введена аспирантура. В настоящее время работают три аспиранта по истории средних веков. С 1940 г. открывается аспирантура при кафедре истории СССР.

Следует отметить активное участие сту-

дентов в научной работе исторического факультета. При кафедрах работали студенческие кружки по древней истории, истории средних веков, новой истории и истории СССР. Некоторые из докладов, заслушанных на собраниях кружков, представляли большой интерес.

В 1938 г. под руководством Миллера М. А. студентами проведено 4 археологических разведки по обследованию древних погребений в окрестностях Ростова и по сбору материалов. В 1939 г. истфаком организована была археологическая экспедиция на Нижне-Гниловское городище. Отчет об экспедиции будет опубликован во втором выпуске «Ученых записок» исторического факультета Пединститута.

А. Иванов

Конкурс на лучший студенческий доклад на истфаках Московского областного и Московского государственного педагогических институтов

На истфаках Московского областного и Московского государственного педагогических институтов подведены итоги состоявшегося в 1939—1940 учебном году конкурса на лучший студенческий письменный доклад в семинарах и научных кружках.

Конкурс показал, что определенная часть студентов умеет подходить самостоятельно, серьезно и вдумчиво к исследовательской работе, давать обобщения и выводы.

Вторую премию по истфаку МОПИ получил студент Г. Луняк за работу на тему «Черты родового строя древних финнов по «Калевале».

Автор, работая над этой темой, естественно, столкнулся с необходимостью самостоятельного научного анализа и исследования материалов поэмы. Доцент Золотарев в своем отзыве на работу указывает, что т. Луняк справился с этой задачей, и что эта работа «после некоторого сокращения, литературной обработки и упорядочения научного аппарата заслуживает опубликования в печати».

Доцент Редер в своем отзыве на эту работу, соглашаясь с оценкой доцента Золотарева, указывает, что «основные выводы автора свежи, оригинальны и убедительны».

Третьей премии удостоился доклад студента МОПИ тов. Дорбиняна на тему «Государство солнца» Кампанеллы. По заключению профессора Поршнева автор построил свой доклад «на тщательном изучении текста «Государства солнца» Кампанеллы и всей основной литературы, имеющейся на русском языке». Работа эта служит доказательством серьезного отношения автора к теме. Он хорошо изложил биографию Кампанеллы и довольно полно осветил идеи Кампанеллы.

Некоторые доклады показали умение студентов разбираться в сложном конкретном материале и давать вполне зрелые выводы по малоисследованным вопросам, что говорит о хорошей подготовленности лучшей части студенчества. Такова, например, работа т. Кудрявцевой (студентка III курса МГПИ) «Восстание в Башкирии в 1740 г. под руководством Карасакала». Положив в основу своего исследования обширную публикацию Историко-археографического института Академии наук[1], т. Кудрявцева одновременно привлекла целый ряд других источников.

Проф. В. Н. Бочкарев отметил, что т. Кудрявцева подошла к исследованию материала весьма вдумчиво и дала совершенно новое освещение башкирского движения 1740 года и особенно его вождя Карасакала. Последний выступает на страницах работы т. Кудрявцевой как прекрасный организатор, вышедший из трудовых слоев башкирского народа. Профессор Бочкарев считает, что работа т. Кудрявцевой заслуживает напечатания.

С точки зрения умения самостоятельно работать над историческими материалами значительный интерес представляет доклад студента IV курса МГПИ т. Морозова на тему «Демократическое движение в Римской республике в 63—62 гг. до н. э.» Проф. Дьяков отметил, что «работа т. Морозова написана на основании тщательно изученного документального материала и представляет собой самостоятельное исследование». Автор, подвергнув критике буржуазных авторов, выдвинул целый ряд самостоятельных, вполне обоснованных положений.

Хорошего отзыва и первой премии удостоилась работа студентки III курса МОПИ т. Куликовой, посвященная теме из аграрной истории Франции XIII в. Доцент Фрязинов и проф. Поршнев в своих отзывах указали на то, что избранная автором тема «является мало разработанной историками и основана на тщательном анализе первоисточников — «Поэмы о версакских вилланах». Кроме того автор использовал также специальную французскую и русскую литературу. Результаты анализа в основном правильны, и тема охвачена довольно разносторонне». Проф. Поршнев и доцент Фрязинов отметили в работе т. Куликовой также и отдельные недостатки, которые могут быть устранены.

Заслуживает внимания доклад т. Бровера «Групповой брак у гиляков». Автор писал эту работу на конкурс по своему выбору и инициативе. Она представляет собой результат последующей двухлетней работы над докладом, прочитанным автором на студенческом кружке в 1938 году.

---

[1] «Материалы по истории Башкирской АССР». Ч. 1-я. М. и Л. 1936.

Доцент Золотарев в своем отзыве на эту работу указывает, что автор «сумел основательно разобраться в брачной организации гиляков. Он тщательно проработал литературу и изложил тему весьма ясно и последовательно».

Отмечая в ней отдельные незначительные недостатки, т. Золотарев указывает, что «работа, дающая внимательный и для студента II курса вполне самостоятельный анализ группового брака гиляков, заслуживает быть отмеченной на конкурсе как выдающаяся». По решению конкурсной комиссии эта работа будет напечатана в «Ученых записках» МОПИ.

Названные доклады не исчерпывают перечня работ, представленных на конкурс и получивших хороший отзыв. Краткие итоги конкурса убедительно говорят о значительном росте молодых кадров историков-марксистов.

М. О.

Заседание, посвященное памяти О. А. Добиаш-Рождественской

Кафедра истории средних веков Ленинградского государственного университета посвятила недавно свое очередное заседание памяти скончавшейся 30 августа 1939 г. Ольги Антоновны Добиаш-Рождественской, члена-корреспондента Академии наук СССР и долголетнего профессора Ленинградского государственного университета, первой в России женщины, получившей звание магистра и затем доктора всеобщей истории.

С речами, посвященными памяти О. А. Добиаш-Рождественской, выступили проф. И. М. Гревс, доц. А. Д. Люблинская и доц. Е. Ч. Скржинская.

Проф. И. М. Гревс поделился с собравшимися воспоминаниями о совместной с О. А. Добиаш-Рождественской работе, начавшейся в аудитории Высших женских курсов в Петербурге и не прерывавшейся до конца ее жизни.

Ольга Антоновна ряд лет проработала в семинарах по раннему средневековью проф. Гревса, обнаружив прекрасное знание языков и все качества подлинного историка-исследователя. Получив научную командировку в Париж, она работала под руководством проф. Ланглуа в известной школе Хартий. Там ею была написана защищенная в 1911 г. в Сорбонне докторская диссертация «Церковное общество Франции XIII века». Эта работа была крайне неодобрительно встречена французскими клерикальными кругами. По возвращении в Россию О. А. ведет большую преподавательскую работу, она защищает диссертацию на звание магистра, а затем и доктора всеобщей истории (в 1918 году).

Доц. А. Д. Люблинская посвятила свое выступление О. А. Добиаш-Рождественской как ученому. Она сообщила, что учтено 129 научных работ О. А., из них 18 монографий; в личном архиве О. А. имеется много ненапечатанных работ.

О. А. училась у Ланглуа и Лота, но неверно было бы думать, что она некритически воспринимала школу этих французских ученых. Методологические установки Ланглуа были органически чужды О. А., которая не могла согласиться с трактовкой труда историка как «невидимого монтажера источников» (Ланглуа). Первая диссертация О. А. о церковном обществе XIII в. основана на изучении дел по жалобам приходского духовенства, чем объясняется враждебность клерикальной Франции к этой работе.

15 лет своей работы О. А. отдала палеографии; для О. А. палеография была прежде всего интегральной частью истории культуры. Интерес О. А. к культуре средневековья определил появление ряда ценных ее работ — о быте средних веков, об университетах, о голиардах. О. А. подошла к занятиям палеографией зрелым и крупным ученым; эта полоса ее жизни тесно связана с раскрытием бесценных сокровищ Государственной Публичной библиотеки.

В Публичную библиотеку О. А. привела своих учеников. Уникальные рукописи Публичной библиотеки стали тщательно изучаться, был задуман каталог рукописей. В последние годы под редакцией О. А. вышел ряд сборников (Акты Кремоны, Агрикультура в памятниках средневековья). О. А. принадлежит и единственное русское пособие по палеографии («История письма в средние века»), недавно вышедшее вторым изданием. Много внимания О. А. последние месяцы уделяла работе над статьями по истории культуры раннего средневековья для издаваемой Академией наук «Всемирной истории».

Доц. Е. Ч. Скржинская поделилась воспоминаниями об О. А. Добиаш-Рождественской как мастере педагогического труда. Педагогические приемы О. А. были своеобразны и глубоки: она никогда не говорила о любви к науке, но умела внушать эту любовь своим ученикам. О. А. была требовательна, даже строга к другим и к себе. Вместе с тем она была глубоко гуманным, сердечным и отзывчивым человеком.

Заседание кафедры было многолюдным, на него пришли многочисленные ученики покойной, ее друзья и товарищи по работе, представители Академии наук СССР, Института истории АН, Государственной ордена Трудового красного знамени Публичной библиотеки в Ленинграде и других учреждений, аспиранты и студенты исторического факультета Ленинградского государственного университета. Память О. А. Добиаш-Рождественской была почтена вставанием.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

По поводу заметки А. Пьянкова «Одно забытое иностранное известие о рабстве в Киевской Руси»*.

Известия иностранцев о нашей стране и народах, ее населявших, тем ценнее, чем они старше; для XI—XII вв., например, тут ценным и важным является решительно все, вплоть до мелочей. Заметка А. Пьянкова привлекла внимание читателей к действительно малоизвестному отрывку из «Деяний св. Олафа»[1], что, без сомнения, полезно. Этим, однако, и ограничивается ее полезность, так как, по существу, произведение А. Пьянкова, хоть и заслуживает гласной оценки, но вовсе не в смысле похвалы.

Заметка содержит перевод первой и пересказ второй части XIX главы «Деяний св. Олафа», а кроме того рассуждения и некоторые «выводы» автора. Качество всего этого легко установить путем ознакомления с подлинным текстом памятника. Он невелик и кое в чем действительно интересен. Позволяю себе привести его полностью в возможно точном переводе, а рядом — необходимые параллели из перевода и пересказа А. Пьянкова. Пользуюсь изданием, указанным в заметке, то есть, «Monumenta Historica Norvegiae». Kristiania, 1880, pp. 143—144.

«Деяния св. Олафа, короля и мученика». Глава XIX.

	У А. Пьянкова
Некий варяг (varingus) на Руси купил раба, юношу доброго нрава, но немого. Так как сам о себе он ничего сказать не мог, то оставалось неизвестным, какого он племени (gentis). Однако, ремесло, которому он был уже обучен, показывало, что он бывал среди варягов, ибо умел выделывать оружие, ими употребляемое.	...купил в России раба, способного и рослого юношу. Неизвестно, какого он был рода (gentis), так как... давало ему возможность жить среди варягов.
После того как он, перепродаваемый, долгое время служил разным господам, попал он наконец к некоему купцу, который по благочестивому побуждению (pietatis intuitu) разрешил ему узы рабства (снял с него рабское иго).	Он довольно долго избавлялся от продажи на различные хозяйственные надобности, потом он оказался... ...ему облегчил ярмо рабства по мотивам расположения (pietatis).
Получив свободу, прибывает он в город, называемый Хольмегардер (Новгород), и обретает приют на правах гостеприимства в доме некоей благочестивой женщины (matronae). Там он оставался несколько дней.	
Эта женщина, усердно почитавшая святого мученика Олафа, всечасно припадала [к ногам его] с молитвами в его церкви. И вот в ночной час видит, будто, она перед собой святого мученика Олафа, повелевающего ей привести вышесказанного юношу с собой в церковь, что она тотчас, к утреннему часу, и исполняет.	Пропущено
Когда же они вместе пришли в церковь, юноша немного спустя впал в сон, и, как обнаружилось, по лицу и одежде, тот же, кто прежде, явившись женщине (mulieri prius apparens), велел привести его для исцеления в церковь (curandum ad ecclesiam adduci praecepit), теперь, явившись отроку (puero apparens), божьей споспешествующей милостью даровал ему исцеление.	...юноша, прислуживавший ранее женщине (qui mulieri prius apparens (Sic! — *С. А.*), был отдан на попечение церкви (curandum ad ecclesiam adduci) и определен прислуживать при богослужении.

---

* См. «Историк-марксист» № 3 за 1940 г., стр. 136.

[1] В подлиннике «Acta», а не «Vita», то есть «Деяния», а не «Житие».

Это сопоставление показывает, что наиболее существенные места подлинника А. Пьянковым не поняты и вместо перевода им кое-где даны просто собственные измышления. Уже и это не очень прилично: любой наш студент-историк вполне в силах поправить такого «переводчика».

Гораздо хуже, однако, то, что «переводчик» пытается с полной серьезностью делать какие-то выводы на основании вкривь и вкось толкуемого им текста. По его мнению, «рассказ еще раз свидетельствует о том, что в XI—XII вв. рабство на Руси исчезало». Между тем из подлинного текста памятника совершенно неизвестно, на Руси ли действительно получил освобождение юноша-раб, как неизвестно, «какого он племени» (славянин, литовец, эст?), не говоря уже о том, что единичный случай, при любом понимании, ни о чем не может «свидетельствовать», когда речь идет о целой эпохе.

Сожалея, далее, что «в рассказе не сообщается, на каких условиях купец предоставил свободу своему рабу», автор заметки считает не исключенным, «что раб-ремесленник получил возможность выкупиться у своего хозяина, использовав его расположение к себе». На самом же деле, хотя об условиях освобождения в подлиннике не сказано прямо, но судить о них можно, и суждение это не совпадет с мнением А. Пьянкова. По точному тексту «Деяний», никаких «мотивов расположения» у купца не было, а действовал он «по благочестивому побуждению», то есть, как нередко говорится в актах, «pro salute animae suae» — «ради спасения души своей». В таких же случаях выкуп — вещь очень мало вероятная.

На этом неосновательном допущении А. Пьянков строит свои дальнейшие рассуждения. Он считает, что выкупившийся (!) юноша «оказался на положении изгоя»; что «в качестве такового он «прислуживал»[1] в Новгороде женщине, а потом он стал «прислуживать» церкви[2]. А. Пьянков отмечает важность свидетельства о городском изгое и, забыв осторожность, с какой высказано было им предположение о выкупе, в конце страницы довольно решительно заявляет: «Если раб-ремесленник мог выкупиться у своего хозяина-«купца», то мы должны допустить, что он, будучи рабом, работал не только на хозяина, но и на других лиц».

Все это, в качестве вывода из рассматриваемого памятника, явно построено на песке и не выдерживает самой снисходительной критики.

Выдумывая разные вещи от себя, А. Пьянков упускает из виду единственную, с точки зрения историка культуры, пожалуй, действительно стоящую внимания мелочь — свидетельство «Деяний» о наличии в Новгороде (в XII в.) церкви св. Олафа[3].

В целом работу нельзя признать удовлетворительной и, как бы сама по себе она ни была маловажна, заслуживает принципиального осуждения самый факт подачи ее для напечатания в научном советском журнале. Просто обойти молчанием этот факт нельзя.

С. Аннинский

О т р е д а к ц и и. Приводимые тов. С. А. Аннинским отрывки текста «Деяний св. Олафа» ясно показывают, что тов. А. Пьянков в некоторых важных местах неправильно перевел подлинник, а сделанные тов. Пьянковым довольно широкие выводы основаны на его личных домыслах, не вытекающих прямо из смысла подлинного текста «Деяний св. Олафа».

---

[1] Кавычки А. Пьянкова.

[2] О чем, как мы видели в подлиннике, нет ни слова.

[3] Ср. в наших летописях (Новгород. 1-й и 3-й) неоднократные упоминания о «варяжской церкви», «варяжской божнице» в Новгороде, однако без имени патрона. ПСРЛ. Т. III, стр. 11, 18, 35, 63, 216. Указание на (готскую) церковь св. Олафа в Новгороде содержит только договор 1270 г.; ср. В. С. И к о н н и к о в Опыт русской историографии. Т. II. Кн. 1-я, стр. 624. Прим. I. Киев. 1908.

ОТ РЕДАКЦИИ

В нашем журнале была опубликована статья тов. Кара-Мурзы «Китай в 1918—1924 годах» (см. «Историк-марксист» № 5—6 (75—76) за 1939 г., стр. 150—167). Публикуя эту работу как вариант одной из глав второго тома учебника новой истории колониальных и зависимых стран для высших учебных заведений, редакция, учитывая важность вопросов, изложенных в работе тов. Кара-Мурзы, и спорность трактовки автором ряда положений, рассчитывала, что читатели и в первую очередь специалисты в этой области истории откликнутся на нее своими критическими замечаниями и тем самым помогут автору, а также и сектору новой истории колониальных и зависимых стран Института истории АН СССР в их работе над учебниками для высших учебных заведений и для средней школы. В ответ на приглашение редакции прислали свои замечания тт. Ефимов Г. (Минск), Миндлин (Баку), Коган А. (Москва), Мордвинов (Москва), Войтинский Г. (Москва) и члены кафедры новой истории зависимых и колониальных стран Московского института истории, философии и литературы имени Н. Г. Чернышевского. Наряду с положительными оценками этой работы тов. Кара-Мурзы в присланных замечаниях дана основательная критика ряда положений автора. Вследствие обширности полученных замечаний и недостатка места в журнале редакция лишена возможности опубликовать их. Все присланные материалы редакция направила в сектор новой истории колониальных и зависимых стран Института истории АН СССР. Присланный критический материал будет учтен сектором в дальнейшей работе над вторым томом учебника.

Редакция «Историка-марксиста» выражает свою признательность всем товарищам, приславшим свои замечания.

SOMMAIRE:

ARTICLES: A. Milstein. L'insurrection armée de Sibérie en 1905.— Y. Osnos. De l'histoire des intellectuels après la révolution d'Octobre.— G. Khatchapouridzé. Le mouvement social et politique de la Géorgie dans la seconde moitié du XIX-e siècle. — D. Zandberg et K. Schwetz. L'article de Köppen: «Les historiens berlinois». — K. F. Köppen. Les historiens berlinois. — Lettre de Köppen adressée à K. Marx le 3 juin 1841.— S. Bouchouev. L'histoire russe d'après les démocrates révolutionnaires (V. Bélinski, N. Tchernychevski, N. Dobrolioubov).— K. Iouchtchak. La guerre en Chine et la politique des États-Unis. CRITIQUE et BIBLIOGRAPHIE. CHRONIQUE. Lettre à la Rédaction.

CONTENTS:

ARTICLES: A. Milsteinn. The armed uprising in Siberia in 1905.— Y. Osnos. Pages from the post-October history of the intelligentzia.— G. Khachapuridze. The Social and political movement in Geogria in the second half of the nineteenth century.— D. Sandberg and K. Shvetz. Notes on K. F. Köppen's article «The Berlin Historians».— K. F. Köppen. The Berlin Historians—Letter from Köppen to Karl Marx. June 3. 1841.— S. Bushuyev. Russian history as seen by revolutionary democrats (V. Belinsky, N. Chernyshevsky and N. Dobrolubov).— K. Yushchak. The war in China and the policy of the USA. CRITICISM and BIBLIOQRAPHУ. CURRENT HISTORУ.— Letter to the editor.

INHALT:

ARTIKEL: A. Milstein. Der bewaffnete Aufstand in Siberien im Jahre 1905.— J. Osnos. Aus der Geschichte der Intelligenz nach der Oktoberrevolution.— F. Chatschapuridse. Die soziale und politische Bewegung in Georgien in der zweiten Hälfte des neunzehnten Jahrhunderts.— D. Sandberg und K. Schwez. Uber K. F. Köppens Aufsatz «Die Berliner Historiker».— K. F. Köppen. Die Berliner Historiker.— K. F. Köpperns Brief an K. Marx. vom 3. Juni 1841.—S. Buschujew. Die Geschichte Russlands in der Beleuchtung der revolutionären Demokraten (W .Bjelinski, N. Tschernyschewski, N. Dobroljubow).— K. Juschtshak. Der krieg in China und die Politik der Vereinigten Staaten von Amerika.— KRITIK und BIBLIOGRAPHIE. CHRONIK. Brief an die Redaktion.

Адрес редакции: Москва, Волхонка 14, ком. 113. Тел. К 0-70-16.

А30988. Изд. № 832. Зак. № 2541. Тираж 35 000.
Материал сдан в набор 9/VII 1940 г. Подп. к печати 21/VIII 1940 г. 68 000 п. зн. в п. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.